Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования
«Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»

На правах рукописи

Россинский Сергей Борисович

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ «НЕВЕРБАЛЬНЫХ» СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ

Специальность: 12.00.09 – уголовный процесс

Диссертация на соискание ученой степени
доктора юридических наук

Научный консультант:
доктор юридических наук,
профессор Л.А. Воскобитова

Москва – 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ……..4

ГЛАВА 1. Методологические основы формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий как средств уголовно-процессуального познания……..……29

§ 1.1. Генезис и тенденции развития понятия и сущности доказательств в уголовном судопроизводстве……..…29

§ 1.2. Процессуальное познание как гносеологическая основа доказывания в уголовном судопроизводстве……..…45

§ 1.3. Вербальный и «невербальный» способы познания в уголовном судопроизводстве……74

§ 1.4. Сущность результатов «невербальных» следственных и судебных действий в системе средств процессуального познания……110

ГЛАВА 2. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с другими средствами познания в уголовном судопроизводстве…….143

§ 2.1. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с показаниями……144

§ 2.2. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами……...164

§ 2.3. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с «иными» документами……...193

§ 2.4. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с результатами «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий……218

ГЛАВА 3. Процессуальный механизм формирования результатов «невербальных» следственных действий……...……..250

§ 3.1. Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела……..…250

§ 3.2. Понятие и система «невербальных» следственных действий……..278

§ 3.3. Проблемы производства отдельных «невербальных» следственных действий……292

§ 3.4. Особенности производства некоторых «невербальных» следственных действий в форме специальной операции……318

§ 3.5. Проблемы судебного контроля за производством «невербальных» следственных действий……336

ГЛАВА 4. Процессуальный механизм формирования результатов «невербальных» судебных действий……..363

§ 4.1. «Невербальные» судебные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела……363

§ 4.2. Судебный осмотр……393

§ 4.3. Судебное освидетельствование, судебный эксперимент, предъявление для опознания в судебном заседании……..…417

ЗАКЛЮЧЕНИЕ……...441

БИБЛИОГРАФИЯ…… 458

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. Переход Российской Федерации к новым политическим и социально-экономическим отношениям, признание приоритета прав и свобод личности, ратификация международно-правовых документов в этой области обусловили существенное изменение концептуальных подходов к предварительному расследованию и судебному разбирательству уголовных дел. Итоги реформирования процессуального законодательства, судебной системы и правоохранительных органов показывают неизбежность определения для современной России собственного пути дальнейшего развития уголовного судопроизводства, с одной стороны, отвечающего существующим международным стандартам, а с другой – учитывающего национальные традиции и богатый опыт, накопленный в этой сфере за многие годы. Уголовно-процессуальный кодекс РФ, построенный на характерных для демократического государства правовых идеях, закрепляя важнейшие гарантии осуществления правосудия, содержит целый ряд принципиально новых положений, коснувшихся практически всех аспектов деятельности органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры, суда, а также иных участников уголовного судопроизводства. Очевидно, что указанные законодательные новеллы не могли не затронуть механизмов познания и доказывания обстоятельств уголовного дела, осуществляемых в настоящее время в условиях состязательности, свободы оценки доказательств, презумпции невиновности, обеспечения прав и свобод личности и других важнейших принципов уголовно-процессуальной деятельности. Эти вопросы остаются или недостаточно исследованными, или остро дискуссионными.

Различные аспекты теории, нормативного регулирования и практики уголовно-процессуального познания и доказывания, в частности отдельных видов доказательств, традиционно являлись и продолжают оставаться предметом научных дискуссий. Причем в настоящее время, благодаря современным достижениям философии, психологии, психофизиологии и других наук, изучающих

сущность и процессы восприятия и осмысления человеком обстоятельств объективной реальности и еще не воспринятых уголовно-процессуальной доктриной, появляются принципиально новые возможности исследования методологических закономерностей уголовно-процессуального познания и доказывания. Они позволят по-иному взглянуть на, казалось бы, достаточно разработанные и устоявшиеся постулаты уголовно-процессуального права. Представляется, что рассмотрение познавательной деятельности суда и органов предварительного расследования не традиционным доктринальным способом, а в контексте гносеологических, психологических и других естественно-научных закономерностей природы человеческого восприятия действительности и создания на этой основе соответствующих мысленных образов дает новый импульс для развития методологических основ и положений теории уголовно-процессуального доказывания и обуславливает актуальность подобных исследований.

Изучение внутренних (методологических) механизмов познания дознавателем, следователем и судом материальных и идеальных фрагментов объективной реальности, лежащих в основе формирования различных видов уголовно-процессуальных доказательств, позволит более четко уяснить их сущность, упорядочить их систему, выявить и заполнить имеющиеся здесь научные и нормативно-правовые пробелы, а также выработать рекомендации практического характера.

В теории уголовного процесса наименее разработанным видом доказательств являются предусмотренные ст. 83 УПК РФ протоколы следственных действий и судебного заседания, связанные с непосредственным восприятием дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов окружающего мира, каких-либо элементов вещной обстановки. Несмотря на свою познавательную значимость и гипотетическую равноценность с другими средствами процессуального доказывания, они традиционно не привлекали должного внимания отечественных ученых-процессуалистов. И хотя в современной науке, несомненно, имеется определенная тенденция, направленная на их более детальное изучение, многие связанные с ними вопросы остаются практически

не рассмотренными. Так, до настоящего времени мало исследована сама гносеологическая сущность доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, в частности способы восприятия запечатленной в них информации, в контексте общей методологии уголовно-процессуального доказывания. Явно недостаточно научного внимания уделяется проблемам соотношения и разграничения протоколов следственных действий и судебного заседания с другими видами уголовно-процессуальных доказательств: с показаниями, вещественными доказательствами и иными документами; не определено их соотношение с близкими по сути непроцессуальными средствами познания – результатами оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов.

Отсутствие надлежащей теоретической базы в этом сегменте доказательственного права обуславливает пробелы в нормативном регулировании и в конечном счете приводит к серьезным затруднениям и ошибкам в повседневной следственной и судебной практике. В этой связи представляются целесообразными дальнейшие научные исследования правовых, гносеологических и иных закономерностей формирования доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, что и определяет актуальность настоящего диссертационного исследования.

Степень научной разработанности темы диссертационного исследования. Вопросам доказательственного права, в том числе формированию различных видов доказательств, посвящены работы многих представителей отечественной уголовно-процессуальной науки и смежных областей научного знания. В дореволюционный период значительный вклад в развитие этой проблематики внесли Я.И. Баршев, Л.Е. Владимиров, С.И. Викторский, М.В. Духовской, А.А. Квачевский, С.Н. Розин, В.К. Случевский, В.Д. Спасович, Д.Н. Тальберг, Г.С. Фельдштейн, И.Я. Фойницкий. Советская уголовно-процессуальная наука характеризуется многогранностью научных исследований в области доказательственного права, в частности фундаментальными трудами

В.Д. Арсеньева, Р.С. Белкина, С.А. Голунского, М.М. Выдри, А.Я. Вышинского, В.М. Галкина, В.Л. Громова, В.Я. Дорохова, Н.В. Жогина, Л.М. Карнеевой, Л.Д. Кокорева, С.В. Курылева, А.М. Ларина, И.М. Лузгина, П.А. Лупинской, П.И. Люблинского, И.Д. Перлова, С.В. Познышева, А.Р. Ратинова, Р.Д. Рахунова, Н.А. Селиванова, М.С. Строговича, А.И. Трусова, Ф.Н. Фаткуллина, М.А. Чельцова, А.А. Эйсмана, П.С. Элькинд и многих других авторов.

Среди современных многочисленных публикаций по вопросам доказывания в уголовном процессе особо следует отметить работы В.А. Азарова, В.С. Балакшина, А.С. Барабаша, В.П. Божьева, Ю.П. Боруленкова, Л.М. Володиной, О.В. Волынской, Л.А. Воскобитовой, А.А. Давлетова, Е.А. Доли, В.И. Зажицкого, О.А. Зайцева, Е.А. Карякина, А.В. Кудрявцевой, Н.П. Кузнецова, В.А. Лазаревой, Ю.А. Ляхова, Л.Н. Масленниковой, Ю.К. Орлова, А.В. Победкина, А.Д. Прошлякова, А.В. Смирнова, А.А. Хмырова и С.А. Шейфера.

Отдельные проблемы производства следственных и судебных действий в контексте их познавательной направленности достаточно подробно освещены в публикациях Л.Е. Ароцкера, О.Я. Баева, М.О. Баева, В.М. Бозрова, В.М. Быкова, И.Е. Быховского, Л.В. Виницкого, Г.А. Воробьева, И.Ф. Герасимова, Б.Я. Гаврилова, В.Н. Григорьева, Г.И. Загорского, В.В. Кальницкого, Ю.В. Кореневского, Н.Г. Муратовой, В.А. Семенцова, И.В. Смольковой, А.Б. Соловьева, Л.Г. Татьяниной, О.В. Химичевой, С.П. Щербы и многих других авторов.

Специально тематике протоколов следственных действий и судебного заседания в уголовном судопроизводстве были посвящены несколько кандидатских диссертаций, а именно А.Ф. Соколова «Протоколы следственных действий как доказательства в советском уголовном процессе» (1982 г.), Л.В. Ворониной «Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе (по материалам Казахской ССР)» (1987 г.), Х.А. Сабирова «Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе» (2000 г.), И.В. Ананенко «Допустимость протоколов следственных действий» (2005 г.) и О.В. Савенко «Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному

делу» (2014 г.). Кроме того, отдельные вопросы, связанные с данным видом доказательств, достаточно подробно рассматриваются в диссертационных исследованиях В.О. Агибаловой (2003 г.), Ю.А. Веселовой (2005 г.), О.М. Колесова (2006 г.) и В.С. Шишкина (2012 г.).

Работы перечисленных авторов позволили сделать значительные шаги в рассмотрении и понимании протоколов следственных действий и судебного заседания, в частности выделить их из всей совокупности письменных документов, приобщаемых к материалам уголовного дела, сформировать их научную дефиницию и в целом определить перечень процессуальных действий в контексте ст. 83 УПК РФ. Кроме того, в специальной литературе, особенно в вышеперечисленных диссертациях, достаточно обстоятельно проанализированы процессуальные правила составления протоколов следственных действий и судебного заседания.

Вместе с тем до настоящего времени в уголовно-процессуальной науке не предпринимались комплексные исследования, направленные на рассмотрение методологии формирования содержания протоколов, то есть познавательных результатов следственных и судебных действий, основанных на наглядно-образном восприятии фрагментов объективной реальности (осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и т.д.).

Объектом исследования являются общественные отношения, складывающиеся в процессе осуществления органами предварительного расследования и судом уголовно-процессуальных действий познавательного характера, основанных на закономерностях наглядно-образного восприятия фрагментов объективной реальности, а также в процессе формирования, проверки и оценки их результатов.

Предметом исследования выступают теоретические положения уголовно-процессуального права, связанные с проблемами доказывания, формирования отдельных видов доказательств, производства следственных и судебных действий; система действующего законодательства, определяющего порядок производства по уголовным делам; следственная и судебная практика.

Целью диссертационного исследования является разработка научной концепции формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в общей системе средств уголовно-процессуального познания и доказывания, позволяющей на основе единых методологических подходов раскрыть их гносеологическую и правовую сущность, соотнести и разграничить с иными видами доказательств и результатами непроцессуальных мероприятий, оптимизировать механизмы их получения в ходе предварительного следствия и судебного разбирательства уголовных дел, выявить существующие законодательные пробелы и практические трудности, на основании чего наметить пути для их устранения.

Достижение указанной цели определило постановку и решение следующих задач:

– определить современные методологические подходы к пониманию процессуального познания и доказывания в целом и доказательств в частности;

– рассмотреть с учетом современных достижений науки основные гносеологические, психологические, психофизиологические и иные закономерности человеческого восприятия объективной реальности в контексте процессуального познания и формирования различных видов доказательств;

– сравнить механизмы процессуального познания идеальных объектов, выраженных в условно-знаковой форме и трансформирующихся в мысленные образы посредством рационального мышления, с механизмами процессуального познания, заключающимися в наглядно-образном восприятии материальных объектов объективной реальности;

– проанализировать сущность результатов «невербальных» следственных и судебных действий как доказательств, основанных на непосредственном (наглядно-образном) восприятии дознавателем, следователем, судом материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки;

– сравнить сущность результатов «невербальных» следственных и судебных действий с показаниями различных участников уголовного судопроизводства;

– рассмотреть теоретические, нормативные и практические проблемы соотношения и разграничения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами;

– выявить различия между результатами «невербальных» следственных и судебных действий и иными документами, предусмотренными ст. 84 УПК РФ, а также проанализировать взаимосвязи между ними;

– определить место «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий в системе средств уголовно-процессуального познания и доказывания и их соотношение с результатами «невербальных» следственных и судебных действий;

– раскрыть сущность и признаки следственных действий как процессуальных механизмов установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела в досудебном производстве; выявить их отличия от иных процессуальных действий, осуществляемых в ходе досудебного и судебного производства;

– сформулировать понятие «невербальных» следственных действий и сконструировать их систему;

– проанализировать проблемы производства отдельных «невербальных» следственных действий; разграничить их с иными похожими формами процессуальной деятельности;

– рассмотреть особенности проведения современных крупномасштабных «невербальных» следственных действий (осмотра, обыска, выемки), характеризующихся большим числом участников и сопряженных с восприятием множества фрагментов объективной реальности, расположенных на значительной по своим размерам территории;

– изучить существующие проблемы судебного контроля за законностью производства «невербальных» следственных действий (на примере осмотра, обыска или выемки в жилище);

– раскрыть сущность и сформулировать понятие «невербальных» судебных действий как процессуальных механизмов установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела в ходе судебного следствия;

– сконструировать систему судебных действий, внести предложения по ее совершенствованию;

– проанализировать некоторые вопросы, связанные с производством судебного осмотра, освидетельствования, судебного эксперимента, судебного предъявления для опознания;

– выявить, разобрать и оценить наиболее типичные ошибки, допускаемые в современной следственной и судебной практике в части производства «невербальных» следственных и судебных действий, а также формирования и использования их результатов в доказывании;

– сформулировать предложения по внесению изменений в действующий уголовно-процессуальный закон, а также по оптимизации и совершенствованию правоприменительной практики расследования и судебного разбирательства уголовных дел.

В диссертации не ставится задача по рассмотрению всех процессуальных и тем более криминалистических аспектов осуществления осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и других следственных и судебных действий, основанных на закономерностях наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности. Эти проблемы достаточно подробно проанализированы в работах других ученых. В настоящем исследовании «невербальные» следственные и судебные действия освещаются в контексте их направленности на формирование определенных познавательных результатов. Автор также обращает внимание на наиболее спорные вопросы, возникающие в нормативном регулировании и практике применения «невербальных» следственных и судебных действий. Поэтому ввиду ограниченного объема работы другие проблемы, связанные с производством следственного (судебного) осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и т.д.,

затрагиваются лишь фрагментарно. В частности, не представляется необходимым подробное рассмотрение процессуальных правил составления протоколов как завершающего элемента формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий, поскольку данные проблемы весьма обстоятельно проанализированы в специальной литературе, в том числе в целом ряде диссертационных исследований.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность общенаучных и специальных методов познания. Наряду с диалектико-материалистическим методом познания использовались современные гносеологические идеи, разработанные ведущими философами XX века, в частности положения критического рационализма, герменевтики, феноменологии и т.д. В качестве общенаучных методов использовались: системный анализ, описание эмпирического материала, сравнение, обобщение, а также методы формальной логики – анализ, синтез, дедукция, индукция, аналогия. В работе применялись следующие специальные методы: историко-правовой, социологический, метод сравнительного правоведения, метод обобщения следственной и судебной практики, технико-юридический и другие.

Нормативная основа диссертационного исследования – международно-правовые акты в сфере обеспечения прав и свобод личности, Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы и иные нормативные правовые акты РФ. Автором также изучались проекты отдельных федеральных законов. В работе рассматривается ряд положений Устава уголовного судопроизводства 1864 г., законодательства СССР и союзных республик, а также современных уголовно-процессуальных кодексов государств, возникших на постсоветском пространстве.

Кроме того, при проведении диссертационного исследования и формулировании выводов автор опирался на постановления Пленума Верховного Суда РФ в сфере уголовного судопроизводства, правовые позиции Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека.

Теоретическую основу диссертационного исследования составили научные концепции и воззрения в области общей теории государства и права, уголовно-процессуального права, гражданского процессуального права, конституционного права, административного права, криминалистики и теории оперативно-розыскной деятельности, а также современные достижения философии, психологии, психофизиологии и других наук, направленных на изучение закономерностей человеческого восприятия и познания объективной реальности.

Эмпирическую основу диссертационного исследования составляют:

– материалы изученных методом случайной выборки 658 уголовных дел, находившихся в производстве органов предварительного следствия и судов г. Москвы, Брянской, Владимирской, Воронежской, Калужской, Московской, Оренбургской, Тульской и Ярославской областей в 2006–2014 гг.;

– результаты интервьюирования практических работников: 187 судей, 56 секретарей судебных заседаний, 148 следователей и руководителей следственных органов различного уровня; 34 прокурорских работников и 168 адвокатов;

– материалы судебной практики за 2006–2014 гг., опубликованные в информационных ресурсах государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие», справочно-правовой системы «КонсультантПлюс» и справочно-правовой системы «Право.ru»;

– статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2007–2014 гг., опубликованные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ;

– эмпирические данные, полученные другими учеными в рамках проведенных ими диссертационных исследований за 1993–2014 гг.

Автором также использован личный практический опыт работы в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы).

Научная новизна диссертационного исследования. Настоящая диссертационная работа является комплексным монографическим исследованием внешних (процессуальных) и внутренних (гносеологических, психологических, психофизиологических и иных) закономерностей формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий в общей системе средств уголовно-процессуального доказывания.

Методологически отталкиваясь от информационной теории уголовно-процессуальных доказательств, используя современные философские и естественно-научные подходы к сущности и механизмам формирования человеческим сознанием мысленных образов объективной реальности, автор предлагает концепцию «невербального» способа уголовно-процессуального познания, обусловленного непосредственным, наглядно-образным восприятием дознавателем, следователем, судом значимых для уголовного дела материальных фрагментов объективной реальности и лежащего в основе следственного (судебного) осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и тому подобных следственных и судебных действий. При этом с учетом многообразия толкований термина «невербальный» в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе в настоящем диссертационном исследовании он используется с определенной долей условности и поэтому преднамеренно берется в кавычки.

Описанные в работе закономерности формирования результатов «невербальных» следственных и судебных действий позволили провести их сравнительный анализ с иными средствами доказывания обстоятельств уголовного дела: с показаниями, вещественными доказательствами, письменными и иными документами, а также с результатами непроцессуальной оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов, на основании чего выявить теоретические, нормативно-правовые и практические проблемы и сформулировать ряд предложений для их разрешения.

На основании предложенной автором концепции в работе сконструированы системы «невербальных» следственных и судебных действий, намечены

тенденции для их развития и совершенствования; проведено разграничение некоторых следственных и судебных действий с близкими познавательными и организационно-техническими процессуальными механизмами, находящимися в арсенале органов предварительного расследования и суда. Опираясь на методологические закономерности наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности, автор формулирует ряд законодательных предложений и практических рекомендаций, направленных на совершенствование механизмов осуществления некоторых следственных и судебных действий, в частности осмотра, освидетельствования, предъявления для опознания и других, в контексте их «невербального» познавательного характера. И, наконец, рассматриваются особенности производства, а также фиксации хода и результатов характерных для современных условий крупномасштабных «невербальных» следственных действий (в форме специальной операции), в первую очередь следственного осмотра, обыска и выемки, проводимых на обширных территориях и сопряженных с привлечением большого числа участвующих лиц.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие положения:

1. Доказывание в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный комплексный процесс, предполагающий сочетание познавательных, удостоверительных и аргументационных приемов, методологически основанных на доктринальных положениях правовой теории, научных подходах к гносеологии и формальной логике, которые изменялись на протяжении развития общества и были обусловлены различными мировоззренческими, политическими, историческими, социальными, культурными и иными факторами. В настоящее время национальная теория уголовно-процессуального доказывания должна развиваться в условиях методологического компромисса, заключающегося в разумном совмещении традиционных для отечественной процессуальной науки положений диалектического материализма с рядом положений и взглядов современных философских школ и течений.

2. В работе выявлена методологическая закономерность прямой связи существовавших в разные периоды времени представлений о понятии и сущности доказательств с общими подходами к доказыванию в уголовном судопроизводстве, обусловленными соответствующими по времени философскими доктринами. Так, позиции представителей дореволюционной процессуальной школы можно объяснить тем, что они базировались на постулатах формальной логики, приведших к признанию доказательствами любых оснований для судейского убеждения. На рубеже XIX–XX веков возникло представление о доказательствах как фактах, имеющих более определенный характер, что согласовывалось с теорией диалектического материализма. Советская процессуальная школа постепенно трансформировала данную концепцию в представление о доказательствах как о фактических данных, чем создала фундамент для современного доказательственного права. В 60–70-е годы XX века на общем фоне развития учения об информации возникла информационная (кибернетическая) теория доказательств. Многообразие современных научных подходов и точек зрения на сущность доказательств является следствием отсутствия в настоящее время соответствующих общепринятых философских и иных, в том числе правовых, концепций.

3. Имеющиеся в теории уголовного процесса различные подходы к понятию и сущности доказательств не должны противопоставляться друг другу, тем более ставиться в зависимость от существующего в государстве типа (формы) уголовно-процессуальной деятельности, в частности от уровня гарантий прав и свобод личности. С позиций методологии доказывания эти подходы не противоречивы, а лишь характеризуют разные проявления одного и того же сложного процессуального, гносеологического и логического феномена – средства, с помощью которого реализуются различные этапы процесса доказывания обстоятельств уголовного дела. Так, к познавательному аспекту доказывания наиболее применима информационная теория, понимающая под доказательством след, несущий определенный информационный сигнал о преступлении; к удо-

стоверительному его аспекту – прагматичная теория, делающая упор на процедуру и порядок формирования доказательств; к аргументационному аспекту – позиции дореволюционных юристов, понимавших под доказательствами основания для судейского убеждения.

4. Процессуальное познание как первый аспект доказывания по уголовному делу представляет собой деятельность органов предварительного расследования и суда, заключающуюся в восприятии посредством процессуальных действий определенных информационных сигналов, поступающих от различных материальных и идеальных фрагментов объективной реальности, отражающих обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Рассмотрение сущности процессуального познания не с позиций правовой доктрины, а в контексте современных достижений гносеологии, психологии, психофизиологии и нейропсихологии позволяет выделить вербальный и «невербальный» способы восприятия дознавателем, следователем, судом обстоятельств объективной реальности и формирования на этой основе относительно адекватных мысленных образов.

5. Под вербальным способом познания в уголовном судопроизводстве следует понимать систему гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия сведений, выраженных в условно-знаковой (вербальной) форме, которые трансформируются в соответствующие мысленные образы посредством рационального мышления дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. При этом в протоколе вербального следственного действия (судебного заседания) фиксируются не результаты рационального мышления субъекта познания, не сформированные в его сознании мысленные образы, а только сведения, сообщенные свидетелем, обвиняемым и другими участниками. К достоинствам вербального способа познания следует отнести достаточно высокую степень адекватности сведений, изложенных в соответствующих протоколах, и возможность познания обстоятельств, не попавших в зону наглядно-образного восприятия. Недостатками вербального способа познания являются изначально субъективный характер

получаемых сведений, возможность неверного восприятия или осмысления сообщенных сведений самим дознавателем, следователем или судом, а также весьма ограниченный природный потенциал органов слуха и, следовательно, недостаточная информативность соответствующего слухового представления (образа).

6. «Невербальный» способ познания в уголовном судопроизводстве – это система гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (зрительного или посредством иных органов чувств) восприятия дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся в соответствующие мысленные образы посредством наглядно-образного мышления. В протоколе «невербального» следственного действия (судебного заседания) отражается словесная форма выражения мысленных образов, сформированных в сознании субъекта познания. Достоинствами «невербального» способа познания являются первичный объективизм воспринимаемых фрагментов реальности и, следовательно, сравнительно небольшой уровень гностической погрешности (то есть высокая степень адекватности реального объекта его мысленному образу). К недостаткам «невербального» способа процессуального познания можно отнести относительную невоспроизводимость сформированных доказательств и высокий уровень субъективности при формировании результатов соответствующих следственных (судебных) действий.

7. Предусмотренные ст. 83 УПК РФ протоколы следственных действий и судебного заседания, представляя собой объекты документального характера, не вписываются в общее понятие уголовно-процессуальных доказательств в контексте информационной теории; они не являются формами информационных сигналов, а лишь фиксируют сведения о мысленных образах материальных объектов познания, сформированных в сознании их авторов. Доказательством по уголовному делу является не протокол, а определенный познавательный результат, выраженный в наглядно-образном восприятии дознавателем следова-

телем или судом какого-либо материального фрагмента объективной реальности и в формировании на этой основе соответствующего мысленного образа, впоследствии зафиксированного в протоколе. Поэтому доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, следует именовать не протоколами, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Под ними понимаются имеющие значение для уголовного дела сведения, полученные в предусмотренном законом порядке дознавателем, следователем или судом посредством наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности и отраженные в соответствующем протоколе.

8. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий методологически соотносятся с показаниями как гносеологические категории, отличающиеся друг от друга диаметрально противоположными способами получения значимой для уголовного дела информации – вербальным и «невербальным». Вместе с тем с учетом потребностей современной правоприменительной практики и оптимизации уголовного судопроизводства представляется возможным разумное наполнение отдельными вербальными элементами любого «невербального» следственного или судебного действия и наоборот, с последующим приданием всем полученным таким образом результатам доказательственного значения, но лишь при условии соблюдения критериев законности, второстепенности, производности и рациональности.

9. При производстве по уголовному делу существует тесная и устойчивая процессуальная и методологическая взаимосвязь вещественных доказательств с результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Последние обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность их использования в процессе доказывания. Критерии для разграничения вещественных доказательств с результатами «невербальных» следственных и судебных действий заключаются в их гносеологической сущности. Вещественное доказательство (в отрыве от других взаимосвязанных с ним доказательств) – это сама вещь как элемент объективной реальности и носитель юридически значимой информации. А результат

«невербального» следственного и судебного действия – это образ реальности, сформированный познающим субъектом, содержащий информацию о нахождении той или иной вещи в определенном месте (у определенного лица) или об определенном взаиморасположении двух или нескольких предметов и т.д.

10. Материалы контроля и записи переговоров, а также материалы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, подлежащие приобщению к уголовному делу в качестве вещественных доказательств, не соответствуют гносеологической сущности последних. Они не отвечают ни одному из признаков, предусмотренных ст. 81 УПК РФ, а являются лишь средством фиксации определенных процессуальных действий. В этой связи предлагается исключить соответствующие предписания из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ при сохранении общего правила о необходимости приобщения данных материалов к уголовному делу.

11. Концептуальное отличие предусмотренных ст. 84 УПК РФ документов вербального характера (письменных, аудиодокументов и т.п.) от результатов «невербальных» следственных и судебных действий заключается в использовании принципиально разных механизмов восприятия субъектами доказывания обстоятельств объективной реальности: вербального и «невербального».

12. Предусмотренные ст. 84 УПК РФ документы «невербального» характера (фото-, видеодокументы, графики, схемы и т.д.) являются предметом соответствующих «невербальных» следственных и судебных действий, в первую очередь осмотра. Сам по себе «невербальный» документ в отрыве от следственного или судебного действия не подлежит полноценному восприятию и, следовательно, не может быть самостоятельно использован в доказывании по уголовному делу. С помощью этих действий и совместно с ними «невербальные» документы имплантируются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

13. Результаты «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий по своей познавательной сущности схожи с результатами

«невербальных» следственных и судебных действий. Следовательно, они могут найти процессуальное отражение лишь в тех доказательствах, которые по своей гносеологической природе соответствуют доказательствам, подпадающим под контекст ст. 83 УПК РФ. Данный вопрос может быть решен только путем легализации механизмов прямого, непосредственного введения «невербальных» результатов оперативно-розыскной и административной деятельности в уголовный процесс, без необходимости какого-либо мнимого процессуального оформления, но исключительно при условии создания такого правового режима их проведения, который бы обладал требуемыми гарантиями доброкачественности, в частности отвечал условиям соблюдения прав и свобод личности. В этой связи автор вносит ряд предложений по изменению и дополнению уголовно-процессуального законодательства в части использования результатов оперативно-розыскной и административной деятельности в доказывании по уголовному делу, которые сформулированы в тексте работы.

14. Цели производства следственных действий тесно взаимосвязаны с собиранием и проверкой доказательств, но при этом они не тождественны. Собирание и проверка доказательств – процессы, сопутствующие производству следственных действий, тогда как целью следственного действия всегда является определенный познавательный результат, обусловленный установлением новых обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно этим следственные действия отличаются от иных процессуальных процедур, находящихся в арсенале органов предварительного расследования (представления, истребования и т.д.). Таким образом, следственные действия – это производимые следователем или дознавателем уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

15. «Невербальные» следственные действия – это предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, которые направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и осуществляются следователем или дознавателем (органом дознания) посредством

использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. В систему «невербальных» следственных действий входят следственный осмотр, освидетельствование, обыск, выемка и следственный эксперимент. В эту же систему с определенной долей условности можно включить и более сложные формы познания, характеризующиеся сочетанием вербальных и «невербальных» механизмов восприятия реальности: предъявление для опознания и проверку показаний на месте.

16. В понятийный аппарат уголовно-процессуальной науки вносится новая категория – процессуальная комбинация, под которой следует понимать предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения. К процессуальным комбинациям поисково-познавательного характера относятся: а) наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка; б) контроль и запись переговоров; в) получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Имплантированные в их структуру самостоятельные познавательные механизмы (осмотр и выемка) осуществляются на основании закономерностей наглядно-образного восприятия объективной реальности, что обусловливает возможность их признания специфическими элементами системы «невербальных» следственных действий.

17. Предложения, касающиеся уголовно-процессуального регулирования и практики производства некоторых «невербальных» следственных действий. Так, одну из задач следственного освидетельствования предлагается переориентировать с вопроса об установлении состояния опьянения на вопрос об установлении отдельных признаков опьянения, подлежащих наглядно-образному восприятию (запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи;

резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке, и т.д.). Под выемкой предлагается понимать не технический прием легализации каких-либо предметов, документов или иных объектов, а полноценный «невербальный» механизм процессуального познания, направленный на восприятие факта нахождения определенных материальных объектов в определенном месте. Для простого (технического) приобщения предметов, документов или иных объектов к материалам уголовного дела приемлемы более простые процедуры – представление и истребование. Автор также предлагает распространить на предъявление для опознания и проверку показаний на месте положения ст. 187–189 и 191 УПК РФ – в части получения показаний и положения ст. 177 УПК РФ – в части получения «невербальной» информации.

18. Специальная операция – это сложная организационная форма производства «невербального» следственного действия в современных условиях, которая характеризуется большим числом участников и сопряжена с восприятием множества фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, расположенных на значительной по своим размерам территории. Специальной операции свойственны сложные многоступенчатые познавательные процессы, обусловленные параллельной работой не одного, а сразу многих познающих субъектов на отведенных им участках. Наиболее типичными следственными действиями, проводимыми в форме специальной операции, являются осмотр, обыск и выемка. В этой связи предлагается технология составления протокола следственного действия, основанная не на принципе последовательности, а на принципе параллельности. Помимо протокола, обязательными средствами фиксации хода и результатов следственного действия в форме специальной операции следует признать видеозапись, а также составление общего плана места его проведения.

19. Основной способ обеспечения конституционных прав личности при производстве «невербальных» следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой достаточно слабую и малоэффективную процессуальную гарантию, а его использование оказывает негативное влияние

на современную правоприменительную практику. В этой связи автор предлагает заменить его последующим судебным контролем, позволяющим реально обеспечить состязательность сторон как необходимое условие реализации судебной власти, а также полноценно проверить и оценить не только законность, но и обоснованность проведенного следственного действия.

20. Судебные действия в уголовном судопроизводстве – это производимые непосредственно судом совместно со сторонами и в присутствии иных лиц уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В систему судебных действий следует включать лишь те познавательные приемы, которые соответствуют общим условиям судебного разбирательства, а расширение существующего перечня судебных действий может иметь место только на законодательном уровне путем внесения дополнений в гл. 37 УПК РФ. Лишь легальное закрепление новых судебных действий позволит обеспечить соответствие их процессуальной формы общим условиям судебного разбирательства и, таким образом, создать действительно эффективные правовые механизмы познания обстоятельств уголовного дела в условиях состязательности.

21. Под «невербальными» судебными действиями следует понимать предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, которые направлены на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и осуществляются судом совместно со сторонами посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. Действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет рассматривать в качестве типичных элементов системы «невербальных» судебных действий судебный осмотр, освидетельствование и судебный эксперимент. В эту же систему с определенной долей условности можно включить и более сложную форму познания – предъявление для опознания.

22. В работе сформулированы предложения, направленные на совершенствование уголовно-процессуального регулирования и практики производства «невербальных» судебных действий. Автор считает необходимым:

а) вернуться к содержавшейся в ст. 291 УПК РСФСР правовой конструкции, предполагавшей не только право, но и обязанность суда осматривать приобщенные к уголовному делу вещественные доказательства как по ходатайству стороны, так и по своему собственному усмотрению. Исключение могут составлять лишь случаи, связанные с утратой, повреждением вещественных доказательств или специфическим характером отдельных вещественных доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 82 УПК РФ;

б) распространить действие ст. 284 УПК РФ не только на осмотры вещественных доказательств, но и на осмотры любых других предметов, представленных в судебное заседание сторонами или истребованных (обнаруженных) судом самостоятельно;

в) дополнить ст. 285 УПК РФ третьей частью, предусматривающей возможность проведения в судебном заседании осмотра документов;

г) дополнить гл. 37 УПК РФ новой статьей, определяющей правовые условия и порядок проведения судебной проверки показаний на месте;

д) пересмотреть процессуальный порядок судебного предъявления для опознания живых лиц, отказавшись от возможности опознания потерпевшим подсудимого и наоборот, а также заменив предварительный допрос опознающего лица в судебном заседании оглашением его показаний, полученных в ходе предварительного расследования уголовного дела.

Теоретическая и практическая значимость работы. Теоретическая значимость определяется тем, что в работе развиваются и конкретизируются положения уголовно-процессуального права, сопряженные с понятием и содержанием познания и доказывания, сущностью и системой уголовно-процессуальных доказательств, в частности предусмотренных ст. 83 УПК РФ протоколов следственных действий и судебного заседания (результатов «невербальных»

следственных и судебных действий). В диссертации получили дальнейшее развитие вопросы, связанные с сущностью, систематизацией и процессуальным порядком производства следственных и судебных действий, фиксацией их хода и результатов в контексте современных научных подходов и потребностей правоприменительной практики. Кроме того, теоретическая значимость работы определяется научным обоснованием положений, не нашедших достаточного отражения в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, судебной и следственной практике. Комплексный характер исследования обусловливает значимость полученных результатов как для уголовно-процессуальной науки, так и для смежных с ней областей научного знания. Выводы и результаты диссертации могут быть использованы в дальнейших научно-исследовательских работах по данной проблематике.

Практическая значимость работы состоит в том, что ее положения и выводы могут быть применены в целях совершенствования системы действующего уголовно-процессуального законодательства, судебной и следственной практики. Особой сферой практического применения итогов диссертационного исследования являются вопросы доказательственного права, действия субъектов процессуального познания по «невербальному» (наглядно-образному) восприятию обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, а также деятельность суда и других участников уголовного судопроизводства по формированию, проверке и оценке соответствующих познавательных результатов.

Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе юридических вузов и факультетов при преподавании курса «Уголовный процесс», специальных курсов «Доказывание и принятие решений в уголовном судопроизводстве», «Современные проблемы доказывания», «Проблемы производства следственных и судебных действий» и других специальных курсов уголовно-процессуальной направленности, при повышении квалификации практических работников, а также при подготовке соответствующей учебной и методической литературы. Кроме того, материалы диссертации могут быть востре-

бованы при разработке предложений для Пленума Верховного Суда РФ, методических рекомендаций для органов дознания и предварительного следствия, комментариев к УПК РФ.

Апробация результатов диссертационного исследования. Основные изложенные в диссертации теоретические положения, выводы и научно-практические рекомендации получили отражение в трех монографиях, авторском курсе лекций «Уголовный процесс России», авторском учебнике «Уголовный процесс», главах коллективного учебника «Уголовно-процессуальное право», коллективном комментарии к УПК РФ, а также в 61 научной статье и тезисах выступлений на конференциях, в том числе в 33 статьях, опубликованных в рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК России.

Научно-практические положения и практические выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на 36 международных, всероссийских и межвузовских конференциях, семинарах и круглых столах, в частности проведенных в Московском государственном университете имени М.В. Ломоносова, Московском государственном юридическом университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Уральском государственном юридическом университете, Сибирском федеральном университете, Байкальском государственном университете экономики и права, Воронежском государственном университете, Южно-Уральском государственном университете, Томском государственном университете, Тульском государственном университете, Тюменском государственном университете, Академии управления МВД России, Московском университете МВД России имени В.Я. Кикотя, Академии МВД Республики Беларусь, Академии МВД Республики Таджикистан и др.

Результаты диссертационного исследования были внедрены в учебный процесс Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Уральского государственного юридического университета, а также в правотворческую деятельность Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации и практическую деятельность Следственного комитета Российской Федерации.

Структура диссертации. Выполненная работа состоит из введения, четырех глав, включающих 16 параграфов, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1
МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ «НЕВЕРБАЛЬНЫХ» СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ КАК СРЕДСТВ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПОЗНАНИЯ

§ 1.1. Генезис и тенденции развития понятия и сущности доказательств в уголовном судопроизводстве

Ни одна проблема уголовно-процессуальной науки и практики, ни один институт уголовно-процессуального права не вызывали такого количества бурных дискуссий, какие традиционно были и остаются присущи вопросам доказывания по уголовному делу. И в этом нет ничего удивительного! Ведь процессуальное доказывание неразрывно связано с познавательной деятельностью суда и органов предварительного расследования. Ведущие отечественные ученые-процессуалисты неоднократно отмечали, что доказывание составляет сердцевину, «душу» уголовного судопроизводства, пронизывает деятельность всех его участников и осуществляется на всем его протяжении[1]. Поэтому наряду с правовой сущностью оно имеет весьма глубокие философские (гносеологические) корни, которые подчас достаточно сложно облечь в созданную человеческим разумом и, кстати, далеко не всегда безгрешную процессуальную форму. Как справедливо писал С.В. Бородин, природа и сущность доказательственного права обусловлены формой уголовного процесса, характерной для той или иной исторической эпохи[2]. Тогда как законы гносеологии существуют сами по себе и не связаны с установленными правилами человеческого общежития. Следовательно, теория уголовно-процессуального доказывания представляет собой совокупность научных положений, уже изначально наполнен-

---

[1] Например: *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 41; *Лупинская П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе: учеб. пособие. – М.: ВЮЗИ, 1966. – С. 4; *Она же*. Решения в уголовном судопроизводстве. 2-е изд. – М.: Норма, 2010. – С. 122; *Шейфер С.А.* Собирание доказательств по уголовному делу: проблемы законодательства, теории и практики. – М.: Норма, 2015. – С. 12.

[2] Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М.: Юрид. лит., 1989. – С. 521.

ных целым спектром внутренних противоречий. Причем в условиях нестабильности существующей в нашем государстве процессуальной формы, достаточно частых, в том числе и кардинальных, реформ уголовно-процессуального закона обозначенные противоречия приобретают еще более острый характер. Существующие здесь проблемы – считает А.А. Давлетов – исчисляются несколькими десятками. И их количество постоянно возрастает, так как научное исследование различных аспектов уголовно-процессуального познания продолжает расширяться и углубляться[3]. На сегодняшний день практически ни один вопрос, относящийся к данной проблематике, не получил своего окончательного разрешения. В частности, вплоть до настоящего времени ученые-процессуалисты не пришли к единому пониманию одной из самых базовых категорий теории доказывания – понятия доказательства в уголовном процессе. Дискуссии по этому поводу ведутся уже много лет.

Некоторые русские юристы второй половины XIX века понимали под доказательствами основания убеждения судьи, то есть результаты мыслительных процессов. В частности, известный отечественный специалист того времени В.Д. Спасович писал, что доказательствами называются основания судейского убеждения при решении спорного вопроса, подлежащего судебному разбирательству, убеждения, на которых основывается приговор суда. Он говорил, что источников человеческого познания только два: опыт и разум[4]. В свою очередь, Я.И. Баршев называл доказательствами те причины, на коих основывается убеждение в действительности какого-либо происшествия или которым предмет исследования делается известным. При этом ученый отграничивал доказательства от так называемых улик по уголовному делу[5]. Схожей позиции придерживался и И.Я. Фойницкий, который, ссылаясь на своего немецкого коллегу

---

[3] *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 1997. – С. 13–14.

[4] *Спасович В.Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 5, 7.

[5] *Баршев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. – М.: ЛексЭст, 2001. – С. 52.

Ю. Глазера, писал о доказательствах как о совокупности оснований убеждения в действительности или недействительности обстоятельства, подлежащего судебному усмотрению по данному делу[6].

Другие ученые дореволюционного периода под доказательствами понимали уже не любые основания судейского убеждения, а лишь конкретные факты, обстоятельства, ложащиеся в основу этих убеждений. Например, известный специалист в этой области Л.Е. Владимиров определял доказательство как всякий факт, имеющий назначением вызвать в суде убеждение в существовании или несуществовании какого-либо обстоятельства, составляющего предмет судебного исследования[7]. Очевидно, аналогичной позиции придерживался и еще один автор того времени – М.В. Духовской. Не давая четкого определения доказательств, он тем не менее писал: «…можно подметить факты, которые преимущественно могут служить доказательствами, то есть исчислять и изучать главнейшие виды их (отнюдь не придавая им исчерпывающего значения)»[8]. В этой связи позволим себе не согласиться с мнением профессора С.А. Шейфера, полагающего, что М.В. Духовской писал о доказательствах не как о фактах, а как об основаниях для судейского убеждения. В обоснование своей позиции С.А. Шейфер приводит еще одну цитату М.В. Духовского: «Доказательствами может быть все, что способно содействовать к разъяснению уголовного преступления, невиновности или степени виновности обвиняемого»[9]. Однако представляется, что эта формулировка носит достаточно пространный, расплывчатый характер и не дает оснований полагать, что ученый считал доказательствами не факты, а именно основания судейского убеждения.

---

[6] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – Т. 2. – СПб.: Альфа, 1996.– С. 194.

[7] *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и Особенная. – 3-е изд. – СПб.: Кн. маг. «Законоведение», 1910. – С. 98.

[8] *Духовской М.В.* Русский уголовный процесс. – М.: Кн. склад М.В. Клюкина, 1910. – С. 200.

[9] *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования. – М.: Норма, 2008. – С. 50.

О доказательствах как о фактах говорили и советские юристы до- и послевоенного периода. В частности, А.Я. Вышинский прямо указывал, что судебные доказательства – это обычные факты, те же вещи, те же люди, те же действия людей. Судебными доказательствами они являются лишь постольку, поскольку вступают в орбиту судебного процесса, становятся средством для установления интересующих суд и следствие обстоятельств, для решения интересующих суд и следствие вопросов[10]. И.Д. Перлов, в свою очередь, писал, что доказательством может стать любой факт, имеющий отношение к уголовному делу[11]. Близкую позицию занимали М.А. Чельцов[12] и С.В. Курылев[13], которые считали доказательствами факты, вытекающие из предусмотренных законом источников. На более позднем этапе развития процессуальной науки постулат «доказательства – это факты» постепенно трансформировался в так называемую двойственную концепцию (модель) понятия доказательств[14], предполагающую два его значения: 1) сами факты, на основе которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; 2) источники, из которых суд и органы расследования получают такие факты: показания обвиняе-

---

[10] *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. – 3-е изд. – М.: Госюриздат, 1950. – С. 223.

[11] *Перлов И.Д.* Уголовное судопроизводство в СССР. – М.: Госюриздат, 1959. – С. 35.

[12] *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 136.

[13] *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии. – Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1969. – С. 163.

[14] Здесь и далее, говоря о концепциях, сформированных применительно к сущности доказательств в уголовном процессе, мы принимаем за основу научную позицию Ю.К. Орлова, предлагающего разделить все существующие точки зрения о доказательствах на несколько теоретических моделей: донаучную, логическую, двойственную и т.д. Подробнее об этом см.: *Орлов Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе: научно-практическое пособие. – М.: Проспект, 2000. – С. 34–40; *Он же.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. – М.: Юристъ, 2009. – С. 58–64. Эта же позиция впоследствии получила определенное развитие в работах В.С. Балакшина. Подробнее см.: *Балакшин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания. – Екатеринбург: УМЦ УПИ, 2004. – С. 94–99.

мых, свидетелей, заключения экспертов и т.п. Подобной точки зрения, в частности придерживались М.С. Строгович[15], Р.Д. Рахунов[16], А.И. Трусов[17] и некоторые другие советские ученые-процессуалисты.

Наряду с этим в науке уголовного процесса существовала и другая точка зрения: доказательства – это не факты, а фактические данные. Такой подход к сущности проблемы предпринял еще известный дореволюционный ученый В.К. Случевский. Он писал, что под уголовными доказательствами следует разуметь те фактические данные, на основании которых судья может образовать в себе убеждение о событии преступления и виновности совершившего его лица[18]. Однако наибольшее развитие эта позиция получила уже в советское время после принятия Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г.[19] и сформированных на их базе уголовно-процессуальных кодексов союзных республик, в частности УПК РСФСР 1960 г.[20] Названные нормативные акты прямо указывали на доказательства как на фактические данные, вытекающие из установленных законом источников. При этом сами источники (показания, заключения эксперта и т.д.) по замыслу законодателя доказательствами не являлись. В качестве доказательств законодатель признавал только сами фактические данные, отражаемые в сознании и приобретающие форму логических доводов, аргументов[21]. Только эти фактические данные – писал С.А. Голунский, – которые могут быть проверены и сопоставлены с

---

[15] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – Т. 1. – М.: Наука, 1968. – С. 288–289.

[16] *Рахунов Р.Д.* Свидетельские показания в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 22–25.

[17] *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств. – М.: Госюриздат, 1960. – С. 51.

[18] *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса / под ред. В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2008. – Ч. 2. – С. 103.

[19] Закон СССР от 25 декабря 1958 года «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

[20] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 г.).

[21] *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств … С. 33.

другими установленными по делу фактами, будут иметь значение доказательств[22]. Только такое понимание доказательств – утверждал Р.С. Белкин – является единственно правильным и соответствует гносеологическому смыслу понятия доказательств[23].

Еще одна существующая концепция теории уголовно-процессуальных доказательств имеет как бы смешанный (синтезированный) характер. Она понимает под доказательствами и сами факты, и сведения о них, а также их источники. Представляется, что одним из основоположников данной научной модели являлся В.Д. Арсеньев. Он подчеркивал, что уголовно-процессуальными доказательствами являются фактические данные (факты настоящего и прошлого), связанные с подлежащими установлению фактическими обстоятельствами уголовного дела, устанавливаемыми предусмотренными в законе средствами доказывания или другими фактическими данными, а также сами указанные средства[24].

Однако при всем многообразии существовавших в советский период подходов к сущности уголовно-процессуальных доказательств, наибольшее развитие получила так называемая информационная (кибернетическая) концепция, возникшая на рубеже 60–70-х годов XX века. По справедливому высказыванию Ю.К. Орлова, она зародилась в самый разгар кибернетического бума и была обусловлена передовыми кибернетическими идеями и теориями того времени; она явилась мощным толчком для интенсивной разработки информационного аспекта теории доказывания, максимального использования достижений кибернетики в теории доказательств[25]. Представители данной концепции на первое место в понимании доказательств ставят сведения (информацию), имеющие значение для уголовного дела, которые в процессе расследования и судебного

---

[22] Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. – М.: Госюриздат, 1959. – С. 146.

[23] *Белкин Р.С.* Собирание, исследование и оценка доказательств. – М.: Наука, 1966. – С. 10–11.

[24] *Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств. – М.: Юрид. лит., 1964. – С. 92.

[25] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 61.

разбирательства получают органы дознания, следователь, прокурор и суд. Однако при этом подобные сведения должны восприниматься в единстве с их источником – лицом или материальным носителем, без которого их существование и восприятие просто невозможно. Указанные взгляды нашли отражение в работах В.Я. Дорохова[26], Л.М. Карнеевой[27], более поздних трудах А.И. Трусова[28] и еще целом ряде публикаций по проблемам доказательственного права в уголовном процессе, вышедших в свет в 70–80-е годы XX века.

Информационная теория доказательств не утратила своего влияния и в постсоветский период развития уголовно-процессуальной науки, приобретая все новых сторонников. В частности, Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов в своей монографии, посвященной доказательственному праву и вышедшей в свет в 1995 г., отмечали, что единственным средством доказывания в уголовном процессе являются доказательства, которые представляют собой фактические данные (сведения о фактах), полученные из перечисленных в законе источников определенными законом способами, на основании которых устанавливаются обстоятельства, имеющие значение для правильного разрешения дела[29]. Близкими по существу подходами характеризуются более поздние работы Р.С. Белкина[30] и целого ряда других ученых. Итогом развития информационной концепции доказательств явилось фактическое введение ее основных положений в текст действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ[31]. Так, в соответ-

---

[26] Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 207; *Дорохов В.Я.* Понятие источников доказательств // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе: тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. – С. 8.

[27] *Карнеева Л.М.* Доказательства и доказывание при производстве расследования. – Горький: ГВШ МВД СССР, 1977. – С. 6–7.

[28] Курс советского уголовного процесса. Общая часть ... С. 551.

[29] *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1995. – С. 121.

[30] *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. – Т. 1. – М.: Юристъ, 1997. – С. 136–137.

[31] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ с последующими изменениями и дополнениями.

ствии с ч. 1 ст. 74 УПК РФ доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом согласно ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств допускаются различные показания, заключения и иные информационные ресурсы, содержащие сведения, имеющие значение для уголовного дела.

Вместе с тем анализ современной литературы по проблемам доказательственного права показывает, что, несмотря на законодательно закрепленные позиции информационной концепции доказательств в уголовном процессе, ведущиеся по этому поводу научные дискуссии не утихают и набирают новые обороты. Многие ученые оценивают нынешний информационный подход законодателя к понятию и сущности уголовно-процессуальных доказательств вполне позитивно. Как полагает С.А. Шейфер, теперь понятие доказательства приобрело более четкую дефиницию: первая часть ст. 74 УПК РФ раскрывает содержание доказательства, вторая – его форму. В этой связи автор определяет доказательства как сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, полученные законным способом и облеченные в надлежащую процессуальную форму – в форму показаний, заключений и др. При этом он отмечает, что равнозначным указанному будет фактически обратное определение: доказательствами являются показания, заключения и т.п., содержащие полученные законным способом сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию[32]. Солидарную позицию занимают В.М. Быков и Л.В. Березина. Они указывают, что для определения понятия доказательства следует взять точку зрения действующего уголовно-процессуального закона[33]. Эти же взгляды находят отражение и

[32] *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования … С. 56.

[33] *Быков В.М., Березина Л.В.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела. – Казань: Таглимат, ИЭУП, 2006. – С. 23.

в современной учебной литературе[34]. В свою очередь, Е.А. Доля, соглашаясь в целом с названной точкой зрения, считает, что нормативное определение доказательства, сформулированное в ст. 74 УПК РФ, может быть усовершенствовано. По его мнению, в это определение должна быть возвращена имевшаяся в ст. 69 УПК РСФСР важная характеристика, связанная с тем, что сведения, образующие содержание доказательств, должны не только иметь значение для уголовного дела, но и позволять его правильно разрешить[35].

Вместе с тем научный информационный подход к сущности доказательств, выраженный в положениях ст. 74 УПК РФ, в настоящее время далеко не единственный. Как отмечалось выше, дискуссия по данной проблематике не закончена. Так, В.А. Лазарева, не отвергая в целом позицию законодателя, тем не менее рассматривает доказательства в трехаспектном ракурсе: 1) как любые сведения, на основе которых субъекты уголовного процесса устанавливают обстоятельства, имеющие значение для дела (информационный аспект); 2) как достоверные сведения (факты), обосновывающие обвинительный приговор (аксиологический и логический аспекты); 3) как показания свидетеля, потерпевшего, заключения эксперта и специалиста, протоколы следственных действий и судебного заседания и т.д. (формально-процессуальный аспект)[36]. Существуют и другие точки зрения. Например, В.С. Балакшин рассматривает понятие доказательства как некую знаково-информационную систему, включающую в себя любые фактические данные, источники этих данных, а также способы и порядок их собирания, закрепления и проверки, осуществляемые с со-

---

[34] Например: Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 3-е изд. – М.: Норма, 2013. – С. 261–263; Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М.: Зерцало, 2005. – С. 214–215; *Волынская О.В., Шаров Д.В.* Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве: учеб. пособие. – М.: МосУ МВД России, Щит-М, 2009. – С. 20–21 и т.д.

[35] *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Проспект, 2009. – С. 73.

[36] *Лазарева В.А.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе: учеб.-практич. пособие. – М.: Высшее образование, 2009. – С. 162.

блюдением предусмотренных в законе требований уполномоченными на то органами и должностными лицами. При этом автор фактически ратует за возвращение старого законодательного определения доказательств, содержавшегося в ст. 69 УПК РСФСР[37]. Весьма интересную позицию занимает А.С. Барабаш, подвергая ч. 1 ст. 74 УПК РФ резкой критике и полагая, что содержащаяся в ней законодательная дефиниция в малой степени отражает содержание процесса доказывания, что данное процессуальное положение охватывает своим действием лишь прямые доказательства, забывая про косвенные[38]. Он предлагает считать доказательствами показания подозреваемого, обвиняемого, заключения эксперта и т.д., с помощью которых устанавливаются либо непосредственно сами подлежащие доказыванию обстоятельства, либо фактические данные, а уже через них опосредованно – подлежащие доказыванию обстоятельства, которые, в свою очередь, используются для получения знаний о совершенном преступлении[39].

Существует и еще одна точка зрения – так называемая прагматическая модель, согласно которой доказательствами служат не сведения, а сами оформленные сообщения, предметы, документы или иные материалы, которые правомерно использовать в судопроизводстве для установления фактов, учитываемых при постановлении приговоров или вынесении иных процессуальных решений[40]. Импульсом для ее развития послужили постсоветские политико-правовые тенденции, направленные на либерализацию и демократизацию уголовного судопроизводства. Основной упор в данном случае делается на такое свойство доказательств, как допустимость. Именно на процедуре доказывания, а не

---

[37] *Балакшин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания … С. 124–125.

[38] *Барабаш А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005. – С. 182; *Он же.* Публичное начало российского уголовного процесса. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005. – С. 274.

[39] *Барабаш А.С.* Публичное начало российского уголовного процесса … – С. 275

[40] Например: *Пашин С.А.* Доказательства в российском уголовном процессе // Состязательное правосудие: труды научно-практических лабораторий. – М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1996. – Вып. 1. Ч. 2. – С. 315.

на его цели – пишет С.А. Пашин – необходимо акцентировать внимание судье, поскольку он отвечает не за обнаружение истины, а лишь за то, чтобы результат судоговорения был достигнут определенным образом[41]. С этой точкой зрения полностью соглашается В.В. Золотых[42] и некоторые другие исследователи. Представляется, что наиболее радикальную позицию в настоящее время здесь занимает А.С. Александров, который указывает, что можно вообще отказаться от понятия объективной истины, заменив его убеждением судьи. А судоговорение автор считает крайне важным средством формирования судейского убеждения[43].

Рассмотрение всех вышеназванных точек зрения, анализ существовавших на протяжении более чем 100-летнего развития отечественной процессуальной науки основных подходов к понятию и сущности доказательств в уголовном судопроизводстве позволяет выявить интересную закономерность. При определении этой категории большинство ученых-процессуалистов в своих работах преимущественно опирались и продолжают опираться на соответствующие им по времени философские и иные общенаучные концепции, а также политический климат государства. Так, вполне очевидно, что представители дореволюционной процессуальной школы, определяющие доказательства как любые основания для судейского убеждения, базировали свои позиции на господствующих в то время постулатах формальной логики; под доказательством понимался любой логический аргумент. Однако подобные научные подходы были достаточно уязвимы ввиду своей неопределенности, расплывчатости, невозможности привязки категории «логический аргумент» к конкретным материалам уголовного дела и, следовательно, введения таких формально-логических оснований для судейского в процессуальную форму.

---

[41] Судебная реформа: юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии. / под ред. Л.М. Карнозовой. – М.: Международный комитет содействия правовой реформе, 1995. – С. 312.

[42] *Золотых В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. – Ростов н/Д: Феникс, 1999. – С. 37.

[43] *Александров А.С.* Dyxless русского уголовно-процессуального права // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 1. – С. 17.

В этой связи отдельные дореволюционные ученые (Л.Е. Владимиров, М.В. Духовской) и стали предпринимать попытки уяснения сущности доказательств через более конкретную философскую категорию – факт. Ведь в отличии от формально-логических аргументов факты представляют собой нечто реальное в противоположность вымышленному; конкретное, единичное в отличие от абстрактного и общего[44]. Кроме того, определение доказательств как фактов четко увязывалось со стремительно развивающейся на рубеже XIX-XX веков философской теорией диалектического материализма, принимающего за основу не абстрактные (идеальные), а именно конкретные, имеющие материальную сущность категории.

Кстати, вполне очевидно, что именно по этой причине данные воззрения плотно укоренились в советской процессуальной до- и послевоенной науке, основанной на диалектическом материализме в его марксистско-ленинском понимании (А.Я. Вышинский, И.Д. Перлов, М.А. Чельцов, С.В. Курылев и др.). Причем советские ученые процессуалисты активно стали развивать указанные идеи в контексте ленинской теории отражения, о которой речь пойдет далее, постепенно преобразовав тезис «доказательство – факт» в несколько иной постулат: доказательство – одновременно и сам факт, и соответствующий источник (М.С. Строгович, Р.Д. Рахунов, А.И. Трусов). Последняя позиция, в свою очередь, со временем трансформировалась в одну из наиболее известных точек зрения: «Доказательства – фактические данные» (С.А. Голунский, В.Д. Арсеньев, Р.С. Белкин и др.), выступившей в качестве своеобразного фундамента для возникновения современного доказательственного права.

В 60–70 годы XX века, как уже отмечалось выше, на общем фоне развития учения об информации (кибернетики) возникает информационная (кибернетическая) теория доказательств, которая и по сей день поддерживается многими отечественными процессуалистами.

---

[44] Новая философская энциклопедия // Официальный веб-сайт Института философии РАН – URL: http://iph.ras.ru/elib/3147.html

Современная теория уголовно-процессуальных доказательств, характеризующаяся многообразием научных подходов и точек зрения к их сущности, является следствием отсутствия единства существующих в настоящее время философских и иных общенаучных концепций. Многие процессуалисты продолжают придерживаться в какой-то степени традиционного для отечественной науки диалектико-материалистического подхода. Другие специалисты предлагают вернуться к дореволюционному пониманию доказательств, основанному на формальной логике. Представители прагматической теории, возникшей в 90 годы прошлого века, фактически принимают за основу несвойственную для отечественного уголовного процесса, но тем не менее вызывающую определенное одобрение у некоторых слоев нашего общества англосаксонскую модель доказывания.

Именно этим многообразием подходов к понятию и сущности уголовно-процессуальных доказательств, видимо, обусловлены и позиции тех современных ученых, которые пытаются внести коррективы, в их легальное определение, закрепленное в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, и сформулировать свою собственную, авторскую (какую по счету?!) дефиницию.

Однако подобные изыскания на современном этапе развития уголовно-процессуальной науки представляются явно неконструктивными по целому ряду причин. Так, во-первых, нами были рассмотрены лишь наиболее базовые, основные точки зрения о понятии доказательств в уголовном процессе. У каждого ученого, посвятившего свое внимание доказательственному праву, имеются какие-то собственные (частные) доводы и аргументы как «за», так и «против» отдельных элементов, заложенных в данную дефиницию. И, следовательно, чтобы вывести наиболее разумную и объективную формулировку понятия доказательств подобным способом, следует проанализировать все или по крайней мере большинство работ (монографий, научных статей, диссертаций и т.д.) по проблемам их сущности в уголовном процессе. Для решения этой задачи необходимо проведение самостоятельного серьезного монографического

исследования, может быть, даже нескольких исследований. А результат подобной работы нам видится весьма и весьма сомнительным: по крайней мере, еще ни одному специалисту сформулировать идеальное понятие так и не удалось. В этой связи полагаем, что любое новое определение доказательств, основанное на анализе имеющихся в науке взглядов и воззрений, не будет безгрешным; везде можно будет найти те или иные недостатки.

Во-вторых, наука уголовного процесса, как и любая другая отраслевая юридическая наука, направлена в первую очередь на совершенствование уголовно-процессуального права в целом, а также его отдельных норм и институтов. Следовательно, формулирование очередного понятия доказательства имеет своим назначением оптимизацию действующего уголовно-процессуального закона, в частности ст. 74 УПК РФ. Многие специалисты до сих пор пытаются внести определенные изменения (дополнения) в названную норму или вообще в корне изменить ее содержание. Указанные предложения, возможно, и имеют некоторый теоретический смысл. Может быть, УПК РФ с учетом данных поправок и станет более логичным и последовательным. Однако представляется, что прежде, чем вносить очередные поправки в текст закона, необходимо проанализировать, какое влияние они окажут на правоприменение, на практическую деятельность. Если, невзирая на существующие, по мнению ряда специалистов, логические неточности, следственная и судебная практика и так идет по правильному пути, то, на наш взгляд, следует прекратить бесконечные предложения по изменениям и дополнениям текста УПК РФ и сконцентрировать свое внимание на тех пробелах уголовно-процессуальной науки и законодательства, которые действительно обуславливают серьезные практические проблемы. Ведь существующее в настоящее время легальное определение доказательств, основанное, как было отмечено ранее, на информационной теории, вполне адекватно и приемлемо. Тем более что за время, прошедшее с момента вступления УПК РФ в действие, практикой были выработаны некоторые весьма разумные рекомендации по правильному применению положений доказательственного права. В качестве примера в данном случае можно привести позицию

Пленума Верховного Суда РФ, указавшего, что в обвинительном заключении или акте под перечнем доказательств понимается не только ссылка на источники доказательств, но и приведение краткого содержания доказательств[45]. Кстати, позднее данная позиция нашла отражение и в соответствующих статьях закона[46].

Ну и наконец, в-третьих, мы полагаем, что приведенные выше точки зрения относительно понятия доказательств в уголовном процессе изначально основаны на различном понимании одних и тех же базовых гносеологических категорий. Например, философскую категорию «факт» в теории процессуального познания понимают и как сведение, и как фрагмент объективной действительности, и как фрагмент истинного знания и т.д. Первое, с чего необходимо начать, – совершенно справедливо пишет В.С. Балакшин, намечая пути для дальнейшего развития данной проблематики, – это разобраться в терминологическом многообразии, которое характерно для доказывания, и договориться о приемлемом и оптимальном однообразии используемых терминов как в теории доказывания, так и в уголовно-процессуальном законодательстве[47]. Представляется, что теоретически автор абсолютно прав. Ведь большинство описанных выше научных проблем обусловлено именно тем обстоятельством, что различные ученые называют одни и те же вещи разными именами: факты, фактические данные, сведения, источники и пр. Поэтому подобная договорная концепция могла бы если не полностью, то хотя бы частично разрешить существующие противоречия. Но проблема, на наш взгляд, заключается в том, что в современных условиях, характеризующихся многообразием уголовно-процессуальных научных школ, различными взглядами на саму природу российского уголовного процесса, на его цели, задачи, принципы, дискуссиями по наиболее

---

[45] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями.

[46] Федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

[47] См. *Балакшин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания … С. 45.

базовым категориям процессуального права, достижение подобных договоренностей практически невозможно.

Таким образом, возникает концептуальный вопрос: а нужно ли вообще в современных условиях продолжать исследования в этом сегменте уголовно-процессуальной науки? Да, безусловно, нужно! Однако, по нашему мнению, следует несколько изменить тактику, а, возможно, даже и стратегию подобных научных изысканий. Представляется, что дальнейшие исследования необходимо осуществлять не в целях конструирования оптимальной формулировки понятия доказательств в уголовном судопроизводстве, а в целях более глубокого уяснения философской сущности доказательств, их места в механизмах установления обстоятельств уголовного дела, то есть развивать те вопросы теории уголовно-процессуального познания и доказывания, многие из которых в силу различных причин не были должным образом исследованы ранее.

В этой связи необходимо отметить, что предусмотренная законом процессуальная форма любого из доказательств, коей уделяется повышенное внимание в юридической литературе, – это всего лишь внешняя оболочка, всего лишь верхушка того айсберга, на котором зиждется доказывание обстоятельств уголовного дела. Что же касается внутренней части данного процесса, то есть гносеологических и психофизиологических механизмов познания человеком действительности, логических приемов и операций по обоснованию правильности определенной позиции, то они, как известно, работают вне каких-либо формальных правил и подчиняются лишь объективно существующим закономерностям, определенным самой природой.

Представляется, что имеющиеся в теории определения доказательств (за исключением, пожалуй, наиболее радикальных) никоим образом нельзя противопоставлять друг другу, тем более ставить их в зависимость от существующего в государстве типа (формы) уголовно-процессуальной деятельности, в частности от уровня гарантий прав и свобод личности. Научные подходы к понятию доказательства всего лишь более или менее удачно характеризуют разные стороны одного и того же процессуально-гносеологического и логического

феномена – некоего средства, с помощью которого осуществляются различные этапы процесса доказывания обстоятельств уголовного дела. Поэтому исследование сущности доказательств в современных условиях развития уголовно-процессуальной науки целесообразно проводить в контексте общего анализа закономерностей всего механизма познания и доказывания по уголовному делу, определяя их роль на каждом отдельном этапе уголовного судопроизводства, а также применительно к деятельности каждого отдельного участника: дознавателя, следователя, прокурора, защитника, суда и т.д.

§ 1.2. Процессуальное познание как гносеологическая основа доказывания в уголовном судопроизводстве

Вплоть до настоящего времени ученые-правоведы так и не выработали единой точки зрения по поводу соотношения уголовно-процессуального познания и доказывания, хотя факт их тесной взаимосвязи уже ни у кого не вызывает сомнений. В литературе существует несколько наиболее известных позиций. Так, некоторые процессуалисты советского периода отождествляли указанные категории, полагая, что доказывание и есть познание обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела[48]. Другие специалисты понимали и продолжают понимать под доказыванием более узкий правовой инструмент (разновидность познания), характеризующийся, например, наличием строгой процессуальной

[48] Например: *Арсеньев В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств … С. 10; *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания. – 2-е изд. – Казань: Казанский госуниверситет, 1976. – С. 16 и т.д.

формы[49], возможностью опосредованного восприятия обстоятельств уголовного дела[50] или направленностью на строго определенный круг обстоятельств[51]. Кстати, примерно такие же подходы к соотношению познания и доказывания присущи и другим отраслям юридической науки, в частности гражданскому процессу и административному праву[52].

Существует и еще одна достаточно интересная научная позиция, в определенной степени разводящая познание с доказыванием. Ее представители указывают, что доказыванием следует считать процесс формирования и изложения различных доводов и аргументов, позволяющих обосновать правильность своей позиции перед субъектом правоприменения. Так, еще М.С. Строгович толковал понятие доказывания в двух различных смыслах: а) как исследование, познание истины органами дознания, следователем, прокурором, судом с участием потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, защитника и других лиц;

---

[49] Например: *Божьев В.П.* Основные вопросы советского уголовного процесса: учеб. пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1978. – С. 81; *Хмыров А.А.* Проблемы теории доказывания: учеб. пособие. – Краснодар. Кубанский госуниверситет, 1996. – С. 6; *Победкин А.В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании: дис. … д.ю.н. – М.: МосУ МВД России, 2005. – С. 113; *Костенко Р.В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования: автореф. дис. … д.ю.н. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2006. – С. 8; *Петуховский А.А.* Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики). – М.: Академия управления МВД России, 2009. – С. 5; *Зажицкий В.И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2015. – С. 19–20; *Якимович Ю.К.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. – Томск: Томский госуниверситет, 2015. – С. 3 и т.д.

[50] *Лупинская П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе … С. 21–22; *Якимович Ю.К.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. … С. 3

[51] Например: *Джатиев В.С.* Доказывание и оценка обстоятельств преступления / отв. ред. Н.С. Алексеев. – Ростов н/Д: Ростовский госуниверситет, 1991. – С. 122–123; *Астафьев Ю.В., Изотова Н.В.* Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия. – Курск: ФГУИПП, 2002. – С. 86; *Якимович Ю.К.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе России. … С. 3

[52] Например: *Треушников М.К.* Судебные доказательства. – М.: Городец, 1997. – С. 33; Гражданский процесс России: учебник / под ред. М.А. Викут. – М.: Юристъ, 2004. – С. 167; *Васильев Ф.П.* Доказывание по делу об административном правонарушении. – М.: ЮНИТИ–ДАНА, 2005. – С. 26 и т.д.

б) как обоснование определенного тезиса участником, выдвинувшим этот тезис[53]. Позднее С.А. Шейфер писал об этом как о доказывании в широком и узком смыслах[54]. А.Р. Ратинов говорил о доказывании как об удостоверении, о подтверждении, об обосновании правильности каких-либо мыслей или решений при помощи доводов, аргументов и фактов перед определенным адресатом. Он утверждал, что доказывание имеет как познавательную, так и удостоверительную стороны[55]. Аналогичные взгляды высказывались Э.С. Зеликсоном[56], В.Д. Арсеньевым (в более поздних работах)[57], Р.Г. Домбровским[58], А.А. Леви[59] и некоторыми другими специалистами.

Вместе с тем наибольшее развитие данная концепция приобрела в связи с переходом отечественного уголовного судопроизводства к состязательным механизмам, сопровождающимся отказом от целого ряда постулатов советской процессуальной науки. Как отмечает Л.А. Воскобитова, сама Конституция РФ определила правовые параметры реформы судебной власти и заложила основы для пересмотра сложившихся методологических представлений о судебном познании[60]. В свою очередь, В.А. Лазарева пишет, что сложившиеся в советский период представления о доказывании как о процессе, тождественном познанию, мешают развитию состязательной формы уголовного судопроизводства[61]. Придерживаясь данной точки зрения, Л.М. Володина считает, что доказать что-

---

[53] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – Т. 1 … С. 299.

[54] *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования … С. 17.

[55] Теория доказательств в советском уголовном процессе … – С. 288–289.

[56] *Зеликсон Э.С.* Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства: автореф. дис. … д.ю.н. – Алма-Ата, Казахский госуниверситет имени С.М. Кирова, 1973. – С. 12.

[57] *Арсеньев В.Д.* О соотношении гносеологических и юридических аспектов в судебном доказывании по уголовным делам // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе: тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1981. – С. 38–39.

[58] *Домбровский Р.Г.* Познание и доказывание в расследовании преступлений: автореф. дис. … д.ю.н. – Киев: Киевский госуниверситет имени Т.Г. Шевченко, 1990. – С. 21.

[59] *Леви А.А.* Избранные научные труды. – М.: РУДН, 2012. – С. 259–260.

[60] *Воскобитова Л.А.* Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства: дис. … д.ю.н. – М.: МГЮА, 2004. – С. 279.

[61] *Лазарева В.А.* Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. – 2007. – № 3. – С. 98.

либо означает не только познать, но и убедиться в достоверности полученного результата, убедить в правильности своих выводов и иных лиц[62]. Несколько противоречивой позиции по данному вопросу придерживается Е.А. Карякин. Автор, с одной стороны, указывает, что процессуальное познание и доказывание являются самостоятельными структурными элементами. Однако при этом процессуальное познание он считает более широкой категорией, включающей в свой состав в том числе и доказывание[63].

Развивая идею о разграничении юридического познания и доказывания в контексте принципа состязательности, Ю.П. Боруленков полагает, что при определении сущности этих категорий следует исходить прежде всего из функций субъектов и наличия их специфического интереса. Он говорит о доказывании как о деятельности, обуславливающей функции сторон, в противовес функции суда, выраженной в познании. Таким образом, под доказыванием ученый понимает деятельность по обоснованию сторонами утверждений, которая, по его мнению, должна быть разграничена с процессуальным познанием[64]. Иными словами, фактически под процессуальным доказыванием он подразумевает сугубо логические операции, в ходе которых обосновывается истинность определенных суждений[65]. Несколько ранее данная точка зрения выдвигалась Л.А. Татаровом[66].

Кстати, в этой связи весьма примечательно, что в науке гражданского процесса позиции, связанные с полным разграничением познания и доказывания, появились значительно раньше и укоренились значительно глубже. В частно-

---

[62] *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика. – М.: Издательская группа «Юрист», 2006. – С. 219.

[63] *Карякин Е.А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 62, 104.

[64] *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 220–221.

[65] В формальной логике такой процесс принято называть не доказыванием, а доказательством чего-либо. См., например: *Афанасьева О.В.* Логика: учеб. пособие. – М.: Проспект, 2008. – С. 161.

[66] *Татаров Л.А.* Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления: автореф. дис. … к.ю.н. – Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России, 2007. – С. 14–15.

сти, Л.А. Ванеева еще в 1972 г. писала, что доказывание в гражданском процессе – это деятельность сторон и иных участников процесса по обоснованию истинности предъявленных требований или возражений. А познание – всего лишь форма восприятия обстоятельств, имеющих значение для дела[67]. Аналогичные взгляды также высказывались О.П. Чистяковой[68] и некоторыми другими учеными. Авторы современного «Курса доказательственного права в гражданском и арбитражном процессе» вообще считают познание и доказывание исконно гетерогенными категориями[69].

Следует также обратить внимание на противоречивость самих норм уголовно-процессуального права, регламентирующих доказывание. Так, с одной стороны ст. 85, 86, 87 УПК РФ, говоря об собирании и проверке доказательств как элементах доказывания, явно вкладывают в это понятие познавательный смысл. Однако с другой стороны ч. 2 ст. 14 УПК РФ, возлагая бремя доказывания на сторону обвинения, имеет ввиду именно логический, аргументационный аспект.

В целом разделяя научные взгляды, предполагающие рассмотрение процессуального познания и доказывания в контексте принципа состязательности, позволим себе не согласиться с доводами Ю.П. Боруленкова, Л.А. Татарова и наших коллег – специалистов в области гражданского судопроизводства о жестком разграничении этих двух категорий. Представляется, что доказывание нельзя рассматривать исключительно как некий логический процесс, направленный на убеждение сторонами суда в правильности своих позиций. Безусловно, он имеет и познавательную составляющую. Особо наглядно это прослеживается в досудебном производстве по уголовному делу, где органы до-

---

[67] *Ванеева Л.А.* Судебное познание в советском гражданском процессе. – Владивосток: Дальневосточный госуниверситет, 1972. – С. 43.

[68] *Чистякова О.П.* Проблема активности суда в гражданском процессе: автореф. дис. … к.ю.н. – М.: МГЮА, 1997. – С. 22.

[69] Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М.А. Фокиной. – М.: Статут, 2014. – С. 107.

знания или предварительного следствия для обоснования своей позиции осуществляют полноценное познание всех обстоятельств уголовного дела посредством производства следственных и иных процессуальных действий. В частности, проверяя различные версии в период между возбуждением уголовного дела и моментом привлечения лица в качестве обвиняемого, следователь в различных формах осуществляет познание, но свои выводы относительно обвинения он должен основывать лишь на достаточных доказательствах (ст. 171 УПК РФ). В свою очередь, наделяя суд познавательной функцией, нельзя забывать о его обязанностях давать надлежащую оценку всем имеющимся доказательствам, на основании чего логически обосновывать и мотивировать любой приговор или иное решение (ч. 4 ст. 7, ч. 1 ст. 88 УПК РФ). Как разъяснил Пленум Верховного Суда РФ, при постановлении приговора должны получить оценку все рассмотренные в судебном заседании доказательства, как подтверждающие выводы суда по вопросам, разрешаемым при постановлении приговора, так и противоречащие этим выводам. Суд в соответствии с требованиями закона должен указать в приговоре, почему одни доказательства признаны им достоверными, а другие отвергнуты[70].

Таким образом, для определения сущности доказывания в уголовном судопроизводстве необходим более компромиссный подход, предполагающий сочетание познавательных и аргументационных приемов в деятельности как суда, так и сторон. Безусловно, что уголовно-процессуальное доказывание полностью не вписывается в более широкую категорию «познание», и, конечно, эти категории не тождественны. Вместе с тем доказывание нельзя гетерогенно развести с познавательной деятельностью, то есть лишить его гносеологического фундамента, на котором и строятся все доводы и аргументы как суда, так и сторон. Мы не можем солидаризироваться с Ю.П. Боруленковым, считаю-

[70] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре» с последующими изменениями и дополнениями.

щим, что в содержательном плане понятия «процессуальное познание» и «доказывание» не только не совпадают, но и вообще могут не пересекаться[71]. Скорее следует согласиться с Л.М. Володиной, говорящей о совпадении уголовно-процессуального познания и доказывания лишь в определенной части – когда речь идет о способах собирания доказательственной информации[72]. Доказывание в уголовном судопроизводстве целесообразно рассматривать как трехэтапный процесс, состоящий в процессуальном познании обстоятельств уголовного дела, процессуальном оформлении полученной информации и логическом обосновании данными обстоятельствами правоприменительных решений[73]. В настоящее время такую позицию в своих работах выдвигает Ю.К. Орлов, полагающий, что доказывание не сводится только лишь к познанию, и выделяющий: а) доказывание-познание; б) доказывание-удостоверение; в) доказывание-обоснование[74]. Примерно такие же взгляды высказываются и в некоторых современных работах по гражданскому процессуальному праву[75].

В этой связи следует обратить особое внимание, что применительно к последнему этапу доказывания – логическому обоснованию процессуальных решений – более приемлемым является подход к сущности доказательств, встречающийся в работах дореволюционных юристов: В.Д. Спасовича, Я.И. Баршева, И.Я. Фойницкого и др., писавших о них как об основаниях для судейского убеждения. В свою очередь, применительно к доказыванию-удостоверению

---

[71] *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание … С. 221.

[72] *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика … С. 219.

[73] Близкая по смыслу позиция о двухэтапном характере доказывания ранее высказывалась А.А. Давлетовым. Вместе с тем автор считает доказывание лишь вторым этапом познавательной детальности. См.: *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания … С. 178.

[74] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе ... С. 32–33.

[75] Например: *Сахнова Т.В*. Курс гражданского процесса. Теоретические начала и основные институты. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – С. 344, 350; *Боннер А.Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе: – М.: Проспект, 2013. – С. 15–18; *Решетникова И.В.* Доказывание в гражданском процессе: учеб.-практич. пособие для магистров. – 4-е изд. – М.: Юрайт, 2014. – С. 24; *Молчанов В.В.* Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве. – М.: Зерцало, 2015. – С. 68.

наиболее подходящей является позиция С.А. Пашина и В.В. Золотых, делающих акцент на свойство допустимости доказательств. Что же касается первой ступени доказывания, то здесь приоритет, конечно, принадлежит информационной теории как методологической основе установленных законом современных приемов процессуального познания. Указанная особенность доказывания полностью подтверждает сделанный в первом параграфе диссертации вывод об отсутствии необходимости противопоставления существующих теорий доказательств, о том, что имеющиеся в науке подходы всего лишь более или менее удачно характеризуют разные стороны доказательства. Кстати эта позиция также весьма гармонично согласуется с некоторыми современными представлениями о доказательствах, например, с вышеупомянутой точкой зрения В.А. Лазаревой, рассматривающей их в информационном, формально-процессуальном и аксиологическо-логическом аспектах.

В контексте осуществления своего первого (познавательного) этапа доказывание действительно является разновидностью процессуального познания и имеет с ним общую внутреннюю гносеологическую сущность, общие механизмы постижения человеком обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Именно особенности уголовно-процессуального познания – совершенно справедливо отмечает Л.А. Воскобитова – и порождают учение о доказательствах как средствах познания, а также гарантиях правильности познания[76]. С этих позиций и уголовно-процессуальное познание, и доказывание являются всего лишь частными случаями познания в целом[77]; им присущи все основные законы и закономерности познавательной деятельности. Законы эти – писал А.И. Трусов – едины для всякого познания. Они действуют как при по-

[76] *Воскобитова Л.А.* Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве // Философские науки. – 2013. – № 12. – С. 27.

[77] Вообще, познание представляет собой деятельность человека (человечества), целью которой является получение нового истинного знания о каких-либо объектах: событиях, явлениях, элементах вещной обстановки и т.д. См., например: *Лузгин И.М.* Методологические проблемы расследования. – М.: Юрид. лит., 1973. – С. 18; *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания … С. 20 и т.д.

знании больших процессов и явлений (например, при установлении закономерностей природы, общества, человеческого мышления), так и при восстановлении картины единичных фактов, явлений, событий (например, факта преступления и виновности определенного лица). Без использования этих закономерностей не может протекать никакой процесс познания, не может быть установлена истина[78]. Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов, рассматривая уголовно-процессуальное доказывание в контексте его гносеологической сущности, отмечали, что оно представляет собой разновидность познания человеком реальной действительности. Оно осуществляется в соответствии с общими закономерностями, присущими познавательной деятельности во всех областях теории и практики[79].

Эти закономерности во многом обусловлены концептуальным философско-методологическим подходом к сущности познания. Причем в отечественной науке таковым традиционно являлся диалектический материализм (в советский период – марксистско-ленинская диалектика); на нем вплоть до настоящего времени зиждется вся национальная теория доказательств; на него опирались и продолжают опираться фундаментальные процессуальные и криминалистические исследования[80]. Более того, диалектический материализм расценивался не просто как основной методологический подход к сущности познания. В контексте проводимой советским государством радикальной политики воззрения и идеи этой философской школы приобрели официальный государственный статус и фактически превратились в неоспоримую научную догму. Иные мировоззренческие позиции гносеологического характера, пусть даже выдвинутые в духе диалектического материализма, но тем не менее не соответствующие господствующей марксистско-ленинской идеологии, изначально были обречены на провал.

---

[78] *Трусов А.И.* Основы теории судебных доказательств … С. 10.

[79] *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание ... С. 5.

[80] В учебной литературе по уголовному процессу советского периода прямо рекомендовалось при изучении теории судебных доказательств использовать свои знания из курса марксистско-ленинской философии. См., например: *Божьев В.П., Гаврилов А.К., Чугунов В.Е.* Советский уголовный процесс. Общая часть: пособие для слушателей заочных отделений высших учебных заведений МВД СССР. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1973. – С. 57.

В последнее время отечественные философы, пытаясь наверстать упущенное, прикладывают немало усилий для изучения ведущих философских концепций XX века; основываясь на положениях критического рационализма, неореализма, неопозитивизма, прагматизма, феноменологии, герменевтики и других школ, ученые ищут новые концептуальные подходы к наиболее базовым категориям гносеологии. Очевидно, что такое стремительное развитие философской мысли рано или поздно приведет к переориентированию методологии юридического, в частности уголовно-процессуального, познания, объективно потребует пересмотра большинства существующих научных положений и создания новых, альтернативных теорий. Готова ли сегодняшняя юридическая наука к такому переосмыслению своих методологических основ? Данный вопрос представляется крайне сложным и неоднозначным, поскольку связь уголовно-процессуального, гражданского процессуального и других областей правовых знаний с философией существенно ослаблена. Как справедливо полагает В.И. Пржиленский, расхождение между современным уровнем развития философского знания и теми философскими положениями, которые применяются при правовых теориях, становится все более вопиющим[81]. Многие разработки философской науки XX века по вопросам познания просто неизвестны или мало известны современным правоведам; их еще предстоит освоить, осмыслить и соотнести с имеющимися процессуальными представлениями.

Марксистско-ленинская диалектика позволила сформировать некую упрощенную схему представлений о познании, которая и легла в основу теории уголовно-процессуального доказывания. Тем более что в работах советских ученых унаследованы многие мировоззренческие идеи других философских школ и направлений, история которых насчитывает не одну сотню лет. Как отмечается в философской литературе, диалектико-материалистическое учение об истине является преемником классической концепции истины и вместе с тем

---

[81] *Пржиленский В.И.* Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия // Lex Russica (Научные труды МГЮА имени О.Е. Кутафина). – 2013. – № 4. – С. 353–354.

представляет собой качественно новый этап в ее развитии. А истоки самой классической концепции восходят к античной философии; первые попытки ее теоретического осмысления были предприняты еще Платоном и Аристотелем[82].

Представляется, что в настоящее время резкий отход теории уголовно-процессуального познания и доказывания от постулатов диалектического материализма пока реально невозможен; он, несомненно, повлечет за собой достаточно серьезные негативные последствия как в науке уголовного процесса, так и в правоприменительной практике. Тем более что для юриспруденции вообще наиболее разумным является умеренный консерватизм, не революционный, а именно эволюционный путь развития. Поэтому современные подходы к сущности познания и доказывания в уголовном судопроизводстве должны носить в некотором роде компромиссный характер. Так, с одной стороны следует согласиться с теми учеными, которые считают, что методология процессуального познания не может быть оторвана от диалектики[83]. Вместе с тем, с другой стороны, диалектико-материалистический подход не должен расцениваться как неоспоримая научная догма. Полагаем, что существующие в теории доказывания постулаты вполне могут получить новый виток своего развития в контексте заимствования ряда положений и взглядов из области других, в том числе современных, философских школ и течений. Именно в таком направлении нам видятся дальнейшие шаги в этом сегменте процессуальной науки.

Для диалектического метода познания характерно несколько базовых положений: а) о первичности материи и вторичности сознания; б) о возможности познания человеком объективного мира; в) об объективной, относительной и

---

[82] *Чудинов Э.М.* Природа научной истины. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – С. 13, 35.

[83] *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания … С. 20.

абсолютной истине; г) о ступенях познания; д) о роли общественно-исторической практики в познании и т.д.[84] Существует и еще одна весьма важная закономерность – способность материи к отражению, которая, по мнению советских ученых, основывающихся на работах В.И. Ленина, «существует в фундаменте самого здания материи»[85]. В философской литературе под отражением понимается свойство материи (материальных систем) в процессе взаимодействия посредством своих особенностей воспроизводить особенности других систем. В ходе отражения осуществляется как бы перевод некоторого содержания (отражаемого) в такую форму, в которой это содержание становится внутренним достоянием отражающего. Тем самым вещи как бы оставляют свой след друг в друге, существуют не только «в себе», но и «в другом»[86]. Некоторые представители марксистско-ленинской философии писали об отражении в широком смысле – как относящемся к любым проявлениям объективной действительности, и в узком смысле – как относящемся исключительно к человеческому сознанию. Причем узкий смысл отражения отождествлялся ими с познанием[87]. Как отмечал известный болгарский философ Т. Павлов, теория отражения позволяет объяснить сущность процесса познания и доказывания в различных сферах человеческой деятельности[88].

Очевидно, что подобное свойство материи играет первостепенную роль и применительно к расследованию и судебному разбирательству уголовных дел.

---

[84] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 36. При этом следует отметить, что в названной работе выделялась и еще одна закономерность – партийность гносеологии. Однако очевидно, что она имела явно политический уклон и являлась следствием глубокой привязанности советского уголовно-процессуального права к марксизму-ленинизму.

[85] Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики / главн. ред. Т. Павлов. – Т. 1. – София: Наука и искусство, 1981. – С. 15; *Белкин Р.С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики. – М.: ВШ МВД СССР, 1970. – С. 8; *Он же.* Курс криминалистики. Т. 1 … С. 118–119 и т.д.

[86] Например: Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики … С. 27; Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. – М.: Московский университет, 1985. – С. 25.

[87] Например: *Рубинштейн С.Л.* Бытие и сознание. – М.: АН СССР, 1957. – С. 12–14; *Нарский И.С.* Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания. – М.: Знание, 1966. – С. 34.

[88] *Павлов Т.* Информация, отражение, творчество. – М.: Прогресс, 1967. – С. 3.

Его особая ценность обусловлена преимущественно ретроспективным характером процессуального познания. Ведь обстоятельства, подлежащие доказыванию (ст. 73 УПК РФ), как правило, находятся в прошлом. Так, обстоятельства подготовки или совершения преступления всегда опережают по времени деятельность органов дознания, следователя или суда по их установлению и исследованию. Они не могут быть изучены непосредственно или воспроизведены повторно. Это же касается и многих других обстоятельств, постигаемых субъектами познания в ходе уголовного судопроизводства. Следовательно, в большинстве случаев они могут быть установлены лишь посредством оставшихся следов – отражений прошлого. Именно такие следы – отражения прошлого события в памяти людей, на предметах, в документах – несут сведения, которые являются тем объективным материалом, на котором основывается ретросказательное исследование и формируются его выводы[89]. Вместе с тем ретроспективность процессуального познания, на наш взгляд, не носит исключительного характера. При расследовании и судебном разбирательстве уголовного дела встречаются некоторые обстоятельства, которые существуют в настоящем времени. Например, это могут быть обстоятельства, влияющие на вид и размер уголовного наказания: прежняя судимость виновного, наличие у него на иждивении малолетних детей и т.д. С.В. Курылев характеризовал подобные обстоятельства как факты, которые, возникнув до процесса, вне процесса, продолжают существовать и во время процесса. Более того, именно с их наличием во время разбирательства дела, а не только в прошлом закон в ряде случаев и связывает юридические последствия[90]. Кстати, к подобным обстоятельствам можно отнести и основания для избрания в отношении обвиняемого (подозреваемого) меры пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста. Как известно, в настоящее время они могут быть установлены лишь посредством надлежащей проверки представленных сведений в ходе судебного

[89] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова ... С. 250.

[90] *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии … С. 15.

заседания (ч. 1 ст. 108 УПК РФ). Однако все вышеприведенные исключения не имеют концептуального значения; они не связаны с главным фактом (событием преступления и виновностью и т.д.), а, скорее, влияют на решение частных вопросов: о виде наказания, его размере, об избрании меры пресечения и т.п. И к тому же, несмотря на их действительность во время производства по уголовному делу, органы предварительного расследования и суд зачастую познают их также по следам-отображениям (справкам, характеристикам, копиям приговоров и т.п.). Таким образом, подобные обстоятельства можно расценить как исключения, которые лишь подтверждают правило о ретроспективности уголовно-процессуального познания.

Для рассмотрения сущности ретроспективного познания целесообразно проанализировать схематическую концепцию данного процесса, предложенную А.А. Давлетовым. Он полагает, что такое познание можно представить по формуле: С→О2↔О1, где С – это субъект познания, О1 – само преступление и иные явления, произошедшие или существующие вне личного восприятия субъектами познания, а О2 – объекты, обладающие следами преступления или сохранившие их к моменту уголовно-процессуального познания, в силу чего изучаемые непосредственно. Стрелки в этой формуле означают средства и способы, применяемые субъектом при исследовании объекта. Данная концепция является производной от общей формулы познания: С→О; ее специфика обусловлена ретроспективным характером познания при производстве по уголовному делу. Эта особенность обусловливает необходимость двойного отражения. Первоначальное отражение, возникающее в момент совершения преступления на окружающих его явлениях и вещах, по мнению автора, носит объективный характер. Второе же отражение, возникающее в сознании субъектов процессуального познания (доказывания), является субъективным[91].

[91] *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания … С. 23, 25, 27, 28.

В целом, принимая рассмотренную схему за основу, мы вместе с тем не разделяем мнение ее автора по отдельным позициям. Во-первых, представляется не совсем правильным довод о безусловной объективности первичного отражения. Несколько забегая вперед, отметим, что этот явно марксистско-ленинский постулат не соответствует современным философским, психологическим и психофизиологическим представлениям о сущности восприятия человеком, в частности судом, следователем, дознавателем, свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, экспертом, автором документа, обстоятельств объективной реальности. Более подробно данные вопросы будут проанализированы нами в § 1.3 настоящего диссертационного исследования. Здесь же мы позволим себе ограничиться лишь констатацией факта, что объективизм характерен только для первичного отражения обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в материальных фрагментах реальности, в элементах вещной обстановки. Хотя и подобных ситуациях возможны определенные искажения, обусловленные особенностями механизма отражения. Эти объекты (в криминалистике они называются материальными следами преступления) в дальнейшем обусловливают появление вещественных доказательств, протоколов следственных действий и судебного заседания, а также некоторых документов, составленных как бы «без участия автора» (например, полученной через банкомат выписки о состоянии расчетного счета, распечатанного через электронный терминал посадочного талона на самолет и т.д.). Тогда как для отражения события преступления и других значимых обстоятельств в сознании человека (в криминалистике они называются идеальными следами), наоборот, характерен исключительно первичный субъективизм, безусловно, должный оказывать определенное влияние на особенности проверки и оценки сформированных таким образом доказательств – различных показаний, письменных документов, заключений специалиста и т.д.

Во-вторых, на наш взгляд, требует определенного пересмотра позиция А.А. Давлетова о фактически двухступенчатом объекте процессуального по-

знания. По мнению автора, этот объект следует рассматривать в единстве обстоятельств, подлежащих установлению, и объектов, обладающих следами преступления. Причем первые выступают в качестве цели познания, а вторые – как средства ее достижения[92]. Если следовать подобной логике, то объектами процессуального познания выступают и сами обстоятельства (одна ступень), и непосредственно взаимодействующие с субъектами познания свидетели, предметы материального мира, окружающая обстановка и т.д. (другая ступень). Но так ли это на самом деле? Полагаем, что для ответа на данный вопрос необходимо обратиться к общефилософскому пониманию объекта познания. Согласно одной из наиболее распространенных в философии точек зрения объектом считается то, что противостоит субъекту в его предметно-практической и познавательной деятельности. Объект не просто тождественен объективной реальности, а выступает как такая ее часть, которая находится во взаимодействии с субъектом. Причем само выделение объекта познания осуществляется при помощи форм практической и познавательной деятельности, выработанных обществом и отражающих свойства объективной реальности[93]. Иными словами, объект есть источник познания[94]. При этом некоторые философы понимают под объектом лишь материальные вещи[95]. Другие рассматривают объект познания более широко, относя к нему также и духовные продукты – идеи, чувства, мысли, включенные в сферу познавательно-практической деятельности людей[96].

---

[92] *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания … С. 26.

[93] Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 453.

[94] Диалектика процесса познания … С. 18.

[95] Например: Категории диалектики и методология современной науки / под ред. Б.Я. Замбровского, Б.Я. Пахомова, В.А. Сидоркина. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1970. – С. 23.

[96] Например: *Дейнеко Н.И.* Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект). – Киев–Одесса: Вища Школа, 1978. – С. 16; *Кириллов В.И.* Логика познания сущности. – М.: Высшая школа, 1980. – С. 54.

Если же взглянуть на эту общефилософскую концепцию сквозь призму уголовного судопроизводства, то становится очевидным, что объектами процессуального познания выступают лишь те фрагменты действительности, которые находятся во взаимодействии с дознавателем, следователем, судом как субъектами процессуального познания и, таким образом, являются его источниками. Особенностью объекта уголовно-процессуального познания – пишет Л.А. Воскобитова – является то, что он включает лишь те фрагменты объективной реальности, которым познающий субъект придает юридическое значение. Следовательно, формирование объекта познания включает в себя как объективные, так и субъективные моменты. Объект процессуального познания не может пониматься как нечто исключительно объективное, противостоящее субъекту познания[97]. Иными словами, сам субъект активно участвует в формировании объекта познания[98]. Объектами познания по уголовному делу могут являться люди, элементы вещной обстановки, предметы материального мира, которые сохранили на себе (в себе) определенные следы преступления (иных значимых событий и обстоятельств). Именно на них направлено процессуальное познание; именно они являются теми объектами, с которыми непосредственно сталкиваются субъекты познания, как бы выбирая их из всей реальности. В подобном ключе об объекте познания в уголовном судопроизводстве пишут и некоторые другие ученые-процессуалисты. В частности, В.С. Зеленецкий понимает под объектом познания по уголовному делу то, на что направлена познавательная деятельность; то, чем овладевают субъекты познания с целью установления

---

[97] *Воскобитова Л.А.* Познавательная деятельность суда в уголовном судопроизводстве // Lex Russica (Научные труды МГЮА). – 2005. – № 1. – С. 104; *Она же*. Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. – 2012. – №4 (5). – С. 60.

[98] *Воскобитова Л.А.* Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве… – С. 25.

истины. Он же указывает, что объект уголовно-процессуального познания может быть как материальным, так и идеальным[99]. Более того, современные научные представления об объекте уголовно-процессуального познания вообще связаны с его рассмотрением в контексте принципа состязательности и предполагают дифференциацию в зависимости от познающего субъекта, выполняемых им функций и его процессуальных интересов. В этой связи Л.А. Воскобитова подчеркивает, что каждая из сторон выделяет из объективной реальности «свою» часть и именно на нее направляет собственную познавательную деятельность. А объектом судебного познания становится совокупность фактических и правовых позиций, заявленных суду сторонами[100].

При этом следует вспомнить, что в гносеологии существует и принципиально иной, ничуть не менее авторитетный подход к сущности объекта познания. Согласно этому подходу под объектом познания в самом широком смысле следует понимать всю объективную реальность[101]. Следовательно, если данный подход применить к сущности познания в уголовном процессе, то к объекту такого познания, несомненно, можно будет отнести не только то, с чем взаимодействуют субъекты познания, а вообще любые фрагменты действительности, в том числе и обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу. В.Д. Арсеньев прямо писал об объекте уголовно-процессуального познания как об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу[102]. На первый взгляд при использовании такого методологического подхода в теории уголовного процесса скорее следует согласиться с изложенной выше и частично

---

[99] *Зеленецкий В.С.* Проблемы формирования совокупности доказательств в уголовном процессе. – Харьков: Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004. – С. 36, 44–45.

[100] *Воскобитова Л.А.* Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства … С. 290; *Она же.* Познавательная деятельность суда в уголовном судопроизводстве … С. 104, 105.

[101] Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики ... С. 165. Материалистическая диалектика / под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова; отв. ред. В.Г. Иванов. – М.: Мысль, 1982. – Т. 2. – С. 16.

[102] *Арсеньев В.Д.* К вопросу о предмете и объекте доказывания по уголовным делам // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам: межвуз. сб. – Красноярск: КТУ, 1987. – С. 26.

критикуемой нами позицией А.А. Давлетова. Но это не совсем так. Дело в том, что данный подход предполагает рассмотрение объекта познания как в широком, так и в узком смысле. В широком смысле объектом познания действительно признается вся объективная реальность, причем ее следует понимать как некую идеализацию[103]. Однако, по мнению сторонников рассматриваемого подхода, подобную идеализацию нельзя абсолютизировать. Если под объектом познания понимать всю объективную реальность – пишут Б.В. Ахлибинский и В.Г. Арлычев, – то тем самым следует абстрагироваться от наиболее существенного аспекта познавательной деятельности и допустить, что познание общего есть единственная цель исследования. Такая постановка вопроса не ориентирует теорию познания на исследование механизмов реального взаимодействия субъекта и объекта познания. Ведь на конкретном отрезке времени объект познания – это определенная ограниченная часть объективной реальности, а именно та, которая попадает в сферу интересов субъекта и с которой субъект может взаимодействовать[104]. А.М. Коршунов, в свою очередь, считает, что весь объективный мир не является актуальным объектом познания; таковым он становится лишь в связи с той ролью, которую он начинает играть в жизни общества[105]. То есть авторы фактически приходят к выводу о существовании объекта познания в узком смысле, который, в отличие от объекта в широком смысле, уже не является идеализацией, а представляет собой те проявления объективной действительности, с которыми приходится непосредственно взаимодействовать субъекту познания. Использование же идеализаций и идеализированных объектов – отмечает один из современных отечественных философов А.Л. Никифоров – наиболее характерно именно для научного познания[106].

---

[103] Материалистическая диалектика. Т. 2 … С. 16.

[104] Материалистическая диалектика. Т. 2 … С. 17.

[105] Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики … С. 165.

[106] *Никифоров А.Л.* Философия науки: история и теория: учеб. пособие. – М.: Идея-Пресс, 2010. – С. 126.

При этом очевидно, что в уголовном судопроизводстве (то есть деятельности явно ненаучной, а сугубо прикладной, к тому же имеющей четко сформулированное в законе назначение) актуален не какой-то абстрактный объект-идеализация, а именно конкретные объекты, находящиеся во взаимодействии с судом, следователем и прочими субъектами процессуального познания. Таким образом, и этот широкий философский подход нельзя принимать в качестве методологической основы для признания объектами уголовно-процессуального познания обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу. Однако полное игнорирование указанного подхода при формировании модели познания в уголовном судопроизводстве, на наш взгляд, также было бы неверным. Деятельность суда, следователя, дознавателя подчинена общим законам гносеологии независимо ни от каких формальных рамок, установленных правовыми нормами. Значит, объект познания преступления в широком смысле все-таки существует; его не может не быть. Однако представляется, что под ним следует понимать гораздо более пространную категорию, чем обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу (о чем писал В.Д. Арсеньев).

Полагаем, что в контексте уголовного судопроизводства объектом познания в широком смысле является совокупность всех обстоятельств, связанных с преступлением как частью объективной реальности. Причем такие обстоятельства могут быть самого различного рода и характера. Преступление – это сложное, многогранное негативное социально-правовое явление, представляющее интерес для многих направлений человеческой деятельности, в частности для социологии, психологии, криминологии, педагогики, уголовного права, криминалистики, судебной статистики и т.д. По этому поводу А.А. Давлетов справедливо указывает, что перед каждой такой разновидностью познания стоят свои, присущие только ей задачи, обуславливающие исследование данного объекта (преступления) с разных сторон[107]. В свою очередь, В.С. Зеленецкий выделяет

[107] *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания ... С. 123.

уголовно-правовой, криминологический, процессуальный, информационный, психологический и другие объекты познания преступления[108]. При подобном многостороннем понимании объекта само познание уже теряет свою сугубо практическую направленность; в нем явно прослеживаются элементы научной деятельности (о чем писал А.Л. Никифоров). А круг познаваемых обстоятельств в своей совокупности превращается в некую идеализацию, что полностью согласуется с общефилософским подходом к объекту познания в широком смысле.

На фоне всех этих обстоятельств существуют отдельные (далеко не все) фрагменты объективной действительности, связанные с совершением преступления, которые должны быть познаны, установлены для решения задач, стоящих перед уголовным судопроизводством. В процессе расследования и судебного разбирательства уголовного дела судья, следователь, иные субъекты доказывания, основываясь на предписаниях УПК РФ, а также на своих знаниях и опыте, как бы мысленно вычленяют эти фрагменты из общего объекта познания преступления и концентрируют на них свое внимание. Многие характеристики преступления не имеют юридического значения, поэтому они сознательно не включаются в поле зрения познающего субъекта[109].

В этой связи следует обратить внимание, что в философии для обозначения данной категории существует соответствующий термин – «предмет познания». Так, Б.В. Ахлибинский и В.Г. Арлычев отмечают, что предметом познания становятся прежде всего те аспекты объективной реальности, знания о которых необходимы для практической деятельности общества[110]. В зависимости от субъекта, его целей, интересов и т.д. – писал В.И. Кириллов – выделяются раз-

---

[108] *Зеленецкий В.С.* Проблемы формирования совокупности доказательств в уголовном процессе ... С. 37–44.

[109] *Воскобитова Л.А.* Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве … С. 25.

[110] Материалистическая диалектика. Т. 2 … С. 17.

личные стороны объекта познания, и на этой основе формируется предмет познания[111]. Как бы развивая данную философскую позицию, А.А. Давлетов и Л.А. Воскобитова совершенно справедливо указывают, что определение предмета уголовно-процессуального познания сводится, таким образом, к выявлению того круга свойств и отношений объекта познания по уголовному делу, изучение которого необходимо для решения задач уголовного судопроизводства[112].

Полностью разделяя подобную точку зрения, мы полагаем, что применительно к уголовному судопроизводству в роли предмета познания выступают те самые обстоятельства, события, явления, факты, наличие или отсутствие которых требуется установить по уголовному делу. Более того, в науке уголовного процесса существует давно устоявшийся и общепринятый термин «предмет доказывания», под которым понимается совокупность обстоятельств, подлежащих установлению (доказыванию) по уголовному делу[113]. Причем анализ литературы позволяет констатировать схожесть позиций, высказываемых в отношении предмета доказывания с нашими рассуждениями, касающимися предмета процессуального познания. А.А. Эйсман утверждал, что предмет доказывания – это система обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела[114]. Н.П. Кузнецов писал, что если объектом доказывания является фактическая сторона преступления, то предметом доказывания – те и только те факты и обстоятельства, которые имеют значение для правильного разрешения дела и выполнения задач уголовного процесса[115]. Следует также обратить внимание на

---

[111] *Кириллов В.И.* Логика познания сущности ... С. 62.

[112] *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания ... С. 123; *Воскобитова Л.А.* Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства … С. 290.

[113] Например: *Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе. – М.: АН СССР, 1955. – С. 260; Курс советского уголовного процесса. Общая часть … С. 543; *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 43 и т.д.

[114] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 139.

[115] *Кузнецов Н.П.* Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса: автореф. дис. … д.ю.н. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1998. – С. 16.

позицию В.А. Банина, отмечавшего, что знание судьей, следователем и другими субъектами схемы предмета доказывания выступает как результат изучения ими текста закона, уголовно-правовой и процессуальной литературы, а также обобщения собственного опыта расследования, рассмотрения и разрешения уголовных дел, то есть как результат профессионализации[116] (напомним, что выше мы писали о выделении предмета процессуального познания из общего объекта познания именно посредством предписаний УПК, знаний и опыта).

Говоря о предмете доказывания в уголовном судопроизводстве, следует обратить внимание на существование широкого и узкого подходов к его содержанию. Широкий подход предполагает включение в предмет доказывания любых обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу[117]. В этом случае предмет доказывания и рассмотренный выше предмет процессуального познания фактически тождественны. С.А. Шейфер специально указывает на целесообразность их однозначности и взаимосоответствия[118]. В соответствии с узким подходом к предмету доказывания относятся не все, а лишь некоторые обстоятельства уголовного дела, например, только обстоятельства, имеющие юридическое значение (уголовно-правовой или уголовно-процессуальный смысл), или только обстоятельства, учитываемые при разрешении дела по существу и т.д.[119] При таком понимании предмета доказывания его объем значительно у́же предмета познания, поскольку последний включает в себя и иные

---

[116] *Банин В.А.* Предмет доказывания в советском уголовном процессе (гносеологическая и правовая природа). – Саратов: Саратовский госуниверситет, 1981. – С. 16.

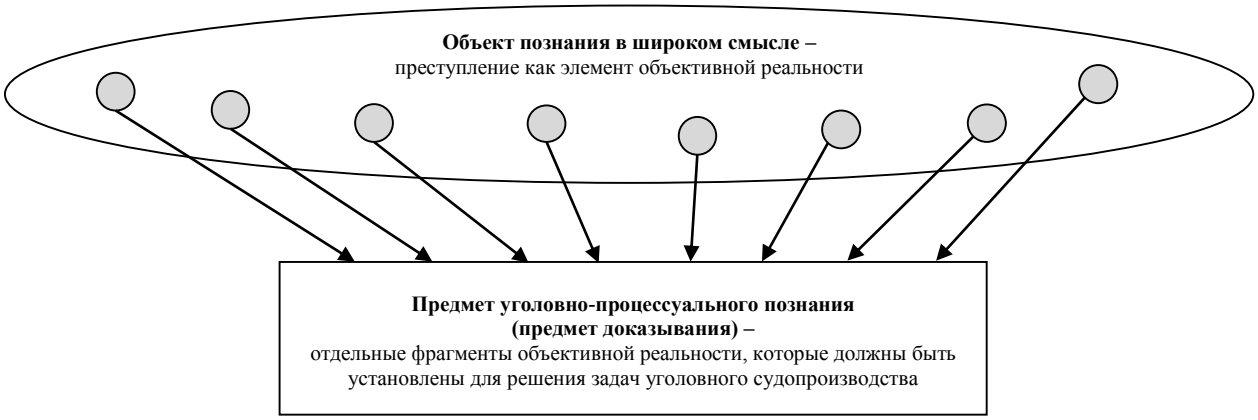
[117] Например: *Ларин А.М.* Работа следователя с доказательствами. – М.: Юрид. лит., 1966. – С. 8–9; *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования... – С. 79–80.

[118] *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования … С. 80.

[119] Например: *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии ... С. 28; *Лузгин И.М.* Расследование как процесс познания. – М.: ВШ МВД СССР, 1969. – С. 29; *Ульянова Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России. – М.: Городец, 2008. – С. 47. *Воскобитова Л.А.* Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве … С. 25; *Володина Л.М.* Предмет познания и предмет доказывания по уголовному делу // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 3 (4). – С. 187 и т.д.

фрагменты объективной действительности, подлежащие установлению для решения задач уголовного судопроизводства, но не требующие доказывания.

В настоящей работе мы не ставим задачу, связанную с более подробным исследованием предмета процессуального познания и предмета доказывания; мы подняли данный вопрос лишь для того, чтобы определить их место в общей схеме уголовно-процессуального познания. А для решения подобной проблемы не так уж и важно, тождественны ли эти категории или все-таки первая по своему объему более широкая. Ведь независимо от своего объема они имеют очень близкую гносеологическую сущность – являются фрагментами объективной действительности (объекта познания в широком смысле), которые должны быть установлены для решения задач уголовного судопроизводства.

Возвращаясь к взятой за основу схеме уголовно-процессуального познания С→О2↔О1, мы хотели вступить в дискуссию с ее автором еще по ряду вопросов, касающихся связей между ее элементами, которые обозначены соответствующими стрелками. Так, А.А. Давлетов обозначает взаимосвязь О1 и О2 (в контексте наших рассуждений – объекта и предмета познания) значком «↔», что предполагает их взаимное воздействие друг на друга. Однако такое воздействие существует только с общефилософской точки зрения. Безусловно, что любые объекты, взаимодействуя друг с другом, являются одновременно и отражающими, и отражаемыми, то есть находятся в состоянии взаимоотраже-

ния[120]. Но в контексте уголовно-процессуального познания потенциальная возможность такого взаимоотражения не имеет никакого практического значения. Ведь суд, следователь и иные субъекты, как мы уже отмечали выше, реально взаимодействуют не с предметом, а лишь с конкретными следами-отображениями, то есть объектами познания в узком смысле. Следовательно, факт обратного отражения объекта познания в его предмете не может быть установлен с помощью регламентированных законом процедур и лишен всякого смысла. Например, вряд ли будет необходимым, уже располагая доказанным фактом совершения преступления, через него устанавливать элементы вещной обстановки или свидетелей, запечатлевших соответствующие сведения. Таким образом, используемую А.А. Давлетовым двустороннюю стрелку «↔» предлагаем заменить на одностороннюю «←»; ею следует обозначать информацию о предмете познания, которая отразилась на (в) каком-то отдельном объекте.

Ну и наконец, последнее. Взаимосвязь субъекта познания со следами-отображениями (объектом в узком смысле) в схеме А.А. Давлетова обозначена значком «→», очевидно, предполагающим одностороннее воздействие субъекта на объект. Безусловно, что такое воздействие существует. Оно заключается в активной деятельности суда, следователя, дознавателя по проведению соответствующих следственных, судебных и других процессуальных действий, направленных на обнаружение, восприятие и фиксацию сведений, запечатленных на (в) объектах познания и являющихся отражением предмета познания. Но при этом необходимо учитывать и обратное воздействие объектов познания, в процессе которого указанные сведения как бы переходят в распоряжение субъектов, вторично отражаясь в их сознании. Кстати, напомним, что сам А.А. Давлетов указывал на механизмы двойного отражения, действующие в сфере ретроспективного познания.

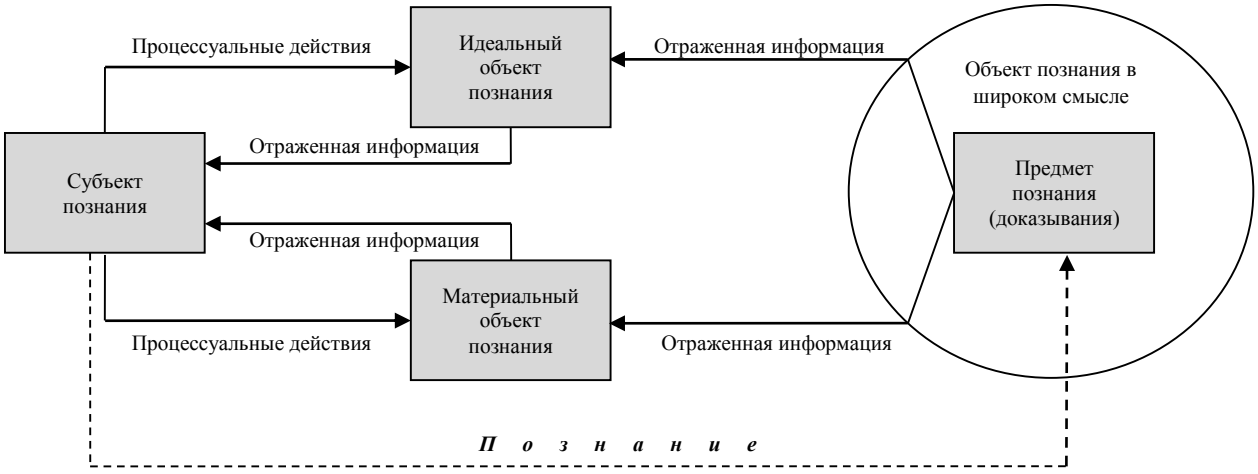
В основе взаимодействия суда, следователя, дознавателя с объектами уголовно-процессуального познания, по существу, лежат те же гносеологические

---

[120] Например: *Жуков М.И.* Информация (философский анализ информации – центрального понятия кибернетики). – Минск: Наука и Техника, 1966. – С 20–21.

закономерности отражения, которые присущи взаимосвязи «предмет – объект», но носящие при этом вторичный, производный характер. Более того, полагаем, что именно эти закономерности являются определяющими как при формировании любого уголовно-процессуального доказательства, так и всего уголовно-процессуального познания в целом, поскольку конечным адресатом информации о фактах, событиях, явлениях, имеющих значение для уголовного дела, является соответствующий субъект познания – суд, дознаватель или следователь, – уполномоченный придать ей правовой характер. Следовательно, при схематическом определении взаимосвязи субъекта и объекта процессуального познания целесообразно использовать дополнительную стрелку «←», указывающую на рассмотренный выше механизм вторичного отражения.

Итак, с учетом всех рассуждений и выводов схематическая концепция уголовно-процессуального познания должна быть представлена в следующем виде.

Иными словами, уголовно-процессуальное познание представляет собой деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда, заключающуюся в восприятии посредством процессуальных действий определенных информационных сигналов, которые поступают от различных материальных и идеальных объектов, отражающих обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, то есть предмет познания (доказывания).

При этом необходимо принять во внимание, что данная схема является базовой. Она заключает в себе лишь самый простой вариант процессуального познания, не обремененный различными промежуточными элементами. Вместе с тем очевидно, что в реальных условиях расследования и судебного разбирательства уголовных дел структура процессуального познания носит более сложный, многозвенный характер. Например, в случае работы с производными доказательствами, как известно связанными с опосредованным получением значимой информации («из вторых рук»), в схеме должен появиться еще один элемент – дополнительный материальный или идеальный объект познания, который, получая сведения из первоисточника, подлежит непосредственному восприятию судом, следователем или дознавателем. Однако наибольшие трудности, на наш взгляд, предполагает адаптация данной схемы применительно к работе с косвенными доказательствами. Косвенными являются такие доказательства, которые указывают не на сам предмет познания (доказывания), а на предшествующие, сопутствующие им или следующие за ним обстоятельства. Они позволяют установить лишь промежуточные факты, события или явления, на основании которых субъекты познания аналитическим путем, посредством своих логических умозаключений определяют наличие или отсутствие самих обстоятельств, входящих в предмет познания (доказывания) – так называемого главного факта. Косвенное доказывание – пишет А.А. Хмыров – представляет достаточно сложный и длящийся процесс, в котором можно вполне четко выделить по меньшей мере две ступени (или, что то же самое, два этапа). На первом из этих этапов достигается достоверное знание о промежуточных фактах. На втором – из этих фактов делаются выводы о наличии или об отсутствии события преступления, о его юридической квалификации, виновности лица, совершившего это преступление, и обо всех других имеющих правовое значение обстоятельствах[121]. Поэтому работа с косвенными доказательствами, по сути,

[121] *Хмыров А.А.* Косвенные доказательства в уголовных делах. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005. – С. 33.

предполагает появление в предложенной нами схеме еще одного дополнительного звена – промежуточного предмета познания. Очевидно, что данная схема также будет иметь свои особенности в контексте формирования некоторых специфических видов доказательств. В частности, заключение эксперта или специалиста, безусловно, связано с необходимостью включения в предложенную нами модель еще одного дополнительного субъекта познания, непосредственно взаимодействующего с объектом, а затем передающего имеющиеся у него сведения (результаты экспертного исследования, выводы или суждение) дознавателю, следователю или в суд. Определенная специфика имеется и при использовании в доказывании письменных или других документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ, поскольку они всегда имеют как бы искусственное происхождение, являются плодом активной деятельности человека. Документ сам по себе (если только он не обладает признаками вещественного доказательства) не может взаимодействовать с предметом познания; он лишь в материально-фиксированной форме содержит сведения, ранее воспринятые другим объектом – человеком (автором документа), а точнее его сознанием. В какой-то степени аналогичным образом следует охарактеризовать протоколы следственных действий, оглашаемые в судебном заседании; для суда данные материалы фактически приобретают значение документов. Но к рассмотрению этой проблемы мы вернемся в последующем.

Следовательно, при практическом осуществлении механизмов уголовно-процессуального познания предложенная схема-концепция действует в своих различных модификациях, обусловленных способом возникновения значимой для дела информации, ее характером, содержанием, а также особенностями формирования и исследования соответствующих доказательств. Причем эти модификации могут использоваться как раздельно, так и в совокупности.

В контексте сформулированной нами схематической концепции уголовно-процессуального познания целесообразно вернуться к тому, с чего было начато настоящее исследование – к вопросам о сущности доказательств в уголовном судопроизводстве. Рассматривая доказательства как элементы общей системы

познания по уголовному делу, представляется весьма незатруднительным установить их место в этой системе, посредством чего определить их гносеологическую сущность. Несомненно, что в данной концепции доказательствам отводится своеобразная роль передаточных механизмов, посредством которых субъект познания получает в свое распоряжение отдельные фрагменты информации, отраженные от материальных или идеальных объектов познания.

Таким образом, применительно к первому этапу доказывания уголовно-процессуальными доказательствами по своему существу являются предусмотренные законом информационные ресурсы, посредством которых суд, органы дознания, предварительного следствия, а также лица, принимающие участие в обосновании позиций сторон, устанавливают обстоятельства, входящие в предмет познания (доказывания). Поэтому, как уже отмечалось ранее, в контексте уголовно-процессуального познания наиболее удачной из всех изложенных выше теорий доказательств нам представляется именно информационная (кибернетическая) теория, понимающая под доказательствами сведения (информацию), имеющие значение для уголовного дела и проистекающие из определенного, установленного законом источника.

Вместе с тем следует еще раз обратить особое внимание, что информационная теория хорошо применима лишь к первому этапу доказывания – познавательной деятельности. Как справедливо отмечает Ю.К. Орлов в науке и практике уже выявились определенные недостатки информационной теории, например, полное игнорирование логической стороны доказывания и отрицание роли доказательственных фактов[122]. Представляется, что все эти проблемы также не должны быть оставлены без внимания и должны стать предметом самостоятельных научных исследований.

Более того, мы полагаем, что информационная теория доказательств в современных условиях не должна «застаиваться на месте», особенно в своем пер-

[122] Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 62.

возданном виде, обусловленном жесткой связью с постулатами марксизма-ленинизма. На сегодняшний день она нуждается в дальнейшем развитии. В настоящее время нет никаких причин, создающих препятствие для наполнения этой разработанной советскими процессуалистами концепции современными идеями и представлениями о закономерностях восприятия обстоятельств объективной реальности, о состязательных началах уголовного судопроизводства и т.д. В подобном контексте информационная теория доказательств на новом витке своего развития вполне может выступить в качестве методологической основы для современных подходов к механизмам установления обстоятельств уголовного дела и сущности отдельных средств процессуального познания, в частности – предусмотренных ст. 83 УПК РФ протоколов (результатов) «невербальных» следственных и судебных действий.

§ 1.3. Вербальный и «невербальный» способы познания в уголовном судопроизводстве

Рассматривая возможность использования информационной теории доказательств в качестве методологической основы для изучения сущности и особенностей различных средств познания в уголовном судопроизводстве, необходимо обратить внимание на немаловажное обстоятельство. Несмотря на полувековую историю развития данной теории, практически не исследованным остается один из ее важнейших вопросов – вопрос, связанный с закономерностями восприятия субъектами познания отраженной информации, то есть тех сведений, которые поступают к ним от объектов познания. Большинство отечественных процессуалистов и криминалистов традиционно оставляли эти проблемы за рамками своих исследований, видимо считая такие закономерности само собой разумеющимися и основанными на неоспоримом постулате марксизма-ленинизма о возможности отражения объективной реальности в сознании субъекта. Авторы некоторых фундаментальных работ старались углу-

биться в диалектико-материалистические законы философии и позиционировали уголовно-процессуальное познание (доказывание) как разновидность высшей формы отражения, характеризующейся известной степенью субъективизма[123].

Представители информационной теории доказательств продвинулись в исследовании данных вопросов гораздо дальше своих коллег. В частности, один из ее основоположников – В.Я. Дорохов, писал, что в мышлении человека существуют, взаимодействуют, движутся не вещи, не предметы, а их образы, понятия, сведения о них[124]. Похожие позиции прослеживаются и в некоторых других научных исследованиях того времени. Иными словами, советские ученые фактически приблизились к концепции познания (доказывания) обстоятельств уголовного дела на основе неких субъективных образов, запечатленных в сознании дознавателя, следователя, судьи. Однако эти научные идеи так и не получили своего дальнейшего развития, очевидно из-за потенциальной опасности возникновения определенных противоречий с марксизмом-ленинизмом. Как полагает Л.А. Воскобитова, проблема отражения сознанием человека объективного мира никогда не была предметом специальных философско-правовых исследований; юристы используют как догму утверждения о познаваемости мира именно благодаря отражению как всеобщему свойству материи[125]. Хотя для справедливости следует обратить внимание, что советский диалектический материализм вовсе не отрицал наличия субъективных познавательных образов, а, напротив, утверждал об их существовании[126]. Упоминание образов встречается и в работах В.И. Ленина[127]. Но вместе с тем советские философы относились к

---

[123] Например: *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии … С. 11–12; Курс советского уголовного процесса. Общая часть … С. 523–525; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание … С. 108.

[124] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 207.

[125] *Воскобитова Л.А.* Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве … С. 28.

[126] Например: *Нарский И.С.* Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания … С. 34; *Дейнеко Н.И.* Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект) … С. 87 и т.д.

[127] *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений в 55 т. – Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. – М.: Политиздат, 1968. — С. 114.

данной проблеме с большой осторожностью, не выходили за рамки «дозволенного». В противном случае существовала реальная опасность перехода на позиции идеализма, который подвергался резкой критике. Например, Н.К. Вахтомин специально отмечал, что идеалисты извращенно толкуют активную роль субъекта в познании, превратив его в творца действительности, в некого демиурга[128].

В настоящее время более не существует никаких идеологических преград для рассмотрения уголовно-процессуального познания (доказывания) вне зависимости от постулатов марксизма-ленинизма. Поэтому в современных условиях наибольшие научные усилия, связанные с развитием информационной теории доказательств, необходимо направить именно на исследование вопросов познания дознавателем, следователем или судом обстоятельств уголовного дела на основании мысленных образов, то есть попытаться сделать то, что не было сделано советскими учеными-процессуалистами.

Итак, одним из базовых положений информационной теории доказательств является тезис о том, что субъект познания получает отраженную информацию от объекта посредством сигналов, передающихся в определенной форме[129]. В кибернетике под сигналом обычно понимается тот или иной физический процесс, несущий информацию о событии, явлении, объекте, то есть как бы выступающий в роли модели этих события, явления или объекта[130]. Таким образом, содержанием сигнала является сама информация, а его формой – способ передачи (например, изменение предмета, акустические колебания и т.д.). Дознаватель, следователь, судья, осуществляя познавательную деятельность посредством проведения тех или иных процессуальных действий, различным

---

[128] *Вахтомин Н.К.* О роли категорий сущность и явление в познании. – М.: АН СССР, 1963. – С. 12.

[129] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 215.

[130] Например: *Полетаев И.А.* Сигнал. – М.: Советское радио, 1958. – С. 25–27; *Куликовский Л.Ф., Молотов В.В.* Теоретические основы информационных процессов. – М.: Высшая школа, 1987. – С 67–69.

образом взаимодействуют с объектами познания, получая от них соответствующие информационные сигналы. В этой связи представляется достаточно справедливым выдвигаемый информационной теорией тезис, что механизмы психического отражения (восприятия, ощущения, представления) поступающих информационных сигналов и формирования на их основе определенных знаний об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу, носят субъективный характер[131]. Но вместе с тем мы не можем согласиться с другим утверждением информационной теории, что само психическое отражение имеет материальную сущность, поскольку связано с объективно существующей нервной системой и организмом человека. Рассмотрим этот вопрос более подробно.

Большинство философских систем, сложившихся в Новое время, выделяют два основных этапа познания: чувственный и рациональный[132]. Причем современные научные исследования свидетельствуют о неравномерном соотношении чувственного и рационального познания у различных типов личностей. Так, известный отечественный психофизиолог Н.Н. Данилова выделяет художественный, мыслительный и средний типы личности. Художественный тип характеризуется преобладанием первой сигнальной системы и восприятием действительности цельными чувственными образами без их разделения на части. У мыслительного типа, наоборот, усилена работа второй сигнальной системы, резко выражена способность отвлечения от реальности, основанная на стремлении анализа, разложения действительного на части с последующим соединением этих частей в целое. Для среднего типа свойственна уравновешенность функций обоих сигнальных систем. При этом ученый отмечает, что боль-

---

[131] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 216; *Балакшин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания … С. 13; *Писарев Е.В.* Информационное содержание процесса доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Вып. 5. – Самара: Самарский госуниверситет, 2010. – С. 297.

[132] Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. – М.: Норма, 2005. – С. 558.

шинство людей принадлежат к среднему типу. Ссылаясь на знаменитого русского физиолога И.П. Павлова, она пишет, что ярко выраженные «художники» и «мыслители» – это люди с психическими отклонениями, «поставщики нервных и психиатрических клиник»[133]. Принимая во внимание существующие в государстве механизмы проверки и оценки профессиональной пригодности судей, дознавателей, следователей, полагаем, что гипотетически все эти лица являются психически нормальными, относящимися к среднему типу. Вместе с тем у каждого из них соотношение «мыслителя» и «художника» осуществляется в разных пропорциях. Каждый субъект познания имеет сугубо индивидуальными особенности восприятия объективной действительности, обусловленные соотношением чувственного и рационального познания. Применительно к процессуальному познанию А.М. Зинин называет мыслительный тип личности вербальным, указывая, что для таких субъектов ведущей является речь и они в своей практике опираются на словесно-логический материал. В свою очередь, художественный тип он позиционирует как зрительный, отмечая преобладание в данном случае зрительных образов предмета или человека[134].

Чувственное познание человеком окружающего мира имеет первичный характер. Оно связано с деятельностью органов чувств, сенсорной системы[135] и мозга. В процессе чувственного познания возникают ощущение, восприятие, представление. Ощущение является простейшим и исходным элементом как чувственного познания, так и всего человеческого сознания[136]. Этот элемент чувственного познания выступает в роли одного из базисов по отношению к высшей психической функции человека. Ощущения формируются с помощью

---

[133] *Данилова Н.Н.* Психофизиология: учебник для вузов. – М.: Аспект Пресс, 2012. – С. 272–273.

[134] *Зинин А.М.* Внешность человека в криминалистике и судебной экспертизе. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 57–58.

[135] Под сенсорной системой в психофизиологии понимается часть нервной системы, которая воспринимает внешнюю информацию, передает ее в мозг и анализирует ее. См., например: Основы психофизиологии: учебник. / Отв. ред. Ю.И. Александров. – М.: ИНФРА-М, 1998. – С. 55.

[136] Философия: учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова … С. 560.

анализаторов, данных человеку от природы и состоящих из рецептора (периферической части), нервного пути (неврона), проводящего полученную информацию от рецептора в кору головного мозга, и нейросенсорной зоны, то есть области локализации ощущений[137]. Важную роль в ощущениях играют сенсорные рецепторы, являющиеся составной частью органов чувств. Посредством работы рецепторов поступающие сведения преобразовываются в соответствующие нервные импульсы, то есть проходят процедуру кодирования[138]. В зависимости от рецептора можно выделить зрительные, слуховые, обонятельные и другие ощущения.

Восприятие представляет собой более сложный психический процесс, связанный с преобразованием ощущений в мысленные образы. Этот элемент высшей психической функции человека занимает, пожалуй, центральное место в механизме чувственного познания. Именно через восприятие поступающие посредством сенсорной системы материальные по своей природе нервные импульсы (коды) трансформируются в идеальные конструкции – перцепты[139]. С точки зрения принципов строения головного мозга, предполагающих его разделение на три основных блока, за восприятие отвечает второй блок, работа которого обеспечивает модально-специфические процессы, а также сложные интегративные формы переработки экстероцептивной информации, необходимой для осуществления высших психических функций[140].

Психологи XIX века, труды которых, очевидно, и повлияли на мировоззренческие взгляды В.И. Ленина, действительно представляли восприятие как пассивный отпечаток внешнего воздействия в коре головного мозга. Видимо,

---

[137] *Визель Т.Г.* Основы нейропсихологии: учебник для студентов вузов. – М.: В.Секачев, 2013. – С. 18.

[138] Основы психофизиологии … С. 48–49.

[139] Перцепт – то, что воспринято. Перцепт не следует путать с каким-либо физическим объектом или энергией, которая воздействует на рецептор. В конечном счете перцепт – феноменологическое или чувственное понятие; это результат процесса восприятия. См., например: Электронная психологическая энциклопедия. – URL: http://mirslovarei.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy.

[140] *Хомская Е.Д.* Нейропсихология: учебник для вузов. – 4-е изд. – СПб.: Питер, 2013. – С. 70.

именно эти научные воззрения и послужили основой для возникновения теории отражения человеком окружающего мира в ее марксистско-ленинском варианте. Советские мировоззренческие позиции наделяли отражение изоморфным характером, предполагающим известное тождество отражаемого и отраженного[141]. Так, авторы фундаментальной коллективной советской монографии по диалектическому материализму писали, что человек получает многообразные ощущения от предметов внешнего мира. Эти ощущения являются чувственным отражением (копией, снимком, образом) тех объективно реальных свойств предметов внешнего мира, которые воздействуют на органы чувств человека и являются поэтому доступными для непосредственно-чувственного познания[142]. Н.И. Дейнеко говорил об адекватном отражении внешне-материального во внутренне-идеальном как о процессе сугубо объективном[143]. В свою очередь, один из наиболее авторитетных советских философов, директор института философии АН СССР П.В. Копнин, активно цитируемый учеными-процессуалистами, отмечал, что познавательный образ – это не знак, не символ, не иероглиф, носящий условный характер, а отображение, копия, снимок с объекта[144].

Позднее данные научные идеи выступили в качестве методологической базы для отечественных исследований в области доказательственного права. Поэтому мы совершенно согласны с Л.А. Воскобитовой, указывающей, что советская теория доказательств фактически рассматривала субъекта познания как лицо, осуществляющее бесстрастное и механическое отражение (фотографирование, копирование в своем сознании) объекта познания[145].

---

[141] Например: *Тюхтин В.С.* Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода. – М.: Наука, 1972. – С. 79–85; Диалектика процесса познания … С. 26.

[142] Диалектический материализм / под общ. ред. Г.Ф. Александрова. – М.: Государственное издательство политической литературы, 1954. – С. 389.

[143] *Дейнеко Н.И.* Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект) … С. 12.

[144] *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки. – М: Мысль, 1974. – С. 106.

[145] *Воскобитова Л.А.* Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине // Библиотека криминалиста. – 2012. – №4 (5). – С. 61. *Она же*. Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве … С. 26.

Однако сегодняшняя наука подходит к данной проблеме с совершенно иных позиций. По этому поводу выдающийся отечественный психолог А.Р. Лурия писал, что современные ученые рассматривают восприятие как активный процесс поиска требуемой информации, выделения существенных признаков, сличения их между собой, создания адекватных гипотез и последующего сличения этих гипотез с исходными данными[146]. В основе восприятия, безусловно, лежит декодирование поступающих в кору головного мозга нервных импульсов. Если в процессе сенсорного кодирования формируется модель стимула – писал В.П. Зинченко, – то в процессе восприятия создается и используется модель предмета[147]. Вместе с тем вплоть до настоящего времени специалистам не удалось детально изучить психофизиологическую природу декодирования; эти механизмы во многом остаются непонятными. Как происходит переход нервных импульсов в перцепты и какие причины обусловливают превращение допсихических сенсорных процессов в процессы восприятия? На этот вопрос можно ответить пока что лишь гипотетически[148], высказав соответствующие предположения[149]. Таким образом, на сегодняшний день в психологической науке не существует каких-либо убедительных позиций, выражающих материальную связь между объективно существующей сенсорной системой и возникающими в ходе восприятия результатами (перцептами). Г.А. Зорин в своих работах выделяет целый спектр возможных ошибок следователя при приеме и декодировании информации[150]. В данном случае скорее можно говорить не столько о материальности, сколько об относительной адекватности восприятия.

Мы не можем согласиться с выдвигаемым советской философской наукой тезисом о восполнении пробелов человеческого восприятия объективной реальности, связанных с ограниченными возможностями органов чувств, за счет

---

[146] *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии: учеб. пособие для студентов вузов. – 6-е изд. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 232.

[147] Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. – М.: Просвещение, 1967. – С. 40.

[148] Там же.

[149] *Маклаков А.Г.* Общая психология. – СПб.: Питер, 2001. – С. 431, 434.

[150] *Зорин Г.А.* Тактический потенциал следственного действия. – Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1989. – С. 33.

способностей обнаружения и определения причин подобных искажений[151]. Ведь еще в начале XX века немецкий философ Э. Кассирер, солидаризируясь с точкой зрения своего соотечественника физиолога Г. Гельмгольца, писал, что представления не являются отображениями предметов. Требуя от образа некоторого подобия с отображаемым объектом, человек тем не менее никогда не может быть уверен в этом подобии[152]. Кстати, позднее эта точка зрения активно критиковалась советскими философами как, с одной стороны, заимствованная из идеалистических воззрений И. Канта, а с другой – обусловленная естествознанием, которое не может решить вопроса о природе познания в его отношении к объекту, а дает лишь некоторые фактические данные для его решения[153]. Развивая указанные идеи, известный британский философ XX века К.Р. Поппер весьма критически оценивал используемый в марксистско-ленинской диалектике подход, называя его «бадейной» теорией или теорией «Tabula rasa» (от латинского «чистая доска»). Суть этого подхода – писал ученый – заключается в том, что человеческое сознание представляет собой пустую бадью (чистую доску), где накапливается материал, поступающий туда через органы чувств. Причем, по мнению автора, одной из основных ошибок «бадейной» теории является тезис о том, что существует непосредственное, или прямое, знание, то есть чистые, неискаженные элементы информации, которые вошли в нас и остаются пока не переваренными. Ученый также указывал: «Почти все люди хорошие наблюдатели и восприниматели, но не следует класть этот факт в основание какого бы то ни было догматизма прямого, непосредственного или интуитивного знания, поскольку мы иногда ошибаемся; мы никогда не должны забывать о нашей погрешимости». Он подчеркивал, что люди редко ошибаются в своих восприятиях благодаря изощренному аппарату декодирования с его многочисленными встроенными контрольными устройствами. Но это вовсе не

---

[151] *Стемпковская В.И.* О роли абстракций в познании. – М.: АН СССР, 1959. – С. 5.
[152] *Кассирер Э.* Познание и действительность. СПб.: Шиповник, 1912. – С. 394.
[153] *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки … С. 103–104.

означает, что результаты человеческого восприятия следует приравнивать к каким-то стандартам надежности или истинности. Механизмы восприятия человеком окружающего мира, по мнению К.Р. Поппера, следует сравнивать с работой опытного фотографа, который редко ошибается в выборе выдержки благодаря его тренировке и навыку. При этом его снимки вовсе не надо рассматривать как стандарты правильной выдержки[154].

Кстати, аналогичные взгляды можно встретить и у некоторых отечественных специалистов. Так, советский философ Э.М. Чудинов, известный своими достаточно вольными взглядами в вопросах диалектического материализма, подвергал критике «наивные» формы классической концепции истины (напомним, что эта концепция явилась базой для диалектического материализма и легла в основу советской теории доказывания) именно из-за представлений о простом копировании сознанием реальности. Он писал, что соответствие знаний действительности не является простым и однозначным, а сопряжено с целым рядом конвенций и соглашений[155]. Более того, отдельные зачатки этих идей находят отражение и в традиционных марксистско-ленинских философских работах периода «развитого социализма». В частности, один из ведущих отечественных специалистов в области диалектического познания А.П. Шептулин говорил, что сознание не просто отражает действительность, а отражает ее субъективно, не пассивно, а активно, с определенными изменениями, преобразованиями, не механически, а творчески[156]. Аналогичные взгляды как бы вскользь просматриваются и в трудах П.В. Копнина[157].

В современной философии и психологии такая особенность восприятия человеческим сознанием отраженных обстоятельств объективной действительности называется принципом активности. Каждый человек воспринимает одни и те же события или явления по-разному, посредством сугубо индивидуальной

---

[154] *Поппер К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / пер. с англ. Д.Г. Лахути / отв. ред. В.Н. Садовский. – М.: Эдиториал УРСС, 2002. – С. 67, 69–70.

[155] *Чудинов Э.М.* Природа научной истины … С. 18.

[156] *Шептулин А.П.* Диалектический метод познания. – М.: Политиздат, 1983. – С. 101.

[157] *Копнин П.В.* Гносеологические и логические основы науки … С. 106–107.

работы своих органов чувств, течения психофизиологических процессов и при активной роли сознания, то есть субъективно. Полагаем, что одно только это обстоятельство уже вызывает серьезные сомнения по поводу материального (зеркального) характера восприятия и, следовательно, всего отражения субъектами уголовно-процессуального познания объективной реальности.

Несмотря на всю значимость восприятия, данный процесс позволяет сформировать в сознании человека лишь результаты восприятия (перцепты), выполняющие хотя и важную, но лишь промежуточную роль в познании окружающего мира. Перцепт еще не является полноценным мысленным образом какого-либо события или явления. Как отмечал американский психолог У. Найссер, образы не являются воспроизведениями или копиями ранее сформированных перцептов; образы – это не картинки в голове, а планы сбора информации из потенциально доступного окружения[158]. В свою очередь, известный французский философ XX века П. Рикер писал, что сознание – это то, что получает свой смысл только в последующих образах, то есть некий новый образ, который может обнаружить смысл предшествующих образов задним числом[159]. Поэтому современные ученые выделяют более сложную (высшую) форму познания – представление (гнозис), то есть способность узнавать предметы по чувственным восприятиям. Гнозис позволяет сопоставить воспринятые перцепты с какими-то отдельными фрагментами, запечатленными в памяти субъекта, и тем самым сформировать полноценный мысленный образ определенного объекта познания. Принимая во внимание производность гнозиса от функции восприятия, полагаем, что он также никоим образом не может расцениваться как имеющий материальную основу. И, следовательно, его результаты – мысленные образы – нельзя рассматривать как зеркальные отражения реальных объектов познания. Здесь скорее также уместно говорить об их относительной адекват-

---

[158] *Найссер У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / пер. с англ. В.В. Лучкова. – М.: Прогресс, 1981. – С. 47.

[159] *Рикер П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. с фр. И.С. Вдовиной. – М.: Академический проект, 2008. – С. 177.

ности по отношению к объективной действительности. В этой связи П.Ю. Тимошенко, М.В. Салтевский и Ю.В. Жариков указывают, что идеальное отображение возникает только в процессе практической деятельности человека, опосредствуется ею и носит активный, творческий характер[160].

В зависимости от модальности, то есть от используемых рецепторов, выделяют различные виды представления (гнозиса): зрительное, слуховое, обонятельное, тактильное и другие. При этом для современного человека наибольшую актуальность имеют именно зрительный и слуховой гнозис[161]. На основании многолетних исследований в области психофизиологии и нейропсихологии ученые пришли к выводу о существовании серьезных различий в механизмах зрительного и слухового гнозиса. Эти особенности обусловлены структурной и функциональной организацией коры головного мозга. А.Р. Лурия в своих работах отмечал следующее: «В коре головного мозга человека выделяются проекционная общечувствительная (теменная), зрительная (затылочная) и слуховая (височная) области»[162]. Следовательно, зрительное восприятие зависит от одной части мозга, а слуховое – от другой.

Применительно к уголовному судопроизводству приоритет зрения и слуха над познавательными свойствами других органов чувств достаточно четко прослеживается в существующей системе доказательств. Так, слуховой гнозис преимущественно обуславливает формирование различных видов показаний, а зрительный – вещественных доказательств, протоколов следственных действий, судебного заседания и иных документов. Хотя при этом мы полагаем, что подобная обусловленность не является исключительной, поскольку, например, показания могут быть даны посредством собственноручного изложения допрашиваемым соответствующих обстоятельств. А при формировании протоколов следственных действий могут быть задействованы не только зрение, но

---

[160] *Тимошенко П.Ю., Салтевский М.В., Жариков Ю.В.* Теория и практика следов памяти (идеальных отображений) в расследовании преступлений / отв. ред. Р.С. Белкин. – Киев: Украинская академия внутренних дел, 1991. – С 7.

[161] *Визель Т.Г.* Основы нейропсихологии … С. 20.

[162] *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии … С. 29.

и иные органы чувств. Например, при осмотре места происшествия по делу о пожаре в протоколе вполне допустимо указать на ощущение резкого запаха гари.

Различия зрительного и слухового представления (гнозиса) также обусловлены разделением всех объектов познания на два вида: материальные, предполагающие отражение информации в элементах вещной обстановки, и идеальные, связанные с отражением информации в сознании человека, о чем мы уже писали в § 1.2 настоящего исследования. Особенности познания каждого из них очевидны. Так, взаимодействуя с материальным объектом, сенсорная система познающего чувствует и воспринимает его реальный целостный образ. В психологии по этому поводу даже существует специальный термин – «наглядно-образное мышление»[163]. Поэтому основная роль в данном случае, несомненно, принадлежит зрительному представлению (гнозису). Как отмечается, зрительная система вообще наиболее информативна и дает мозгу более 90% сенсорной информации[164], однако в части наглядно-образного мышления ее роль намного выше. Безусловно, человек способен к чувственному познанию материальных объектов посредством иных гнозисов, в частности слухового. В обыденной жизни подобных примеров не так уж и мало: крик младенца, звук ружейного выстрела, шум летящего самолета и т.д. Однако на фоне зрительной информации их доля несоизмерима мала. Если же посмотреть на рассматриваемую ситуацию в контексте уголовного судопроизводства, то становится очевидным – зрительное представление (гнозис) дознавателя, следователя и особенно судьи является практически единственным способом получения и интерпретации сведений от материальных объектов познания. Например, в ходе осмотра места происшествия дознаватель или следователь зрительно воспринимают само место, находящиеся там предметы, их внешние признаки, свойства, состояние и взаиморасположение. Обыск или выемка направлены на зрительное познание факта нахождения предметов, документов или ценностей в определенном месте

---

[163] *Визель Т.Г.* Основы нейропсихологии … С. 32.

[164] Основы психофизиологии … С. 57.

или у определенного лица. Судебный осмотр вещественного доказательства связан с его визуальным восприятием судьей (присяжными заседателями). А редкие случаи использования иных органов чувств (например, в вышеописанном случае осмотра места пожара, где присутствовал резкий запах гари, или следственного эксперимента, направленного на установление возможности услышать звук выстрела на определенном расстоянии) – это те самые исключения, которые лишь подтверждают общее правило.

Познавательная деятельность, связанная с восприятием идеальных объектов, осуществляется посредством принципиально иных механизмов. Для подробного рассмотрения этого гносеологического феномена прежде всего необходимо учесть то обстоятельство, что субъекты познания в данном случае взаимодействуют не с фрагментами объективной реальности, не с элементами вещной обстановки, а с информацией, извлекаемой или уже извлеченной из сознания других лиц. В уголовном процессе таковыми являются свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые, эксперты, специалисты, а также иные люди, не имеющие процессуального статуса, но сообщившие дознавателю, следователю или суду значимые для уголовного дела сведения, например, автор приобщенного к материалам уголовного дела документа и т.д. В части судебного производства в качестве подобных «поставщиков сведений» можно рассматривать дознавателя и следователя – субъектов, предоставивших информацию о результатах досудебного производства в виде соответствующих протоколов следственных действий.

Каждое из этих лиц ранее также выступало субъектом познания, непосредственно или опосредованно взаимодействуя с обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу (с предметом познания). Например, свидетель зрительно воспринимал картину совершения преступления или внешность преступника. Эксперт воспринимал объекты экспертного исследования. Аналогичная ситуация просматривается и в случае использования в уголовном деле письменных документов. В частности, если это выписка из банка о состоянии

расчетного счета, то ее автор – сотрудник банка – ранее должен был лично воспринять соответствующую информацию из базы данных. Следовательно, сознание каждого такого человека предварительно подвергается воздействую тех же самых психических процессов, которые нами были рассмотрены применительно к субъектам познания (дознавателю, следователю, суду); любому из них присуще соответствующее представление (гнозис). Созданные посредством восприятия и представления знания об окружающей или окружавшей этих лиц реальности также уже изначально нельзя считать имеющими объективный характер. Как и в случае с субъектами познания, здесь можно говорить лишь об относительной адекватности формируемого результата восприятия (перцепта) и соответствующих мысленных образов. В этой связи выше (в § 1.2), вступая в полемику с А.А. Давлетовым, мы писали о таких объектах как об обладающих первичным субъективизмом. При взаимодействии дознавателя, следователя или судьи с идеальными объектами познания их собственный перцепт приобретает явно производный характер. В данном случае образуется как бы «перцепт в квадрате». Основанные на нем мысленные образы обладают уже вторичным субъективизмом, бесспорно влияющим на их относительную адекватность. Кстати, именно поэтому Н.И. Порубов, рассматривая проблемы допроса, указывал, что информация, поступающая к человеку из внешнего мира, отличается от той, которую он передает другому. По его мнению, обращенное к свидетелю-очевидцу требование об изложении им в своих показаниях наблюдаемого так, чтобы следователь, дознаватель, прокурор, суд получили ясное и правильное представление о происшедшем, как будто они сами были его свидетелями, с точки зрения теории информации является чрезмерным и невыполнимым. При передаче информации неизбежны различного рода «шумы». Многоступенчатость передачи информации повышает ее потери[165]. Следует также согласиться с А.В. Победкиным, утверждающим, что даже при желании и активных попытках передать другому лицу какое-либо знание передающий не сможет донести

[165] *Порубов Н.И.* Допрос в советском уголовном процессе. – Минск: Вышэйшая школа, 1968. – С. 8–9.

точно такое знание, которое имеет сам; искажения здесь могут быть как существенными, так и несущественными, но они будут обязательно[166].

Еще одной важной особенностью идеальных объектов познания является условно-знаковая форма их передачи. Люди не обладают способностью чтения мыслей и мысленных образов других людей, поэтому человеческое общение, определяемое обменом сведениями, проистекает посредством специально выработанных знаков (кодов); важнейшей знаковой системой на этом фоне является язык. В современном человеческом обществе существуют различные формы языка: язык жестов, язык программирования и т.д. Однако в уголовном судопроизводстве в качестве основного способа общения установлена словесная (речевая) форма языка; согласно ст. 18 УПК РФ таковым является русский язык или государственные языки республик, входящих в состав РФ. Хотя для полноты освещения проблемы следует отметить, что в ходе познания обстоятельств уголовного дела дознаватель, следователь или суд сталкиваются с необходимостью восприятия информации, представленной в виде иных знаковых систем. Например, по уголовному делу в качестве документа может быть приобщен план какого-либо земельного участка, сооружения или иного объекта, предполагающий не словесную форму, а специальные чертежные и технические символы. Но вместе с тем сути проблемы это не меняет. Независимо от вида используемой знаковой системы субъекты уголовно-процессуального познания воспринимают поступающие к ним информационные сигналы не в виде наглядных образов, а в виде интеллектуальных знаков. Такой способ передачи информации принято именовать вербальным.

Вообще, термин «вербальный» образован от латинского слова «verbalis» – «словесный». Его можно трактовать в узком и широком смыслах. В процессуальной и криминалистической литературе, особенно в контексте производства следственных действий, термин «вербальный» трактуется преимущественно в узком смысле, предполагающем получение устной информации. Однако данная

---

[166] *Победкин А.В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании … С. 53.

позиция не согласуется с вышеприведенными аргументами об интеллектуальной форме передачи любых сведений, получаемых от идеальных объектов процессуального познания. Такая информация может иметь устный, письменный или какой-либо иной характер, обусловленный использованием условно-знаковой системы. Поэтому в данном вопросе мы совершенно согласны с А.В. Победкиным, который критически относится к узкому значению вербальности. Он предлагает толковать вербальную информацию в широком смысле, понимая под ней любые сведения, выраженные словами и существующие в любой форме (передаваемые устно, зафиксированные в виде устной речи на аудио- или видеоносителях, а также содержащиеся в форме письменной речи)[167]. С подобной позицией солидаризируется и Н.А. Финогенов, определяющий вербальную информацию в уголовном судопроизводстве как сведения, передаваемые при помощи слов в различных формах[168]. Вместе с тем указанные авторы все равно ограничивают круг возможных объектов вербального познания, исключая из него те, которые выражены не в словесной, а в иной условно-знаковой форме, например, планы, графики, чертежи, документы, содержащие специальные технические символы и т.д. Если же рассматривать все эти объекты процессуального познания в контексте общих закономерностей передачи информации, то они имеют точно такую же «словесную», условно-знаковую форму. Их специфика заключается лишь в том, что содержащиеся в них «слова» не относятся к русскому или иному литературному языку, а представляют собой фрагменты специального языка (технического, компьютерного и т.д.).

Поэтому вербальный способ познания в уголовном судопроизводстве мы рассматриваем более широко, понимая под ним любые процессы оперирования различными словами, знаками, символами и другими интеллектуальными сигналами, содержащими человеческие мысли. Очевидно, что в данном контексте вербальными следует признавать любые механизмы восприятия дознавателем,

---

[167] *Победкин А.В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании … С. 41.

[168] *Финогенов Н.А.* Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты: автореф. дис. … к.ю.н. – Саратов: СГАП, 2010. – С. 5.

следователем и судом идеальных объектов, то есть информации об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, отраженных в человеческом сознании. Именно такой широкой трактовки данного термина мы и будем придерживаться в настоящем исследовании.

Вербальные способы познания в уголовном судопроизводстве характеризуются разумным соотношением использования зрительного и слухового представления (гнозиса). Полагаем, что приоритет одного перед другим зависит от конкретных обстоятельств уголовного дела, объектов процессуального познания, а также от стадии уголовного судопроизводства. Например, показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого в досудебном производстве, как правило, даются в устной форме и воспринимаются следователем или дознавателем на слух. Но при этом любой допрашиваемый вправе собственноручно изложить свои показания в соответствующем протоколе; в этом случае субъект познания знакомится с ними уже зрительно. Заключения эксперта или специалиста, согласно требованиям ч.ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ, должны быть представлены в письменной форме, поэтому тоже воспринимаются зрительно. Вместе с тем показания вызванного на допрос эксперта уже воспринимаются на слух. Особый интерес представляет соотношение зрительного и слухового гнозиса при вербальном познании в судебном заседании. Так, с одной стороны, в распоряжении судьи находятся все материалы уголовного дела, с которыми он, безусловно, знакомится зрительно. Но, с другой стороны, согласно общему условию устности судебного разбирательства каждый исследуемый документ (протокол следственного действия, заключение эксперта или специалиста, письменный документ и т.д.) подлежит обязательному оглашению. Следовательно, судья воспринимает их еще раз уже посредством слухового гнозиса. А присяжные заседатели, которые тоже, бесспорно, являются субъектами познания, улавливают содержание указанных документов исключительно на слух.

Независимо от вида используемого представления (гнозиса) для вербального способа получения информации характерна еще одна важная особенность.

Формируемый посредством речевого и иного знакового восприятия результат (перцепт) сам по себе не связан с существованием наглядных образов. Поэтому для создания полноценного мысленного образа в сознании познающего лица чувственные механизмы человеческого познания явно недостаточны. В данном случае требуется еще более сложная форма познания – рациональное мышление, предполагающее использование формально-логических категорий, таких как понятие, суждение, умозаключение. В литературе подобную форму мышления иногда называют вербально-логической, поскольку оно предполагает способность мыслить, опираясь не на сам предмет или его образ, а на замещающее их слово[169]. Здесь весьма уместно вспомнить позицию А.М. Зинина, называющего мыслительный тип личности вербальным и указывающего, что для таких субъектов ведущей является речь и они в своей практике опираются на словесно-логический материал.

Вместе с тем нам бы не хотелось привязывать подобную форму представления исключительно к вербальным способам познания идеальных объектов. Работа дознавателя, следователя, судьи с материальными объектами познания тоже предполагает использование понятий, суждений и умозаключений. Например, в отношении следственного осмотра Р.С. Белкин и Е.М. Лифшиц отмечали, что при его производстве чувственное познание следователем объектов и явлений материального мира сочетается с логическим мышлением[170]. Однако эти формально-логические категории начинают использоваться несколько позже, во время оперирования соответствующими доказательствами в целях получения промежуточных или окончательных выводов. Поэтому Р.С. Белкин и Е.М. Лифшиц, завершая вышеприведенную мысль, указывали, что логическое мышление при осмотре связано именно с обработкой его результатов в

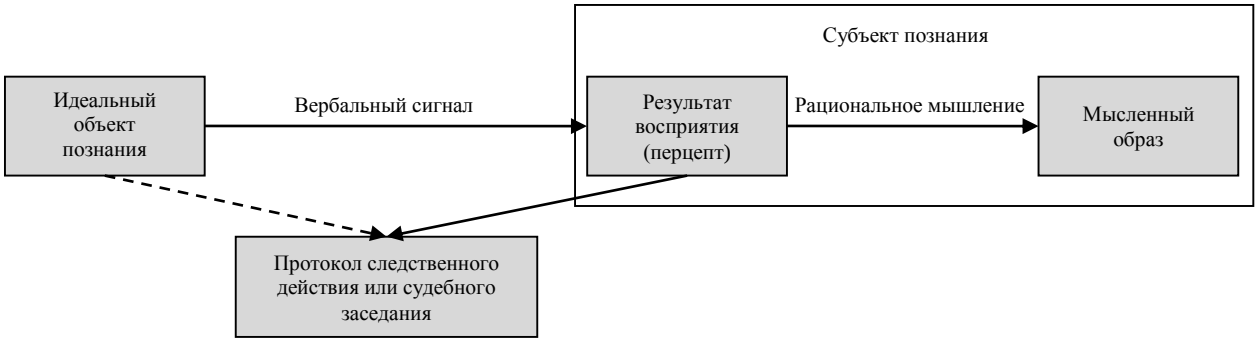
---

[169] *Визель Т.Г.* Основы нейропсихологии … С. 32.

[170] *Белкин Р.С., Лифшиц Е.М.* Тактика следственных действий – М.: Новый Юристъ, 1997. – С. 44.

целях выявления их связей, как с самим расследуемым событием, так и с другими фактическими данными, собранными по делу[171]. Тогда как само зрительное представление (гнозис), само формирование образов материальных объектов осуществляется исключительно посредством чувственного (наглядно-образного) мышления.

Таким образом, при вербальном способе уголовно-процессуального познания идеальных объектов формирование мысленных образов протекает по следующей схеме. Дознаватель, следователь или судья (присяжные заседатели) зрительно или на слух воспринимают определенные сведения (вербальные сигналы), которые, поступая в кору их головного мозга, образуют соответствующий вербальный результат (перцепт). А затем на основании этого перцепта посредством рационального мышления в их сознании формируются определенные мысленные образы обстоятельств, являющихся содержанием сообщенных вербальных сведений.

Раскрывая сущность вербального способа познания в уголовном судопроизводстве, следует обратить особое внимание на содержание протокола соответствующего следственного (судебного) действия, например, допроса или оч-

[171] Там же.

ной ставки. В этом документе должен фиксироваться не результаты рационального мышления субъекта познания, не сформированные мысленные образы, а сами сведения, сообщенные свидетелем, обвиняемым и другими участниками в их практически первозданном виде. Указанное требование прямо вытекает из положений уголовно-процессуального закона, предписывающих обязанность записывать показания лица по возможности дословно (ч. 2 ст. 190 и п. 10 ч. 2 ст. 259 УПК РФ). Таким образом, содержанием протокола допроса или очной ставки фактически являются результаты восприятия субъекта процессуального познания, обусловленные получением соответствующих устных сведений. А в случае собственноручного составления протокола допроса или использования права на внесение в него замечаний содержанием данного процессуального документа уже является даже не перцепт, а сами сведения, сообщенные допрашиваемым лицом в их абсолютно первозданном виде.

В этой связи мы не можем согласится с учеными, указывающими на как бы многоступенчатый характер сведений, содержащихся в протоколах допроса. В частности, такую позицию еще в 1948 году выражал В.Я. Лившиц, который считал, что протокол допроса – доказательство не менее чем третьей степени. Первоисточником здесь является допрошенный обвиняемый или свидетель, далее следует допрашивающий и, наконец, в качестве третьего звена – сам протокол[172]. В настоящее время подобную точку зрения высказывает Х.А. Сабиров, полагающий, что суд при исследовании протокола допроса имеет дело со сведениями, которые трансформируются дважды – через сознание допрашиваемого и сознание следователя[173]. На самом деле, осуществляя познавательные приемы, основанные на использовании вербальных механизмов, дознаватель или следователь действительно формируют в своем сознании соответствующие

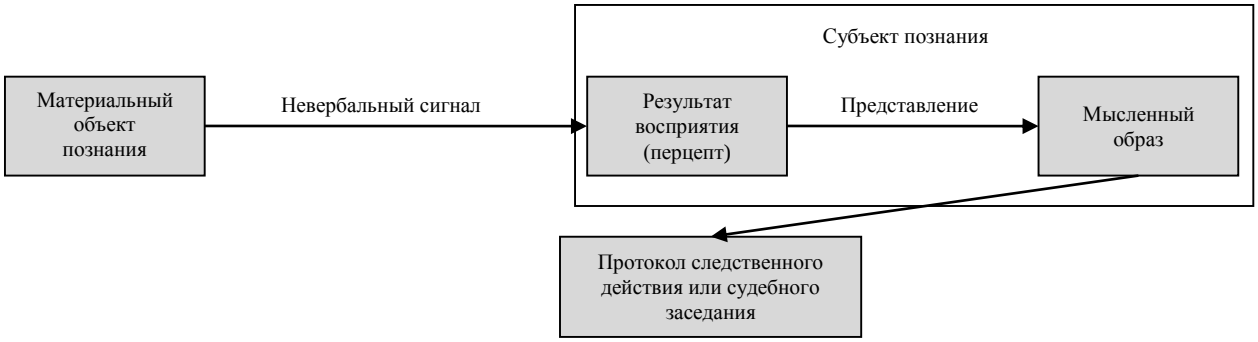
[172] *Лившиц В.Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе. / отв. ред. М.С. Строгович. – М.–Л.: Академия наук СССР, 1949. – С. 118.

[173] *Сабиров Х.А.* Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе: дис. … к.ю.н. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2000. – С. 21.

мысленные образы, обусловленные закономерностями рационального мышления. Однако эти мысленные образы не должны находить отражения в материалах уголовного дела. Они не могут быть предметом последующего судебного разбирательства, поскольку в протоколе, как уже было указано выше, фиксируются не образы, а сами показания, практически в их первозданном виде. Причем уголовно-процессуальный закон содержит весьма важную гарантию, заключающуюся в возможности внесения допрашиваемым лицом собственноручных исправлений в текст протокола в том случае, если дознаватель или следователь не совсем точно запишут содержание сообщенных сведений (ч. 6–7 ст. 190 УПК РФ). Если такое требование соблюдено, то образы, сформированные в сознании проводящего допрос субъекта познания, не станут предметом последующего судебного разбирательства. Но если дознаватель или следователь изложат показания «своими словами», то искажения информации действительно нарастают. В этой связи мы полагаем, что законодатель, называя ст. 276 и 281 УПК РФ не оглашением протоколов допросов, а именно оглашением показаний, недостаточно учел возможность непредумышленного, бессознательного «редактирования» показаний во время их записи в протокол.

Совершенно иным нам представляется механизм познания обстоятельств уголовного дела, сопряженного с восприятием материальных объектов. Дознаватель, следователь или судья (присяжные заседатели) зрительно (в исключительных случаях – посредством иных органов чувств) воспринимают определенные фрагменты объективной действительности, элементы вещной обстановки, сведения о которых, поступая в кору головного мозга, образуют соответствующий образный результат (перцепт). Далее на основании этого перцепта посредством зрительного (в исключительных случаях – иного) представления (гнозиса) в их сознании формируются мысленные образы воспринятых материальных объектов познания. И лишь затем субъект познания посредством своего рационального мышления создает словесное (вербальное) описание сформированного мысленного образа, которое заносится в соответствующий протокол следственного действия или судебного заседания. Вполне разумной

представляется точка зрения А.В. Победкина, отмечающего, что протоколы следственных действий (судебного заседания) как самостоятельные источники доказательств не могут быть сформированы без отражения событий, явлений, в том числе и следов преступления, в сознании субъекта доказывания[174]. Однако в материалах уголовного дела (в протоколе), в отличие от вербального способа познания, отражается уже не сам результат восприятия (перцепт), а словесная форма выражения мысленных образов, созданных в сознании дознавателя, следователя или судьи. Именно эти образы – писал В.Е. Шабалин – содержат материал, который фиксируется в протоколе[175].

В этой связи мы снова вынуждены не согласиться с позицией Х.А. Сабирова, полагающего, что такие протоколы, по сравнению с протоколами допросов или очных ставок, содержат меньшее число посредствующих звеньев между познаваемым фактом и судом. Вряд ли можно считать правильным утверждение автора, что, например, в ходе осмотра места происшествия непосредственно воспринятые следователем сведения подлежат закреплению в протоколе как бы в первозданном виде, и поэтому второй акт передачи информации

---

[174] *Победкин А.В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании … С. 58.

[175] *Шабалин В.Е.* Документальная фиксация доказательств (криминалистический и процессуальный аспекты): автореф. дис. … к.ю.н. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1975. – С. 9.

отсутствует[176]. Представляется, что протоколы следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки и тому подобных следственных действий формируются именно в процессе двухэтапного отражения сведений, имеющих значение для уголовного дела[177]. Причем второй этап такого отражения как раз обусловлен прохождением соответствующей информации через мысленный образ субъекта процессуального познания.

Подобный механизм установления обстоятельств уголовного дела характеризуется одним существенным признаком: при формировании мысленных образов не задействованы интеллектуальные функции передачи и восприятия информационных сигналов. Поступающие сведения преимущественно имеют наглядно-образное содержание (в редких случаях выражены в виде иных образов: акустических, тактильных, запаховых и пр.). Иными словами, в основе данного способа познания лежат не вербальные сигналы, выраженные в условно-знаковой форме, а сигналы принципиально иного рода, имеющие материально-фиксированный характер и обусловленные физическими свойствами окружающего мира.

Рассматриваемый способ уголовно-процессуального познания было бы разумно назвать невербальным. Однако при этом следует обратить внимание, что в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе такой термин используется уже достаточно активно. Причем различные ученые вкладывают в него совершенно разный смысл. Вполне очевидно, что подобная научная неопределенность отчасти вызвана неоднозначным толкованием понятия вербальности, о чем мы уже писали выше. Например, Н.С. Полевой, придавая термину «вербальный» сугубо узкий смысл и понимая под ним лишь словесный

---

[176] *Сабиров Х.А.* Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе …С. 21.

[177] Близкая по смыслу позиция высказывается в диссертации И.В. Ананенко, который совершенно справедливо называет отражение обстоятельств уголовного дела в соответствующих протоколах вторичным. См.: *Ананенко И.В.* Допустимость протоколов следственных действий: автореф. дис. … к.ю.н. – Краснодар: Краснодарская академия МВД России, 2005. – С. 13.

способ передачи данных, фактически относил к невербальной информации буквенно-знаковую, цифровую, графическую, иконическую, магнитную запись, перфозапись и т.п.[178] В свою очередь, С.А. Шейфер различает вербальную информацию и информацию, выраженную в физических признаках материальных объектов[179]. Среди криминалистов и специалистов в области юридической психологии получила распространение позиция, в соответствии с которой невербальными следует признавать лишь неречевые средства получения информации, используемые во время допросов и других следственных действий, сопряженных с получением показаний (восприятие мимики, жестов и тому подобных фрагментов поведения допрашиваемого лица). В частности, В.Л. Васильев, выделяя неречевые (невербальные) средства коммуникации, отмечает, что они способны как выполнять вспомогательную функцию по отношению к вербальным средствам (повышая тем самым семантическую значимость речевого сообщения), так и самостоятельно передавать содержательную информацию (выступая в этом случае в роли знака)[180]. С.А. Насонов, В.А. Образцов и Т.Ю. Рзаев пишут о допросе как о следственном действии, представляющем собой процесс обмена в ходе коммуникации с допрашиваемым лицом не только вербальной, но и невербальной информацией[181]. Эту же позицию В.А. Образцов высказывает и совместно с С.Н. Богомоловой и А.А. Протасевичем[182]. В.В. Семенов под невербальной информацией понимает сведения личностного характера о социальных, психологических, физиологических и об иных свойствах и состояниях

---

[178] *Полевой Н.С.* Криминалистическая кибернетика: учеб. пособие. – М.: Московский университет, 1982. – С. 46–47.

[179] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 15, 107.

[180] *Васильев В Л.* Юридическая психология: учебник. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 358.

[181] *Насонов С.А., Образцов В.А., Рзаев Т.Ю.* Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам // Труды Московской государственной юридической академии. – М.: Юристъ, 1997. – № 2. – С. 227.

[182] Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В.А. Образцова. – М.: Юристъ, 1999. – С. 21; Монологи: криминалисты о своей науке, призванной адекватно противостоять современной преступности / отв. ред. И.В. Смолькова, В.И. Шиканов. – Иркутск: ИГЭА, 1999. – С. 94–95.

лиц, вовлеченных в процесс раскрытия и расследования преступления, получаемые посредством исследования используемых ими биологически и социально обусловленных неязыковых средств общения[183].

Мы же, наоборот, пытаемся вложить в термин «невербальный» наиболее широкий смысл, распространив его на все варианты установления обстоятельств уголовного дела, сопряженные с формированием в сознании дознавателя, следователя, судьи (присяжных заседателей) мысленных образов материальных объектов, основанных на чувственном (наглядно-образном) восприятии, и подразумевающие оперирование зрительными и любыми другими сведениями, не выраженными в вербальной (условно-сигнальной) форме. Под таким углом зрения мы солидарны с теми учеными, которые называют «невербальными» следственные действия, связанные с личным восприятием дознавателем или следователем обстоятельств объективной реальности: следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента и т.д.[184] Вместе с тем очевидно, что с учетом многообразия толкований невербальности в контексте процессуального познания использование данной терминологии в предложенном нами широком значении является условным и не может претендовать на абсолютную непогрешимость. В этой связи термин «невербальный», употребляемый в настоящем исследовании, в дальнейшем будет преднамеренно браться в кавычки.

Итак, механизмы вербального и «невербального» познания – это принципиально разные способы установления дознавателем, следователем, судом обстоятельств уголовного дела. Причем они отличаются друг от друга не только характером поступающей информации и особенностями ее восприятия и

---

[183] *Семенов В.В.* Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства: дис. … к.ю.н. – Саратов: СЮИ МВД России, 2003. – С. 27.

[184] Например: *Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е.* Следственные действия (психология, тактика, технология): учеб. пособие. – М.: Проспект, 2007. – С. 12; *Шурухнов Н.Г.* Классификация следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. Вып. 5. – Самара: Самарский госуниверситет, 2010. – С. 260.

осмысления. Их различия обусловлены биологическими и нейропсихологическими закономерностями работы человеческого мозга, связанными с так называемой межполушарной асимметрией. Как отмечал американский психофизиолог Д. Хэссет, между двумя половинами мозга имеются биологические различия, с которыми, по-видимому, связаны разные типы мышления[185]. Результаты многолетних научных опытов и испытаний, проводившихся отечественными и зарубежными учеными, в том числе А.Р. Лурией[186], на протяжении XX века показали, что при переходе человека от «невербальных» заданий к вербальным происходит уменьшение правополушарного доминирования реакции активности или смена правополушарного доминирования на левополушарное. И, таким образом, был сделан вывод о функциональном значении различных отделов левого полушария головного мозга в организации речи и других психических функций, и правового полушария – в «невербальных» формах[187]. Однако самые последние исследования вопросов межполушарной асимметрии несколько пошатнули концепцию абсолютного разделения вербальных и «невербальных» функций соответственно в левом и правом полушариях мозга. На смену пришли новые научные представления, согласно которым левое полушарие относительно доминирует в ходе вербальных психических процессов, а правое – при «невербальных». Причем у левшей относительное доминирование полушарий мозга организовано с точностью до наоборот[188].

Подобная биологическая дифференциация механизмов вербального и «невербального» познания оказывает достаточное влияние на различия между формируемыми мысленными образами. Как уже отмечалось выше, современная наука еще не смогла выработать каких-либо аргументированных позиций, определяющих устойчивую связь между объективно существующей сенсорной

---

[185] *Хэссет Д.* Введение в психофизиологию / пер. с англ. И.И. Полетаевой / Под ред. Е.Н. Соколова. – М.: Мир, 1981. – С. 116.

[186] *Лурия А.Р.* Мозг и психические процессы. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1990. – С. 87–90.

[187] *Хомская Е.Д.* Нейропсихология … С. 81–83.

[188] Там же. С. 85.

системой и возникающими в ходе познания перцептами и мысленными образами. Поэтому в настоящее время научное обоснование четких критериев различия вербального и «невербального» познания не представляется возможным. Вместе с тем на сегодняшний день сам факт существования подобных различий вполне подтверждается индуктивным путем с помощью накопленного эмпирического материала. Например, французский философ-экзистенциалист, специалист в области феноменологии М. Мерло-Понти приводил ряд интересных примеров. Он писал, что слепой мальчик великолепно определяет параметры зрительного восприятия; прекрасно знает, что такое ветви, листья, руки, пальцы и т.д. Однако после операции по восстановлению зрения он видит мир отличным от того, который ожидал увидеть[189]. В качестве еще одного примера ученый говорил, что звуковое кино, в отличие от немого, не только добавляет зрелищу звуковой аккомпанемент, но и изменяет содержание самого зрелища[190].

Полагаем, что все сказанное в полной мере относится и к уголовному судопроизводству. Очевидно, что мысленные образы дознавателя, следователя, судьи, формируемые посредством вербальных способов процессуального познания, так же отличаются от результатов наглядно-образного восприятия, как представления о мире слепого и зрячего человека. Слова и другие вербальные средства общения передают образ объективной действительности в том ракурсе, в котором она представлена в сознании свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, эксперта и других лиц, и с учетом того смысла, который вкладывает в содержание этих слов сам субъект познания. «Невербальные» средства связаны с ощущением и восприятием фрагментов объективной реальности в первозданном виде, но с учетом еще малоизученных наукой связей между сенсорной системой и процессами формирования мысленных образов. Каждый из этих спо-

---

[189] *Мерло-Понти М.* Феноменология восприятия / пер. с фр. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – С. 288–289.

[190] Там же. С. 301.

собов познания имеет большое значение для установления обстоятельств, входящих в предмет уголовно-процессуального познания (доказывания). И вместе с тем у каждого из них есть своя «ахиллесова пята».

Так, вербальный способ познания позволяет отразить в материалах уголовного дела сведения, представленные свидетелем, потерпевшим, подозреваемым, обвиняемым, экспертом и другими лицами практически в том первозданном виде, в котором соответствующие субъекты хотели его донести дознавателю, следователю, суду. Это обстоятельство следует расценивать как весьма важную гарантию адекватности восприятия значимой для уголовного дела информации. Например, если следователь, допросив свидетеля, неверно истолкует отдельные сообщенные им сведения, то эта ошибка вполне может быть устранена в судебном заседании посредством получения новых показаний или оглашения протокола допроса. Напомним, что показания, данные следователю (дознавателю), фиксируются в соответствии с тем смыслом, который вкладывает в них допрашиваемый, а не на основании мысленного образа, сформированного в сознании лица, проводящего допрос. Если какие-то факты будут неправильно истолкованы судьей, то подобный недочет вполне может быть исправлен в апелляционном производстве и т.д. Особую актуальность эта позитивная черта вербального способа познания приобретает в части работы с заключениями эксперта, специалиста и письменными документами, поскольку, в отличие от показаний, они не предполагают повторных судебных процедур и представляются в судебное заседание в том же самом виде, в котором ранее были восприняты органами предварительного расследования. Иными словами, вербальные доказательства обладают свойствами воспроизводимости и высокой степени соответствия отраженной в материалах уголовного дела информации сведениям, исходящим от их автора.

Кроме того, вербальный способ познания имеет еще одно несомненное достоинство. Посредством человеческой речи или каких-то иных условных знаков и символов можно охарактеризовать обстоятельства, не способные попасть в зону наглядно-образного восприятия дознавателя, следователя или судьи. Во-

первых, это определенные события прошлого, не отобразившиеся в элементах вещной обстановки или отобразившиеся таким образом, что их «невербальное» познание невозможно (например, факт нахождения лица в определенном месте, если там не осталось его следов пальцев рук или обуви; факт произнесения лицом каких-то слов; описание похищенных вещей и т.д.). К этой же группе можно отнести обстоятельства хода и результатов проведения каких-либо следственных действий в досудебном производстве (осмотра, обыска, выемки), которые доводятся до сведения суда посредством вербальной фиксации в соответствующем протоколе. Во-вторых, это объекты, которые не могут быть распознаны наглядно-образным способом в силу ограниченных возможностей органов чувств субъекта процессуального познания (микрообъекты, повреждения внутренних органов на трупе, концентрация алкоголя в крови и т.д.). Такие обстоятельства подлежат подробному словесному описанию в соответствующем заключении эксперта. В-третьих, это могут быть объекты, не подлежащие наглядно-образному восприятию дознавателем, следователем или судом в силу особого места или специальных условий хранения. Например, для получения мысленного образа об удаленно расположенном земельном участке следователь вполне может ограничиться изучением документа – плана БТИ. В-четвертых, это могут быть какие-либо сведения, изначально содержащиеся в словесной форме и, следовательно, в принципе не подлежащие восприятию невербальным способом (сведения о прежней судимости лица, о перенесенных им болезнях, о содержании завещания умершего и т.д.).

Вместе с тем вербальный способ познания объективной действительности характеризуется целым рядом недостатков, создающих определенные сложности в правоприменительной деятельности. Безусловно, первым из них следует назвать изначально субъективный характер получаемых сведений (выше о нем говорилось как о «субъективизме в квадрате»). Дознаватель, следователь или суд воспринимают обстоятельства уголовного дела через призму сознания соответствующих свидетелей, потерпевших и других лиц, через фильтр их зри-

тельного, слухового или иного представления (гнозиса), механизмы формирования которого наукой до конца не исследованы. Кроме того, в данном случае нельзя не принимать во внимание ошибки, допущенные этими лицами вследствие неправильного ощущения или восприятия предмета познания, факты умышленного искажения информации и тому подобные негативные обстоятельства. Поэтому при работе с вербальными доказательствами всегда возникает вопрос о степени их адекватности по отношению к объективной реальности.

Более того, вербальный способ познания опасен возможностью неверного восприятия или осмысления сообщенных сведений самим дознавателем, следователем или судом. Каждое сказанное слово, словосочетание или иной символ побуждают формирование в их сознании определенного мысленного образа, который при этом может существенно отличаться от образа, первоначально закодированного в словесной или иной интеллектуальной форме. Полагаем, что особо острый характер данная проблема приобретает при оперировании оценочными понятиями (например, большой, богатый, известный, умный и т.д.). Кроме того, человеческая речь или иные интеллектуальные знаковые системы не являются универсальными средствами общения. В мире существует большое количество языков, отдельных диалектов и наречий, специфических терминов, специальных кодов и символов, обуславливающих серьезную угрозу непонимания (неправильного понимания) субъектом познания отдельных вербальных сведений. Конечно, законодатель предусмотрел определенные процессуальные гарантии, направленные на минимизацию подобных рисков. В частности, для общения с лицами, не владеющими языком уголовного судопроизводства, существует институт переводчика; для уяснения специальных терминов, используемых в экспертном заключении, возможна процедура допроса эксперта; для правильного понимания каких-то технических и тому подобных документов приглашается специалист. Однако указанные процессуальные гарантии далеко не безграничны. В современной следственной и судебной прак-

тике можно встретить немало ситуаций, когда существующая гарантия оказывается бессильной или невостребованной. Например, следователь или суд не допрашивают эксперта, поскольку полагают, что содержание заключения, в том числе все специальные термины, абсолютно понятны, хотя, возможно, на самом деле это не совсем так. В другом случае подозреваемый или обвиняемый желает изъясняться на каком-то редком диалекте, что сильно затрудняет возможность обеспечения соответствующего переводчика. Да и вообще участие таких вспомогательных субъектов познания, как переводчик или специалист, еще более усиливает субъективизм соответствующих вербальных доказательств (фактически здесь уже имеет место «субъективизм в кубе»).

И, наконец, последнее. Как уже отмечалось выше, вербальный способ познания достаточно часто связан со слуховым представлением (гнозисом), возможности которого весьма ограничены и сильно уступают зрительному. В этой связи следует вспомнить приведенные ранее данные психофизиологических исследований, согласно которым максимальную долю сенсорной информации (свыше 90%) человек получает визуально. И если в досудебном производстве изъяны слухового восприятия информации легко компенсируются посредством последующего ознакомления допрашиваемого лица с соответствующим протоколом, то при рассмотрении дела в судебном заседании подобные механизмы существует лишь частично. Согласно ч. 7 ст. 259 и ч. 1 ст. 260 УПК РФ правом на ознакомление с протоколом судебного заседания обладают только стороны; свидетели, эксперты и специалисты не имеют возможности оценить правильность фиксации в протоколе их показаний. При этом мы полагаем, что от ограниченности слухового восприятия в наибольшей степени страдают уголовные дела, рассматриваемые с участием присяжных заседателей. В силу особенностей процедуры, установленной гл. 42 УПК РФ, эти субъекты процессуального познания воспринимают все оглашаемые вербальные сведения, включая материалы досудебного производства, исключительно на слух.

В свою очередь, «невербальный» способ познания обстоятельств уголовного дела также имеет свои преимущества и недостатки. Важнейшим из его

преимуществ, несомненно, является первичный объективизм тех фрагментов реальности, тех элементов вещной обстановки, которые попадают в непосредственное поле зрения дознавателя, следователя или суда. В отличие от показаний, заключений эксперта, специалиста или вербальных документов в данном случае субъекты познания взаимодействуют с материальными следами: вещественными доказательствами, местом совершения преступления, обстановкой какого-либо помещения или сооружения, отображениями пальцев рук, обуви, орудий взлома, протектора транспортных средств и т.д. Появление таких объектов процессуального познания обусловлено законами и закономерностями физики, химии, биологии, иных естественных и технических наук[191]. Причем, в отличие от механизмов формирования мысленных образов, современный уровень владения этими науками вполне достаточен для определения четкой материальной взаимосвязи между обстоятельствами, подлежащими установлению по уголовному делу, и соответствующими следами. Таким образом, «невербальное» познание характеризуется абсолютной адекватностью отражаемого предмета и отражающего объекта познания. А возникающие в связи с этим ошибки могут быть связаны только с некорректным гнозисом представленной информации или неправильной оценкой полученных результатов.

Еще одним достоинством «невербального» способа познания является наглядно-образный характер перцепта, который выступает в качестве основы для формирования соответствующих мысленных образов. Конечно, как уже отмечалось выше, перцепт – всего лишь промежуточное звено; его образование не обуславливает окончание соответствующей гностической процедуры. Однако чувственная трансформация персептивного образа в полноценный мысленный образ – это процесс, хотя достаточно абстрактный и малоизученный, но тем не менее явно более примитивный, чем механизмы рационального мышления, связанные с гнозисом вербальных сведений. Следовательно, «невер-

[191] *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика: учебник для вузов. – 4-е изд. – М.: Норма, 2013. – С. 205.

бальный» способ уголовно-процессуального познания обусловлен сравнительно небольшой степенью гностической погрешности. По сравнению с вербальным познанием, его результаты в целом более адекватны обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу.

Среди недостатков «невербального» познания прежде всего следует отметить относительную невоспроизводимость сформированных доказательств. Физический, химический, биологический и тому подобный характер возникновения материальных объектов познания имеет и свою обратную сторону – их подверженность таким же физическим, химическим, биологическим и тому подобным разрушениям, обусловленным диалектической закономерностью движения материи. Разрушения объектов «невербального» познания могут носить как естественный, так и искусственный характер. В первом случае следы преступления подвергаются воздействию различных природных явлений (например, в результате дождливой погоды были уничтожены следы обуви на месте происшествия; вследствие биохимических процессов происходит постепенное разложение трупа; изменились погодные условия, при которых проводился следственный эксперимент, и т.д.). Искусственное разрушение связано с участием в этом процессе человека. Так, материальные объекты могут полностью или частично лишиться своих познавательных свойств непосредственно в ходе выполнения соответствующих следственных или иных процессуальных действий (в ходе осмотра или обыска следователь изымает необходимые предметы, документы или ценности из тех мест, где они находились; в процессе экспертного исследования расходуется представленное на экспертизу вещество и т.д.). Вместе с тем искусственное разрушение объектов невербального познания может иметь место и вне рамок уголовного судопроизводства (после осмотра места происшествия потерпевшим был наведен порядок в квартире; осмотренный труп был перевезен в морг и т.д.). Хотя при этом стоит обратить внимание, что некоторые материальные следы преступления все-таки обладают относительной устойчивостью и практически могут сохранять неизменный вид на протяжении всего уголовного судопроизводства. Среди них в

первую очередь следует выделить приобщенные к материалам дела вещественные доказательства (орудия преступления, предметы, на которые были направлены преступные действия; вещи, нажитые преступным путем, и т.д.). К ним также можно отнести какие-то целые помещения, сооружения, участки и прочие объекты.

Отмеченный недостаток «невербального» познания в уголовном судопроизводстве влечет за собой еще одно негативное обстоятельство, касающееся досудебного производства, – относительную субъективность формирования результатов соответствующих следственных действий. Как отмечалось, в этом случае гностическая функция дознавателя или следователя заключается в создании мысленного образа каких-либо фрагментов объективной действительности на основании собственно воспринятого чувственного (наглядно-образного) перцепта. Очевидно, что данные мысленные образы как раз и обуславливают результаты тех следственных действий (следственного осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента), посредством которых осуществляется «невербальное» познание. Они же путем перевода в словесную вербальную форму составляют содержание протокола следственного действия. Эта проблема не актуальна во время собственно досудебного производства, так как дознаватель или следователь, по существу, формируют доказательства сами для себя, понимая при этом, какой именно мысленный образ обусловил указанные в протоколе результаты. Однако для последующего судебного разбирательства представленный в письменной (речевой) форме протокол следственного действия – это уже вербальный способ подачи информации. Кстати, аналогичным образом протокол следственного действия следует расценивать и при передаче уголовного дела из органов дознания следователю, а также при замене одного следователя другим. После того как протокол следственного действия, предполагающего чувственный способ восприятия информации, попадает в производство другого субъекта процессуального познания, он фактически меняет свою сущность и переходит в разряд вербальных доказательств, так как впредь за-

фиксированные в нем сведения будут восприниматься в словесной форме посредством рационального мышления. В частности, в судебном заседании протокол следственного действия превращается в доказательство, по сути близкое к оглашаемым показаниям, заключениям экспертов, специалистов или документам. И, следовательно, он приобретает весь шлейф рассмотренных выше недостатков, свойственных для вербальных способов познания.

В качестве определенных гарантий адекватности результатов «невербального» познания в досудебном производстве выступает право участников следственных действий на ознакомление с соответствующими протоколами и на внесение в них замечаний (ч. 6 ст. 166 УПК РФ). Особая роль в этом вопросе, конечно, принадлежит институту понятых, постепенно меняющему метод своего правового регулирования: с предписания на дозволение. И еще одной гарантией относительной адекватности результатов «невербального» познания является возможность (в некоторых случаях необходимость) использования дополнительных средств фиксации хода и результатов следственных действий, в частности видеозаписи (ч. 6 ст. 164, ч. 8 ст. 166, ч.ч. 1.1 и 3 ст. 170 УПК РФ).

Итак, нами были рассмотрены основные достоинства и недостатки вербального и «невербального» способов уголовно-процессуального познания. Каждый из них вносит существенный вклад в установление обстоятельств уголовного дела и, таким образом, в решение задач всего уголовного судопроизводства. Вместе с тем каждый из них по-своему уязвим, что, несомненно, предполагает свои особенности проверки, оценки и использования соответствующих доказательств. Указанные способы процессуального познания характеризуется собственными гностическими механизмами, что исключает возможность создания неких параллелей между сформированными на их основе доказательствами. Вербальные и «невербальные» доказательства по своей сути несравнимы, поскольку обусловлены совершенно противоположными закономерностями восприятия дознавателем, следователем, судом фрагментов объективной реальности. Вместе с тем для полноценного установления обстоятель-

ств, входящих в предмет познания (доказывания), все доказательства по уголовному делу должны быть «приведены к общему знаменателю», то есть объединены в общий доказательственный материал и оценены в своей совокупности. Такой принцип заложен в самом основании современного типа российского уголовного процесса. Как мы полагаем, неоценимую помощь в решении данного вопроса органам дознания, предварительного следствия и суду оказывает следственная и судебная практика. Выработанные годами практические умения и навыки по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел, по обоснованию и принятию процессуальных решений помогают соединить разнородные вербальные и «невербальные» доказательства в единую, логически выстроенную совокупность, посредством чего решить задачи, стоящие перед уголовным судопроизводством.

§ 1.4. Сущность результатов «невербальных» следственных и судебных действий в системе средств процессуального познания

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в качестве одного из видов доказательств предусматривает протоколы следственных действий и судебного заседания[192] (п. 5 ч. 2 ст. 74, ст. 83 УПК РФ). Как известно, эти средства процессуального познания сопряжены с непосредственным восприятием дознавателем, следователем или судом сведений, имеющих значение для уголовного дела. Нередко с их помощью удается установить и обосновать такие обстоятельства и факты, имеющие значение для уголовного дела, которые не могут быть доказаны никаким иным способом.

---

[192] В этой связи сразу же необходимо обратить внимание на некоторую законодательную неточность, допущенную при формулировании взаимосвязанных положений п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ в части судебных действий. Так, в первом случае закон говорит о протоколах судебных действий, а во втором – о едином протоколе судебного заседания. Представляется очевидным, что правильна именно вторая формулировка, содержащаяся в ст. 83 УПК РФ, поскольку все действия, происходящие в судебном заседании (за исключением, пожалуй, лишь судебной экспертизы), находят свое отражение в едином процессуальном документе – протоколе судебного заседания. Поэтому в настоящем исследовании мы будем придерживаться именно формулировки «протоколы следственных действий и судебного заседания».

Вместе с тем анализ специальной литературы позволяет констатировать достаточно слабый научный интерес к данному виду доказательств. Другим доказательствам в уголовно-процессуальной науке традиционно уделялось несравненно больше внимания. Рассматривая сущность протоколов следственных действий и судебного заседания, отечественные специалисты, как правило, ограничивались и продолжают ограничиваться вышеупомянутым тезисом о непосредственном восприятии дознавателем, следователем или судом каких-либо сведений, а кроме того, формулированием перечня тех процессуальных действий, которые обуславливают появление этих доказательств[193]. Примерно такое же понимание сущности протоколов следственных действий и судебного заседания прослеживается и в нескольких современных диссертационных исследованиях, специально посвященных данной научной проблематике[194].

Представляется, что подобные подходы к протоколам следственных действий и судебного заседания имеют достаточно поверхностный характер. Они не позволяют определить самой гносеологической природы этих доказательств, не дают возможности исследовать закономерности восприятия субъектами процессуального познания сведений, имеющих значение для уголовного дела. И, наконец, они не способствуют полноценному исследованию вопросов о теоретическом и практическом разграничении протоколов следственных действий и судебного заседания с другими доказательствами. Кстати, и в Уголовно-процессуальном кодексе РФ данному виду доказательств посвящена лишь небольшая и явно расплывчатая формулировка (ст. 83 УПК РФ). Подчас даже создается впечатление, что законодатель, несмотря на позиционируемую концепцию

---

[193] Например: *Чельцов М.А.* Уголовный процесс. – М.: МЮ СССР, 1948. – С. 326; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т.1 … С. 458; Курс советского уголовного процесса. Общая часть … С. 602–603; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание … С. 216–217; Ульянова Л.Т. Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России ... С. 120–121; *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … – С. 161–162 и многие другие работы.

[194] *Сабиров Х.А.* Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе… – С. 42; *Ананенко И.В.* Допустимость протоколов следственных действий… – С. 8; *Савенко О.В.* Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу: дисс… к.ю.н. – Брянск: Брянский госуниверситет имени академика И.Г. Петровского, 2014. – С. 63, 66.

свободы оценки доказательств, предполагающую гипотетическую равнозначность всех средств процессуального познания, считает протоколы следственных действий и судебного заседания какими-то второстепенными, второсортными, не заслуживающими такого пристального внимания, как, например, различные показания, заключения эксперта или вещественные доказательства.

Это обстоятельство наглядно демонстрируется материалами современной правоприменительной практики, в частности теми процессуальными документами, которые предполагают изложение собранных по делу доказательств: приговорами судов, обвинительными заключениями и т.д. Так, в одном из своих приговоров Московский городской суд признал Ш. виновным в совершении нескольких преступлений, предусмотренных различными частями ст. 290 Уголовного кодекса РФ[195]. Свое решение судья аргументировал целым рядом собранных по делу доказательств. Однако при этом имеющиеся показания обвиняемого (подсудимого), а также свидетелей были описаны в приговоре весьма и весьма обстоятельно: каждому из них судья посвятил по несколько абзацев текста. А содержащиеся в уголовном деле протоколы следственных действий были охарактеризованы лишь фрагментарно – на нескольких строчках и без детального рассмотрения их содержания. Например, в отношении имеющихся в деле результатов контроля и записи переговоров было лишь отмечено, что они подтверждают фактическое общение в мае 2011 года между людьми, говорящими между собой с абонентских номеров взяткодателя и взяткополучателя. При этом ни характер разговоров, ни их содержание, в отличие от изложенных в том же приговоре показаний, подробно не раскрывались[196]. Аналогичная ситуация прослеживается в приговоре Бутырского районного суда г. Москвы в отношении С., осужденной по ч. 4 ст. 159 УК РФ. Наряду с подробно охарактеризованными показаниями подсудимой, потерпевших и свидетелей, в этом уго-

[195] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ с последующими изменениями и дополнениями.

[196] Пример взят из ресурсов официального веб-сайта Московского городского суда. – URL: http://www.mos-gorsud.ru.

ловно-процессуальном акте имелось указание на целый ряд протоколов осмотров документов, описанных весьма лаконично. В частности, по поводу протокола осмотра выписки из домовой книги лишь кратко отмечалось, что потерпевшая вместе с двумя детьми была зарегистрирована по указанному адресу на основании договора безвозмездного пользования[197]. А в одном из приговоров Люблинского районного суда г. Москвы среди прочих доказательств фигурировал протокол осмотра черного чехла от ножа, обнаруженного и изъятого в автомобиле и признанного вещественным доказательством. При этом судья вообще не счел необходимым упомянуть, зачем проводился этот осмотр и к каким результатам он привел[198].

Следует заметить, что очень похожие проблемы наблюдаются и в близком к нам уголовно-процессуальном законодательстве других стран СНГ. В частности, ст. 104 и 108 нового УПК Украины[199], делая акцент не на сущность протоколов, а на процессуальные правила их составления, также содержат весьма краткие формулировки общего характера. Более детально, данные доказательства регламентированы в ст. 99 УПК Республики Беларусь[200], ст. 119 УПК Республики Казахстан[201], ст. 121 УПК Республики Армения[202] и ст. 163 Республики Молдова[203], где содержится перечень процессуальных действий, обуславливающих появление соответствующих протоколов. Однако представляется, что и подобные правовые конструкции не способны разрешить всех обозначенных проблем.

---

[197] Пример взят из ресурсов интернет-портала государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» за 2012 г. – URL: http://sudrf.ru.

[198] Пример взят из ресурсов интернет-портала государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» за 2012 г. – URL: http://sudrf.ru.

[199] Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651–VI.

[200] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь 16 июля 1999 г. № 295-З.

[201] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V.

[202] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № НО-248.

[203] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV.

В связи с этим в настоящее время по всей видимости назрела острая необходимость комплексного исследования гносеологической сущности протоколов следственных действий и судебного заседания в контексте общих механизмов процессуального познания, то есть как полноценных доказательств по уголовному делу. Вообще, протоколами (от греч. protokollon – первый лист манускрипта) в уголовном судопроизводстве РФ принято считать процессуальные акты, фиксирующие ход и результаты следственных, судебных и иных процессуальных действий. Протоколы являются разновидностью письменных документов (от лат. dokumentum – образец, свидетельство, доказательство); под ними, в свою очередь, обычно понимаются материальные объекты, в которых с помощью знаков, символов и прочих элементов естественного или искусственного языка зафиксированы сведения о каких-либо фактах[204]. Протоколирование процессуальных действий органов дознания, предварительного следствия и суда – это требование, которое обусловлено историческими традициями национального судопроизводства и общими принципами континентальной (романо-германской) правовой системы. Что же из себя представляют протоколы следственных действий и судебного заседания в системе средств процессуального познания в настоящее время? Какие следственные и судебные действия обуславливают появления данного вида доказательств? Представляется, что для рассмотрения этого вопроса в первую очередь следует обратиться к специальной литературе.

Анализ русских дореволюционных источников показывает, что первые взгляды и суждения отечественных исследователей, посвященные изучению данной процессуальной тематики, появились на рубеже XIX–XX столетий. Это произошло в то время, когда в Российской Империи уже была наработана определенная практика применения буржуазного уголовно-процессуального законодательства смешанного типа, позволившая выявить целый ряд теоретических и прикладных проблем. Поэтому в отечественной процессуальной науке сразу

---

[204] Например: *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия. – М.: Мегатрон-XXI, 2000. – С. 61.

же наметились некоторые тенденции, направленные на их изучение и разрешение. Однако это были только первые шаги на пути от эмпирии к теории. Воззрения ученых о сущности и доказательственном значении письменных документов, в частности протоколов следственных действий и судебного заседания, находились еще в самом зачаточном состоянии и, конечно, во многом не соответствовали современным представлениям. Как, справедливо отмечал М.М. Выдря, в связи с принятием в 1864 г. Устава уголовного судопроизводства некоторые дореволюционные юристы начали глубже разрабатывать вопросы теории доказательств, однако документам также не было уделено должного внимания[205]. По нашему мнению, все существующие в дореволюционной России научные позиции по поводу использования в доказывании по уголовным делам протоколов следственных действий и судебного заседания можно условно разделить на две большие группы. Представители первой группы преимущественно воздерживались от каких-либо суждений и комментариев относительно сущности и доказательственного значения протоколов следственных действий и судебного заседания в уголовном судопроизводстве. В своих работах они упоминали об этих документах вскользь, не раскрывая их содержания. Так, С.В. Познышев ограничивался лишь кратким суждением, что письменные доказательства могут быть записями, изложениями и описаниями тех или иных доказательственных фактов, собранных органами предварительного производства (например, разные протоколы осмотров, обысков и т.п.)[206]. В свою очередь, С.И. Викторский, цитируя Устав уголовного судопроизводства, писал, что если стороны того потребуют или признают это нужным судьи или присяжные, то в судебном заседании могут быть прочитаны протоколы об осмотрах, освидетельствованиях, обысках и о выемках. Причем к этой же категории документов, имеющих значение непосредственных доказательств по делу, по его мнению, принадлежали и письма, заметки, писанные рукой подсудимого, и всякого рода

---

[205] *Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 46.

[206] *Познышев С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса. – М.: Издательство Г.А. Лемана, 1913. – С. 201.

другие частные бумаги, служащие к обвинению или оправданию подсудимого[207]. М.В. Духовской в своем курсе лекций по уголовному процессу, написанном для студентов Московского университета, упоминал, что протоколы осмотров, обысков и выемок читаются в судебных заседаниях так же, как и остальные протоколы, когда этого требуют стороны или найдет нужным суд[208]. Вторую группу, по нашему мнению, составляют взгляды и воззрения дореволюционных специалистов, уже предпринимающих отдельные попытки исследования сущности и значения протоколов следственных действий и судебного заседания как доказательств по уголовному делу. В частности, И.Я. Фойницкий, выделяя протоколы осмотра и освидетельствования из других письменных доказательств, пытался определить основания и порядок их использования в судебном заседании, оценить их значение по уголовному делу. Он также писал, что наибольшую доказательственную силу практика признает за протоколами судебного заседания[209]. Г.С. Фельдштейн утверждал, что письменными доказательствами в собственном смысле являются разного рода протоколы, под которыми нужно разуметь известную запись, составленную по установленной форме официальным органом и содержащую в себе отчет о действиях этого органа по поводу какого-либо события. Протоколы эти возможны в самых разнообразных формах: протоколы, составленные полицией и другими административными властями, все акты предварительного следствия, протоколы судебного заседания и пр.[210] При этом автор также рассматривал протоколы совместно с другими письменными документами, не проводя между ними более или менее четкой границы. Наибольшую же историческую ценность в этом аспекте, на наш взгляд, представляет фундаментальная работа Л.Е. Владимирова «Учение об уголовных доказательствах», где он сформулировал обособленное

---

[207] *Викторский С.И.* Русский уголовный процесс. – М.: Издательство А.А. Карцева, 1912. – С. 297–298.

[208] *Духовский М.В.* Русский уголовный процесс … С. 243.

[209] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 ... С. 308–309, 311–312.

[210] *Фельдштейн Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству. – М.: Типолитография В. Рихтер, 1915. – С. 292–293.

понятие судебного протокола. Таковым, по его мнению, следует разуметь отчет, составленный компетентным лицом на месте, с соблюдением предписанных законом правил для установления каких-либо фактов, имеющих значение обстоятельств судебного дела. В качестве признаков такого протокола автор отмечал: а) необходимость его составления надлежащим лицом; б) необходимость его составления на месте; в) необходимость его подписания, наряду с составителем также свидетелями его составления. Все судебные протоколы автор подразделял на три группы: протоколы – поводы к началу предварительного расследования (сообщения полиции, явки с повинной и т.д.), протоколы следственных действий и протоколы судебного заседания. При этом необходимо обратить внимание, что профессор Л.Е. Владимиров в принципе не исключал и возможности, при наличии особых обстоятельств, составления судебных протоколов иными, специально не уполномоченными на это лицами. По его мнению, такие протоколы вполне могли использоваться в процессе доказывания по уголовному делу как частные письменные документы, доказательственная сила которых должна была определяться по внутреннему усмотрению судьи[211].

Резюмируя все вышеизложенные научные позиции, можно прийти к некоторым обобщенным выводам о взглядах дореволюционных ученых по поводу сущности и значении протоколов следственных действий и судебного заседания как доказательств по уголовному делу. Так, во-первых, очевидна весьма слабая теоретическая разработанность данной проблемы. Все приведенные суждения (в том числе и позиции представителей второй группы, которые, несомненно, продвинулись в рассмотрении этих вопросов гораздо дальше) носили достаточно отрывистый, бессистемный характер. Во-вторых, дореволюционные юристы вообще не считали протоколы следственных действий и судебного заседания самостоятельным видом (источником) доказательств, а рассматривали их как разновидность письменных документов, исходящих от определенных государственных органов и содержащих определенные сведения. Ну

[211] *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и Особенная … С. 354–359.

и наконец, в-третьих, под протоколами следственных действий прежде всего понимались именно протоколы осмотра и освидетельствования. Хотя дореволюционному уголовному процессу были известны и иные следственные действия – обыск и выемка. Причина этому представляется вполне ясной: именно осмотры и освидетельствования (кстати, как и сейчас) связаны в первую очередь с визуальным восприятием какого-либо места, объекта или человека. Причем обнаружение и изъятие в ходе их производства определенных предметов – потенциальных вещественных доказательств – возможно, но совсем не обязательно. А вот обыск или выемка, наоборот, направлены именно на изъятие подобных объектов. Таким образом, вывод напрашивается сам собой: видимо, дореволюционные специалисты просто не дифференцировали самих вещественных доказательств и следственных действий, направленных на их обнаружение и изъятие. Иными словами, результат обыска или выемки и объекты, изъятые в ходе их производства, рассматривались как единое целое – вещественное доказательство. Кстати, на этот факт обращал внимание и М.М. Выдря. Он писал, что в дореволюционной литературе господствующей была точка зрения, согласно которой за документами самостоятельного значения в уголовном процессе не признавалось и они, как правило, относились к вещественным доказательствам[212]. И это не удивительно. Ведь вполне закономерно, что в своих взглядах и суждениях дореволюционные специалисты опирались на действовавший в то время процессуальный закон – Устав уголовного судопроизводства[213], который, как известно, в качестве самостоятельного вида (источника) выделял лишь вещественные доказательства (ст. 371). Никаких доказательств-протоколов он не предусматривал[214]. Более того, следует напомнить об общем отношении многих дореволюционных юристов к сущности доказательств, под

---

[212] *Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе … С. 47.

[213] Устав уголовного судопроизводства Российской Империи от 20 ноября 1864 г.

[214] Следует обратить внимание, что Устав уголовного судопроизводства вообще не содержал какого-либо систематизированного перечня доказательств по уголовному делу. Впервые такой перечень появился в ст. 58 УПК РСФСР 1923 г.

которыми понимали формально-логические основания (аргументы) для судебного убеждения.

В этой связи хотелось бы отметить, что и некоторые другие уголовно-процессуальные кодексы, в том числе действующие, также не предусматривают среди доказательств протоколов следственных и судебных действий. В частности, подобная законодательная конструкция используется в УПК Федеративной Республики Германия[215].

Однако несмотря на всю слабость теоретической разработанности данной проблемы, представляется очевидным одно существенное обстоятельство: российской дореволюционной науке уже был известен механизм формирования доказательств посредством составления протоколов определенных процессуальных действий. Под такими протоколами ученые совершенно справедливо понимали подлежащие последующему оглашению в суде письменные уголовно-процессуальные акты, в которых фиксировалась информация, полученная в результате собственных и преимущественно в последующем невосполнимых действий полиции, следователя или иных официальных лиц.

Анализ советской процессуальной литературы до- и послевоенного периода не продемонстрировал существенных сдвигов в отношении доказательственной сущности протоколов следственных действий и судебного заседания. Представляется, что внимание к ним со стороны ученых было вынужденным и обуславливалось появлением в ст. 58 действовавшего тогда УПК РСФСР 1923 г.[216] (в аналогичных статьях УПК других союзных республик) в качестве одного из видов (источников) доказательств протоколов осмотров и иных письменных документов. Поэтому советские специалисты, в отличие от дореволюционных, зачастую вообще не признававших подобного вида доказательств, просто не могли обойти данный факт стороной. На этом их интерес к проблеме, как пра-

---

[215] *Бойльке В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ: учебник. – 6-е изд. – / пер. с нем. Я.М. Плошкиной / под. ред. Л.В. Майоровой. – Красноярск: РУМЦ ЮО, 2004. – С. 116.

[216] Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. Постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г.

вило, заканчивался. Протоколы рассматривались лишь вкратце, да еще и в совокупности с другими письменными доказательствами. Ученые просто ограничивались голым пересказом соответствующей статьи Уголовно-процессуального кодекса. Подобную конструкцию можно встретить в довоенных работах М.С. Строговича[217] или послевоенных трудах М.Л. Якуба[218]. А некоторые авторы вообще старались обойти протоколы следственных действий судебного заседания своим вниманием. Советскую процессуальную школу в первую очередь интересовали проблемы показаний обвиняемого и свидетелей, заключения эксперта и вещественные доказательства[219]; протоколам следственных действий и судебного заседания там попросту не находилось места.

Тем не менее в советской литературе до- и послевоенного периода все же можно отметить некоторые попытки, направленные на изучение доказательственной сущности протоколов в уголовном судопроизводстве. Так М.А. Чельцов писал об актах и протоколах судебно-следственных органов как об особом виде письменных доказательств, заменяющих на суде иные источники – вещественные доказательства и показания свидетелей, прочтение которых служит вместо судебного осмотра и допроса. Далее ученый указывал, что они могут использоваться либо при противоречии устных показаний на суде показаниям, ранее запротоколированным, либо при отсутствии устных показаний за смертью свидетеля, невозможностью его явки или отказом обвиняемого от дачи показаний[220]. Очень близкую позицию занимала в то время и Л.Т. Ульянова. Она

---

[217] *Строгович М.С.* Уголовный процесс: краткий учебник. – М.: НКЮ СССР, 1938. – С. 101.

[218] *Калашникова Н.Я., Куцова Э.Ф., Савгирова Н.М., Якуб М.Л.* Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 209.

[219] *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве … – С. 259–285; *Рахунов Р.Д.* Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. – 2-е изд. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 7–66; *Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе … С. 5–56; *Мотовиловкер Я.О.* Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе. – М: Госюриздат, 1956. – С. 5–51; *Каминская В.И.* Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. – М.: Академия наук СССР, 1960. – С. 19–92 и т.д.

[220] *Чельцов М.А.* Уголовный процесс … С. 327.

полагала, что особенностью протоколов следственных и судебных действий является их производность от других источников доказательств (протокол допроса – от показаний свидетеля или обвиняемого, протокол осмотра – от обстановки и вещественных доказательств на месте происшествия и т.д.)[221]. Мы не можем согласиться с такой точкой зрения, поскольку в данной ситуации налицо некоторое смешение протоколов следственных действий и судебного заседания как вида доказательств по уголовному делу с их содержанием, в том числе с информацией, подлежащей оглашению в судебном заседании, в частности с показаниями потерпевшего и свидетеля. Однако все же необходимо признать стремление уважаемых авторов дать некий научный импульс для дальнейшего развития рассматриваемой проблемы.

Весьма любопытным является высказанная по поводу протоколов позиция В.Я. Лившица. Автор отмечал, что в советском уголовном процессе центр тяжести лежит на судебном разбирательстве как главной стадии процесса, в которой суд непосредственно воспринимает и проверяет доказательства, служащие основанием судебного приговора. Именно такое исследование, производимое судом в судебном заседании, лучше всего соответствует выполнению задач, которые стоят перед советским судом, и в первую очередь – отысканию материальной истины по делу. При этом он указывал, что в буржуазном уголовном процессе эпохи империализма широко проявляются различные заимствования из арсенала инквизиционного процесса и возврат к нему. А под такими заимствованиями автор, в частности, понимал и проведение судебного следствия исключительно путем ознакомления суда с протоколами предварительного следствия без непосредственного заслушивания устных показаний живых лиц[222]. Оценивая данную точку зрения, мы вынуждены констатировать ее политическую окраску, обусловленную стремлением автора пуститься из крайности в крайность, идеализировать советское правосудие, превознести его

---

[221] *Ульянова Л.Т.* Оценка доказательств судом первой инстанции. – М: Госюриздат, 1959. – С. 165.

[222] *Лившиц В.Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе … С. 135.

перед иными, буржуазными формами судопроизводства. А результат остается все тем же: В.Я. Лившиц, как и другие вышеупомянутые авторы, явно обесценивал протоколы следственных действий, придавая им второстепенный характер.

Таким образом, комплексный анализ изложенных позиций позволяет нам констатировать весьма слабый научный интерес советских процессуалистов до- и послевоенного периода к проблеме использования в доказывании по уголовным делам протоколов следственных действий и судебного заседания. В своих работах они преимущественно ограничивались указанием на данный вид доказательств в контексте ст. 58 действовавшего тогда УПК РСФСР 1923 г. При этом общее отношение к протоколам как к доказательствам в науке осталось прежним – несколько второстепенным. Не была разорвана совершенно необоснованная связь между протоколами и иными используемыми в доказывании письменными документами: справками, характеристиками и т.п. А наметившиеся тенденции к развитию данной процессуальной проблематики, на наш взгляд, были не совсем верными, так как, во-первых, обуславливали смешение различных видов доказательств как между собой, так и с содержавшейся в них доказательственной информацией, а во-вторых, были направлены на их явное обесценивание, на изначальное закрепление за ними производного характера. Более того, отмеченные тенденции во многом обуславливались политическим заказом, стремлением превознести советское правосудие. Поэтому очевидно, что рано или поздно они были обречены на провал.

Серьезным импульсом для развития проблемы использования в доказывании по уголовным делам протоколов следственных действий и судебного заседания послужила проведенная на рубеже 50–60-х годов прошлого века реформа уголовно-процессуального законодательства СССР и союзных республик. Так, ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР 1958 г. предусматривала в качестве одного из видов (источников) доказательств протоколы следственных и судебных действий. Аналогичные правовые нормы нашли свое отражение в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик, в частности в ч.

2 ст. 69 УПК РСФСР 1960 г. А ст. 87 того же Кодекса раскрывала сущность протоколов следственных действий и судебного заседания. Научная общественность бурно откликнулась на подобную законодательную новацию. Во втором томе коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе», вышедшем в 1967 г., протоколам следственных действий и судебного заседания посвящен целый самостоятельный параграф. Под данными протоколами Г.М. Миньковский и В.Г. Танасевич – авторы данного параграфа – понимали письменные акты, составленные лицом, производящим дознание, следователем, прокурором, судом при производстве следственных и судебных действий по собиранию и проверке доказательств. При этом сразу же следовала совершенно справедливая оговорка, что к таковым относятся не все протоколы, а лишь те, которые фиксируют фактические данные, полученные составителем протокола в результате непосредственного наблюдения действий, явлений, материальной обстановки, следов. И наконец, в отличие от своих предшественников, ученые выделяли целый ряд особенностей, характеризующих протоколы как самостоятельный вид (источник) доказательств: а) они фиксируют целенаправленную деятельность органов расследования; б) они всегда фиксируют длящуюся деятельность; в) не только их использование, но и составление носит процессуальный характер[223]. В свою очередь, В.М. Галкин отмечал, что, исходя из особых условий формирования процессуальных документов, законодатель из всей группы документов выделяет протоколы следственных и судебных действий. Он же говорил, что доказательствами УПК РСФСР признает протоколы лишь тех следственных и судебных действий, во время которых фиксируются факты, воспринимаемые органами расследования и суда непосредственно[224]. М.С. Строгович в своих более поздних работах также пересмотрел прежнюю позицию относительно сущности прото-

[223] Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть Особенная / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 301–303.

[224] *Галкин В.М.* Средства доказывания в уголовном процессе. – М.: ЦНИИСЭ, 1967. – С. 43.

колов следственных действий и судебного заседания и писал о них как об отдельном виде доказательств, удостоверяющих обстоятельства и факты, установленные при осмотре, освидетельствовании, выемке, обыске, задержании, предъявлении лица для опознания и производстве следственного эксперимента. При этом он отдельно подчеркивал, что в эту группу закон выделяет именно те протоколы, в которых фиксируются определенные факты, фактические обстоятельства, например, то, что было обнаружено при осмотре места преступления, при обыске у обвиняемого. К ним не следует относить протоколы допросов, а также действий, фиксирующих выполнение определенных требований закона, без установления обстоятельств существа дела, например, протокол ознакомления обвиняемого с материалами законченного дела[225]. Примерно тех же взглядов придерживались Ц.М. Каз[226], И.М. Гуткин[227], В.П. Божьев, А.И. Лубенский[228], З.Т. Гулкевич[229] и многие другие специалисты.

Анализ современной уголовно-процессуальной литературы показывает все-таки несколько больший, но еще явно недостаточный интерес ученых к проблемам использования в доказывании протоколов следственных действий и судебного заседания. На наш взгляд, подобная динамика развития обозначенных вопросов связана в первую очередь с новыми подходами законодателя к сущности и условиям процессуального доказывания, обусловленного положениями современных принципов уголовного судопроизводства. В связи с отмеченной правовой тенденцией специалисты в своих работах проводят более глубокий анализ сущности и значения протоколов следственных действий и судеб-

---

[225] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1 … С. 458.

[226] *Каз Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе. – Саратов: Саратовский госуниверситет, 1960. – С. 101.

[227] Уголовный процесс: учебник / под ред. Б.А. Викторова. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 140–141.

[228] *Божьев В.П., Лубенский А.И.* Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств. – М.: Академия МВД СССР, 1981. – С. 65–66.

[229] *Гулкевич З.Т.* Теоретические вопросы и практика документирования следственных действий (процессуальное и криминалистическое исследование): автореф. дис. … к.ю.н. – Киев: Киевский госуниверситет имени Т.Г. Шевченко, 1985. – С. 9.

ного заседания как доказательств по уголовному делу, чем пытаются обеспечить установленную законом их равноценность с другими видами доказательств – с показаниями, заключениями эксперта, вещественными доказательствами и т.д. Так, В.А. Лазарева применительно к протоколам следственных действий отмечает, что их содержанием действительно являются удостоверенные ими факты и обстоятельства, обнаруженные органом расследования при производстве следственных действий. Особенностью протоколов следственных действий – пишет автор – является то, что они отражают результаты непосредственного, чувственного восприятия дознавателем, следователем или прокурором следов, оставленных преступлением[230]. Л.Т. Ульянова в своих последних работах указывает, что протоколы следственных и судебных действий – это письменные акты, в которых дознаватель, следователь, прокурор, суд по предусмотренным законом правилам фиксирует прежде всего то, что фактически было сделано при осуществлении конкретного действия, в том числе факт применения технических средств, а также установленные на основе непосредственного восприятия сведения, имеющие значение для правильного разрешения дела[231]. Аналогичной позиции придерживается и Ю.К. Орлов, который отмечает, что указанные в ст. 83 УПК РФ протоколы выделены в самостоятельный источник доказательств ввиду того, что в них фиксируются обстановка, предметы или явления, непосредственно воспринимаемые следователем, понятыми и другими участниками данного следственного действия, а также судом, если такие следственные действия проводятся в судебном заседании[232].

Сам по себе современный уголовно-процессуальный закон предусматривает в отношении протоколов следственных действий и судебного заседания немногословную и к тому же достаточно пространную формулировку: «Протоколы следственных действий и протоколы судебных заседаний допускаются в качестве доказательств, если они соответствуют требованиям, установленным

---

[230] *Лазарева В.А.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе … С. 324.

[231] *Ульянова Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России … С. 120.

[232] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 161.

настоящим Кодексом» (ст. 83 УПК РФ). Представляется, что из всех нормативных дефиниций, посвященных отдельным видам доказательств, данное определение наименее удачно. По сути, из него вытекает лишь одно четкое правило: протоколы следственных действий и судебного заседания могут являться доказательствами, только если при их формировании[233] были учтены все соответ-

[233] Термин «формирование доказательств» использовался и в настоящее время продолжает использоваться целым рядом авторов для обозначения процесса преобразования доказательственной информации в форму доказательств, предусмотренных уголовно-процессуальным законом. См., например: *Михеенко М.М.* Доказывание в советском уголовном процессе. – Киев: Вища школа, 1984. – С. 10; *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования … С. 33–34; *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности … С. 11; *Зайцева Е.А., Садовский А.И.* Формирование доказательств с использованием специальных познаний и научно-технических средств. – Волгоград: ВА МВД России, 2013. – С. 32; *Зайцев О.А.* Теоретические взгляды профессора С.А. Шейфера на концептуальные проблемы теории доказательств // Вестник Самарского госуниверситета. – 2014. – № 11/1 (122). – С. 31 и т.д. В основе данной позиции лежит высказанный С.А. Шейфером в 1972 году научный тезис о том, что готовых доказательств, то есть показаний, заключений, протоколов и т.д., в природе не существует и существовать не может, что в объективной реальности имеет место лишь полезная информация, которой придается надлежащая процессуальная форма в ходе познавательно-удостоверительной деятельности субъектов доказывания, наделенных соответствующими полномочиями. См.: *Шейфер С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. П.А. Лупинская. – М.: ВЮЗИ, 1972. – С. 7, 15, 16. Хотя при этом С.А. Шейфер не может претендовать на введение данного термина в оборот уголовно-процессуальной науки; некоторыми учеными он использовался и ранее. См., например: *Каз Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе … С. 78; *Курылев С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии … С. 163; *Дорохов В.Я.* Понятие доказательств в советском уголовном процессе // Советское государство и право. – 1964. – № 9. – С. 113. На наш взгляд, термин «формирование доказательств» является более логичным, чем используемый в настоящее время законодателем термин «собирание доказательств». В этой связи В.А. Семенцов даже предлагает внесение ряда коррективов в ст. 86 УПК РФ с изменением ее названия на «формирование доказательств». См.: *Семенцов В.А.* Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара: Самарский госуниверситет, 2010. – С. 239. Изложенная научная позиция нам представляется вполне разумной и целесообразной. Полагаем, что используемая в настоящее время законодателем категория «собирание доказательств» действительно может рассматриваться лишь в контексте обнаружения и фиксации значимой для уголовного дела информации, полезных сведений, определенных в ч. 1 ст. 74 УПК РФ. Тогда как применительно к отдельным видам доказательств, которые регламентированы ч. 2 ст. 74 УПК РФ и являются результатами познавательно-удостоверительной деятельности органов дознания, следователя, суда, более применим термин «формирование». Ранее мы попытались определить доказательства через их познавательную сущность как предусмотренные законом информационные ресурсы, которые, в отличие от самой информации, не могут быть просто собраны; ресурсы могут быть только сформированы. Кстати под таким углом зрения

ствующие нормы уголовно-процессуального закона. Иными словами, законодатель как бы привязывает сущность данного вида доказательств исключительно к условию его допустимости. Но ведь данное условие предъявляется к любым доказательствам по уголовному делу. Оно и так вытекает из ч. 3 ст. 7, ч. 1 ст. 74, ст. 75 УПК РФ и еще целого ряда положений процессуального закона. В чем же заключается правовая ценность ст. 83 УПК РФ?

Представляется, что ни в чем! Данная норма фактически просто дублирует общее уголовно-процессуальное правило о допустимости доказательств для частного случая – для протоколов следственных действий и судебного заседания, что, по нашему мнению, бессмысленно. К тому же содержащаяся в ст. 83 УПК РФ правовая дефиниция еще и размывает границы между устоявшимися в теории и практике уголовного процесса видами доказательств. Ее смысл вполне приемлем, например, для протокола допроса или очной ставки, которые, как известно, относятся к совершенно другому виду доказательств – к показаниям. Ведь протоколированию подлежат любые поисково-познавательные действия органов предварительного расследования или суда, а не только те, которые по смыслу закона направлены на формирование доказательств, подпадающих под действие ст. 83 УПК РФ. Таким образом, рассматриваемое положение уголовно-процессуального закона имеет весьма пространный и неопределенный смысл и поэтому заслуживает негативной оценки. Кстати, Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно обращал внимание на недопустимость использования неопределенных по содержанию правовых норм, обуславливающих отсутствие единообразия в их понимании, порождающих противоречивую правоприменительную практику, ослабляющих гарантии защиты

теряет свою актуальность и ведущаяся на протяжении последних лет дискуссия о защитнике, о подозреваемом, об обвиняемом, о потерпевшем и об иных участниках уголовного судопроизводства как о субъектах доказывания в свете ч. 2–3 ст. 86 УПК РФ. Очевидно, что указанные лица являются субъектами собирания и представления значимой для уголовного дела информации, самих сведений, но никак не формирования новых доказательств.

Таким образом, в настоящей работе мы будем придерживаться именно термина «формирование доказательств».

конституционных прав и свобод и, следовательно, могущих привести к нарушению принципов равенства, а также верховенства закона[234].

В этой связи необходимо отметить, что существовавшая ранее ст. 87 УПК РСФСР содержала более полное и четкое определение, охватывавшее перечень соответствующих следственных и судебных действий: осмотр, освидетельствование, выемку, обыск, задержание, предъявление для опознания и следственный эксперимент. Как уже отмечалось выше, этот принцип сохраняется в действующем уголовно-процессуальном законодательстве некоторых стран СНГ, в частности Беларуси, Казахстана, Армении, Молдовы. Поэтому в ряде современных научных публикаций фактически прямо предлагается возвратить содержание ст. 83 УПК РФ к прежней конструкции, перечислив в ней перечень конкретных следственных и судебных действий, обуславливающих появление данного вида доказательств[235].

Однако допущенный в ст. 83 УПК РФ законодательный пробел нам представляется более серьезным; он не может быть устранен посредством простого возвращения к модели ст. 87 УПК РСФСР, то есть нормативной реставрации перечня следственных и судебных действий, порождающих соответствующие протоколы. Подобный правотворческий шаг будет лишь технической полумерой, хотя, возможно, и разумной. На самом же деле заложенная здесь ошибка имеет более глубокие корни и гораздо более длительную историю. На наш взгляд, она тянется неким шлейфом еще со времени формирования системы уголовно-процессуального законодательства РСФСР и, следовательно, является своеобразным наследием советской уголовно-процессуальной школы. Ее смысл заключается в нарушении логического единообразия применительно к

---

[234] Например: постановления Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П, от 6 апреля 2004 г. № 7-П.

[235] Например: *Ананенко И.В.* Допустимость протоколов следственных действий … С. 8; *Колесов О.М.* Письменные доказательства в уголовном процессе России: автореф. дис. … к.ю.н. – Н.Новгород: Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2006. – С. 20; *Савенко О.В.* Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу … С. 67.

различным видам доказательств. Иными словами, несмотря на общий, унифицированный подход к сущности уголовно-процессуальных доказательств, взятая нами за методологическую основу информационная теория и созданное на ее базе современное доказательственное право сами предполагают нарушение данного единообразия. Ученые и законодатель как бы смешивают, путают две совершенно разные гносеологические категории. В одном случае под доказательством понимается установленная законом форма получения сведений, то есть сам характер информационного сигнала, отражаемого от объекта познания и адресованного субъекту познания. В подобном ракурсе, в частности, рассматриваются различные виды показаний. К примеру, ст. 76 УПК РФ прямо указывает, что показания подозреваемого – это сведения, сообщенные им на допросе, проведенном в ходе досудебного производства. Аналогичным образом определены показания иных участников уголовного процесса: обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста. Очевидно, что такая же нормативная позиция выражена и в отношении заключений эксперта и специалиста. И хотя закон, регламентируя дефиниции данных видов доказательств, прямо не говорит о содержащихся в них сведениях, этот подтекст вполне прослеживается по смыслу ч. 1 и 3 ст. 80 УПК РФ. Следовательно, заключение эксперта, по сути, является представленной субъекту процессуального познания письменной формой сведений о результатах исследования и выводах по вопросам, поставленным перед экспертом лицом, ведущим производство по уголовному делу, или сторонами. А заключение специалиста, в свою очередь, – это представленная субъекту процессуального познания письменная форма сведений, содержащих суждение специалиста по вопросам, поставленным перед ним сторонами.

В другом случае под доказательствами законодатель понимает не саму форму сведений (не сам характер информационного сигнала), а всего лишь предусмотренный законом процессуальный способ их фиксации (документирования) в материалах уголовного дела. И здесь наиболее ярким примером является использование в качестве доказательств протоколов следственных действий и судебного заседания. Сам по себе протокол следственного осмотра,

обыска, выемки, судебного заседания (в части проведения соответствующих судебных действий) нельзя расценивать как объект, содержащий какие-то новые сведения, имеющие значение для уголовного дела. Субъект процессуального познания (суд, следователь, дознаватель) черпает данные сведения не из протокола, а из принципиально иных источников – из обстановки определенного места, из внешних признаков какого-либо объекта, его взаиморасположения относительно других объектов и т.д. Изучение всех этих материальных фрагментов объективной реальности осуществляется не в условно-знаковой форме через закодированные в протоколе интеллектуальные сигналы, а посредством наглядно-образного восприятия материально-фиксированных отображений, обусловленных физическими свойствами окружающего мира. Протокол следственного действия или судебного заседания составляется несколько позже с целью процессуального оформления (фиксации) воспринятых дознавателем, следователем или судом фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Причем, имея искусственный характер, он отражает не сами обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, а их более или менее адекватный мысленный образ, запечатленный в сознании его автора и выраженный в словах, которые составитель протокола считает адекватными воспринятой им реальности. Кстати, в этой связи следует отметить позицию некоторых ученых, специально обращающих внимание, что протокол следственного действия или судебного заседания является всего лишь источником доказательств, тогда как сами доказательства – это зафиксированные в нем сведения[236]. Отнесение протоколов к доказательствам – совершенно справедливо пишет Ю.Н. Миленин – не согласуется с определением последних как любых сведений[237].

---

[236] Например: *Очередин В.Т.* Доказательства в уголовном процессе: сущность, источники, способы собирания. М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 73.

[237] *Миленин Ю.Н.* Аудио- и видео документы, как доказательства в уголовном процессе: автореф. дис. … к.ю.н. – Орел: Орловский юридический институт МВД России, 2009. – С. 16.

Таким образом, положения информационной теории доказательств и основанные на них нормы современного доказательственного права содержат в себе достаточно существенное логическое противоречие целого и части. Под доказательствами в целом понимаются содержащиеся в установленных законом формах определенные сведения, элементы информации (ч. 1 ст. 74 УПК РФ). В то же время один из видов доказательств – протоколы следственных действий и судебного заседания – это не сами сведения, а порождаемые дознавателем, следователем или судом процессуальные документы, являющиеся всего лишь формой фиксации сведений, имеющих значение для уголовного дела. Причем данная логическая ошибка появилась задолго до возникновения информационной теории доказательств. Полагаем, что впервые она была заложена еще в ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. Вместе с тем для советского «доинформационного» доказательственного права эта ошибка не была существенной, поскольку названный Кодекс вообще не содержал определения доказательств, ограничиваясь исключительно их перечнем. А последний советский УПК РСФСР 1960 г. хотя и определял понятие доказательств, но тем не менее относил протоколы следственных действий и судебного заседания не к виду, а к источнику доказательств. Поэтому наибольшую актуальность данная ошибка приобрела именно в связи с переходом доказательственного права на позиции информационной теории, предполагающей рассмотрение доказательств в целом как сведений, а протоколов следственных действий и судебного заседания в частности – как отдельного вида доказательств.

Решение указанной проблемы нам видится только в приведении всех предусмотренных законом видов уголовно-процессуальных доказательств к «общему знаменателю», в выработке единых гносеологических признаков, используемых при формулировании соответствующих научных и нормативных дефиниций. Мы полностью солидарны с мнением В.С. Шишкина, полагающего, что первостепенная задача законодателя в этом направлении – приведение системы доказательств к единым критериям, отражающим содержание ре-

гламентирующих ее правовых норм[238]. Значит, к сущности протоколов следственных действий и судебного заседания как средств доказывания по уголовному делу должен быть применен несколько другой теоретический и законодательный подход. Иными словами, представляется необходимым рассмотрение данного вида доказательств в общем контексте информационной теории как сведений, содержащихся в определенной установленной законом форме, то есть сосредоточенных в определенном информационном сигнале.

В этой связи сразу возникает закономерный вопрос: какие сведения фиксируются в протоколах следственных действий и судебного заседания? Ответ на него очевиден. В протоколах фиксируются сведения о ходе и, самое главное, о результатах проведенных дознавателем, следователем или в судебном заседании следственных или судебных действий. Как справедливо отмечают О.В. Волынская и Д.В. Шаров, в протоколах осмотра, обыска, выемки и др. описываются процесс и результат непосредственного изучения предметов и явлений материального мира, фиксируются сведения, имеющие значение для дела, наблюдаемые непосредственно (например, вещи, обнаруженные при осмотре места происшествия, при обыске у обвиняемого)[239]. Примерно на это же указывают и многие другие исследователи, взгляды которых на сущность протоколов следственных действий и судебного заседания приводились выше.

С такими суждениями трудно не согласиться. Однако в них все же есть одно достаточно уязвимое место. Ранее мы уже обращали внимание, что не только протоколы, подпадающие под смысл ст. 83 УПК РФ, но и другие виды доказательств также формируются в результате проведения следственных или иных процессуальных действий. На это прямо указывает ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Например, показания представляют собой результаты таких следственных действий как допрос или очная ставка. Экспертное заключение формируется в ре-

---

[238] *Шишкин В.С.* Документы в доказывании при производстве по уголовному делу: дис. … к.ю.н. – М.: МосУ МВД России, 2012. – С. 40.

[239] *Волынская О.В., Шаров Д.В.* Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве … С. 59.

зультате проведения судебной экспертизы и т.д. Большинство авторов, касавшихся в своих работах данной проблематики до 2001 года, индивидуализировали рассматриваемый вид доказательств наиболее простым способом – через прямо установленный в ст. 87 УПК РСФСР перечень процессуальных действий, обуславливающих появление соответствующих протоколов. В него включали осмотр, обыск, выемку, освидетельствование, предъявление для опознания, следственный эксперимент, а также задержание подозреваемого[240].

Вместе с тем действующий УПК РФ более такого перечня не содержит. Поэтому некоторые современные ученые, работающие в данном направлении, стали занимать достаточно осторожную позицию. Они как бы уклоняются от перечисления всех следственных и судебных действий, подпадающих под контекст ст. 83 УПК РФ. Ю.К. Орлов пишет, что в протоколах следственных действий фиксируются ход и результаты таких следственных действий, как осмотр, освидетельствование, обыск, предъявление для опознания, следственный эксперимент и др.[241] В ряде современных источников, в том числе в отдельных учебниках по уголовному процессу, вопрос об этом перечне не поднимается вовсе[242]. Другие авторы, говоря о перечне следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ, пытаются сохранить преемственность по отношению к уже упомянутой ст. 87 УПК РСФСР и перечисляют их, как это было сделано там[243]. Но мы не можем согласиться с такой позицией. Ведь предусмотренная действующим уголовно-процессуальным законом система следственных и судебных действий заметно отличается от существовавшей ранее. В УПК РФ появились принципиально новые способы формирования доказательств:

---

[240] Например: Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 675; Курс советского уголовного процесса. Общая часть … С. 602; *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание … С. 216 и т.д.

[241] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 161.

[242] Например: Уголовный процесс: учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко … С. 245–246.

[243] Например: Уголовный процесс: учебник. – 2-е изд. / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. – М.: ИМЦ ГУК МВД России, 2003. – С. 136–137; Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. – М.: Волтерс Клувер, 2011. – С. 345.

проверка показаний на месте (ст. 194), контроль и запись переговоров (ст. 186), получение информации о соединениях между абонентами и абонентскими устройствами (ст. 186.1). Кроме того, нынешний процессуальный закон наконец-то императивно прекратил многолетнюю научную дискуссию о природе задержания подозреваемого, совершенно справедливо отнеся его не к следственным действиям, а к мерам принуждения. Правда, некоторые современные ученые предпринимают попытки формирования обновленного перечня следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ. Например, по мнению О.В. Савенко, в него должны быть включены осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск, выемка, личный обыск, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами[244]. Причем, как уже отмечалось выше, этот перечень предлагается вновь закрепить на законодательном уровне.

В целом принимая данную точку зрения, тем не менее следует обратить внимание на то, что она имеет ряд недостатков. Во-первых, некоторые следственные или судебные действия имеют сложную, двойственную познавательную природу; они способны обуславливать формирование не одного, а двух различных видов доказательств. Наглядным примером здесь может служить предъявление для опознания, результаты которого специалисты традиционно относили и продолжают относить к сфере действия ст. 83 УПК РФ (ст. 87 УПК РСФСР). Однако по своей сути данное следственное (судебное) действие наряду с этим одновременно направлено и на получение специфических показаний, заключающихся в пояснении опознающим лицом обстоятельств, при которых оно наблюдало опознаваемый объект, и признаков, по которым было проведено опознание. Кстати сказать, этот факт прямо подтверждается обязанностью следователя (дознавателя) или председательствующего в судебном за-

[244] См. *Савенко О.В.* Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу … С. 67.

седании перед опознанием предупредить опознающего свидетеля или потерпевшего об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний или дачу заведомо ложных показаний. В этой связи следует согласиться с Х.А. Сабировым, который совершенно справедливо пытается выделить протоколы предъявления для опознания и проверки показаний в обособленную группу, основанную на сочетании методов непосредственного наблюдения, сравнения и опроса[245]. Данная проблема представляется весьма актуальной и требующей самостоятельного исследования. Поэтому мы планируем вернуться к ее более подробному рассмотрению в последующем.

Во-вторых, рассмотрение сущности какой-либо научной или иной категории через перечень входящих в нее частных элементов, то есть индуктивным путем, нам вообще представляется неконструктивным. Такой путь не носит системного характера. Поэтому он всегда опасен возможностью упущения одного или нескольких элементов. В частности, определение существа протоколов, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, через их перечень, на наш взгляд, не позволит распознать имеющиеся пробелы в системе правового регулирования данных средств процессуального познания, то есть, возможно, выявить такие следственные или судебные действия, которые еще не предусмотрены действующим законодательством, но вызывают практическую потребность. Индуктивный путь решения данной проблемы также опасен и обратной тенденцией, заключающейся в необоснованном расширении перечня следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ за счет включения в него мероприятий совершенно иной процессуальной природы. Подобные взгляды, высказывает, например, Р.В. Костенко, который необоснованно пытается включить в данный перечень действия, предусмотренные ст. 92, 143, 218 и другими УПК РФ[246].

---

[245] *Сабиров Х.А.* Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе … С. 23–24.

[246] *Костенко Р.В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования … С. 11–12.

Таким образом, мы придерживаемся мнения о дедуктивном методе рассмотрения сущности протоколов следственных действий и судебного заседания (от общего к частному), то есть посредством формулирования некоего общего видообразующего признака (может быть системы признаков), позволяющего четко определить доказательства, подпадающие под действие ст. 83 УПК РФ, и разграничить их с другими средствами процессуального познавания: с показаниями, экспертными заключениями, вещественными доказательствами и т.д. В этой связи необходимо обратить внимание, что в науке уголовного процесса уже предпринимались определенные шаги в данном направлении. Авторы коллективной монографии «Теория доказательств в советском уголовном процессе» в качестве критериев для выделения протоколов в отдельную группу доказательств предлагали следующие: а) они должны содержать результаты непосредственного наблюдения явлений, материальной обстановки, следов; б) протоколы фиксируют помимо результатов и саму деятельность лица, производящего дознание, следователя, прокурора, суда – условия и ход следственного (судебного) действия; в) составление протокола носит процессуальный характер[247]. Однако представляется, что подобный подход весьма уязвим. Так, во-первых, в современной судебной и особенно следственной практике встречаются случаи, когда непосредственного наблюдения за объектом познания дознаватель, следователь или суд не осуществляют, например, при контроле и записи переговоров, при получении информации о соединениях между абонентами или абонентскими устройствами. Во-вторых, на наш взгляд, сама деятельность дознавателя, следователя или суда фиксируется в протоколе следственного действия или судебного заседания лишь в контексте получения определенного познавательного результата. В противном случае эти факты даже если и подлежат занесению в протокол, то к доказыванию не имеют никакого отношения и, следовательно, не должны рассматриваться как критерии формирова-

[247] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С 674.

ния отдельного вида доказательств. Примером тому может послужить использование следователем в ходе обыска технического средства для вскрытия запертой двери, если владелец помещения отказывается открыть ее добровольно (ч. 6 ст. 182 УПК РФ). Безусловно, подобное обстоятельство подлежит отражению в соответствующем протоколе, но скорее не в целях процессуального познания, а как гарантия обеспечения прав и законных интересов определенного лица (в данном случае – владельца помещения). Однако оно не имеет никакого отношения к тем объектам, которые, возможно, и будут обнаружены за запертой дверью; если они действительно там, то факт их отыскания не должен быть поставлен в зависимость от способа проникновения в помещение. Если же поведение хозяина помещения, напротив, будет иметь значение для уголовного дела, то в этом случае оно, конечно, должно быть расценено как определенный доказательственный результат. А протокол судебного заседания вообще имеет доказательственное значение лишь в части, посвященной исследованию обстоятельств уголовного дела[248]. Ну и наконец, в-третьих, процессуальный характер присущ любым протоколам любых следственных действий (судебного заседания), а не только тем, которые подпадают под смысл ст. 83 УПК РФ.

Достаточно интересная позиция относительно сущности протоколов следственных действий и судебного заседания высказывается В.А. Лазаревой. Она пишет, что эти следственные действия отличаются от допроса своей принципиальной неповторимостью, в силу чего составление протокола, в котором орган расследования фиксирует результаты своего личного наблюдения, является единственным средством, позволяющим сохранить эти результаты для суда[249]. Подобный подход действительно не лишен своего права на существование. Однако он применим не ко всем, а лишь к части рассматриваемых следственных или судебных действий. Ведь, например, осмотр приобщенного к уголовному делу документа или вещественного доказательства при необходимости может

[248] *Савенко О.В.* Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу … С. 66.

[249] *Лазарева В.А.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе … С. 325.

быть воспроизведен неоднократно. В случае необходимости повторный характер могут возыметь и другие следственные (судебные) действия, основанные на наглядно-образном восприятии обстоятельств объективной реальности (осмотр места происшествия, освидетельствование, эксперимент и т.д.).

Поэтому, полностью не отвергая изложенные позиции, высказанные по поводу протоколов следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ, мы будем расценивать их как частные варианты решения данной проблемы, вместе с тем не могущие претендовать на роль общего, сущностного признака. На наш взгляд, этот признак следует формулировать в контексте общей системы уголовно-процессуального познания. Ранее мы уже отмечали, что каждому доказательству как элементу этой системы отводится роль своеобразного информационного ресурса (с точки зрения информационной теории – сигнала), позволяющего дознавателю, следователю или суду получать в свое распоряжение отдельные сведения, отраженные от различных материальных или идеальных объектов. Следовательно, сущность любого используемого в уголовном судопроизводстве доказательства надлежит искать именно в признаках данного информационного ресурса (в характере и свойствах поступающего сигнала), обусловленного содержанием и способом передачи сведений, а также их восприятия дознавателем, следователем или судом. По смыслу ст. 83 УПК РФ в ее системном единстве с другими положениями процессуального права вполне очевидно, что, говоря о протоколах следственных действий и судебного заседания, законодатель понимает именно те информационные ресурсы (сигналы), которые обусловлены взаимодействием субъекта познания с материальными объектами: местом происшествия, иным помещением, сооружением или участником местности, телом человека, предметом, веществом и т.д. Такие фрагменты объективной реальности дознаватель, следователь или суд воспринимают, как правило, зрительно; в более редких случаях – посредством иных органов чувств. При этом представляется, что независимо от использованного

сенсорного механизма в основе получения сведений обо всех подобных материальных объектах лежат именно закономерности наглядно-образного восприятия как одного из способов человеческого познания.

Визуальные или иные информационные сигналы о фрагментах объективной реальности, об элементах вещной обстановки, поступая в кору головного мозга дознавателя, следователя, судьи, присяжных заседателей, образуют определенные результаты наглядно-образного восприятия (наглядно-образный перцепт). Впоследствии этот перцепт посредством зрительного (в исключительных случаях – иного) представления (гнозиса) трансформируется в соответствующие мысленные образы. И лишь затем на основании рационального мышления создается словесное (вербальное) описание сформированных мысленных образов, которое как раз и является содержанием предусмотренных ст. 83 УПК РФ протоколов следственных действий и судебного заседания.

Подобный способ уголовно-процессуального познания ранее мы условно назвали «невербальным», понимая под ним любые варианты установления обстоятельств уголовного дела, сопряженные с возникновением в сознании дознавателя, следователя, судьи (присяжных заседателей) мысленных образов материальных объектов, основанных на чувственном (наглядно-образном) перцепте, и подразумевающие субъективное оперирование зрительными и любыми другими сведениями, не выраженными в вербальной (условно-сигнальной) форме. Представляется, что именно он лежит в основе формирования доказательств, подпадающих под диспозицию ст. 83 УПК РФ.

«Невербальный» способ уголовно-процессуального познания мы и предлагаем рассматривать в качестве сущностного признака протоколов следственных действий и судебного заседания как самостоятельного вида доказательств. Этот признак позволит сформулировать теоретическую дефиницию данного вида доказательств и разграничить его с иными средствами познания обстоятельств уголовного дела. Любой подобный протокол составляется по результатам проведения соответствующего «невербального» следственного или судебного действия, основу которых составляют не методы расспроса (диалога), кои

присущи, например, допросу или очной ставке, а принципиально другие способы получения доказательственной информации. Например, при осмотре или освидетельствовании – это в первую очередь наблюдение. При обыске – это наблюдение в совокупности с определенными мануальными приемами (открыванием шкафов, ящиков, хранилищ, обнаружением тайников и пр.). При контроле и записи переговоров – это запись и дальнейшее прослушивание звуковой информации, сформированной без вербального участия в разговоре дознавателя, следователя или судьи.

Таким образом, под предусмотренными ст. 83 УПК РФ протоколами следственных действий и судебного заседания следует понимать составленные дознавателем, следователем или судом уголовно-процессуальные акты, фиксирующие сведения о факте проведения, о ходе и результатах соответствующих следственных или судебных действий, основанных на использовании «невербального» способа познания наглядно-образной информации. Вместе с тем, как мы уже отмечали выше, сами по себе протоколы следственных действий и судебного заседания, представляя собой всего лишь объекты документального характера, не вписываются в общее понятие уголовно-процессуальных доказательств в контексте информационной теории. Они не являются формами информационных сигналов, поступающих от материальных фрагментов объективной реальности, от элементов вещной обстановки в сознание дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. Протоколы следственных действий и судебного заседания лишь фиксируют сведения о мысленных образах материальных объектов познания, сформированных в сознании их автора.

Для полноты исследования следует заметить, что в некоторых ситуациях, связанных с последующим изучением протоколов субъектами процессуального познания, не принимавшими участия в производстве соответствующих следственных или судебных действий, эти документы уже приобретают значение основных информационных источников, позволяющих установить определенные обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела. Таковыми, напри-

мер, являются случаи изучения ранее составленных протоколов новым следователем, которому дело было передано в производство. Подобная ситуация складывается и в связи с оглашением протоколов следственных действий в судебном заседании в порядке ст. 285 УПК РФ и т.д. А протоколы судебных заседаний приобретают доказательственное значение для вышестоящих судебных инстанций[250].

Однако мы полагаем, что указанные механизмы процессуального познания не представляются каким-либо исключениями. Они не противоречат сущности протоколов следственных действий и судебного заседания как доказательств, основанных на наглядно-образном восприятии дознавателем, следователем или судом материально-фиксированных фрагментов объективной реальности. Несмотря на условно-знаковый, интеллектуальный язык протоколов, они сами по себе не содержат информации, непосредственно отраженной от первоначального объекта процессуального познания. Ясно, что автор протокола следственного действия или судебного заседания таковым объектом не является. Здесь скорее уместно говорить о том, что для субъектов познания, знакомящихся на последующих этапах производства по уголовному делу с ранее составленными протоколами следственных действий и судебного заседания, такие доказательства приобретают производный характер, то есть связаны с получением значимой информации как бы «из вторых рук». Это обстоятельство, естественно, накладывает определенный отпечаток на адекватность содержащихся в них сведений и, следовательно, должно учитываться при их проверке и оценке. Однако к рассмотрению данной особенности протоколов следственных действий и судебного заседания мы планируем вернуться в главе 4 настоящего исследования.

В контексте информационной теории и современных подходов законодателя к сущности уголовно-процессуальных доказательств средства познания,

---

[250] На данное обстоятельство совершенно справедливо обращает внимание О.В. Закатова. См.: *Закатова О.В.* Протоколы судебного заседания: проблемы и пути их решения // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3. – С. 326.

определенные в ст. 83 УПК РФ и в других корреспондирующихся с ней положениях закона, должны быть представлены как информационные сигналы о материальных фрагментах объективной реальности, воспринятые дознавателем, следователем или судом в ходе проведения «невербальных» следственных или судебных действий. При этом вполне очевидно, что каждый случай восприятия субъектом познания данного информационного сигнала следует расценивать как определенный результат соответствующего следственного или судебного действия, увеличивающий объем содержания доказательственного материала в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Например, при производстве следственного осмотра таким результатом является восприятие факта нахождения какого-либо предмета в определенном месте. Для обыска – восприятие факта обнаружения искомого предмета, документа или ценности. Для следственного эксперимента – восприятие возможности совершения определенных действий и т.д. Кстати, о доказательственном значении не самих протоколов, а именно результатов следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ как бы вскользь говорится в работах Н.С. Мановой[251].

Таким образом, мы полагаем, что доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, следует именовать не протоколами следственных действий и судебного заседания, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий[252]. По нашему мнению, результаты «невербальных» следственных и судебных действий – это имеющие значение для уголовного дела сведения, полученные в предусмотренном законом порядке дознавателем, следователем или судом посредством наглядно-образного восприятия материальных фрагментов

---

[251] *Манова Н.С.* Еще раз о понятии следственного действия // Право, законодательство, личность. – 2012. – № 1(14). – С. 82.

[252] В этом случае устраняется и законодательная неточность, допущенная при формулировании взаимосвязанных положений п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ в части судебных действий. Как уже отмечалось выше, законодатель не предусматривает отдельных протоколов судебных действий; все они фиксируются общим, единым протоколом судебного заседания. Однако при этом каждое судебное действие имеет свои собственные, индивидуальные результаты.

объективной реальности, элементов вещной обстановки и отраженные в соответствующем протоколе.

Разработанный нами новый подход к сущности доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК, мог бы вполне обусловить формулирование ряда предложений по внесению изменений в п. 5 ч. 2 ст. 74 и ст. 83 УПК РФ и другие находящиеся с ними в системном единстве положения уголовно-процессуального закона. Вместе с тем, в вопросах возможного реформирования законодательства мы стараемся занимать более осторожную позицию; не делать резких шагов.

Представляется, что в сложившейся ситуации наиболее разумным будет использование сформулированной нами концепции о результатах «невербальных» следственных и судебных действий на теоретическом уровне и постепенное ее внедрение в следственную и судебную практику посредством соответствующих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, а также системного изложения в учебной литературе и научно-практических комментариях к УПК РФ.

ГЛАВА 2
ПРОБЛЕМЫ СООТНОШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ «НЕВЕРБАЛЬНЫХ» СЛЕДСТВЕННЫХ И СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ С ДРУГИМИ СРЕДСТВАМИ ПОЗНАНИЯ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

§ 2.1. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с показаниями

В теории и практике уголовно-процессуального доказывания достаточно пристальное внимание уделяется сущности, а также проблемам формирования и использования различных видов показаний. Ведь эти доказательства представляют собой наиболее распространенные средства познания обстоятельств уголовного дела и характеризуются сравнительно простым процессуальным порядком их получения. Как справедливо отмечается в специальной литературе, они традиционно являются одним из основных видов доказательств[253]. А их важность и значимость была усвоена российским законодательством, практиками и учеными-юристами довольно давно[254]. Кстати, об этом косвенно свидетельствует и законодатель, традиционно отводя показаниям первые строчки в перечне формально равноценных видов доказательств. В этой связи представляется странным, что ни в законодательстве, ни в специальной литературе практически не предпринимаются попытки формирования общего, унифицированного определения показаний как укрупненной группы доказательств. УПК РФ, а следом и ученые-процессуалисты преимущественно ограничиваются частными дефинициями каждого из видов показаний в отдельности: подозреваемого и обвиняемого, свидетеля и т.д. [255] Лишь только некоторые авторы рас-

---

[253] *Лазарева В.А., Попов Д.В.* Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 7.

[254] *Сидорова Н.В.* Показания свидетеля в российском уголовном процессе: учебное пособие. – Тюмень, Тюменский госуниверситет, 2007. – С. 6.

[255] Например: *Каминская В.И.* Показания обвиняемого в советском уголовном процессе … С. 19–20; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1 … – С. 414, 431; *Рахунов Р.Д.* Признание обвиняемым своей вины. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1975. –

сматривают показания как единую процессуальную категорию. Так, П.В. Козловский пишет, что необходимо вообще отказаться от деления показаний на виды в зависимости от процессуального статуса допрашиваемого лица и объединить показания свидетеля, потерпевшего, обвиняемого, подозреваемого, специалиста в один общий вид доказательств – показания[256]. В целом не соглашаясь с данной позицией и считая ее слишком резкой, мы тем не менее весьма позитивно оцениваем стремление автора к формированию единой категории, охватывающей различные виды показаний. Но подобной унификации следует отвести место не на законодательном, а исключительно на теоретическом уровне; она не должна затрагивать устоявшийся и взаимосвязанный с множеством других положений закона правовой режим получения различных видов показаний.

По своей гносеологической сущности, то есть по механизму формирования соответствующего мысленного образа в сознании субъектов процессуального познания, все виды показаний идентичны и основаны на едином способе восприятия доказательственной информации. Получая любой вид показаний, дознаватель, следователь, судья или присяжные заседатели устно воспринимают определенные сведения (сигналы), облеченные в условно-знаковую форму, которые, поступая в кору их головного мозга, образуют интеллектуальный результат (перцепт). А затем на основании этого перцепта посредством рационального мышления в их сознании формируются соответствующие мысленные образы обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Иными словами, любые показания, независимо от своей разновидности, основаны на вербальном способе уголовно-процессуального познания и заключаются, как правило, в беседе, диалоге, разговорном общении между судом, дознавателем, следователем – с одной стороны и соответствующим участником уголовного судопроизводства – с другой. А различия между отдельными видами показаний

С. 8–9 и т.д. Курс советского уголовного процесса. Общая часть … – С. 573–574; *Сидорова Н.В.* Показания свидетеля в российском уголовном процессе … – С. 90 и т.д.

[256] *Козловский П.В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 106.

не имеют сущностного характера. Они обусловлены нюансами процессуального статуса субъекта – носителя доказательственной информации и, следовательно, сводятся к особенностям их предмета, процедуре их получения, а также к специфике их проверки и оценки.

Обобщая смысл положений ст. 76–79, а также ч. 2 и 4 ст. 80 УПК РФ, можно сделать вывод, что законодатель в целом понимает под показаниями сведения, сообщенные подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, экспертом или специалистом в ходе соответствующего допроса. Однако подобный подход представляется недостаточно полным и требует расширенного толкования. Ведь привязка показаний исключительно к результатам допроса в его легальном, законодательно закрепленном понимании, то есть следственного действия, заключающегося в вербальном контакте двух субъектов – допрашивающего и допрашиваемого, явно сужает их познавательную сущность. Так, вполне очевидно, что показания могут быть получены в ходе очной ставки, предъявления для опознания или проверки показаний на месте, о чем неоднократно отмечалось в специальной литературе[257]. Кстати, современный УПК Республики Беларусь придерживается именно подобной, расширенной трактовки показаний, понимая под ними сведения, сообщенные подозреваемым, обвиняемым, свидетелем или потерпевшим в устной или письменной форме на допросе, а также при производстве иных следственных действий с их участием (ст. 91–94 УПК Республики Беларусь).

Говоря о показаниях как о сведениях, обусловленных вербальным способом процессуального познания, представляется целесообразным сопоставить их с другим видом доказательств – результатами «невербальных» следственных и судебных действий (следственного или судебного осмотра, освидетель-

[257] Например: *Фаткуллин Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания … С. 132; *Гришина Е.Б.* Показания в системе видов доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … к.ю.н. – Орел: Орловский юридический институт МВД РФ, 2010. – С. 14; *Новиков С.А.* Проверка показаний на месте: проблемы правового регулирования // Российский следователь. – 2010. – № 2. – С. 7–8 и т.д.

ствования, обыска, выемки и т.д.), в основе формирования которых лежат принципиально иные механизмы получения дознавателем, следователем или судом сведений, имеющих значение для уголовного дела, основанные на наглядно-образном восприятии ими обстоятельств объективной реальности. Вполне очевидно, что в самом общем виде показания следует соотносить, а точнее разграничивать, с результатами «невербальных» следственных и судебных действий как антагонистичные, гетерогенные гносеологические категории, отличающиеся друг от друга диаметрально противоположными способами получения значимой для уголовного дела информации – вербальным и «невербальным». Исходя из этого, весьма логично и закономерно было бы предположить, что и сами следственные и судебные действия также четко (диаметрально) разделены на вербальные и «невербальные». А подмена одних другими (например, допроса обыском или выемкой и наоборот) является недопустимой.

Однако подобная, казалось бы логически правильная, конструкция может расцениваться исключительно как идеальная теоретическая модель, которую допустимо взять за основу наших дальнейших рассуждений. В реальности же разграничение показаний с результатами «невербальных» следственных и судебных действий носит весьма условный характер. Это достаточно наглядно подтверждается примерами из современной правоприменительной практики. Так, в ходе проведения обыска по месту жительства Д., задержанного по подозрению в приобретении, хранении и сбыте наркотических средств, его мать пояснила, что прекрасно осведомлена о «бизнесе» своего сына и что он уже давно сам является наркозависимым. При этом она добавила, что даже отчасти рада задержанию своего сына, так как это избавит ее от каждодневных «сборищ» наркоманов у них дома, а также, возможно, поможет ему освободиться от пагубной привычки. Все указанные сведения были занесены в протокол обыска. В дальнейшем допрошенная в качестве свидетеля, она, воспользовалась своим правом на свидетельский иммунитет и вообще отказалась давать какие-либо показания против сына. Тем не менее следователь в своем обвинительном за-

ключении, а затем и судья – в обвинительном приговоре, отметили в числе доказательств протокол обыска квартиры Д., во время которого его мать прямо указала на свою осведомленность о том, что Д. приобретает, а затем перепродает наркотики[258]. Другим примером может послужить личный обыск К., задержанного по подозрению в совершении разбойного нападения. В ходе его проведения из внутреннего кармана куртки К. был извлечен пистолет «ТТ». При этом подозреваемый пояснил следователю, что не имеет к пистолету никакого отношения, что его подбросили сотрудники уголовного розыска при задержании. Указанные сведения были зафиксированы в протоколе обыска, а в дальнейшем ими пытался воспользоваться защитник, настаивавший в судебном заседании на невиновности К.[259]

Данные примеры не являются единичными, о чем свидетельствуют результаты изучения нами 658 различных уголовных дел, в частности материалов следственных осмотров и обысков. Примерно в 23% проанализированных протоколов этих следственных действий зафиксированы устные сообщения участников, имеющие отношение к обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу. Причем в целом ряде случаев следователи и суды в своих обвинительных заключениях и приговорах ссылались на подобные сообщения как на полноценные уголовно-процессуальные доказательства. В свою очередь, 96% из 148 проинтервьюированных нами следователей (руководителей следственных органов) и 67% из 187 проинтервьюированных нами судей считают такую практику вполне нормальной и допустимой. При этом 54% следователей и 38% судей лично использовали устные сообщения и заявления, сделанные в ходе осмотра, обыска и других «невербальных» следственных действий, в качестве аргументов, обосновывающих соответствующие процессуальные решения.

---

[258] Архив Тимирязевского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-234/2011.
[259] Архив Таганского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-15/2011.

Кстати сказать, обозначенная практика находит поддержку и в научной литературе. Еще Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин писали, что следует признать ненормальными факты, когда первоначальные объяснения подозреваемого процессуально не оформляются в надежде на то, что они могут быть даны во время допроса. В результате теряются ценные доказательства и значительно затрудняется опровержение ложных показаний подозреваемого или обвиняемого, отказывающихся от ранее ими данных, но надлежащим образом не оформленных объяснений тех же фактов[260]. Аналогичная позиция высказывалась и в работах А.М. Ларина[261].

Во всех подобных практических ситуациях органы предварительного расследования, несмотря на общий «невербальный» характер производимого следственного действия, тем не менее воспринимают часть значимой для уголовного дела информации через устное общение с определенными участниками, то есть методом, по своей сущности близким к допросу. Причем такая возможность прямо предусмотрена законом. Согласно ч. 4 ст. 166 УПК РФ в протоколе помимо прочего должны быть изложены заявления лиц, участвовавших в соответствующем следственном действии. А ч. 2 ст. 167 УПК РФ предоставляет лицу, отказавшемуся подписать протокол следственного действия, право дать объяснение причин своего отказа, которое заносится в данный протокол. В этой связи нельзя не обратить внимание на позицию О.А. Глобенко, которая указывает на недопустимость рассмотрения устных сообщений обвиняемого как части протокола соответствующего процессуального действия. По ее мнению, в этом случае игнорируется специфика источника получения сведений. Поэтому автор предлагает считать показаниями любые устные сообщения обвиняемого, сделанные в ходе любых следственных и иных процессуальных действий[262]. С

---

[260] *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие. – М.: Юрид. лит., 1965. – С. 157.

[261] *Ларин А.М.* Работа следователя с доказательствами … С. 61.

[262] *Глобенко О.А.* Показания обвиняемого в современном российском уголовном процессе: дис. … к.ю.н. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2007. – С. 23–24.

данной точкой зрения согласен и другой исследователь – П.В. Козловский[263]. Однако в настоящее время в соответствии с действующим законодательством ни указанные заявления, ни объяснения, зачастую имея существенное значение для дела и, по сути, напоминая показания, формально таковыми признаны быть не могут, поскольку не являются результатом допроса. Что же касается практики, то эти сведения с учетом их значимости фактически используются в качестве показаний, хотя и позиционируются в контексте ст. 83 УПК РФ.

Существуют и обратные ситуации. Например, следователь вызвал для допроса в качестве свидетеля генерального директора ЗАО «А.», имуществу которого был причинен вред мошенническими действиями В. и К. В ходе допроса свидетель на основании ч. 3 ст. 189 УПК РФ неоднократно заглядывал в принесенные с собой финансовые документы, а после – передал их следователю для приобщения к материалам уголовного дела. При этом отметка о передаче документов была сделана прямо в протоколе допроса и заверена подписями свидетеля и следователя[264]. Как видно из приведенного выше примера и всех подобных практических ситуаций, вербальные показания свидетеля, потерпевшего (а возможно, подозреваемого или обвиняемого) фактически дополняются отдельными познавательными приемами «невербального» характера, по сути близкими к процедуре выемки. Формально такой механизм приобщения к уголовному делу отдельных материалов законом не предусмотрен. Допрос в соответствии с требованиями закона проводится вне процессуальных условий, предусмотренных для производства выемки. И поэтому полученные таким образом документы вообще нельзя признавать допустимыми. Но вместе с тем описанные приемы на практике используются достаточно часто, например, в связи с экономией служебного времени, невозможностью обеспечить условия выемки и т.д.

---

[263] *Козловский П.В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение … С. 94.

[264] Архив Мещанского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-789/2010.

Целесообразность использования подобной следственной практики подтверждают 27% изученных нами материалов допросов в качестве свидетелей и потерпевших лиц, потенциально могущих представить следователю определенные документы, в частности владельцев похищенного автотранспорта и иного документально подтверждаемого имущества, руководителей и главных бухгалтеров различных организаций и т.д. О разумности изъятия определенных предметов и документов непосредственно в ходе допросов также высказались 92% проинтервьюированных нами следователей и 74% судей. При этом 78% следователей лично использовали такую практику в своей работе.

Таким образом, следует констатировать достаточно серьезное расхождение существующей следственной и судебной практики с установленным законом правовым режимом производства отдельных вербальных и «невербальных» следственных действий. Причем применяемые на практике методы и приемы по своей сути представляются достаточно разумными, целесообразными и в целом требующими законодательной поддержки. В этой связи мы полагаем, что данная проблема имеет по крайней мере три варианта своего разрешения.

Первый вариант заключается в том, что подходы к соотношению результатов показаний и «невербальных» следственных и судебных действий, а отсюда – и соответствующая правоприменительная практика, должны сохраниться в том виде, в котором они существуют в настоящее время. Иными словами, как ученым, так и законодателю надлежит просто «закрыть глаза» на обозначенные нами процессуальные проблемы, а органам дознания, предварительного следствия и судам – продолжать соответствующую практику. Однако подобный вариант будет противоречить самой концепции современного уголовного судопроизводства и в первую очередь конституционному принципу законности. Как известно ч. 2 ст. 50 Конституции РФ не допускает использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона. А ч. 3 ст. 7 УПК РФ прямо предусматривает, что нарушение его положений судом, прокурором, следователем, органом дознания или дознавателем в ходе уголовного

судопроизводства влечет за собой признание полученных таким путем доказательств недопустимыми.

Фактически существующая модель соотношения показаний и результатов «невербальных» следственных и судебных действий во многом не соответствует целому ряду процессуальных норм, что, в частности, четко прослеживается в приведенных нами примерах. Так, сделанные лицом в ходе обыска заявления нельзя расценивать как полноценные показания, поскольку они были получены не в ходе допроса, без соблюдения правил, предусмотренных для этого следственного действия, то есть не соответствуют положениям ст. 76–79 УПК РФ. А, например, факты представления в ходе допроса или очной ставки предметов или документов нельзя соотнести с положениями ст. 83 УПК РФ, поскольку в этом случае не соблюдались правила проведения соответственно следственного осмотра, обыска, выемки и т.д.

Правда, в контексте концепции асимметрии допустимости доказательств некоторым исключением в данном случае можно считать сведения оправдательного характера, играющие в пользу стороны защиты. Под асимметрией допустимости доказательств в настоящее время понимают возможность использования стороной защиты доказательств, полученных с нарушением закона[265]. В этой связи П.А. Лупинская отмечала, что стороне защиты в некоторых случаях и с определенной целью можно предоставить право использования доказательства, при собирании или процессуальном закреплении которого были нарушены требования закона[266]. В свою очередь, Н.М. Кипнис, расценивая признание доказательства недопустимым как процессуальную санкцию, говорит о невозможности применения подобной санкции к стороне защиты, если она желает огласить в судебном заседании сведения, полученные с нарушением закона стороной обвинения и изначально предполагаемые не для защиты, а

[265] Например: *Гаспарян Н.С.* Недопустимые доказательства (теория и систематизированная судебная практика). – М.: Информ-Право, 2010. – С. 64.

[266] Рассмотрение дел судом присяжных: науч.-практич. пособие / отв. ред. В.М. Лебедев. – М.: Юрид. лит., 1998. – С. 124.

именно для изобличения лица в совершении преступления[267]. Близкие по смыслу позиции прослеживаются в работах Ю.А. Ляхова[268], И.Б. Михайловской[269], Ю.К. Орлова[270], В.В. Золотых[271], А.В. Руденко[272] и еще целого ряда отечественных процессуалистов.

Вместе с тем, ради справедливости следует обратить внимание, что концепция асимметрии допустимости доказательств не является бесспорной и вызывает серьезные возражения у целого ряда ученых-процессуалистов. Например, по мнению В.М. Быкова, трудно представить такое построение эффективного уголовного судопроизводства, в котором обвинительные доказательства оценивались бы по одним правилам, а оправдательные по другим. А именно на таком подходе – считает автор – и основана вся идея асимметрии при оценке доказательств[273]. В свою очередь, Н.И. Газетдинов и О.В. Вишневская пишут, что идея асимметрии правил о допустимости доказательств противоречит закону и науке уголовно-процессуального права, в силу чего такая идея должна быть отброшена[274].

Мы не разделяем подобных позиций и полностью поддерживаем концепцию асимметрии допустимости доказательств как одну из важнейших гарантий состязательности уголовного судопроизводства и обеспечения подозреваемому и обвиняемому права на защиту. Поэтому использование стороной защиты в качестве некоего аналога показаний устных сведений, сообщенных подозреваемым, обвиняемым или иным лицом во время производства «невербального»

---

[267] *Кипнис Н.М.* Участие адвоката в доказывании по Уголовно-процессуальному кодексу РФ: сб. справоч.-методич. материалов. – М.: ФПА, 2008. – С. 26.

[268] *Ляхов Ю.А.* Допустимость доказательств в российском уголовном процессе. – М.: Экспертное бюро, 1999. – 36–37.

[269] *Михайловская И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. – М.: Проспект, 2006. – С. 144.

[270] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 77.

[271] *Золотых В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе … С. 44.

[272] *Руденко А.В.* Содержательная логика доказывания. – М.: Проспект, 2015. – 179–181.

[273] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства. – Казань: Познание, 2008. – С. 128.

[274] *Газетдинов Н.И., Вишневская О.В.* Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии / под ред. Л.Д. Чулюкина. – Казань: Казанский госуниверситет, 2005. – С. 139.

следственного действия, на наш взгляд, вполне приемлемо для судебной практики. В этой связи следует согласиться с мнением Е.А. Карякина, полагающего, что сторона защиты в любом случае должна быть наделена правом ходатайствовать перед судом о включении в совокупность доказательств тех из них, которые ранее были признаны недопустимыми по причине существенных нарушений порядка производства соответствующих следственных действий, но тем не менее имеют оправдательный (смягчающий наказание) характер[275].

Но концепция асимметрии допустимости доказательств – это лишь то самое исключение, которое подтверждает общее правило о невозможности использования в уголовном судопроизводстве доказательств, полученных с нарушением закона. Как совершенно справедливо отмечает тот же Н.М. Кипнис, правила асимметрии доказательств должны применяться судом в конкретных случаях, круг которых может определить только правоприменительная практика[276]. Во всех остальных ситуациях подобные нарушения процессуального порядка получения доказательств вызывают естественные сомнения в достоверности полученных сведений, так как установленная процессуальная форма служит одной из гарантий получения достоверных данных[277].

Второй вариант решения обозначенной проблемы заключается в жестком, императивном разделении соотносимых нами доказательств на две антагонистичные группы: показания и результаты «невербальных» следственных и судебных действий, как это предлагалось выше по тексту в качестве теоретической модели. Следуя данной логике, в законе должны быть строго закреплены перечни вербальных и «невербальных» следственных и судебных действий с прямым запретом их подмены друг другом в безусловном порядке. Такую позицию в своих работах, в частности, высказывал А.Р. Ратинов. Применительно к допросу и обыску он писал, что смешение различных следственных действий

---

[275] *Карякин Е.А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции … С. 207.

[276] *Кипнис Н.М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве … С. 103.

[277] *Лупинская П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика … С. 145.

и отражение их в общем протоколе законом не предусмотрено и недопустимо. А если в ходе обыска возникает необходимость зафиксировать объяснения кого-либо из присутствующих, это лицо может быть допрошено на месте[278]. В свою очередь, Н.В. Григорьева считает, что объяснения подозреваемого или обвиняемого не должны вноситься в протоколы осмотра места происшествия или следственного эксперимента, а если они внесены, то не должны оглашаться в суде и исследоваться, так как доказательствами являются лишь показания указанных лиц[279]. Х.А. Сабиров пишет, что объяснения участников осмотра, обыска, выемки и других следственных действий, основанных на приемах наблюдения, даются в условиях, не обеспечивающих объективного получения вербальной информации. Поэтому указанные действия по своей конструкции не приспособлены к достижению этой цели и поэтому доказательственного значения иметь не могут[280]. Этот же подход прослеживается и в работах С.А. Шейфера, который отмечает, что объяснения участников осмотра, обыска, выемки и других следственных действий, основанных на приемах наблюдения, относительно происхождения вещей даны в условиях, не обеспечивающих объективного получения вербальной информации, ибо указанные действия по самой своей конструкции не приспособлены к достижению этих целей. Доказательственной ценности такие объяснения иметь не могут[281].

Однако подобный вариант решения данной проблемы нам представляется сугубо формальным, даже догматичным. В этой связи следует обратить внимание, что в последнее время в науке уголовного процесса существует, на наш взгляд, не совсем правильная тенденция по возведению некоторых, кстати совершенно справедливых, идей в разряд правовых догм. В результате существование некой процессуальной конструкции (определенной процессуальной

---

[278] *Ратинов А.Р.* Обыск и выемка. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 211.

[279] *Григорьева Н.В.* Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. – 1995. – № 2. – С 6.

[280] *Сабиров Х.А.* Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе … С. 26.

[281] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 55.

формы) становится самоцелью независимо от эффективности решения тех юрисдикционных вопросов, ради которых она и существует. А все возникающие при этом практические трудности и недостатки принято без особого разбора списывать на непрофессионализм и некачественную работу дознавателей, следователей, судей и т.д.

Полагаем, что формальный подход строгого разделения доказательств на показания и результаты «невербальных» следственных и судебных действий приведет к полному обесцениванию устных объяснений и заявлений, сделанных в ходе осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента и т.д. По крайней мере, подобные сведения потеряют свое доказательственное значение. Это также полностью исключит возможную перспективу появления каких-либо легальных механизмов представления предметов или документов в ходе допроса или очной ставки. В результате органы дознания, предварительного следствия и суд ежедневно в своей практической деятельности будут сталкиваться с необходимостью проведения еще целого комплекса дополнительных процессуальных действий, направленных на закрепление сведений, которые не представилось возможным получить ранее в силу запрета на смешение вербальных и «невербальных» способов познания. В качестве примера приведем ситуацию, имевшую место в связи с расследованием резонансного уголовного дела по факту деятельности АО «МММ». Сотрудники следственной группы прибыли на один из складов этой компании, чтобы провести осмотр партии еще хранившихся там билетов «МММ». При осмотре присутствовал старший кладовщик Р. После того как пачки с билетами были осмотрены и пересчитаны, следователь поинтересовался у него о наличии соответствующих сопроводительных документов. Р. пояснил, что никаких документов у него нет, что все документы находились у его начальника, который в связи с расследованием уголовного дела поспешил куда-то уехать; где он находится сейчас, Р. не знает. Анализируя данную ситуацию, обратим внимание, что сообщенные Р. сведения серьезного доказательственного значения по уголовному делу, в принципе, не имели. Однако в сложившейся ситуации они все же

могли определенным образом повлиять на установление истины. Поэтому следователь самым подробным образом записал их в протоколе осмотра[282]. Если исходить из рассматриваемого нами формального подхода к соотношению показаний с результатами «невербальных» следственных и судебных действий, то никакого права фиксировать подобные сведения в протоколе осмотра следователь бы не имел. По крайней мере, они бы не могли расцениваться в качестве доказательственной информации. Вместо этого следователю бы пришлось отдельно допрашивать Р. в качестве свидетеля по указанному вопросу, тратить на это свое служебное время и еще больше увеличивать объем и без того огромного, многотомного уголовного дела.

Очевидно, что такой подход может иметь и более негативные последствия, связанные, например, с невозможностью или нежеланием лица в последующем давать показания и т.д. Мы полагаем, что любой сугубо формальный, догматичный вариант решения какой-либо проблемы, стоящей перед уголовным судопроизводством, всегда опасен именно своей самоцельностью, оторванностью от реальных потребностей правоприменительной практики, от задач уголовно-процессуальной деятельности. В этой связи один из авторов «Курса советского уголовного процесса» – Ю.А. Иванов – подчеркивал, что уголовно-процессуальная форма играет важнейшую роль в правильном и быстром расследовании, рассмотрении и разрешении уголовных дел, то есть в выполнении стоящих перед уголовным судопроизводством задач. Это обстоятельство не только предполагает социальную ценность процессуальной формы в уголовном процессе, но и обуславливает ее характер как ценности инструментальной, хотя, конечно, совершенно очевидна необходимость анализа и сравнительной ценности отдельных элементов уголовно-процессуальной формы[283].

Поэтому наиболее рациональным нам представляется третий вариант решения проблемы соотношения показаний с результатами «невербальных»

---

[282] Пример взят из личной следственной практики автора, проходившего службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы).

[283] Курс советского уголовного процесса. Общая часть … С. 122.

следственных и судебных действий. Он заключается в разумном наполнении отдельными вербальными элементами любого «невербального» следственного или судебного действия (и наоборот) с последующим приданием всем полученным таким образом результатам доказательственного значения. Иными словами, мы считаем, что при производстве следственного осмотра, обыска, выемки, освидетельствования и любого другого «невербального» действия дознаватель, следователь, суд должны иметь право на получение от присутствующих участников определенных устных сведений с последующим их признанием полноценными показаниями. Равно как и при проведении допроса или очной ставки должна быть предусмотрена возможность фиксации каких-либо сведений «невербального» характера. Вместе с тем подобные процессуальные механизмы допустимы лишь при условии гармоничного сочетания требований процессуальной формы, предъявляемых к получению соответствующих видов доказательств. И показания, и результаты «невербальных» следственных и судебных действий, исходя из своей сущности и познавательного характера, формируются по определенным процессуальным правилам, обусловленным их содержанием и гарантиями обеспечения прав участвующих в них лиц. Поэтому при необходимости наполнения «невербального» следственного или судебного действия отдельными вербальными приемами (и наоборот) процедура его осуществления должна иметь комплексный характер, сочетающий собственные правила производства с правилами другого следственного или судебного действия, соответствующего сущности данного приема.

Для наглядности рассмотрим это на конкретном примере. Допустим, что в ходе проведения обыска или выемки следователь столкнулся с необходимостью получения каких-то устных сведений от присутствующего там лица, которые в дальнейшем он предполагает использовать в качестве полноценных показаний. В этом случае, не прерывая осуществления следственного действия, он должен выполнить ряд формальных требований, предусмотренных для проведения допроса: разъяснить лицу его права, обязанности, предупредить об ответственности. Сами же устные сведения надлежит получать и фиксировать в

протоколе с учетом требований ст. 189–190 УПК РФ. Представляется, что лишь при соблюдении указанных процессуальных условий полученные в ходе «невербального» следственного или судебного действия устные сведения можно впоследствии расценить как допустимые показания. Аналогичным образом надлежит поступать и в противоположных ситуациях, связанных с необходимостью выполнения отдельных «невербальных» приемов в ходе допроса или очной ставки.

Рассмотренный компромиссный подход к сочетанию показаний с результатами «невербальных» следственных и судебных действий позволит более эффективно и рационально осуществлять поисково-познавательную деятельность, не выходя за рамки процессуальной формы, в частности, не нарушая установленных законом гарантий прав и свобод личности в уголовном судопроизводстве. В соответствии с ним грани между отдельными вербальными и «невербальными» способами восприятия доказательственной информации в некотором смысле нам видятся условными, формально не зависящими от вида проводимого познавательного мероприятия. Кстати, подобная позиция весьма гармонично сочетается с положениями ст. 83 УПК РФ, которая, как уже отмечалось выше, не содержит определенного перечня «невербальных» следственных или судебных действий. Более того, нормы уголовно-процессуального закона, определяющие сущность показаний (ст. 76–79 УПК РФ) и требующие расширительного толкования, также фактически не содержат полного перечня следственных или судебных действий, направленных на формирование этого вида доказательств. Это обстоятельство является еще одним подтверждением разумности предложенного нами варианта практического сочетания показаний с результатами «невербальных» следственных или судебных действий.

Вместе с тем возможности использования в следственной или судебной практике механизмов совмещения элементов вербальных и «невербальных» следственных и судебных действий не следует рассматривать как абсолютно идеальный инструмент уголовно-процессуального познания. Очевидно, что он имеет и целый ряд недостатков. Одним из них, безусловно, является опасность

полного размывания граней между существующими в настоящее время следственными действиями или судебными действиями. Как справедливо отмечает С.А. Шейфер, комплекс предусмотренных законом следственных действий рассматривается не как случайное и неорганизованное множество, а как системное образование, в котором каждое следственное действие выступает элементом системы[284]. На данное обстоятельство также обращают внимание и многие другие ученые[285]. При этом предусмотренный в уголовно-процессуальном законе набор следственных действий не случаен, поскольку каждое из них, представляя собой специфическое сочетание приемов познания, имеет строго определенный предмет приложения и может оптимально решить не все, а лишь конкретные познавательные задачи[286]. И любое следственное действие как элемент системы имеет множество индивидуальных особенностей[287]. К сожалению, в специальной литературе практически не освещаются аналогичные вопросы касательно судебных действий, направленных на формирование и исследование доказательств в судебном заседании. Однако представляется, что в силу близости этих двух категорий все высказанные суждения о систематизации следственных действий в известной степени применимы к действиям судебным. Существующая в настоящее время система следственных и судебных действий хорошо налажена, отработана и апробирована многолетней практикой. Причем каждый из ее элементов хотя и взаимосвязан с остальными, тем не менее занимает строго определенное место; роль каждого следственного или судебного действия в общем механизме процессуального познания сугубо индивидуальна

---

[284] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальные порядок и доказательственное значение. – М.: Юрлитинформ, 2004. – С. 35.

[285] Например: *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий: учеб. пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1977. – С. 15–16; *Казинян Г.С., Соловьев А.Б.* Проблемы эффективности следственных действий. – Ереван: Ереванский госуниверситет, 1987. – С. 31; *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики). – Екатеринбург: УрГЮА, 2006. – С. 26–27 и т.д.

[286] *Казинян Г.С., Соловьев А.Б.* Проблемы эффективности следственных действий … С. 30.

[287] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 55.

и самостоятельна. В этой связи предложенный нами механизм получения показаний в рамках «невербальных» следственных и судебных действий и наоборот может негативно сказаться на сложившейся системе, подвергнуть ее разрушению, размыть грани между ее отдельными элементами. Существующие следственные и судебные действия могут потерять свою индивидуальность. А это, в конце концов, приведет к практике полной подмены одних действий другими (например, сложных более простыми), что, безусловно, причинит непоправимый вред всему механизму уголовного судопроизводства в целом и его отдельным институтам в частности. С.А. Шейфер справедливо пишет, что проведение ненадлежащего следственного действия приносит уголовному судопроизводству тройной вред: делается ненужная работа; существенно затрудняется или утрачивается полностью возможность получить и закрепить необходимые фактические данные; необоснованно стесняются права граждан[288].

Осознавая рассмотренные выше негативные последствия внедрения в правоприменительную практику механизмов сочетания вербальных и «невербальных» познавательных приемов, мы полагаем, что эти последствия вполне преодолимы. В своей деятельности органы дознания, предварительного следствия, а также суды могут совмещать отдельные элементы различных по способам процессуального познания следственных и судебных действий (например, допроса и выемки, обыска и допроса и т.д.) без потенциальной опасности размывания граней между ними и потери их индивидуальности. Это представляется реальным в том случае, если предложенные нами механизмы сочетания вербальных и «невербальных» познавательных приемов не будут носить произвольного, безусловного, нерегулируемого характера. Иными словами, возможность совмещения в практической деятельности отдельных элементов вербальных и «невербальных» следственных и судебных действий должна быть обусловлена определенными критериями допустимости. А их отсутствие следует

[288] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальные порядок и доказательственное значение … С. 44.

расценивать как основание для признания результатов соответствующего следственного или судебного действия в части проведения не свойственного для него познавательного приема недопустимым доказательством. При этом в качестве таких критериев допустимости мы предлагаем: а) критерий законности; б) критерий второстепенности; в) критерий производности; г) критерий рациональности.

Так, критерий законности должен заключаться в том, что если следователь, дознаватель или суд выполняют в рамках «невербального» действия какие-либо вербальные познавательные приемы, равно как и наоборот, то все эти приемы должны осуществляться в соответствии с требованиями закона, регламентирующими производство тех следственных или судебных действий, фрагменты которых они содержат. Например, если в ходе проведения осмотра или обыска следователь решает получить какие-либо показания от участвующего лица, то он, не прерывая следственного действия, обязан выполнить ряд формальных требований, относящихся к допросу: более подробно указать в протоколе данные об его личности, разъяснить соответствующие права, предупредить об ответственности и т.д. Аналогичным образом следует поступать при необходимости проведения какие-либо «невербальных» познавательных приемов в ходе допроса или очной ставки. Полагаем, что подобная технология обеспечит возможность сочетания различных по сути методов процессуального познания при соблюдении установленного законом правового режима производства следственных или судебных действий, в частности соблюдения прав и свобод личности.

Под критерием второстепенности следует понимать такой механизм имплантации отдельных фрагментов показаний в «невербальные» следственные или судебные действия и наоборот, при котором сведения, включенные в эти фрагменты, должны предположительно занимать второстепенное значение по отношению к основному содержанию следственного и судебного действия. Иными словами, подобное заимствование должно носить частный характер; оно не может поглощать собственного предмета следственного или судебного

действия. Например, сделанное в ходе освидетельствования заявление не должно отодвигать на задний план собственные результаты обнаружения на теле человека особых примет, следов преступления, телесных повреждений. Факт представления в ходе допроса предметов или документов не должен являться главенствующим по отношению к полученным показаниям и т.д.

Критерий производности означает, что сведения, полученные посредством заимствованного фрагмента иного следственного или судебного действия, не могут касаться каких-то иных, не связанных с основным следственным или судебным действием обстоятельств, входящих в предмет процессуального познания. Эти сведения определенным образом должны перекликаться с обстоятельствами основного следственного или судебного действия и зависеть от его результатов. В качестве примера вспомним ранее рассмотренную нами ситуацию с личным обыском задержанного, который сделал устное заявление о том, что обнаруженный пистолет был ему подброшен. Однако если бы личный обыск не проводился, и пистолет не был бы обнаружен, то задержанный вообще вряд ли стал бы говорить о чем-то подобном.

И наконец, критерий рациональности, на наш взгляд, заключается в следующем. В рамках проведения «невербальных» следственных и судебных действий допустимо использование каких-то вербальных приемов и наоборот лишь в том случае, если это обусловлено самими обстоятельствами уголовного дела, сложившейся на данный момент следственной или судебной ситуацией[289]. Использование такой практики без особой надобности и тем более злоупотребление предоставленными в этой связи возможностями считаем недопустимым.

[289] Под следственной ситуацией в криминалистической литературе традиционно понимается совокупность условий, сложившихся в определенный момент расследования по уголовному делу, то есть реальность, в условиях которой действует следователь. См., например: *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика … С. 501. Термин «судебная ситуация» в криминалистической литературе не употребляется. Поэтому мы в данном случае используем его по аналогии, понимая под ним совокупность условий, сложившихся в определенный момент судебного следствия по уголовному делу.

Подводя небольшой итог всему вышесказанному, следует отметить, что, хотя грань между вербальными и «невербальными» следственными или судебными действиями, на наш взгляд, в ряде случаев должна носить достаточно условный характер, тем не менее она вполне очевидна и напрямую зависит от того, на формирование какого вида доказательств главным образом направлено это следственное или судебное действие, какой способ процессуального познания является доминирующим при его осуществлении. Так, допрос или очная ставка в первую очередь направлены на получение показаний, поэтому их, безусловно, следует расценивать как вербальные. В свою очередь, осмотр, освидетельствование, обыск, выемка, следственный эксперимент и т.д. необходимы для формирования доказательств, предусмотренных ст. 83 УПК РФ. Поэтому данные следственные и судебные действия целесообразно относить к «невербальным». Существуют и более сложные следственные действия, имеющие двойную направленность: предъявление для опознания и проверка показаний на месте. Сложность этих поисково-познавательных процедур заключается в том, что элементы вербального и «невербального» характера сочетаются в них примерно в равной степени, что явно препятствует их отнесению к какому-то определенному виду. К более подробному рассмотрению всех этих вопросов мы вернемся в последующих главах настоящего исследования.

§ 2.2. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами

Вещественные доказательства являются очень ранним видом судебных доказательств. Они с древних времен широко использовались в русском процессе. Им придавалось большое значение при рассмотрении судебных дел, о чем убедительно говорят правовые памятники[290]. В работах дореволюционных юристов, в частности И.Я. Фойницкого, вещественные доказательства понимались

[290] *Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе … С. 5.

в широком (в обширном) и узком смыслах. В широком смысле таковыми следовало признавать любые объекты, запечатлевшие изменения во внешнем мире и служащие материалом для исследования и разъяснения дела. В узком смысле этого слова ими признавались любые объекты материального мира, сохранившие на себе определенные следы преступления[291].

Подходы к сущности вещественных доказательств в советском уголовном процессе в целом базировались на соответствующих положениях уголовно-процессуального законодательства. Так, ст. 66 УПК РСФСР 1923 г. (аналогичные нормы УПК союзных республик) определяла вещественные доказательства как предметы, которые служили орудиями совершения преступления, сохранили на себе следы преступления или которые были объектами преступных действий обвиняемого, а также все иные предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных. В свою очередь, ст. 83 УПК РСФСР 1960 г. (аналогичные нормы УПК союзных республик) устанавливала, что вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудиями преступления или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий, а также деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, и все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению ответственности. В этой связи М.М. Выдря писал, что определение вещественных доказательств в советском уголовном процессе, данное в ст. 66 УПК РСФСР 1923 г., в принципе правильное, но недостаточно полное, так как не включает в себя продукты преступной деятельности и точно воспроизведенные копии, оттиски, снимки. Также, по его мнению, в определении вещественных доказательств должно быть подчеркнуто, что они могут

[291] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – 3-е изд. – Т.2. – СПб.: Сенатская типография, 1910. – С. 294.

быть не только средствами изобличения виновного, но и подтверждать невиновность лица[292]. В своем «Курсе советского уголовного процесса» М.С. Строгович отмечал, что вещественным доказательством называется любая вещь, которая в соответствии с установленными процессуальным законом условиями может служить доказательством по делу, то есть быть источником сведений о доказательственном и главном факте и тем самым устанавливать существенные для дела обстоятельства[293]. Н.А. Селиванов понимал под вещественными доказательствами предметы, которые в силу своей связи с событием преступления и подлежащими выявлению обстоятельствами, исключающими виновность, способствуют предварительному расследованию и правильному разрешению дела в суде, приобщены к делу в качестве таковых специальным документом[294]. Р.С. Белкин и А.И. Винберг указывали, что в самом общем виде вещественные доказательства – это любые предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления, установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных, опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого[295]. И. Кертэс называл вещественными доказательствами находящиеся в распоряжении органа расследования или суда предметы, зафиксированные в ходе процессуальных действий и содержащие информацию об элементарных актах отражения событий[296]. А.С. Кобликов в коллективном «Курсе советского уголовного процесса» писал, что вещественными доказательствами являются предметы, которые служили орудием преступления или сохранили на себе следы преступления, или были объектами преступных действий обвиняемого, а также деньги и иные ценности, нажитые преступным путем, и все другие предметы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления,

---

[292] *Выдря М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе … С. 45.

[293] *Строгович. М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т.1… С. 453.

[294] *Селиванов Н.А.* Вещественные доказательства (криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование). – М.: Юрид. лит., 1971. – С. 11.

[295] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 634.

[296] *Кертэс И.* Основы теории вещественных доказательств. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1973. – С. 25.

установлению фактических обстоятельств дела, выявлению виновных либо к опровержению обвинения или смягчению вины обвиняемого[297]. Аналогичное определение вещественных доказательств давали Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов[298].

Анализ современной процессуальной литературы позволяет заключить, что в настоящее время ученые также пытаются определить вещественные доказательства в контексте их правовой регламентации, содержащейся в ст. 81 УПК РФ. В частности, В.А. Лазарева пишет, что вещественными доказательствами признаются любые предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. Она же указывает, что вещественное доказательство – это объект материального мира, который в силу своих связей с расследуемым событием несет в себе информацию о нем[299]. В свою очередь, Ю.К. Орлов определяет вещественные доказательства в самом общем виде как материальные следы (последствия) преступления. А их роль как познавательных средств в процессе доказывания обусловлена тем, что они были «участниками» расследуемого события, подвергались в результате его какому-то видоизменению, перемещению или были созданы преступными действиями[300]. Весьма полно и обстоятельно проблема сущности вещественных доказательств в современном уголовном процессе была исследована в работе А.В. Кудрявцевой и Ю.В. Худяковой. Они отмечают, что вещественными признаются доказательства, отвечающие следующим признакам: 1) это результат отображения события преступления в материальной обстановке и результат отражения следов преступления в материальных носителях информации; 2) содержанием вещественного доказательства является информация, запечатленная в свойствах предмета (следа) и являющаяся

---

[297] Курс советского уголовного процесса. Общая часть … С. 598.

[298] *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание … С. 203.

[299] *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе … С. 305.

[300] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 152.

непосредственным отражением события преступления; 3) процессуальной формой вещественного доказательства является совокупность следующих элементов: сам предмет или след, процессуально зафиксированный генезис предмета или следа, описание предмета или следа в процессуальном протоколе, решение о приобщении к делу[301].

Кстати, похожие дефиниции вещественных доказательств содержатся в соответствующих работах по иным отраслям процессуального права, в первую очередь по гражданскому процессу[302].

Таким образом, из всего вышеизложенного следует обобщенный вывод, что под вещественными доказательствами ученые-процессуалисты понимали и в настоящее время понимают объекты материального мира, находившиеся (находящиеся) в определенной связи с подлежащими установлению обстоятельствами и запечатлевшие на себе следы значимых для уголовного дела событий или явлений. Именно такая традиционная дефиниция была сформулирована нами в авторском учебнике «Уголовный процесс»[303]. И действительно в отличие, например, от показаний или заключений эксперта и специалиста, вещественные доказательства имеют принципиально иную, материальную форму. Они объективно существуют в элементах окружающего мира и не зависят от воли или разума человека. Поэтому наибольшую ценность вещественных доказательств по уголовному делу представляют их физические, химические и тому подобные свойства: форма, размер, масса, состав, механические, термические или иные изменения и т.д.

Однако подобный традиционный подход имеет и свою «ахиллесову пяту». Она заключается в том, что вещественные доказательства обычно рассматриваются как бы в двух аспектах: как сами предметы и как элементы определенной

---

[301] *Кудрявцева А.В., Худякова Ю.В.* Вещественные доказательства в уголовном процессе России. – Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. – С. 36–37.

[302] Например: *Треушников М.К.* Судебные доказательства ... С. 246; *Власов А.А.* Вещественные доказательства в гражданском процессе. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1999. – С.10 и т.д.

[303] *Россинский С.Б.* Уголовный процесс: учебник. – М.: ЭКСМО, 2009. – С. 236.

вещной обстановки. И здесь закономерно возникает вопрос: какого рода информация позволяет определить гносеологическую сущность вещественного доказательства в познании обстоятельств уголовного дела? Как уже отмечалось выше, значение вещественных доказательств определяется тем, что эти предметы могут служить средствами для установления обстоятельств уголовного дела. Но каких обстоятельств? Очевидно, что такие обстоятельства бывают разного характера и содержания. Попробуем продемонстрировать наши рассуждения на достаточно простом примере. Так, по подозрению в совершении карманной кражи на вещевом рынке возле железнодорожной станции «Лианозово» г. Москвы с поличным был задержан гражданин В., в кармане куртки которого в ходе его личного обыска было обнаружено похищенное портмоне. Оно было изъято и приобщено к материалам уголовного дела как вещественное доказательство[304]. Какую доказательственную ценность имеет данное портмоне? Традиционный, в том числе и практический, ответ представляется очень простым: портмоне обнаружено у подозреваемого, следовательно, может иметь отношение к обстоятельствам уголовного дела. А когда потерпевший опознает данное портмоне, его признание вещественным доказательством не будет вызывать никаких сомнений.

А теперь проанализируем характер и содержание информации, извлекаемой из данного портмоне. На наш взгляд, такую информацию можно представить в виде двух гносеологических посылов:

1. Портмоне действительно существует. Оно действительно является элементом окружающего мира, материальным фрагментом объективной реальности. Оно – не плод воображения дознавателя, следователя, судьи, потерпевшего или других участников уголовного процесса. Следовательно, его объективное существование косвенно подтверждает произошедшую ранее карманную

[304] Архив Тимирязевского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-249/2011.

кражу, то есть обстоятельство, входящее в предмет доказывания. Иными словами, этот первый гносеологический посыл содержит информацию о существовании самого объекта.

2. Данное портмоне обнаружено не кем-нибудь и не где-нибудь, а именно сотрудником органа дознания и именно в кармане куртки подозреваемого в ходе его личного обыска. Подобное обстоятельство косвенно указывает на лицо, подлежащее привлечению к уголовной ответственности. Иначе говоря, этот второй гносеологический посыл содержит информацию о месте расположения объекта и обнаружения субъектом процессуального познания.

Далее постараемся представить рассмотренную ситуацию в несколько ином варианте. Предположим, что подозреваемый не был задержан на месте совершения преступления, а похищенное портмоне после извлечения из него денег и пластиковых карт им было выброшено в мусорный бак. Позднее оно было обнаружено случайными людьми и по находившемуся там паспорту возвращено потерпевшему. Последний, в свою очередь, в соответствии с ч. 2 ст. 86 УПК РФ, представил портмоне следователю; оно было приобщено к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. В подобном варианте развития ситуации из приобщенного к материалам уголовного дела вещественного доказательства вытекает всего один (первый) гносеологический посыл о существовании портмоне как элемента окружающего мира. Второго вышеприведенного посыла – об обнаружении портмоне именно у подозреваемого и именно субъектом процессуального познания – в данной ситуации нет. Вместе с тем это вовсе не мешает признать объект вещественным доказательством, поскольку он вполне соответствует установленным законом основаниям: на него были направлены преступные действия.

В этой связи сразу возникает закономерный вопрос: а нужен ли вообще второй рассмотренный нами гносеологический посыл (о месте нахождения или обнаружения объекта уполномоченным субъектом процессуального познания) для признания какого-либо предмета вещественным доказательством? В некоторых научных работах, посвященных рассматриваемой проблематике, на этот

вопрос дается однозначно утвердительный ответ. Так, Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев и П.С. Элькинд писали, что элементами процессуальной формы вещественных доказательств являются в том числе протоколы следственных действий, фиксирующие место и условия их обнаружения[305]. Н.А. Попова отмечает, что вещественным доказательством является не сам предмет как таковой, а предмет с его определенными качествами и связями с доказательственными фактами. Доказательства – это информация о месте и времени его обнаружения, зафиксированная в протоколах следственных действий, и нередко – данные, содержащиеся в заключениях экспертов[306]. Близкая по существу позиция прослеживается и в вышеупомянутой работе А.В. Кудрявцевой и Ю.В. Худяковой, относящих к признакам вещественного доказательства процессуально зафиксированный генезис предмета или следа. В свою очередь, Ю.П. Боруленков, исследуя сущность вещественных доказательств, задается вопросом, насколько информационным является представление суду, например, ножа, которым было совершено преступление? Отвечая на этот вопрос, он пишет, что интерес для суда представляет не сама вещь, не сам предмет, но те следы, отпечатки, состояния, изменения, реакции, которые возникли у вещи, предмета при воздействии на них в связи с преступным деянием. Именно в этих следах, изменениях предмета заложена информация для тех субъектов, которые обладают кодом ее расшифровки, осмысления и превращения в сведения об обстоятельствах преступления. По мнению автора, не сам по себе нож как таковой интересует нас в ходе расследования, а нож, обнаруженный в определенном месте и в определенное время, например, в квартире преступника, нож, на котором обнаружена кровь потерпевшего и микроволокна с его одежды. И если при проведении следственных действий «снята» интересующая информация, то, вероятно, нет необходимости в представлении суду ножа как предмета, на котором

---

[305] *Горский Г.Ф., Кокорев Л.Д., Элькинд П.С.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. – Воронеж: ВГУ, 1978. – С. 183.

[306] *Попова Н.А.* Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании: автореф. дис. … к.ю.н. – Саратов, СЮИ МВД РФ, 2007. – С. 9.

интересующей нас информации уже может и не быть[307]. Достаточно близкую позицию по этому вопросу занимают А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский, отмечающие, что сами по себе предметы – вещественные доказательства иногда могут и не содержать в себе информации, имеющей значение для дела; основное значение имеет их связь с сопутствующими доказательственными фактами. Поэтому предмет, происхождение которого неизвестно (например, нож с отпечатками пальцев подозреваемого, подброшенный следователю неизвестными лицами), не может быть признан вещественным доказательством, если не будет выяснена его предшествующая история. В этой связи ученые полагают, что вещественным доказательством является не сам предмет как таковой, а предмет с его определенными качествами и связями с доказательственными фактами. Без них предмет не имеет доказательственной ценности[308].

Вместе с тем мы позволим себе не согласиться с такими суждениями уважаемых авторов и предположить, что для признания какого-либо материального объекта вещественным доказательством необходим лишь факт его наличия в объективной действительности. В этой связи достаточно хотя бы вспомнить дословный текст ст. 81 УПК РФ, регламентирующей признание вещественными доказательствами самих предметов, имеющих отношение к уголовному делу, как бы вне зависимости от места их нахождения, возможного перемещения и тому подобных признаков. Иными словами, следует отличать материальные объекты от происходящих с ними процессов, также существующих в объективной действительности. Причем именно первые (объекты) должны признаваться вещественными доказательствами по уголовному делу. Что же касается вторых (процессов), то они лишь способствуют познанию какой-либо

---

[307] *Боруленков Ю.П.* Юридическое познание … С. 298; *Он же.* К вопросу о понятии «вещественные доказательства» // СПС «КонсультантПлюс».

[308] *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.В. Смирнова. – М.: Проспект, 2009. – С. 281–282; *Смирнов А.В.* Что считать вещественным доказательством // Уголовный процесс. – 2011. – № 4. – С. 31–32.

связи материального объекта с предметом доказывания, соединению этого объекта с другими сведениями в одну общую доказательственную цепь, но никак не подменяют этот объект.

Однако в реальности сами объекты материального мира настолько переплетены и взаимосвязаны с происходящими с ними процессами, что в конкретных практических условиях расследования или судебного разбирательства уголовного дела отделить одни от других весьма и весьма затруднительно. В частности, возвращаясь к вышеприведенному нами примеру, рассмотрение самого по себе похищенного портмоне отдельно от факта его обнаружения в кармане куртки подозреваемого было бы не только сложно, но и неразумно. Очевидно, что имеющаяся в данном случае небольшая совокупность доказательств обусловлена настолько тесными связями между ними, что внешне (в том числе практически) она вполне может быть расценена как одно общее средство познания, позиционируемое именно как вещественное доказательство. Но на самом деле при более детальном анализе как описываемой, так и всех сходных с ней ситуаций вполне очевидно, что вещественным доказательством все-таки должен являться сам предмет материального мира, но никак не сведения об обстоятельствах его обнаружения. На наш взгляд, вещественное доказательство всегда существует само по себе; возникновение информации о нем не является результатом деятельности дознавателя, следователя или суда. Как справедливо отмечали Р.С. Белкин и А.И. Винберг, не описание, а непосредственное материальное отображение признаков события составляет сущность вещественных доказательств[309]. Тогда как сведения о происходящих с предметом процессах, в том числе о месте его нахождения, его расположении относительно других элементов вещной обстановки, наоборот, могут возникнуть лишь вследствие наглядно-образного восприятия этих обстоятельств субъектами уголовно-процессуального познания. Дознаватель, следователь или суд наблюдают данные предметы совместно с другими элементами вещной обстановки и относительно

[309] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 634.

них, в результате чего формируют в своем сознании соответствующие мысленные образы. И именно результаты такого наглядно-образного восприятия и основанного на нем «невербального» познания, а не сами эти предметы позволяют сделать вывод об их нахождении в определенном месте, у определенного лица, а также об их возможном перемещении.

В связи с этим представляется очевидным, что в данном случае следует говорить не о вещественных доказательствах, а о доказательствах иного рода – о результатах «невербальных» следственных и судебных действий, предусмотренных ст. 83 УПК РФ. В подобных ситуациях могут иметь место результаты следственного (судебного) осмотра, обыска, выемки, а также освидетельствования, следственного эксперимента, проверки показаний на месте и т.д. Проводя любое из предусмотренных законом «невербальных» следственных или судебных действий, дознаватель, следователь или суд как бы фиксируют находящееся в их распоряжении вещественное доказательство в качестве элемента объективной действительности, привязывают его к конкретной обстановке, месту, другим имеющимся предметам и т.д. Само по себе вещественное доказательство, являясь не более чем вещью, неодушевленным предметом, не способно ничего о себе «поведать» или самостоятельно привязать себя к обстоятельствам, подлежащим установлению по уголовному делу. В этой связи мы не согласны с позицией Л.Д. Кокорева и Н.П. Кузнецова о том, что к содержанию вещественного доказательства вполне может быть отнесено, например, обнаружение на предмете пятна, похожего на след крови[310]. Нам также представляется неверной и позиция В.А. Лазаревой, что вещественное доказательство может стать таковым и в силу его местонахождения – обнаруженные у подозреваемого ценные вещи, принадлежащие потерпевшему, или найденный на месте совершения преступления предмет, принадлежащий подозреваемому[311]. Сам по себе предмет – это, бесспорно, вещественное доказательство. Обнаруженное на нем

---

[310] *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание … С. 205.

[311] *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе … С. 306.

пятно крови (о чем писали Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов) также должно быть признано вещественным доказательством. Но при этом мы никак не можем согласиться, что значение вещественного доказательства должны иметь сведения о факте обнаружения одного на другом, равно как и о других подобных фактах, связанных с нахождением определенных предметов в определенных местах. Безусловно, такие сведения имеют существенное доказательственное значение; именно с их помощью возможно проследить связь вещественного доказательства с обстоятельствами, входящими в предмет доказывания, а также установить и многие иные значимые для уголовного дела факты. Но при этом они не имеют материального характера, вещественной формы, а выражаются не в чем ином, как в результатах собственного наглядно-образного восприятия дознавателем, следователем или судом окружающей обстановки, в том числе отдельных ее элементов – каких-либо материальных объектов. Таким образом, вполне очевидно, что здесь речь идет не о вещественных доказательствах, а об уже упомянутых нами результатах «невербальных» следственных или судебных действий. В данном случае во главу угла ставятся не сами сведения-объекты, а сведения о нахождении этих объектов в определенном месте, которые были получены в ходе следственного осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, следственного эксперимента и других подобных процессуальных процедур, связанных с «невербальными» способами получения значимой для уголовного дела информации, и отражены в соответствующем протоколе. Как справедливо отмечается в литературе, содержание протоколов (результатов) следственных и судебных действий составляют отражения таких свойств и состояний предмета, которые можно наблюдать только в условиях производства соответствующего следственного (судебного) действия, когда обнаруживается предмет, вещь. К ним, например, относятся: время и место обнаружения предмета, его положение относительно других предметов в момент осмотра места происшествия, помещения или местности, обыска, выемки. Эти признаки, свойства характеризуют предмет в условиях окружающей его обстановки. Они не следуют

за изымаемым предметом и не могут быть сохранены путем изъятия и приобщения предмета к делу[312]. Иными словами, результаты «невербальных» следственных и судебных действий фактически выступают в качестве связующего звена между вещественными доказательствами и обстоятельствами уголовного дела. Поэтому в реальности каждое вещественное доказательство теснейшим образом переплетено с соответствующими результатами «невербальных» следственных или судебных действий. Кстати, такая взаимосвязь, в том числе, вытекает из прямого предписания закона, обязывающего провести осмотр каждого полученного вещественного доказательства (ч. 2 ст. 81 УПК РФ).

Вместе с тем, рассматривая соотношение результатов «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами, мы не будем впадать в противоположную крайность, полностью обесценивая последние как средства познания обстоятельств уголовного дела. В частности, такая точка зрения высказывается П.В. Козловским, утверждающим, что вещественные доказательства вообще не являются отдельным видом доказательств, а порядок фиксации сведений, воспринимаемых непосредственно (методом наблюдения), нуждается в унификации[313]. Анализируя данную позицию, мы полагаем, что автор не совсем прав именно в связи с тем, что он просто не усматривает изложенных нами различий, позволяющих разграничить вещественные доказательства с результатами «невербальных» следственных и судебных действий. П.В. Козловский как бы смешивает два различных вида сведений: о существовании данного материального объекта в реальности и о наглядно-образном восприятии этого объекта субъектом процессуального познания в определенном месте в определенное время. Ученый совершенно справедливо указывает, что если объект или его часть удалось изъять – он признается вещественным доказательствам; если же его просто описали в протоколе и сфотографировали – он

---

[312] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 210.

[313] *Козловский П.В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение … С. 148.

становится доказательством, подпадающим под контекст ст. 83 УПК РФ[314]. Однако при этом он не принимает во внимание, что в первом случае кроме самого предмета – вещественного доказательства – в материалах дела содержатся еще и сведения о его обнаружении в ходе производства осмотра, обыска, выемки и т.д., которые, безусловно, должны быть расценены как результаты «невербальных» следственных действий. Следовательно, первый из рассмотренных им случаев связан с формированием двух взаимосвязанных доказательств, а второй – с формированием лишь одного, поскольку изъятие вещественного доказательства в натуре здесь, видимо, не представилось возможным.

Итак, подводя небольшой итог, отметим, что результаты «невербальных» следственных и судебных действий, предусмотренных ст. 83 УПК РФ, самым тесным образом связаны с вещественными доказательствами. По сути, именно эти результаты обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность их использования в процессе доказывания. С их помощью и совместно с ними вещественные доказательства как бы встраиваются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В свою очередь, вещественные доказательства являются предметом соответствующих «невербальных» следственных или судебных действий, направленных на их обнаружение, восприятие или фиксацию. Более того, учитывая отмеченную близость вещественных доказательств и соответствующих результатов «невербальных» следственных и судебных действий, эти два вида доказательств нередко настолько тесно переплетены между собой и слиты в единую доказательственную цепочку, что на практике отграничить одни от других представляется весьма и весьма затруднительным. Тем не менее, критерии для такого разграничения существуют и заключаются в их гносеологической сущности. Так, само по себе вещественное доказательство (в отрыве от других взаимосвязанных с ним доказательств) всегда несет в

[314] Там же. С. 145.

себе лишь информацию о наличии данного объекта как элемента объективной действительности. Вещественное доказательство – это сама вещь как элемент объективной реальности и носитель юридически значимой информации. Оно делает возможным заключить, что вещь (объект) действительно существует, что он не является вымыслом или результатом воображения кого-либо из участников уголовного судопроизводства. В свою очередь, результат «невербального» следственного и судебного действия (осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента и др.) свидетельствует о нахождении той или иной вещи (вещественного доказательства) в определенном месте или у определенного лица, а также об определенном взаиморасположении двух или нескольких предметов, о нахождении одного предмета на другом и т.д. И именно подобного рода информация позволяет встроить обезличенные вещественные доказательства в общую доказательственную цепочку и, таким образом, успешно использовать их в процессе познания обстоятельств уголовного дела.

Продолжая исследование вопросов соотношения «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами в уголовном судопроизводстве, необходимо отметить, что обозначенные выше проблемы далеко не единственны. В реальности существует еще одна сугубо практическая проблема, которая заключается в искусственном и явно необоснованном придании статуса вещественных доказательств объектам, которые, по сути, являются всего лишь дополнительными средствами фиксации хода и результатов «невербальных» следственных и судебных действий. В этой связи сразу хотелось бы обратить внимание, что рассмотренные ниже вопросы преимущественно касаются следственных, а не судебных действий; практика использования дополнительных средств фиксации в судебном заседании в настоящее время не так распространена, однако в соответствии с ч. 5 ст. 159 УПК РФ вполне допустима. Исходя из этого, мы подразумеваем, что и сами выявленные недостатки, и наши предложения по их устранению в равной степени вполне могут быть применимы также к судебному следствию.

Данная проблема появилась в отечественной следственной практике в связи с научно-техническим прогрессом и появлением различных средств дополнительной фиксации (помимо протокола) результатов процессуальных действий. В современных условиях такие дополнительные средства, в частности фотосъемка, аудио- или видеозапись, в силу своей наглядности и, следовательно, большой потенциальной информативности, являются важным подспорьем при необходимости последующего воссоздания картины следственного действия, анализа отдельных его элементов в целях проверки, оценки и использования в доказывании полученных таким образом результатов. Как совершенно справедливо пишет В.А. Образцов, они обеспечивают получение «иллюстративного материала»[315]. В протоколах «невербальных» следственных действий нередко встречаются различные ошибки, неточности, искажения объективной реальности, обусловленные в первую очередь особенностями наглядно-образного восприятия дознавателем или следователем материальных объектов познания и формирования в их сознании соответствующих мысленных образов. Ранее мы уже отмечали, что современные философы и психологи говорят не о зеркальном, а лишь об относительно адекватном отражении человеком фрагментов объективной реальности. В этой связи в уголовно-процессуальной науке существуют достаточно обоснованные позиции, что даже протокол гласного судебного заседания не может обеспечить полноценного и правильного отражения всех обстоятельств рассмотрения уголовного дела. А это, в свою очередь, не отвечает требованиям ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[316]. Поэтому некоторые ученые настойчиво ратуют за обязательное использование дополнительных средств фиксации судебных заседаний, например, аудио- или видеозаписи[317]. Очевидно, что в случае прото-

---

[315] *Образцов В.А.* Курс лекций по криминалистике. – М.: Юристъ, 1996. – С. 114.

[316] *Фомин М.А.* Протокол судебного заседания: «прошу данный вопрос и ответ на него отразить дословно» // Российская юстиция. – 2003. – № 11. – С. 22–24.

[317] Например: *Подольный Н.А.* Аудиозапись исключит фальсификацию протокола судебного заседания. // Российская юстиция. 2002. № 8. – С. 36.

колирования «невербальных» следственных действий по сравнению с судебным заседанием существует еще большая вероятность искажения обстоятельств объективной реальности, причем далеко не всегда непредумышленного характера. Вследствие этого предусмотренные законом возможности использования дополнительных средств фиксации различных процессуальных мероприятий приобретают значение действенных гарантий в вопросах объективизации познания обстоятельств уголовного дела и обеспечения прав и свобод участвующих лиц. Более того, в ряде случаев использование видеозаписи при производстве отдельных следственных действий уже перешло в ранг законодательного предписания. Так, согласно ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ применение технических средств фиксации хода и результатов следственного осмотра, освидетельствования, следственного эксперимента и некоторых других следственных действий является обязательным, если следователь принимает решение проводить эти действия без участия понятых. Аналогичная обязанность предусмотрена ч. 3 ст. 170 УПК РФ для следственных действий, проводимых без участия понятых ввиду труднодоступной местности, при отсутствии надлежащих средств сообщения, а также в случаях, если производство следственного действия связано с опасностью для жизни и здоровья людей.

По смыслу ч. 8 ст. 166 УПК РФ все дополнительные носители информации о ходе и результатах произведенного следственного действия должны быть приобщены в качестве приложения к соответствующему протоколу. В дальнейшем они могут рассматриваться исключительно как составные части протокола, не имеющие без него никакой юридической силы и тем более не являющиеся самостоятельными доказательствами. На данное обстоятельство неоднократно обращалось внимание в юридической литературе[318]. Таким образом, в случае производства следственного осмотра, освидетельствования, обыска,

[318] Например: *Камышин В.А.* Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе: автореф. дис. … к.ю.н. – Ижевск: Удмуртский госуниверситет, 1998. – С. 12; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова … С. 463; *Савенко О.В.* Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу … С. 62 и т.д.

следственного эксперимента и других «невербальных» следственных действий все эти дополнительные носители информации, в частности фотографии, аудио- и видеозаписи, могут расцениваться исключительно в контексте ст. 83 УПК РФ, причем не иначе как совместно с соответствующим протоколом и в полной зависимости от него. Мы абсолютно согласны с Ю.Н. Соколовым, отмечающим, что самостоятельное закрепление сведений с помощью технических средств при отсутствии протокола в уголовном судопроизводстве ведет к утрате их доказательственного значения[319].

Вместе с тем анализ современной следственной практики позволяет констатировать иное, на наш взгляд, неверное толкование органами дознания и предварительного следствия указанных законодательных предписаний. Проиллюстрируем это следующим примером. В июле 2010 г. сотрудниками органов внутренних дел по Центральному федеральному округу был проведен комплекс оперативно-розыскных и проверочных мероприятий, направленных на решение вопроса о возбуждении уголовного дела в отношении начальника одного из подмосковных отделов Росреестра И. по факту якобы вымогаемой им взятки за регистрацию земельного участка. После осуществления оперативного эксперимента и задержания И. с поличным в его служебном кабинете незамедлительно был произведен осмотр места происшествия. В результате данного следственного действия сотрудники милиции обнаружили принадлежащий И. портфель, откуда были извлечены денежные средства в российских рублях и иностранной валюте, а также имеющие отношение к делу документы. В ходе проведения осмотра места происшествия использовалась видеозапись. Причем впоследствии (уже после возбуждения уголовного дела) видеокассета с этой записью была осмотрена по правилам ст. 177 УПК РФ и приобщена к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства[320]. На наш взгляд,

---

[319] *Соколов Ю.Н.* Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий // Российская юстиция. – 2010. – № 6. – С. 29–31.

[320] Пример взят из личной практики автора, который был приглашен стороной защиты по данному уголовному делу в качестве специалиста и письменно высказывал свое суждение по обозначенным вопросам в порядке ч. 3 ст. 80 УПК РФ.

вполне очевидно, что в данной ситуации (кстати, как и во многих других аналогичных случаях) была допущена грубая процессуальная ошибка, заключающаяся в искусственном создании еще одного нового доказательства по уголовному делу. Видеозапись осмотра места происшествия является всего лишь дополнительным средством фиксации тех сведений, которые были изложены в соответствующем протоколе. В результате подобных и, на наш взгляд, совершенно недопустимых действий следователей и органов дознания в материалах уголовных дел фактически незаконно появляются новые самостоятельные вещественные доказательства, чем искусственно и абсолютно неправомерно «укрепляется» доказательственная база. Вместо одного доказательства – результата «невербального» следственного действия в деле фигурируют уже два отдельных доказательства[321], которые к тому же являются взаимопроверяемыми и позволяют положительно оценить друг друга на предмет достоверности. Так, оценивая результат (протокол) следственного осмотра, обыска или иного «невербального» следственного действия, суд уже не сомневается в его доброкачественности, поскольку он полностью подтверждается вещественным доказательством (например, видеозаписью), равно как и наоборот.

Итоги некоторых наших исследований показывают достаточно широкое распространение подобной следственной практики, особенно по некоторым категориям уголовных дел, возбуждаемых в связи с реализациями результатов оперативно-розыскной деятельности. Так, примерно в 27% случаев использования в ходе осмотров, обысков и других «невербальных» следственных действий видеозаписи соответствующая кассета или диск признавались вещественными доказательствами. Причем при выборочном анализе материалов осмотров мест происшествий, проводимых до возбуждения уголовных дел при задержании подозреваемого с поличным (например, по уголовным делам коррупционной направленности), количество таких случаев возрастает примерно

[321] На данное обстоятельство обращает внимание Х.А. Сабитов, полагающий что оно вообще может привести к практике отказа от протоколирования, которая на сегодняшний день недопустима. См.: *Сабиров Х.А.* Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе … С. 123.

до 62%. В свою очередь, 69% проинтервьюированных нами следователей и 58% судей считают такую практику вполне нормальной и допустимой. Близкие по существу следственные ошибки описываются и в работах других авторов. В частности, А.В. Белоусов отмечает, что в ряде случаев при возникновении спорных ситуаций суд, просматривая видеозаписи следственных действий, в своем решении ссылается именно на них, а не на протоколы[322]. С.А. Ожередова, основываясь на результатах анализа уголовных дел, рассмотренных одним из районных судов, также указывает, что в большинстве случаев судьи расценивают видеозаписи как допустимые доказательства[323]. П.В. Козловский пишет о случаях использования в качестве самостоятельных доказательств фототаблиц к протоколам следственных действий[324].

Достаточно противоречивые позиции по данному вопросу выражаются в решениях Верховного Суда РФ. В одном из своих определений Верховный Суд РФ прямо указывает: «Вещественные доказательства – видеозаписи следственных действий – подлежат оставлению при деле»[325]. Однако в другом решении Верховного Суда РФ изложена прямо противоположная точка зрения: «При производстве следственного действия могут также применяться стенографирование, фотографирование, киносъемка, аудио- и видеозапись, носители которых, в соответствии с частью 8 указанной статьи УПК РФ, являются приложением к протоколу. В силу положений ст. 74 УПК РФ доказательством по делу является именно протокол следственного действия»[326].

Рассмотренная нами практика в настоящее время находит отклики и поддержку в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе. Одним

---

[322] *Белоусов А.В.* Процессуальное закрепление доказательств при рассмотрении преступлений. – М.: Юрлитинформ, 2001. – С. 150.

[323] *Ожередова С.А.* Улика на пленке // СПС «КонсультантПлюс».

[324] *Козловский П.В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве: эволюция, регламентация, соотношение … С. 145.

[325] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 октября г. 2006 № 44-О06-71СП // СПС «КонсультантПлюс».

[326] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 апреля 2008 г. № 50-О07-47 // СПС «КонсультантПлюс».

из первых ученых, поставивших вопрос о самостоятельном доказательственном значении дополнительных средств фиксации следственных действий, является В.Т. Томин. Еще в 1991 году он писал о присвоении видеозаписи статуса самостоятельного источника доказательства, равноценного протоколу следственного действия, в ходе которого она осуществлялась. Автор связывает подобную необходимость с изменением социальных условий и современным уровнем научно-технического развития[327]. А.В. Белоусов считает такую видеозапись самостоятельным доказательством по уголовному делу ввиду того, что она позволяет весьма полно и объективно зафиксировать всю информацию, полученную в ходе тех или иных следственных действий, и играет большую роль в изобличении преступников[328]. В.Н. Григорьев, А.В. Победкин и В.Н. Яшин полагают, что протокол и видео- или аудиозапись должны оцениваться судом на равных – как самостоятельные источники доказательств[329]. В этой связи некоторые современные ученые даже предлагают внести соответствующие изменения в УПК РФ, дополнив его положением о самостоятельном доказательственном значении дополнительных средств фиксации следственных действий[330] и выработав требования их допустимости[331].

---

[327] *Томин В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 91.

[328] *Белоусов А.В.* Процессуальное закрепление доказательств при рассмотрении преступлений … С. 174.

[329] *Григорьев В.Н., Победкин А.В., Яшин В.Н.* Уголовный процесс: учебник. – М.: Эксмо, 2005. – С. 203.

[330] Например: *Романов В.И.* Процессуальные, тактические и этические вопросы применения научно-технических средств при расследовании преступлений: автореф. дис. … к.ю.н. – Казань: Казанский госуниверситет имени В.И. Ульянова-Ленина, 1997. – С. 13; *Цомая С.Д.* Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … к.ю.н. – М.: Академия управления МВД России, 2007. – С. 6; *Долженко Н.И., Ожередова С.А.* Видеозапись следственного действия как источник доказательственной информации // Вестник криминалистики. – 2007. – № 4. – С. 79; *Ожередова С.А.* Улика на пленке // СПС «КонсультантПлюс».

[331] *Аницик О.О.* Средства закрепления хода и результатов следственных действий и их доказательственное значение: автореф. дис. … к.ю.н. – Самара: Самарский госуниверситет, 2002. – С. 15.

Таким образом, истоки подобной практики и связанных с ней научных воззрений обусловлены особенностями материалов дополнительной фиксации результатов «невербальных» следственных действий, обладающих по сравнению с протоколами гораздо большей информативностью. Фотосъемка, аудио- или видеозапись и другие материалы дополнительной фиксации действительно позволяют лицам, в последующем знакомящимся с уголовными делами, установить какие-то иные, новые сведения, которые не могут быть почерпнуты из соответствующего протокола. Видимо, именно это обстоятельство в контексте ч. 1 ст. 74 УПК РФ и позволяет некоторым ученым и практическим работникам расценивать данные объекты как отдельные, самостоятельные доказательства по уголовному делу. Однако такая позиция является не совсем верной и основана на неправильном понимании самой гносеологической сущности результатов «невербальных» следственных и судебных действий.

Ранее мы уже отмечали, что, говоря о протоколах следственных действий и судебного заседания как о доказательствах по уголовному делу, законодатель имеет в виду определенные «невербальные» информационные ресурсы (сигналы), обусловленные взаимодействием дознавателя, следователя или суда с материальными объектами познания и подлежащие их наглядно-образному восприятию. Сами по себе протоколы представляют собой всего лишь документальную форму фиксации обстоятельств, установленных в ходе осмотра, обыска, выемки или других «невербальных» следственных или судебных действий. Как справедливо отмечает Ю.А. Веселова, протоколы следственных действий относятся к документальным источникам доказательств. Автор рассматривает их как основные процессуальные документы, составленные по определенной форме в соответствии с законом уполномоченными на то лицами, фиксирующие ход следственных действий, их результаты, иные значимые сведе-

ния с целью закрепления и представления доказательств определенному адресату[332]. В.С. Шишкин, в свою очередь, подчеркивает, что любой протокол, обладающий свойствами доказательства, не может существовать сам по себе; он является средством отражения информации, на которую заранее целенаправленно ориентирована познавательная деятельность субъектов доказывания[333]. И именно в этой связи доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, мы предлагаем называть не протоколами, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий. А протокол – отмечает Ю.Н. Миленин – выступает как основная законодательно определенная форма представления в уголовное дело таких сведений, зафиксированных описательно (в самом протоколе) или с использованием технических средств, в том числе аудио- и видеотехники[334].

Под таким углом зрения материалы аудио-, видео- и тому подобной технической фиксации занимают то самое место в системе средств процессуального познания, которое им отводит законодатель согласно ч. 8 ст. 166 УПК РФ – как дополнительные носители информации о результатах «невербальных» следственных или судебных действий. Ни одна аудио- или видеозапись, ни одна фотография или иное техническое средство фиксации в принципе не может содержать сведений о каких-то других фрагментах объективной реальности, элементах вещной обстановки, кроме тех, которые были лично восприняты дознавателем или следователем посредством наглядно-образных механизмов. Иначе говоря, объектив и микрофон в данном контексте не могут заменить собой человеческих глаз или ушей. В противном случае речь уже пойдет не о дополнительных средствах фиксации следственных действий, а об использовании специальной криминалистической техники в порядке ч. 6 ст. 164 УПК РФ и о

---

[332] *Веселова Ю.А.* Протоколирование и дополнительные методы фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве: автореф. дис. … к.ю.н. – СПб.: Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005. – С. 10.

[333] *Шишкин В.С.* Документы в доказывании при производстве по уголовному делу … С. 71.

[334] *Миленин Ю.Н.* Аудио- и видео документы, как доказательства в уголовном процессе … С. 16.

возможном участии специалиста. В этой связи В.А. Семенцов выражает абсолютно правильную позицию, считая практику отнесения материалов технической фиксации следственных действий к числу вещественных доказательств ошибочной, не основанной на требованиях УПК РФ. Статус протокола следственного действия – пишет автор – исключает дальнейшее исследование материалов его технической фиксации в режиме вещественных доказательств[335]. Протокол нельзя противопоставлять видеозаписи. Они не обусловлены применением различных способов процессуального познания, поэтому не могут расцениваться как самостоятельные виды доказательств. Это всего лишь различные формы фиксации одного и того же доказательства – результата «невербального» следственного действия, выраженного в наглядно-образном восприятии дознавателем или следователем материальных фрагментов объективной реальности. Поэтому мы согласны с Х.А. Сабировым, высказывающимся за сохранение единства протокола и материалов применения научно-технических средств с приданием им не самостоятельного, а равного доказательственного значения[336].

Вместе с тем протокол как письменный документ, безусловно, обладает гораздо меньшей информативностью чем, например, аудио- или видеозапись. Как отмечает А.А. Леви, недостатком протокола является и то, что далеко не все фиксируемые явления можно достаточно четко описать словами, например, сложную позу трупа[337]. Данные материалы дополнительной фиксации приобретают известное значение при изучении уголовного дела субъектами процессуального познания, не принимавшими участия в производстве соответствующих «невербальных» следственных действий. Для последующего «читателя» (судьи, прокурора, защитника, обвиняемого, другого следователя и т.д.) приложенная к протоколу видеозапись позволяет ему «оказаться на месте» производ-

---

[335] *Семенцов В.А.* Избранные статьи по уголовному процессу. – Краснодар: Кубанский госуниверстет, 2013. – С. 327.

[336] *Сабиров Х.А.* Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе … С. 124.

[337] *Леви А.А.* Избранные научные труды … С. 262.

ства следственного действия и попробовать самостоятельно повторить за дознавателем или следователем наглядно-образное восприятие значимых для уголовного дела материальных объектов. В этой связи нельзя не обратить внимание на достаточно интересную позицию В.А. Семенцова, предлагающего придать видео- или аудиозаписи ведущее доказательственное значение, а в протоколе фиксировать лишь краткое содержание сведений, закрепленных техническими средствами, сделав его, таким образом, необходимым, но второстепенным процессуальным атрибутом[338]. Значение видеозаписи заключается в том, что она позволяет реконструировать «невербальный» способ процессуального познания, что невозможно сделать посредством изучения письменного протокола. В подобном ракурсе видеозапись «невербального» следственного действия при последующем восприятии участниками уголовного судопроизводства скорее можно сравнивать с видеодокументом, подпадающим под диспозицию ст. 84 УПК РФ. При этом она никак не отвечает признакам вещественного доказательства.

Особую ценность данный способ фиксации приобретает в связи с необходимостью последующей проверки и оценки результатов тех «невербальных» следственных действий, которые проводились без участия понятых. Поэтому, как уже отмечалось выше, ч. 1.1 и ч. 3 ст. 170 УПК РФ содержат правила об обязательном использовании в подобных случаях технических средств фиксации хода и результатов следственного действия. В этой связи представляется целесообразным исключить из содержания указанных правовых норм возможность проведения таких мероприятий без использования технических средств, если это является невозможным. Ведь технический потенциал современной видео- и иной фиксирующей аппаратуры настолько велик, что гипотетически она может быть применима в любом случае производства следственного действия. А предусмотренные законом ситуации, сопряженные с невозможностью ее ис-

[338] *Семенцов В.А.* Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя: автореф. дис. … к.ю.н. – Екатеринбург, УрГЮА, 1994. – С. 8.

пользования, на наш взгляд, обусловлены лишь слабым техническим оснащением органов предварительного расследования. Таким образом перспективы развития механизмов видео- или иной дополнительной фиксации хода и результатов «невербальных» следственных действий, в первую очередь, нам видятся в принятии комплекса организационных мер, направленных на оснащение следственно-оперативных групп современным техническим оборудованием, позволяющим осуществлять такую фиксацию в трудных условиях, например, при очень низких или высоких температурах, в темное время суток, при плохих погодных условиях и т.д.

Возвращаясь к рассматриваемой нами проблеме, еще раз обратим внимание на не совсем правильные научные взгляды и порочность следственной и судебной практики в части отнесения дополнительных средств фиксации результатов «невербальных» следственных действий к вещественным доказательствам. Такие процессуальные нарушения опасны возможностью неправильной оценки дознавателем, следователем и судом имеющейся совокупности доказательств, что, в свою очередь, влияет на обоснованность принимаемых по уголовному делу процессуальных решений, в частности выносимых приговоров. Поэтому в данном случае может иметь место только один вывод и только одна обусловленная им практическая рекомендация, заключающаяся в адресованном органам дознания и предварительного следствия запрете на признание вещественными доказательствами тех материальных объектов, которые, не обладая признаками, предусмотренными ст. 81 УПК РФ, являются носителями дополнительных средств фиксации результатов «невербальных» следственных действий, в первую очередь аудио- и видеозаписей.

Тем не менее выполнение подобной рекомендации не позволит полностью устранить данную проблему, поскольку рассмотренные нами ошибки в настоящее время уже частично успели получить легальное закрепление в тексте уголовно-процессуального закона, а именно в ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ. Так, составленная во время контроля и записи переговоров фонограмма в пол-

ном объеме приобщается к материалам уголовного дела на основании постановления следователя как вещественное доказательство. Это же правило распространяется на документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. С указанной правовой конструкцией в целом согласны и большинство авторов, посвятивших свои работы данной проблематике[339]. Однако отдельные ученые все же выражают свое несогласие в отношении существующего порядка. Например, М.И. Бекетов предлагает относить фонограмму, полученную в результате контроля и записи переговоров, не к вещественным доказательствам, а к иным документам[340]. Близких суждений в части ст. 186.1 УПК РФ придерживается А.В. Резцов, указывающий, что для материалов о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, представленных компаниями – операторами связи, более подходящим является не статус вещественных доказательств, а статус иных документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ[341]. О.В. Волынская и В.С. Шишкин занимают по данному поводу более компромиссную позицию. Они отмечают, что при соблюдении определенных законом правил фиксации и сохранения доказательственных сведений технические носители названной информации действительно могут выступать в качестве вещественных доказательств по уголовному делу. Что же касается содержания, то есть конкретных сведений, отраженных на указанных носителях, то их целесообразно рассматривать в качестве иных документов-доказательств[342].

---

[339] Например: *Семенцов В.А.* Следственные действия: учеб. пособие. – Екатеринбург: УрГЮА, 2003. – С. 61; *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 109; *Лапин Е.С.* Технология получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений против интеллектуальной собственности // СПС «КонсультантПлюс»; *Вазюлин С.А., Васюков В.Ф.* Получение информации о соединениях между абонентами: специфика процедуры // Уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 15 и т.д.

[340] *Бекетов М.И.* Вещественные доказательства и «иные документы» – проблемы разграничения в УПК РФ // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 56.

[341] *Резцов А.В.* Информация о соединениях между абонентами сотовой связи при установлении обстоятельств совершенного преступления // СПС «КонсультантПлюс».

[342] *Волынская О.В., Шишкин В.С.* К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // СПС «КонсультантПлюс».

Однако мы не можем согласиться ни с одним из высказанных суждений. Представляется, что ни фонограмма записи телефонных или иных переговоров, ни документы, содержащие информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, не обладают ни признаками вещественных доказательств, ни признаками иных документов, предусмотренных ст. 84 УПК РФ. На наш взгляд, по своему существу они скорее напоминают рассмотренные выше материалы дополнительной фиксации «невербальных» следственных действий. Конечно, контроль и запись переговоров, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами нельзя признать типичными «невербальными» следственными действиями; безусловно, они имеют свою специфику, которую мы планируем рассмотреть в последующем. Но тем не менее, несколько забегая вперед, позволим себе констатировать, что предусмотренные ст. 186 и 186.1 УПК РФ приемы восприятия сведений тоже характеризуются элементами наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности, то есть «невербальным» способом познания. Так, контролируя по поручению следователя телефонные или иные переговоры, сотрудник специального подразделения органов дознания лично не осуществляет вербальное восприятие содержащихся в них сведений, а лишь оказывает необходимое техническое содействие по их фиксации. Этот фрагмент контроля и записи переговоров вполне допустимо сравнить с работой специалиста, проводящего видеозапись осмотра места происшествия или обыска, чтобы впоследствии другие лица (суд, прокурор, защитник) получили возможность наглядно-образно реконструировать данное следственное действие и попытаться лично познать обстоятельства, ранее воспринятые дознавателем или следователем. Фонограмма контроля и записи переговоров – это объект, который является родственным видеозаписи «невербального» следственного действия. Различия между ними заключаются в том, что видеозапись представляет собой лишь дополнительное средство фиксации, а фонограмма – основное, поскольку сам следователь лично телефонные или иные переговоры не контролирует. В этой связи В.А. Семенцов, вступая в полемику с другим

исследователем – Н.Г. Лопухиной, совершенно справедливо полагает, что следователь не может сам производить прослушивание либо присутствовать при этом[343]. Поэтому никакой специальный «протокол контроля переговоров» законом не предусмотрен. Что же касается вербального восприятия фонограммы телефонных или иных переговоров, то оно имеет место несколько позднее, уже в ходе последующей работы следователя и суда с материалами произведенного процессуального действия. Аналогичная ситуация складывается и в случаях получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, где вместо фонограмм телефонных и иных переговоров следователь получает в свое распоряжение данную информацию, зафиксированную на любом материальном носителе (ч. 3 ст. 186.1 УПК РФ).

Таким образом, мы приходим к выводу о нецелесообразности положений уголовно-процессуального закона, предписывающих признание материалов, контроля и записи переговоров, а также материалов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, вещественными доказательствами и приобщение их к уголовному делу в порядке, предусмотренном ст. 81 УПК РФ. В этой связи представляется необходимым исключить соответствующие фрагменты из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ, сохранив лишь общее правило о необходимости приобщения данных материалов к уголовному делу. Ч. 8 ст. 186 УПК РФ, на наш взгляд, должна получить следующую редакцию: «8. Фонограмма в полном объеме приобщается к материалам уголовного дела и хранится в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность прослушивания и тиражирования фонограммы посторонними лицами и обеспечивающих ее сохранность и техническую пригодность для повторного прослушивания, в том числе в судебном заседании». В свою очередь, ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ должна быть представлена в следующей редакции: «6. Представленные документы, содержащие информацию о соединениях

[343] *Семенцов В.А.* Следственные действия: учеб. пособие … С. 57.

между абонентами и (или) абонентскими устройствами, приобщаются к материалам уголовного дела в полном объеме и хранятся в опечатанном виде в условиях, исключающих возможность ознакомления с ними посторонних лиц и обеспечивающих их сохранность».

§ 2.3. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с «иными» документами

Уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации в качестве одного из видов доказательств предусматривает так называемые «иные»[344] документы. Согласно ст. 84 УПК РФ они допускаются в качестве доказательств, если изложенные в них сведения имеют значение для установления обстоятельств уголовного дела. В целом ряде случаев «иные» документы позволяют органам дознания, предварительного следствия и суду познать и доказать такие обстоятельства и факты, которые не могут быть установлены посредством других процессуальных средств. Особое значение в современных условиях данные доказательства приобретают при расследовании и последующем судебном разбирательстве уголовных дел об экономических преступлениях, связанных с восстановлением картины финансово-хозяйственной деятельности предприятий и учреждений. Более того, «иные» документы играют очень важную роль при осуществлении своих процессуальных функций подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и другими заинтересованными участниками уголовного судопроизводства, поскольку собирание и представление таких доказательств – это одна из немногих правовых возможностей участия данных лиц в процессе доказывания. Вместе с тем, невзирая на столь

[344] Здесь и далее термин «иные» применительно к обозначению документов как конкретного вида уголовно-процессуальных доказательств, предусмотренных ст. 84 УПК РФ, нами преднамеренно берется в кавычки. Тем самым подчеркиваем, что он является названием самостоятельного вида доказательств, то есть обозначает конкретно определенную уголовно-процессуальную категорию, а не используется в значениях «другие», «остальные» и т.д.

существенное доказательственное значение «иных» документов, многие связанные с их использованием в следственной и судебной практике проблемы еще не получили своего окончательного разрешения. Как отмечает Н.П. Царева, по сравнению с другими проблемами доказывания круг вопросов, посвященный документам, пока еще недостаточно исследован в процессуальной теории и, соответственно, не свободен от серьезных пробелов и в уголовно-процессуальном законодательстве[345]. А это, в свою очередь, приводит к целом ряду ошибочных действий и решений органов предварительного расследования, прокуратуры, адвокатуры и суда. В частности, практические работники во многих случаях не видят или не хотят видеть разницы между «иными» документами и другими видами доказательств, в первую очередь результатами «неверbальных» следственных и судебных действий. Как следует из материалов изученных нами уголовных дел, дознаватели, следователи и судьи в своих обвинительных заключениях, обвинительных актах и приговорах позиционируют как документы протоколы осмотров, обысков, освидетельствований и еще целого ряда следственных действий. Кстати, попутно заметим, что подобные проблемы имеются не только в уголовном процессе, но и в других формах современной юрисдикционной деятельности. Например, законодательство о производстве по делам об административных правонарушениях четко не разграничивает документы с протоколом по делу об административном правонарушении.

Анализ специальной литературы показывает, что первые отечественные исследования, посвященные изучению документов как вида процессуальных доказательств, относятся ко второй половине XIX века, то есть к тому времени, когда в Российской империи начало действовать буржуазное уголовно-процессуальное законодательство смешанного типа. В дореволюционной процессуальной науке документы не считались отдельной процессуальной категорией,

---

[345] *Царёва Н.П.* Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по УПК РФ: дис. … к.ю.н. – Саратов: СЮИ МВД России, 2003. – С. 4

а традиционно рассматривались как специфический вид вещественных доказательств. Указанного мнения, например, придерживались И.Я. Фойницкий[346], В.К. Случевский[347], А.А. Квачевский[348], Д.Н. Тальберг[349], С.Н. Розин[350] и другие специалисты. Иные авторы, в частности С.М. Викторовский, считали, что вещественные доказательства и документы являются самостоятельными процессуальными видами, однако провести между ними определенную границу весьма сложно[351]. Тем не менее в работах некоторых специалистов того времени уже просматривается определенная тенденция, направленная на дифференциацию вещественных доказательств и «иных» документов[352].

Принципиально по-новому данная процессуальная проблема была разрешена лишь в начале советского периода развития отечественной уголовно-процессуальной науки. Так, ст. 58 УПК РСФСР 1923 г. регламентировала, что доказательствами по уголовному делу помимо прочих являются и иные письменные документы. А в ст. 59 УПК РСФСР указывалось, что порядок их собирания и хранения определяется установленными тем же Кодексом правилами. Подобная законодательная новация дала импульс развитию самостоятельного научного направления в области доказательственного права, поэтому к середине

---

[346] *Фойницкий И.Я.* Курс уголовного судопроизводства. – 3-е изд. Т.2 … С. 304.

[347] *Случевский В.К.* Учебник русского уголовного процесса. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1910. – С. 411.

[348] *Квачевский А.А.* Об уголовном преследовании, дознании, предварительном расследовании преступлений. – Т. 3. – СПб.: Тип. Ф.С. Сущинского, 1869. – С. 505.

[349] *Тальберг Д.Г.* Русское уголовное судопроизводство. – Т.2. – Киев: Товарищество «И.Н. Кушнарев и Ко» в Москве. Киевское отделение, 1891. – С. 112.

[350] *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство. – СПб.: Юридический книжный склад «Право», 1914. – С. 201.

[351] *Викторовский С.М.* Русский уголовный процесс … С. 187.

[352] *Владимиров Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части: Общая и Особенная… С. 353–360.

прошлого века в отечественной литературе (П.И. Люблинский[353], В.Л. Громов[354], М.С. Строгович[355] и др.) стали предприниматься первые попытки исследования «иных» документов в качестве самостоятельной уголовно-процессуальной категории. Данное научное направление развивалось достаточно медленно и вплоть до реформы уголовно-процессуального законодательства конца 50-х – начала 60-х годов прошлого века позиции процессуалистов, рассматривающих «иные» документы как специфический вид вещественных доказательств (С.В. Познышев[356], А.Я. Вышинский[357] и др.), были еще достаточно сильны. Указанные суждения ученых во многом основывались на положениях ст. 66 УПК РСФСР, где говорилось, что вещественными доказательствами помимо прочих являются те предметы и документы, которые могут служить средствами к обнаружению преступления и открытию виновных. Таким образом, сама формулировка закона была не совсем однозначной и создавала условия для различных толкований, на что совершенно справедливо в своих работах обращал внимание М.А. Чельцов[358].

Представления ученых об «иных» документах как виде доказательств кардинально изменились в связи с принятием Основ уголовного судопроизводства СССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих уголовно-процессуальных кодексов. В обновленном советском законодательстве (например, в ч. 2 ст. 16 Основ и ч. 2 ст. 69 УПК РСФСР) «иные» документы уже рассматривались в качестве самостоятельной процессуальной категории. Данная концепция впоследствии была воспринята и действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации. В этой связи сразу бы хотелось обратить внимание

---

[353] *Люблинский П.И.* О доказательствах в уголовном суде. – М.: Право и жизнь, 1924. – С. 87.

[354] *Громов В.Л.* Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений: руководство для органов дознания и народных следователей / под ред. Н.В. Крыленко. – 2-е изд. – М.: НКЮ РСФСР, 1926. – С. 146.

[355] *Строгович М.С.* Уголовный процесс: учебник. – М.: НКЮ СССР, 1940. – С. 149.

[356] *Познышев С.В.* Доказательства в уголовном процессе. – М.: НКЮ СССР, 1929. – С. 122.

[357] *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве … С. 278, 284.

[358] *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 188.

на различные наименования рассматриваемого вида доказательств в разные периоды времени и у разных авторов. В дореволюционный период развития отечественного уголовного судопроизводства они именовались либо просто документами, либо письменными доказательствами. УПК РСФСР 1923 г. уже на законодательном уровне закрепил название «письменные документы», поэтому большинство ученых-процессуалистов, осуществляющих научные исследования в тот период времени, придерживались именно такой терминологии. Хотя все же некоторые специалисты (например, С.В. Познышев, М.М. Выдря и т.д.) периодически использовали и другой, как представляется, уже несколько устаревший термин – «письменные доказательства». Из вышеизложенного следует, что теория уголовного процесса, основанное на ней законодательство и правоприменительная практика признавали в качестве документов только письменные объекты, то есть те, в которых основная информация (мысль) была зафиксирована с помощью письменной речи (рукописным способом или посредством знакопечатающих устройств). На наш взгляд, в этом нет ничего удивительного, поскольку в то время другие способы документирования (например, аудиозапись или фотосъемка) были развиты еще достаточно слабо и в повседневной жизни практически не использовались. И тем не менее в работах некоторых авторов все же имеются намеки на возможность признания в качестве документов не только письменных, но и иных объектов. Так, В.Л. Громов среди прочих объектов, относимых к документам и не имеющих значения вещественных доказательств, указывал фотографические карточки[359].

Дальнейший научно-технический прогресс, появление новых способов фиксации информации обусловили необходимость расширения круга документальных доказательств. Как указывает В.А. Камышин, в середине XX столетия учения о форме документа продолжали преобразовываться; под документами стали понимать любую семантическую (знаковую) информацию, выраженную на любом языке, зафиксированную любым способом и на любом материальном

[359] *Громов В.Л.* Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений … С. 146.

объекте с целью его обращения в динамической информационной системе[360]. Например, В.Д. Арсеньев отмечал, что по способу фиксации документы могут быть письменные, графические, фотографические, кинематографические и иные[361]. В.М. Галкин, в свою очередь, писал, что существует значительная группа документов, в которых процесс запечатления информации осуществляется механически, где «автор» фигурирует преимущественно как организатор, руководитель, «диспетчер» этого процесса (фотографирование, киносъемка, звукозапись, функционирование автоматических регистрирующих устройств и т.п.)[362]. Близкой позиции придерживался и А.Р. Ратинов.[363] Поэтому уже в Основах уголовного судопроизводства ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих республиканских УПК (в частности, в ст. 88 УПК РСФСР 1960 г.) данный вид доказательств именовался «иными» документами или просто документами. К ним помимо письменных могли относиться и прочие формы фиксации значимой для уголовного дела информации[364]. Этого же подхода законодатель придерживается и в ныне действующем УПК РФ.

Итак, во второй половине прошлого века в отечественной теории уголовного процесса возникло и получило развитие новое направление, связанное с исследованием нормативно-правовых и практических проблем использования «иных» документов как доказательств по уголовному делу. Дальнейшие научные изыскания в этой области уже основывались на признании «иных» документов самостоятельным видом доказательств. Например, С.П. Голубятников под документом понимал каждый предмет, на котором с помощью слов или иных общедоступных обозначений любым способом зафиксированы сведения

---

[360] *Камышин В.А.* Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе … С. 24.

[361] *Арсеньев В.Д.* Понятие документов и значение их как доказательств в советском уголовном процессе // Труды Иркутского госуниверситета им. А.А. Жданова. – Т. XIII. – Иркутск: Иркутский госуниверситет, 1955. – С. 140–150.

[362] *Галкин В.М.* Средства доказывания в уголовном процессе … С. 39.

[363] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 682.

[364] Например: Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под ред. Л.Н. Смирнова. – 3-е изд. – М.: Юрид. лит., 1970. – С. 134; Советский уголовный процесс: учебник / Отв. ред. Д.С. Карев. – М.: Юрид. лит., 1975. – С. 166 и т.д.

о фактах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела[365]. А.Н. Копьева определяла документ как предмет материального мира, содержащий сведения, которые можно обнаружить уже при внешнем обозрении данного предмета. По ее мнению, документ представляет собой специально составляемое людьми средство фиксации объективно существующих фактов и обстоятельств[366]. Б.И. Пинхасов писал, что документ отражает тот факт, то обстоятельство, которое сначала воспринимается живым лицом (непосредственно или с помощью фиксирующего устройства), а затем запечатлевается документально[367]. В свою очередь, Л.М. Карнеева и И. Кертэс отмечали, что документы, в отличие от вещественных доказательств, отражают определенные факты именно через сознание людей, а не химическим, физическим, оптическим и тому подобным путем[368]. Примерно тех же позиций относительно сущности «иных» документов в уголовном судопроизводстве придерживаются и современные авторы, рассматривающие эти доказательства в контексте ст. 84 УПК РФ. В частности, Ю.К. Орлов считает «иным» документом любой предмет материального мира, на котором какими-то условными знаками (буквами, цифрами и др.) зафиксирована какая-то мысль или имеется изображение какого-либо объекта. При этом он уточняет, что наиболее распространенными являются письменные документы (печатные и рукописные), однако в связи с научно-техническим прогрессом и созданием новых средств фиксации информации все большее распространение получает неписьменная документация[369]. Таким образом, современное представление об «иных» документах заключается в том, что они, будучи отдельным, самостоятельным видом доказательств,

---

[365] *Голубятников С.П.* Учетные документы как доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества: автореф. дис. … к.ю.н. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1965. – С. 5.

[366] *Копьева А.Н.* Документы как доказательства в советском уголовном процессе: автореф. дис. … к.ю.н. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1969. – С. 6.

[367] *Пинхасов Б.И.* Использование документов в доказывании. – Ташкент: ФАН, 1977. – С. 5.

[368] *Карнеева Л.М. и Кертэс И.* Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству. – М. Юрид. лит., 1985. – С. 98.

[369] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 162.

выражают материально-фиксированные сообщения человека или технических средств об обстоятельствах, подлежащих установлению по уголовному делу. Полагаем, что именно этот смысл и заложен законодателем в ст. 84 УПК РФ.

Вместе с тем содержание данной правовой нормы представляется несколько путаным и приводит к неоднозначному пониманию. Ведь буквальное толкование ч. 1 ст. 84 УПК РФ предполагает отнесение к «иным» документам любых объектов документального характера, содержащих сведения об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела, к которым вполне могут быть также отнесены протоколы следственных действий и судебного заседания. Протоколы тоже являются объектами документальной природы, а зафиксированные в них сведения, конечно, имеют прямое или косвенное отношение к предмету доказывания по уголовному делу. Неточность законодательной формулировки обуславливает определенные затруднения и ошибки, возникающие в современной следственной и судебной практике и заключающиеся в смешении этих двух самостоятельных видов доказательств. Например, следователи в своих обвинительных заключениях указывают, что вина обвиняемого помимо всего прочего подтверждается «документами: протоколом осмотра места происшествия, протоколом обыска, протоколом освидетельствования и т.д.».

Более того, подобные ошибки и неточности прослеживаются и в работах некоторых современных авторов по рассматриваемой проблематике. Так, Е.А. Артамонова и О.В. Фирсов, на наш взгляд, совершенно необоснованно относят к «иным» документам материалы уголовного дела, выделенного в отдельное производство, которые представляют собой либо подлинники, либо заверенные копии процессуальных документов уже существующего дела, имеющие значение для нового уголовного дела[370]. А.П. Рыжаков вообще предлагает относить

[370] *Артамонова Е.А., Фирсов О.В.* Основы теории доказательств в уголовном процессе России: учебное пособие. – Чита: РИК ЧитГУ, 2009. – С. 172.

к «иным» документам любые документы, за исключением вещественных доказательств, в содержание которых занесена информация, имеющая отношение к делу[371].

В этой связи в науке уголовно-процессуального права предпринимались и продолжают предприниматься попытки поиска критериев для разграничения «иных» документов с протоколами следственных действий и судебного заседания. Например, А.Р. Ратинов писал о том, что «иные» документы появляются в уголовном деле в «готовом виде», а процессуальный закон регламентирует лишь вопросы их собирания, но не порядок составления. Тогда как протоколы, наоборот, возникают именно в ходе следственных и судебных действий[372]. Аналогичной позиции придерживается и В.А. Лазарева[373]. В.П. Божьев и А.И. Лубенский, разделяя эту позицию, добавляют, что составителями протоколов являются только должностные лица суда и органов расследования, тогда как авторство «иных» документов может принадлежать и прочим лицам[374]. Отдельные современные ученые в решении этих вопросов идут по более простому пути. Протоколы следственных действий и судебного заседания, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, они считают процессуальными документами, а «иные» документы, предусмотренные ст. 84 УПК РФ, – непроцессуальными[375].

Данные научные воззрения, естественно, имеют право на существование и в определенной степени позволяют отграничить «иные» документы от протоколов следственных действий и судебного заседания. Однако при этом они не учитывают всех существующих нюансов рассматриваемой проблемы. В первую очередь мы не можем в полной мере согласиться с вытекающим из приведенных позиций тезисом о непроцессуальном характере возникновения

---

[371] *Рыжаков А.П.* Уголовный процесс: учебник. – М.: Экзамен, 2007. – С. 323.

[372] Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 681.

[373] *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе … С. 333.

[374] *Божьев В.П., Лубенский А.И.* Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств … С. 67.

[375] *Царёва Н.П.* Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по УПК РФ … С. 32; *Маркелов А.Г.* Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе: автореф. дис. … к.ю.н. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004. – С. 41.

«иных» документов. Соглашаясь с В.А. Камышиным[376], считаем необоснованными суждения, в соответствии с которыми «иные» документы всегда изготавливаются как бы за рамками уголовного судопроизводства, а уголовно-процессуальный закон не предусматривает процедуры их составления. В следственной и судебной практике достаточно часто встречаются документы, порожденные именно процессуальным путем, например, официальные ответы государственных органов, предприятий и учреждений, представленные по запросам участников уголовного судопроизводства, осуществляющих уголовное преследование, в порядке ч. 4 ст. 21 УПК РФ. Процессуальный характер имеют также приобщенные к материалам уголовных дел копии приговоров или отдельных материалов других уголовных дел и т.д. В.С. Шишкин вообще отмечает, что УПК РФ в принципе не предполагает разделения документов на процессуальные и непроцессуальные. Автор полагает, что любые доказательства, вовлеченные в процесс и используемые в нем в соответствии с назначением уголовного судопроизводства, в какой-то мере являются процессуальными[377]. Близкой точки зрения придерживается и В.О. Агибалова, считающая процессуальным любой документ, приобщенный к уголовному делу и обладающий свойствами доказательства[378].

Но самым уязвимым местом приведенных научных позиций является то обстоятельство, что предлагаемые критерии для разграничения «иных» документов с протоколами следственных действий и судебного заседания носят чисто процедурный, формальный характер. Авторы пытаются разграничить эти два вида доказательств исключительно в зависимости от процессуального порядка появления в уголовном деле, не принимая во внимание их гносеологиче-

---

[376] *Камышин В.А.* Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе … С. 13.

[377] *Шишкин В.С.* Документы в доказывании при производстве по уголовному делу … С. 63.

[378] *Агибалова В.О.* Процессуальные и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве: дис … к.ю.н. – Краснодар: Краснодарский юридический институт МВД России, 2003. – С. 165.

скую сущность. Следуя такой логике, можно найти множество других процедурных различий, на основании чего прийти к ошибочному выводу о существовании каких-то новых видов доказательств, например, разделить «иные» документы на два самостоятельных вида: получаемые по запросу органов дознания, следователя, суда и представляемые участниками по собственной инициативе и т.д.

Вместе с тем, на наш взгляд, критерии разграничения отдельных видов доказательств могут носить только сущностный, гносеологический характер и заключаться в особенностях способа познания, используемого при получении того или иного доказательства. Здесь сразу необходимо обратить внимание на то, что протоколы следственных действий и судебного заседания – это документы, обусловленные использованием «невербального» способа процессуального познания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Как уже отмечалось ранее, в данном случае дознаватель, следователь или судья зрительно (в исключительных случаях – посредством иных органов чувств) воспринимают определенные фрагменты объективной реальности, элементы вещной обстановки, сведения о которых, поступая в кору головного мозга, образуют соответствующий образный результат (перцепт). Далее на основании этого перцепта посредством зрительного (в исключительных случаях – иного) представления (гнозиса) в их сознании формируются мысленные образы воспринятых материальных объектов познания. И лишь затем субъект познания посредством своего рационального мышления создает словесное (вербальное) описание сформированного мысленного образа, которое заносится в соответствующий протокол следственного действия или судебного заседания. И именно в этой связи мы предлагаем именовать доказательства, предусмотренные ст. 83 УПК РФ, не протоколами, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Что же касается «иных» документов, то этот вид доказательств, напротив, как правило, основан на вербальном способе познания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Работая с такими доказательствами, дознаватель, следователь, суд воспринимают не сами

обстоятельства объективной реальности, а всего лишь сведения, сообщенные другими лицами (иногда техническими средствами), выраженные условно-знаковым способом. И лишь затем посредством рационального мышления в сознании субъектов доказывания формируются определенные мысленные образы обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Однако в отличие от показаний данные сведения не собираются методом расспроса, а приобщаются к уголовному делу в материально-фиксированной форме. Полагаем, что именно это обстоятельство позволяет говорить о получении дознавателем, следователем, судом «иных» документов в готовом виде, о чем писали в своих работах вышеупомянутые А.Р. Ратинов, В.П. Божьев, А.И. Лубенский, В.А. Лазарева и другие авторы. Таким образом, концептуальное отличие «иных» документов от результатов «невербальных» следственных и судебных действий (от протоколов следственных действий и судебного заседания) в самом общем виде заключается в использовании различных механизмов восприятия субъектами доказывания обстоятельств объективной реальности: первые основаны на вербальном, а вторые – на «невербальном» способе познания.

Вместе с тем при более детальном рассмотрении указанной проблемы можно отметить некоторые исключения, не полностью вписывающиеся в предложенную нами схему. Здесь следует обратить внимание на существование так называемых неписьменных документов, то есть объектов документального характера, информация в которых представлена не в форме письменной речи, а каким-либо иным путем. Как мы уже отмечали выше, в связи с научно-техническим прогрессом и появлением самых разнообразных форм запечатления информации документ перестал позиционироваться исключительно как объект, содержащий сведения в форме письменной речи. Поэтому ч. 2 ст. 84 УПК РФ наряду с письменными допускает использование в уголовном судопроизводстве документов в ином виде, к которым могут относиться материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации. Такое широкое понимание законодателем категории «иные» документы – пишет Т.Э. Ку-

карникова – достаточно позитивно. Солидаризируясь с О.Я. Баевым и М.О. Баевым, она говорит, что это позволяет решить вопрос о доказательственном значении материалов, предоставляемых следователю или в суд участниками уголовного судопроизводства в порядке ст. 86 УПК РФ[379].

Неписьменные документы весьма разнообразны по своей природе и форме. Это могут быть всевозможные планы, схемы, чертежи, фотографии, аудио- и видеозаписи. В современных условиях особую актуальность приобретает новая форма документальной информации – электронные документы[380], широкому распространению которых в повседневной жизнедеятельности способствует целый ряд преимуществ[381]. Подобное многообразие документов уже не позволяет рассматривать их в классическом понимании как материальные объекты, в которых с помощью знаков, символов и прочих элементов естественного или искусственного языка зафиксированы сведения о каких-либо фактах. Например, фотодокументы не содержат никаких символов или условных знаков, а представляют собой изображение объективной реальности. То же самое можно сказать о видеодокументах или некоторых разновидностях электронных документов. В свое время Б.И. Пинхасов отмечал, что документы выполняются либо путем непосредственного закрепления устной речи, подлежащей воспроизведению, либо посредством закрепления изображения, которое может наблюдать каждый, либо путем однозначного, то есть имеющего единое, общее для всех знающих его, значение кода (систему условных знаков с определенным значением)[382]. В целом соглашаясь с данной научной позицией, мы тем не менее предлагаем представить ее в несколько ином варианте. На наш

---

[379] *Кукарникова Т.Э.* Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2005. – С. 8–9.

[380] Например: *Вершинин А.П.* Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде. – М.: Городец, 2000. – С. 40–41; *Зайцев П.П.* Электронный документ как источник доказательств // Российская юстиция. – 2001. – № 3. – С. 43; *Семилетов С.И.* Документы и документооборот как объекты правового регулирования: автореф. дис. … к.ю.н. – М.: ИГП РАН, 2003. – С. 9 и т.д.

[381] *Кукарникова Т.Э.* Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике … С. 15.

[382] *Пинхасов Б.И.* Использование документов в доказывании … С. 8.

взгляд, все современные документы можно разделить не на три, а на две группы. К первой группе следует отнести документы, которые так или иначе выражают человеческие мысли, то есть содержат определенный вербальный элемент. Помимо письменных документов таковыми, в частности, будут являться аудиодокументы, графические документы, некоторые виды электронных документов и т.д. Вторую группу составляют документы, не выражающие человеческих мыслей, а техническим способом запечатлевшие обстоятельства объективной реальности, например, фото- и видеодокументы. Работа с подобными документами уже не характеризуется вербальным элементом. Дознаватель, следователь или суд познают содержащиеся в них сведения путем наглядно-образного восприятия, то есть тем же способом, посредством которого проводятся «невербальные» следственные или судебные действия. В этой связи стоит обратить внимание на очень большое сходство описываемых нами «невербальных» документов с вещественными доказательствами. Кстати, это обстоятельство нередко порождает порочную практику, заключающуюся в том, что дознаватели, следователи, судьи признают «невербальные» документы именно вещественными доказательствами, не имея на то никаких законных оснований. Например, к уголовному делу о квартирной краже, находящемуся в производстве одного из органов внутренних дел г. Москвы, в качестве вещественного доказательства была приобщена видеозапись, сделанная камерой наружного наблюдения, установленной при входе в жилой дом. На видеозаписи было видно, как два человека сначала входили в подъезд, а потом выходили оттуда[383]. Другим примером может послужить рассмотренное Ростовским областным судом уголовное дело по обвинению О. в совершении ряда особо тяжких преступлений. В ходе проведения судебного заседания по ходатайству гос-

[383] Архив Савеловского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-677/2010.

ударственного обвинителя в качестве вещественных доказательств были исследованы видеозаписи камер наблюдения из ресторана[384]. Полагаем, что подобные решения следователя и судьи были ошибочными, так как видеозаписи в данном случае не обладали признаками вещественных доказательств и должны были быть расценены как «иные» (видео-) документы[385].

Именно сходство «невербальных» документов с вещественными доказательствами и побуждает проводить их осмотры. У дознавателя, следователя или суда просто нет иного способа для познания запечатленных в них сведений. Это же сходство позволяет по аналогии с вещественными доказательствами разграничить «невербальные» документы с результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Представляется, что «невербальные» документы являются не чем иным, как предметом соответствующих «невербальных» следственных и судебных действий, в первую очередь осмотра. Сам по себе «невербальный» документ в отрыве от следственного или судебного действия не подлежит полноценному восприятию и, следовательно, не может быть использован в доказывании по уголовному делу. С помощью этих действий и совместно с ними «невербальные» документы как бы встраиваются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Учитывая логическую близость «невербальных» документов и соответствующих результатов следственных и судебных действий, в первую очередь осмотра, эти виды доказательств тесно переплетены между собой и, как правило, сливаются в единую доказательственную цепочку.

Вообще, в уголовном процессе существует тесная и устойчивая связь между «иными» документами и результатами следственного осмотра. Возмож-

---

[384] См. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25 февраля 2014 г. № 41-АПУ14–8СП // СПС «КонсультантПлюс».

[385] Вопросы разграничения иных документов с вещественными доказательствами достаточно подробно исследованы в уголовно-процессуальной литературе и не входят в предмет нашего исследования.

ность проведения осмотра документов в досудебном производстве прямо регламентирована ч. 1 ст. 144 и ч. 1 ст. 176 УПК РФ. В ходе дознания или предварительного следствия в принципе могут быть осмотрены любые документы, имеющиеся в материалах уголовного дела, независимо от формы фиксации соответствующей информации. Другими словами, следователь или дознаватель вправе осмотреть как документы, выполненные «невербальным» способом (фото-, видеодокументы и т.д.), так и документы в их классическом понимании, то есть выражающие человеческие мысли в виде знаков, символов и прочих элементов естественного или искусственного языка. При этом следственный осмотр фото-, видео- и иных подобных документов полностью вписывается в предложенную нами концепцию «невербальных» следственных и судебных действий. Осматривая такие документы, например, видеозапись камеры наружного наблюдения, субъект процессуального познания, используя свое наглядно-образное мышление, зрительно воспринимает определенные фрагменты объективной действительности и на этой основе создает соответствующий результат (перцепт). Впоследствии данный перцепт посредством зрительного представления (гнозиса) способствует формированию мысленного образа воспринятых материальных объектов. И лишь затем дознаватель или следователь, используя рациональное мышление, как бы переводит мысленный образ в форму словесного описания, фиксируя все увиденные фрагменты объективной реальности в протоколе.

На наш взгляд, здесь существует лишь одна проблема. Она заключается в том, что процессуальные механизмы осмотра документов «невербального» характера предусмотрены лишь для досудебного производства. Положения гл. 37 УПК РФ предполагают возможность проведения в судебном заседании только осмотра вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ) и осмотра местности и помещения (ст. 287 УПК РФ). Что же касается «иных» документов, то для познания содержащихся в них сведений законодатель предусматривает несколько иное процессуальное действие – оглашение (ст. 285 УПК РФ). Подобный под-

ход не учитывает особенностей «невербальных» документов, содержание которых выражено не в форме письменной речи, а другим способом. Не совсем понятно, как в судебном заседании можно устно «огласить», например, фотографию, видеозапись или какую-нибудь схему. В этой связи представляется необходимым включение в гл. 37 УПК РФ еще одного судебного действия – осмотра документов. Однако данные вопросы будут нами детально рассмотрены в § 4.2 настоящего исследования, специально посвященному судебному осмотру документов.

Гораздо более сложной нам видится гносеологическая сущность следственного осмотра «классических» (письменных) либо других вербальных документов, содержащих информацию в виде знаков, символов и прочих элементов естественного или искусственного языка. В отличие от фото-, видео- и других наглядно-образных документов, осмотр письменных или иных условно-знаковых фрагментов на первый взгляд как бы не вписывается в предложенную нами концепцию «невербальных» следственных и судебных действий, чем создает серьезную опасность для ее существования. Но это не совсем так ли это на самом деле? Для ответа на данный вопрос представляется необходимым более глубоко и детально исследовать сущность осмотра письменных или иных документов, предполагающих языковую или иную условно-знаковую форму подачи информации.

Уголовно-процессуальный закон регламентирует, что осмотр документов, как и любой другой следственный осмотр, производится в целях обнаружения следов преступления, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела (ч. 1 ст. 176 УПК РФ). Однако подобный подход является слишком широким и в принципе применим не только к осмотру, но и к любому другому процессуальному действию, направленному на собирание доказательств. Анализ специальной литературы по уголовному процессу и криминалистике показывает, что в науке предпринимались неоднократные попытки определения сущности следственного осмотра. Так, М.С. Строгович указывал, что осмотром является процессуальное действие, состоящее в обнаружении и

закреплении признаков и состояния различных предметов для установления обстоятельств, имеющих значение для дела[386]. В свою очередь, В.П. Колмаков определял осмотр как процессуальное действие по непосредственному восприятию, исследованию, оценке и фиксации состояния, свойств и признаков материальных объектов с целью выявления фактических данных (доказательств) и выяснения обстоятельств, имеющих значение для установления истины по делу[387]. Похожую позицию занимали Р.С. Белкин и Е.М. Лившиц, которые писали, что следственный осмотр представляет собой непосредственное обнаружение и исследование объектов, имеющих значение для уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения[388]. В.А. Семенцов указывает, что осмотр – это следственное действие, при проведении которого следователь с участием указанных в законе лиц изучает, фиксирует, а при необходимости изымает различные материальные объекты, связанные с расследуемым преступлением, в целях обнаружения его следов, выяснения других обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела[389]. С.А. Шейфер отмечает, что осмотр проводится в целях обнаружения следов преступления, иной, выраженной в физических признаках информации, имеющей значение для дела[390]. В научной и учебной литературе существует и множество других, но вместе с тем близких точек зрения относительно сущности следственного осмотра в системе средств уголовно-процессуального познания. Однако, на наш взгляд, наиболее удачная и развернутая дефиниция осмотра сформулирована в работах О.Я. Баева, понимающего под ним следственное действие, состоящее в непосредственном восприятии и изучении любых объектов в целях исследования обстоятель-

---

[386] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. – Т.2. – М.: Наука, 1970. – С. 122.

[387] *Колмаков В.П.* Следственный осмотр. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 18.

[388] *Белкин Р.С. Лившиц Е.М.* Тактика следственных действий … С. 44.

[389] *Семенцов В.А.* Следственные действия: учеб. пособие … С. 38.

[390] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 49.

ств деяния, фиксации и изъятия предметов, документов, веществ и следов, которые имеют или могут иметь значение для раскрытия преступления и расследования уголовного дела[391].

В целом не отвергая ни одну из существующих позиций по рассматриваемой проблеме, позволим себе заключить, что следственный осмотр как бы направлен на решение двух самостоятельных, но в то же время взаимосвязанных задач: а) на непосредственное восприятие (иногда изучение или исследование) дознавателем, следователем фрагментов объективной реальности; б) на фиксацию данных фрагментов в соответствующем протоколе (иногда на их изъятие для приобщения к материалам уголовного дела). При этом сам по себе осмотр не предполагает логический анализ воспринятой информации, а сводится лишь к ее констатации. В.М. Николайчик писал, что протокол должен содержать лишь очевидные и бесспорные для участников осмотра особенности осматриваемого объекта[392]. С.А. Шейфер, ссылаясь на ч. 2 ст. 180 УПК РФ, справедливо отмечает, что в протоколе осмотра излагаются только наблюдавшиеся следователем обстоятельства. А предположения и выводы следователя относительно механизма образования следов, последовательности действий преступника и т.д., которые неминуемо возникают в ходе осмотра, в протоколе не излагаются[393]. В этой связи также необходимо вспомнить уже упомянутую нами ранее позицию Р.С. Белкина и Е.М. Лившица, что логическое мышление используется не во время непосредственного производства следственного осмотра, а уже позднее – при обработке его результатов в целях выявления их связей как с самим расследуемым событием, так и с другими фактическими данными, собранными по делу[394].

---

[391] *Баев О.Я.* Тактика следственных действий. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2012. – С. 103.

[392] *Николайчик В.М.* Следственный осмотр вещественных доказательств. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1968. – С. 58.

[393] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 59

[394] *Белкин Р.С. Лившиц Е.М.* Тактика следственных действий … С. 44.

Полагаем, что все вышесказанное в полной мере относится и к осмотру письменных (других условно-знаковых) документов как к типичной разновидности данного следственного действия. Осматривая такой документ, дознаватель или следователь воспринимают его не как форму подачи определенных вербальных сведений, не как интеллектуальный продукт, а в первую очередь как материальный объект, имеющий свои физические признаки и необходимые реквизиты. Как указывает Л.А. Иванов, при осмотре документа внимание обращается на его название, формат, размеры, реквизиты, их содержание, штампы, подписи, состояние бумаги, ее цвет, складки, разрывы, пятна и т.д.[395] Но даже осматривая исключительно вербальные части документа, например, рукописный или печатный текст, субъект процессуального познания не формирует в своем сознании мысленных образов, вытекающих из его содержания. Он лишь констатирует факт наличия в документе определенных слов, фраз и тому подобных объектов, не вникая в их смысл.

Осмысленное изучение данных вербальных объектов, осуществляемое посредством рационального мышления и завершающееся формированием полноценных мысленных образов, – это уже следующий этап работы либо с самим документом, либо с протоколом его осмотра. В.П. Власов называл такую деятельность «предварительным исследованием» документа. Он писал, что в следственной практике «предварительное исследование» очень часто путают с осмотром, называя одно другим, например, пишут или говорят: «Следователь, осмотрев документы, пришел к выводу о том, что…». Фактически же в данном случае был проведен не осмотр как процессуальное действие, а именно «предварительное исследование». Автор абсолютно правильно полагал, что причина данной ошибки заключается в том, что в обиходе и в научных исследованиях осмотром называются вообще всякие, основанные на наблюдении, то есть специальном зрительном восприятии, приемы или методы изучения чего-либо,

[395] *Иванов Л.А.* Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий. – Саратов: Саратовский университет, 1993. – С. 141. Об этом также см.: *Ефимичев С.П., Кулагин Н.И, Ямпольский А.Е.* Следственный осмотр: учеб. пособие. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1983. – С. 9.

ознакомления с чем-либо. Однако между ними имеются существенные различия в процессуальной природе и значении в ходе расследования уголовных дел[396]. Подобное исследование документов В.П. Власов именовал «предварительным» поскольку он считал, что эта деятельность обычно предваряет какое-либо процессуальное действие: осмотр, назначение экспертизы, обыск, допрос и др.[397] Но, на наш взгляд, это не совсем так. Ознакомление субъекта уголовно-процессуального познания с содержанием документа не нужно связывать с каким-то следственным или иным процессуальным действием. Оно вполне может иметь место и само по себе, особенно когда документ непосредственно содержит сведения, имеющие значение для уголовного дела. Примерами в данном случае могут послужить ознакомление следователя с истребованной копией приговора, подтверждающего факт прежней судимости, или с представленной защитником положительной характеристикой обвиняемого. Поэтому мы предлагаем именовать такое действие не предварительным исследованием, а просто исследованием. Подобное исследование документа является не чем иным, как разновидностью общего гносеологического механизма исследования доказательств, составляющего один из важнейших элементов всего уголовно-процессуального познания и доказывания. Более подробно вопросы исследования доказательств нами будут рассмотрены в § 4.1 настоящей работы.

В отличие от осмотра документа, его исследование имеет явно вербальный характер, поскольку предполагает использование рационального мышления и формирование мысленных образов тех сведений, которые запечатлены в его содержании. При этом необходимо обратить внимание, что помимо «иных» документов исследованию подлежат любые материалы уголовного дела, требующие восприятия дознавателем, следователем или судом, в частности заключения экспертов и специалистов и протоколы ранее произведенных следственных

---

[396] *Власов В.П.* Следственный осмотр и предварительное исследование документов. – М.: Госюриздат, 1961. – С. 12.

[397] Там же.

действий. Объектом исследования в конечном счете может стать и сам протокол осмотра письменного или иного вербального документа. Однако этот процесс представляется актуальным лишь в тех случаях, когда непосредственное исследование самого документа невозможно, затруднительно или нецелесообразно. В противных ситуациях дознаватель, следователь или суд должен стремиться исследовать сам документ, а не протокол его осмотра, поскольку в контексте рассмотренных нами ранее закономерностей «невербального» способа процессуального познания последний содержит не сами обстоятельства объективной реальности, а их мысленные образы, запечатленные в сознании его автора. Тем не менее с учетом вербального характера воспринимаемых сведений их возможные искажения в протоколах осмотров не представляются существенными. Поэтому в ряде практических ситуаций подмена непосредственного исследования самого документа его осмотром и последующим исследованием соответствующего протокола, на наш взгляд, вполне оправданна. Например, следователь, предварительно осмотрев с участием специалиста аудиодокумент – запись разговора обвиняемого с потерпевшим, в дальнейшем получает возможность уже самостоятельно исследовать протокол, содержащий письменную расшифровку этого разговора. После осмотра электронного документа – sms-сообщения из сотового телефона обвиняемого проводится исследование протокола, содержащего письменную распечатку данного сообщения, и т.д.

Однако особое внимание в этой связи необходимо обратить на возможность осмотра документа с последующим исследованием соответствующего протокола в тех случаях, когда непосредственное приобщение данного документа к материалам уголовного является нецелесообразным. Так, еще в учебном пособии по следственному осмотру, вышедшему в свет в 1957 году, был приведен интересный пример. По делу об убийстве гражданина Борисова обвиняемый заявил, что в то время, когда совершалось преступление, он был в кинотеатре, назвав фильм, который смотрел. Следователь осмотрел учетные документы кинотеатра и установил, что в тот день на данном сеансе шла совер-

шенно другая кинокартина[398]. Очевидно, что в описанной ситуации следователю не было никакой необходимости изымать из кинотеатра для приобщения к уголовном делу весь массив учетных документов, поскольку, с одной стороны, это слишком увеличило бы объем уголовного дела, а с другой – внесло определенные затруднения в работу сотрудников кинотеатра. Поэтому, ограничившись лишь осмотром учетных документов с последующим исследованием соответствующего протокола, следователь поступил весьма благоразумно.

Вместе с тем наибольшую актуальность данная практическая конструкция приобрела именно в современных условиях, характеризующихся сложными и многоэпизодными уголовными делами об экономических преступлениях. Как известно, объемы таких уголовных дел нередко исчисляются десятками томов, причем большую долю их материалов составляют различные документы. В результате формирования рыночных отношений и вхождения России в мировое экономическое пространство в уголовных делах появляются многие документы, ранее вообще не известные следственной и судебной практике[399]. Например, одно уголовное дело, законченное производством в Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы по ч. 4 ст. 159 УК РФ, состояло из 87 томов. При этом 62 тома составляли различные документы, большей частью уставы нескольких десятков фигурирующих в деле коммерческих организаций. Каждый такой устав, включавший в себя не менее 25–30 страниц текста, по существу представлял интерес для уголовного дела лишь в части некоторых полномочий генерального директора, прописанных всего на нескольких строчках[400]. Анализ следственной практики позволяет констатировать множество по-

---

[398] *Винберг А.И., Миньковский Г.М., Толмачев Е.Ф., Трусов А.Е.* Следственный осмотр: учеб. пособие / под. общ. ред. М.В. Барсукова. – М.: ВШ МВД СССР, 1957. – С. 120.

[399] *Игнатьев Д.Б.* Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях: автореф. дис. … к.ю.н. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2001. – С. 12; *Шишкин В.С.* Документы в доказывании при производстве по уголовному делу … С. 30.

[400] Пример взят из личной следственной практики автора, проходившего службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы).

добных случаев. Причем безразборному изъятию для приобщения к материалам уголовного дела подвергаются документы самой различной природы: технические регламенты, проектная документация, банковские, финансовые документы и т.д. Иными словами свойством относимости обладают лишь небольшие фрагменты указанных документов; остальные их части представляют собой неотносимый материал, своеобразный «процессуальный балласт». Указанные ситуации, безусловно, обременяют как предварительное расследование, так и последующее судебное разбирательство. Более того, в ряде случаев изъятие различных документов для их приобщения к материалам уголовного дела существенно затрудняет работу соответствующих предприятий, учреждений, организаций.

В этой связи может иметь место адресованная органам дознания и предварительного следствия практическая рекомендация, заключающаяся в проведении предварительного следственного осмотра документов, имеющих значение для уголовного дела, но которые вместе с тем имеют большой объем или необходимы для функционирования различных субъектов хозяйственной деятельности, или изъятие которых невозможно (затруднительно или нецелесообразно) по иным причинам. В результате проведения осмотра дознаватель или следователь получат возможность не приобщать документ к материалам уголовного дела в полном объеме, а ограничиться выборочной фиксацией в протоколе лишь тех его фрагментов, которые представляют определенный интерес. Как отмечали Р.С. Белкин и Е.М. Лившиц, тем самым следователь сможет избежать приобщения к делу значительных по объему документов, например, книг бухгалтерского учета, если доказательственное значение имеет только одна какая-то запись[401]. При этом сами документы должны оставаться по месту их постоянного хранения (в государственных органах, на предприятиях, в учреждениях и т.д.), а в случае необходимости они вполне могут быть истребованы

[401] *Белкин Р.С. Лившиц Е.М.* Тактика следственных действий … С. 78.

судом для исследования в полном объеме. Мы полагаем, что выполнение подобной рекомендации существенным образом скажется на качестве расследования, упростит ориентирование в уголовном деле, сократит сроки ознакомления обвиняемых с его материалами, а в последующем судебном разбирательстве – отразится на реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства.

Говоря о следственном осмотре и исследовании «иных» документов, также необходимо обратить внимание, что эти два познавательных действия совсем не обязательно осуществляются в отрыве друг от друга. Нет никаких оснований утверждать, что исследование документа проводится лишь после его осмотра и составления соответствующего протокола. Представляется, что они вполне могут быть объединены в одну общую познавательную конструкцию. Осматривая какой-либо документ, следователь имеет полноценную возможность одновременно проводить его исследование, воспринимая вербальным способом изложенные в нем сведения. Разграничение осмотра и исследования «иных» документов заключается не в последовательности проведения, а в самой их сущности, то есть в используемых методах познания. Осмотр остается «невербальным» следственным действием, основанном на закономерностях наглядно-образного восприятия. А исследование «иного» документа, наоборот, зиждется на вербальном способе познания, обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Кроме того, осмотр имеет четко выраженный уголовно-процессуальный характер, строго определенную процессуальную форму. Вместе с тем для исследования «иных» документов в части досудебного производства законодатель никакой процессуальной формы не регламентирует. Кстати, в этой связи можно было бы поставить перед собой такую цель и предложить ввести в систему уголовного процесса еще одно новое следственное действие – исследование документов, а также разработать процессуальные механизмы его осуществления. Но так ли уж это необходимо? Думается, что нет. Ведь исследование документа в досудебном производстве представляет собой процесс воспри-

ятия следователем или дознавателем сведений, запечатленных в данном документе, обуславливающий формирование в его сознании соответствующего мысленного образа. Оно протекает исключительно на основе гносеологических и психофизиологических закономерностей и не нуждается ни в каких правовых гарантиях, требующих проведения некой юридической процедуры. Доказательственное значение при этом будет иметь сам «иной» документ, а не результат его исследования. Поэтому наиболее разумным в данной ситуации, на наш взгляд, является сохранение для исследования «иных» документов в досудебном производстве свободной формы, именно так, как это происходит в настоящее время.

Что же касается судебного производства, то там исследование документов приобретает более формальный характер. Это связано с тем, что суд, в отличие от следователя или дознавателя, знакомится с материалами уголовного дела уже не единолично, а совместно со сторонами и иными лицами, присутствующими в зале судебного заседания. В условиях устности и гласности судебного разбирательства исследование судом «иных» документов протекает в форме их оглашения, предусмотренного ст. 285 УПК РФ; данные вопросы будут подробно рассмотрены нами в § 4.1 настоящей работы.

§ 2.4. Проблемы соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с результатами «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий

Одной из самых острых проблем теории и практики доказывания остается вопрос о возможности использования в расследовании и судебном разбирательстве по уголовному делу результатов непроцессуальной деятельности. В первую очередь эта проблема, безусловно, касается обстоятельств, установленных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий. Однако в современной правоприменительной практике весьма нередки случаи, связанные с

необходимостью использования в доказывании сведений, полученных в результате иной непроцессуальной деятельности, в том числе административной деятельности правоохранительных органов.

Большинство ученых-процессуалистов, занимающихся данными вопросами, сходятся во мнении, что на сегодняшний день использование в доказывании результатов непроцессуальной, в первую очередь оперативно-розыскной, деятельности имеет весьма важное значение. Так, Ю.В. Кореневский писал об этом как об объективной необходимости. По его мнению, использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам имеет важное значение в борьбе с преступностью, для защиты от преступных посягательств прав и законных интересов граждан, общества и государства[402]. Е.А. Доля обращает внимание на объективный характер потребности в расширении возможностей использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам. Автор мотивирует это невозможностью успешного раскрытия, расследования и разрешения уголовных дел о тяжких и особо тяжких преступлениях исключительно уголовно-процессуальными средствами[403]. В.А. Азаров отмечает, что расследование уголовных дел о наиболее опасных преступлениях вряд ли приведет к ожидаемому результату, если следователь проигнорирует информационные возможности оперативно-розыскной деятельности и не наладит продуктивное взаимодействие с представителями оперативных служб[404]. Он же совместно с другим автором – В.В. Константиновым – пишет, что сама судебно-следственная прак-

---

[402] Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. – М.: Юристъ, 2000. – С. 36–37.

[403] *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности … С. 7.

[404] *Азаров В.А.* Что мешает эффективному использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании? // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве: материалы междунар. науч.-практич. конференции, посвященной памяти доктора юридических наук, профессора Полины Абрамовны Лупинской. – М.: Элит, 2011. – С. 199.

тика красноречиво свидетельствует об эффективности использования результатов ОРД в доказывании при соблюдении ряда процедурных требований[405]. Об объективной необходимости использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности высказываются и многие другие специалисты[406].

Отдельные авторы в своих рассуждениях идут несколько дальше и предпринимают попытки исследования вопросов возможности эффективного использования в уголовном судопроизводстве иных непроцессуальных сведений. Например, Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов считали приемлемым использование в доказывании по уголовному делу данных, полученных частными детективами и детективными агентствами[407]. Близкой позиции придерживается и О.В. Леонова[408]. Позднее тот же Н.П. Кузнецов уже совместно с С.Н. Дадоновым высказывал идею о праве защитника перепоручать частному детективу опрос лиц с их согласия в порядке п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ[409]. В этой связи следует обратить внимание на внесенный в Государственную Думу РФ законопроект, предпола-

---

[405] *Азаров В.А., Константинов В.В.* Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел // Российский следователь. – 2013. – № 11. – С. 21.

[406] *Жук О.Д.* Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций). – М.: ИНФРА-М, 2004. – С. 146; *Тумаков С.И.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Ч. 2. – Екатеринбург: Уральский университет, 2005. – С. 322; *Зуев С.В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. – 2007. – № 3 и т.д.

[407] *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание … С. 163–164.

[408] *Леонова О.В.* Использование данных, полученных в процессе частности детективной деятельности, в целях доказывания по уголовному делу // Правовые формы и эффективность доказывания по уголовным делам: межвуз. сб. науч. ст. – Самара: Самарский госуниверситет, 1996. – С. 202–208.

[409] *Кузнецов Н.П., Дадонов С.Н.* Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы // СПС «КонсультантПлюс».

гающий предоставление участникам уголовного судопроизводства права на использование услуг частного детектива[410] (проект уже получил определенные отклики в юридической печати[411]). Еще один автор – И.Д. Бедняков – помимо результатов частной детективной деятельности рассматривает в данном контексте также и информацию, собранную частными охранными предприятиями[412]. И наконец, С.А. Шейфер помимо частной детективной или охранной деятельности указывает на познавательную ценность сведений, полученных в рамках производства по делам об административных правонарушениях и в ходе таможенной деятельности[413].

Вместе с тем современные законодательные подходы к механизмам доказывания по уголовному делу не позволяют расценивать подобные результаты непроцессуальных мероприятий в качестве полноценных доказательств. Эти результаты не являются доказательствами в «чистом виде»[414]. В частности, согласно ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[415] они (результаты) могут использоваться в доказывании по уголовным делам в соответствии с положениями уголовно-процессуального законодательства РФ, регламентирующими собирание, проверку и оценку доказательств. Тогда как ч. 1 ст. 86 УПК РФ прямо указывает, что органы предварительного расследования, прокурор и суд вправе собирать доказательства лишь посред-

---

[410] Проект Федерального закона № 608808-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части предоставления участникам уголовного судопроизводства права пользоваться услугами частного детектива на сбор сведений по уголовному делу и использовать полученные от него сведения для защиты прав и законных интересов)» внесен 24 сентября 2014 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[411] *Куприянов А.А.* Частных детективов «пропишут» в УПК // Уголовный процесс. – 2014. – № 11. – С. 8.

[412] *Бедняков Д.И.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений. – М.: Юрид. лит., 1991. – С. 143–153.

[413] *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования … С. 105, 111.

[414] *Чувилев А.А.* Использование следователем оперативно-розыскной информации в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: автореф. дис. … к.ю.н. – М.: Академия МВД СССР, 1986. – С. 10.

[415] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» с последующими изменениями и дополнениями.

ством проведения следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных самим Кодексом. А ст. 89 УПК РФ, в свою очередь, запрещает использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, не отвечающих требованиям, предъявляемым к доказательствам. Комплексный анализ указанных правовых норм позволяет констатировать наличие весьма существенной коллизии уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законов, обуславливающей существенные затруднения как теоретического, так и практического характера. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» и изданная в соответствии с ним Инструкция «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»[416] фактически предполагают использование соответствующих материалов в качестве доказательств по уголовному делу в случае их получения в установленном УПК РФ правовом режиме, то есть при соблюдении процессуальной формы. Однако вполне очевидно, что оперативно-розыскная деятельность в принципе не может быть облечена в такую форму и, следовательно, не может соответствовать требованиям УПК РФ. Любое оперативно-розыскное мероприятие имеет, по сравнению со следственными, судебными или иными процессуальными действиями, совершенно иную правовую природу и нормативную основу. Как указывал И.Л. Петрухин, при получении оперативно-розыскных данных не соблюдаются предусмотренные законом необходимые процессуальные гарантии[417]. Поэтому результаты оперативно-розыскной деятельности в момент их передачи в орган дознания, следователю или в суд в настоящее время никоим образом не могут соответствовать требованиям

[416] Совместный приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

[417] См. *Петрухин И.Л.* Судебная власть и расследование преступлений // Государство и право. 1993. № 7. – С. 90.

допустимости доказательств, на что также неоднократно обращалось внимание в специальной литературе[418].

В этой связи в уголовно-процессуальной науке предпринимаются постоянные попытки выработать некий правовой механизм, направленный на легализацию результатов непроцессуальных, в первую очередь оперативно-розыскных, мероприятий для возможности их использования в доказывании по уголовному делу. Причем большинство авторов, посвятивших свои исследования данной проблематике, сходятся в одном тезисе, заключающемся в том, что сведения, полученные в результате оперативно-розыскной деятельности, не могут использоваться в доказывании напрямую, непосредственно, а должны быть преобразованы в доказательства в соответствии с процессуальным законом[419]. Эти сведения обычно позиционируются в качестве некой информационной основы, на которой могут быть сформированы доказательства[420]. Указанный те-

---

[418] Например: *Земскова А.В.* Актуальные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации // Новый Уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: материалы межведомственного «круглого стола» / под ред. О.А. Галустьяна, О.И. Цоколовой. – М.: МосУ МВД России, 2003. – С. 50–51; *Тумаков С.И.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании … С. 322 и т.д.

[419] Например: Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность … С. 40; *Астафьев Ю.В., Изотова Н.В.* Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия … С. 171–172; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – М.: Юристъ, 2003. – С. 221; *Зажицкий В.И.* Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве. – СПб: Юридический центр-Пресс, 2006. – С. 363; *Погорецкий Н.А.* Использование материалов оперативно-розыскной деятельности для получения доказательств в уголовном процессе // Эволюция уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве: материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Кн. 2. – Киев: Университет «КРОК», 2006. – С. 35–36; *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования … С. 111–112; *Волосюк П.В.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Юридическая наука. – 2013. – № 1. – С. 39 и т.д.

[420] Например: *Доля Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности … С. 240; Теория оперативно-розыскной деятельности: учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М.: ИНФРА-М, 2006. – С. 554; *Астафьев Ю.В.* Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Иркутск: БГУЭП, 2014. – С. 24 и т.д.

зис находит свое подтверждение и в практике Конституционного Суда РФ, отметившего в одном из своих решений, что результаты оперативно-розыскных мероприятий являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем, а именно на основе соответствующих норм уголовно-процессуального закона[421]. Поэтому В.С. Балакшин, опираясь на указанную позицию Конституционного Суда РФ, пишет, что в принципе использование материалов, полученных в ходе оперативно-розыскной деятельности, в доказывании по уголовным делам не противоречит Конституции РФ[422].

Вместе с тем сам по себе уголовно-процессуальный закон не дает ни единого намека на возможность приобщения представленных материалов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, то есть придания им некоего подобия процессуальной формы. В УПК РФ нет ни одного правового положения, которое хоть как-то корреспондировалось бы со ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкцией «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд». Е.В. Ежова совершенно справедливо отмечает, что законодательство об оперативно-розыскной деятельности разрешает использование ее результатов в уголовном процессе, а сам УПК РФ такой процедуры не содержит[423]. Законодатель вроде бы не запрещает органу дознания, следователю или суду получать в свое распоряжение определенные материалы, фиксирующие ход и результаты оперативно-розыскных мероприятий. Однако

---

[421] Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О.

[422] *Балакшин В.С.* К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Ч. 1. – Екатеринбург: Уральский университет, 2005. – С. 73.

[423] *Ежова Е.В.* Проблемы раскрытия преступлений в современной России. – Уфа: Башкирский госуниверситет, 2008. – С. 148.

с формальной точки зрения они реально не имеют ни малейшей правовой возможности ввести такие материалы в уголовный процесс посредством каких-либо следственных или иных процессуальных действий; подобных действий УПК РФ просто не предусматривает. Нам представляется не совсем верной позиция ученых, полагающих, что в уголовно-процессуальном законе все-таки есть указание на возможность представления доказательств правоохранительными органами, уполномоченными на производство оперативно-розыскных мероприятий[424]. Само по себе представление можно условно считать процессуальным действием, но лишь в части взаимодействия органов предварительного расследования и суда с участниками уголовного судопроизводства: подозреваемым, обвиняемым, защитником, потерпевшим и т.д., поскольку соответствующие нормы уголовно-процессуального закона прямо предусматривают право этих лиц на представление доказательств. В.А. Семенцов, рассматривая представление в таком контексте, справедливо указывает на невозможность его применения к процедурам легализации результатов оперативно-розыскной деятельности, поскольку осуществляющие ее субъекты не являются участниками уголовного судопроизводства[425]. Таким образом, в контексте буквального толкования ч. 1 ст. 86, ст. 89 УПК РФ и ч. 2 ст. 11 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» правовая возможность использования в доказывании сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, в какой бы то ни было форме отсутствует.

Вместе с тем, несмотря на вышеуказанные правовые пробелы, практика использования в доказывании по уголовным делам сведений, полученных в результате оперативно-розыскной деятельности, ввиду своего большого значения имеет повсеместное применение. А сотрудники правоохранительных органов

---

[424] *Шамардин А.А.* К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – Вып. 9. – Оренбург, 2008. – С. 342–356; *Калугин А.Г., Ермолаев И.Е.* Использование данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, в процессе доказывания по уголовному делу: учеб. пособие. – Красноярск: СибЮИ МВД России, 2009. – С. 15.

[425] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 102–103.

относятся к ней как к само собой разумеющейся. Причем выработанные на сегодняшний день практические механизмы формирования доказательств на основе этих результатов фактически сводятся все к тому же простому представлению соответствующих материалов для приобщения к уголовному делу исключительно на основании норм оперативно-розыскного права (вышеуказанных положений Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» и Инструкции «О порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд»). Ни о какой трансформации указанных результатов в доказательства, о чем пишут в своих работах уже упомянутые нами Ю.В. Астафьев, Е.А. Доля, С.А. Шейфер и многие другие авторы, в данном случае не может идти и речи ввиду отсутствия соответствующих уголовно-процессуальных процедур. В своих правоприменительных решениях дознаватели, следователи и судьи прямо ссылаются на материалы оперативно-розыскной деятельности как на полноценные доказательства[426]. Например, в одном из приговоров судья Московского городского суда указал, что вина подсудимого в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 290 УК РФ, помимо всего прочего подтверждается материалами оперативно-розыскного мероприятия «оперативный эксперимент», полученными с соблюдением требований УПК РФ[427]. А в одном из апелляционных определений судьи Московского областного суда оставили приговор суда первой инстанции по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ без изменения. Свое решение

---

[426] Возможность прямого использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств по уголовным делам фактически подтверждает и Пленум Верховного Суда РФ. В одном из своих постановлений он разъяснил, что результаты оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничением конституционного права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, а также с проникновением в жилище против воли проживающих в нем лиц (кроме случаев, установленных федеральным законом), могут быть использованы в качестве доказательств по делам, лишь когда они получены по разрешению суда на проведение таких мероприятий и проверены следственными органами в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством. См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия» с последующими изменениями и дополнениями.

[427] Пример взят из ресурсов интернет-портала государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» за 2012 г. – URL: http://sudrf.ru.

они мотивировали тем, что вина подсудимого в совершении инкриминируемого ему преступления доказана в полном объеме и помимо всего прочего подтверждается материалами оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка», также полученными с соблюдением требований УПК РФ[428].

Приведенные формулировки судебных решений неизбежно наводят нас на вопрос: какие именно требования уголовно-процессуального закона обуславливают получение материалов оперативно-розыскных мероприятий, в частности проверочной закупки или оперативного эксперимента? Очевидно, что данный вопрос не может иметь позитивного ответа, но тем не менее факты прямого оперирования результатами оперативно-розыскной деятельности как доказательствами по уголовному делу – это объективные реалии современной судебной и следственной практики. Впрочем, подобные формулировки имеют вполне логичное объяснение: они четко согласуются с положениями ст. 89 УПК РФ. Позиционируя «на бумаге» результаты оперативно-розыскной деятельности как соответствующие требованиям уголовно-процессуального законодательства, правоприменитель, таким образом, создает некую видимость их допустимости и, следовательно, законности выносимого юрисдикционного решения.

На самом деле ни ст. 89 УПК РФ, ни какие-либо иные положения уголовно-процессуального закона не позволяют оценить допустимость указанных доказательств, поскольку их формирование происходит, как уже отмечалось выше, в принципиально иной правовой плоскости, в сфере, регулируемой оперативно-розыскным правом. Поэтому в реальности процессуальную доброкачественность этих материалов органы предварительного расследования и суды связывают с соблюдением требований законодательства об оперативно-розыскной деятельности. Для наглядности приведем несколько примеров. Так, в ходе апелляционного рассмотрения уголовного дела по ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ коллегия судей Московского областного суда признала недопустимыми

[428] Апелляционное определение Московского областного суда от 23 сентября 2014 г. по делу № 22-5038/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

результаты оперативного эксперимента, проведенного сотрудниками ОБЭП по Пушкинскому муниципальному району Московской области, ввиду отсутствия в материалах дела постановления о проведении данного мероприятия, то есть в связи с нарушением положений ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[429]. В свою очередь, президиум Магаданского областного суда в ходе надзорного рассмотрения уголовного дела по п. «а» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ признал недопустимыми результаты проверочной закупки как осуществленной в нарушение ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности». По мнению суда, данное оперативное мероприятие было проведено не в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступления, а также не в целях выявления и установления лица, подготавливающего, совершающего или совершившего данное преступление. Следовательно, действия оперативных сотрудников, связанные с проведением оперативно-розыскного мероприятия, не были вызваны объективной необходимостью[430]. А судебная коллегия Московского городского суда, рассматривая в апелляционном порядке уголовное дело по ч. 6 ст. 290 и ч. 4 ст. 290.1 УК РФ, наоборот, оценила как допустимые результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий в связи с точным выполнением требований Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[431]. Кстати, подобная практика находит поддержку и среди ученых-процессуалистов. Например, Ю.В. Астафьев прямо связывает допустимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности с установленными законом основаниями и условиями проведения соответствующих мероприятий[432].

---

[429] Апелляционное определение Московского областного суда от 5 августа 2014 г. по делу № 22-4203/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[430] Постановление президиума Магаданского областного суда от 18 июля 2014 г. по делу № 44У-7/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[431] Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июня 2014 г. по делу № 10-7154/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

[432] *Астафьев Ю.В.* Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания … С. 24.

Таким образом, ст. 89 УПК РФ в том виде, в котором она определена законодателем, нам представляется не просто сомнительной, но имеющей догматичный характер в его негативном понимании. Мы согласны с А.А. Петуховским, считающим, что указанная правовая норма решает вопрос об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности неудовлетворительно[433]. Полагаем, что ее присутствие в системе уголовно-процессуального права формально блокирует возможности использования в доказывании оперативно-розыскной информации, таким образом побуждая органы предварительного расследования и суды изобретать некие обходные пути, а фактически игнорировать установленные запреты.

Однако еще большая практическая сложность нам видится в вопросах придания доказательственного характера материалам, полученным в процессе административной деятельности правоохранительных органов, например, в связи с производством по делу об административном правонарушении. Законодатель вообще обходит своим вниманием эту проблему, не придает ей никакого процессуального значения. Какого-либо правового инструментария, позволяющего ввести в уголовное дело материалы, полученные в результате административной деятельности правоохранительных органов, также не существует. К слову, эти вопросы до настоящего времени остаются практически не рассмотренными и на теоретическом уровне; они поднимаются лишь в отдельных научных публикациях[434]. Вместе с тем ощущается крайняя необходимость в легализации уголовно-процессуальных механизмов формирования из таких материалов полноценных доказательств. Современная следственная и судебная практика просто изобилуют случаями фактического использования результатов административной деятельности в доказывании, в том числе прямого указания на

---

[433] *Петуховский А.А.* Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики) … С. 97

[434] *Палий В.М.* Проблемы уголовно-процессуальной адаптации результатов, полученных в ходе производства по административным правонарушениям // Уголовно-процессуальное доказывание и другие актуальные проблемы досудебного производства: сб. науч. ст. преподавателей, аспирантов (адъюнктов), соискателей и студентов / под ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2010. – С. 83.

них в обвинительных заключениях, обвинительных актах и приговорах. Для наглядности наших доводов можно привести некоторые примеры. Так, сотрудниками дорожно-патрульной службы одного из подразделений УГИББД г. Москвы на стационарном посту при въезде в город был остановлен автомобиль «BMW X5». В ходе досмотра узнанного автомобиля, проведенного в соответствии с п. 16 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»[435], был обнаружен пистолет «ПМ» и 16 штатных патронов к нему. В дальнейшем протокол досмотра автомобиля полноценно использовался в доказывании виновности его владельца в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 222 УК РФ[436]. Другим примером может послужить личный досмотр, проведенный в соответствии со ст. 117 Таможенного кодекса Таможенного союза[437] сотрудниками таможни в международном аэропорту «Шереметьево» в отношении Д., прибывшего из Таиланда. В процессе досмотра в чемодане Д. были обнаружены 13 упаковок сильнодействующего вещества «Диазепам» по 10 таблеток в каждой. В ходе предварительного расследования и последующего судебного разбирательства протокол личного досмотра был оценен как допустимое доказательство и положен в основу решения о признании Д. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 226.1 УК РФ[438]. Можно привести еще множество подобных примеров. Причем по отдельным категориям уголовных дел, например, по ст. 186, 191, 222, 228 УК РФ, такие механизмы используются практически повсеместно.

Описанные примеры никоим образом не связаны с использованием в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Ни личный досмотр, ни досмотр транспортного средства, никакие подобные познавательные

---

[435] Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» с последующими изменениями и дополнениями.

[436] Архив Головинского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-459/2011.

[437] Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17).

[438] Архив Головинского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-498/2011.

приемы, осуществляемые органами исполнительной власти в процессе государственно-управленческой деятельности, не являются оперативно-розыскными мероприятиями. Впрочем некоторые суды в своих решениях ошибочно считают их таковыми[439]. Они находятся в сфере административно-правового регулирования и являются содержанием производства по делу об административном правонарушении или какой-либо иной административно-правовой формы. Однако при этом их результаты могут иметь первостепенное значение для расследования или судебного разбирательства уголовного дела о преступлении, выявленном в связи с их проведением. Поэтому отсутствие в уголовно-процессуальном законе правил, позволяющих использование таких материалов в процессе доказывания, обусловливает еще большие практические трудности, нежели те, которые связаны с результатами оперативно-розыскной деятельности.

Некоторым исключением из рассматриваемых проблем является возможность прямого использования в доказывании по уголовному делу вещественных доказательств и «иных» документов, изначально полученных оперативным или другим непроцессуальным путем. Это исключение обусловлено тем обстоятельством, что уголовно-процессуальный закон вообще не предполагает достаточно жесткой процедуры появления данных видов доказательств в уголовном деле. Механизм формирования вещественных доказательств заключается в их осмотре и вынесении соответствующего постановления (ст. 81 УПК РФ). А механизм формирования «иных» документов фактически сводится к принятию некоего процессуального решения об их приобщении к уголовному делу. Причем для судебного производства порядок принятия этого решения кратко определен в ст. 286 УПК РФ, а для досудебного производства – вообще не установлен. Подобная следственная и судебная практика в настоящее время тоже получила достаточно широкое распространение, особенно в части использова-

[439] Например: апелляционное определение Московского областного суда от 23 сентября 2014 г. по делу № 22-5038/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

ния в доказывании результатов, полученных в ходе административной деятельности правоохранительных органов. Так, рассматривая уголовное дело по ч. 2 ст. 162 УК РФ судья Нагатинского районного суда г. Москвы признал в качестве «иного» документа протокол личного досмотра подсудимого, проведенного сотрудниками патрульно-постовой службы в момент его фактического задержания. При этом в ходе указанного административно-правового мероприятия у задержанного был обнаружен и изъят похищенный сотовый телефон[440]. Указанное обстоятельство позволяет отдельным авторам утверждать о возможности формирования на основе результатов непроцессуальных мероприятий лишь таких доказательств, как вещественные доказательства и «иные» документы[441]. Видимо, ученые в подобных рассуждениях исходят из того довода, что чисто формально «иными» документами могут быть признаны любые объекты документального характера, имеющие отношение к уголовному делу, в частности протоколы различных оперативно-розыскных мероприятий, расшифровки записей телефонных переговоров, протоколы административных досмотров, изъятий и т.п.[442] А признаками вещественных доказательств опять-таки формально могут обладать любые предметы, появившиеся в ходе непроцессуальных мероприятий, в частности аудио- и видеозаписи, флеш-накопи-

---

[440] Пример взят из ресурсов интернет-портала государственной автоматизированной системы РФ «Правосудие» за 2014 г. – URL: http://sudrf.ru.

[441] *Семенцов В.А., Сафонов В.Ю.* Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве. – Екатеринбург: УрГЮА, 2006. – С. 99; *Шейфер С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования … С. 114–115.

[442] Данная позиция фактически находит поддержку и в решениях Конституционного Суда РФ, неоднократно отказывавшего в принятии к рассмотрению жалоб отдельных граждан, пытавшихся оспорить конституционность ст. 84 УПК РФ как допускающей возможность использования по уголовному делу в качестве «иных» документов результатов оперативно-розыскной деятельности. См., например: определения Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1293-О, от 24 сентября 2013 г. № 1505-О.

тели, SD-карты и т.п.. О.Я. Баев и Д.А. Солодов прямо пишут, что материальные носители предоставленной оперативно-розыскной информации приобщаются к уголовному делу в качестве вещественных доказательств[443].

Существует и еще одно исключение, позволяющее законным способом сформировать доказательство на основании результатов непроцессуальной деятельности. Речь в данном случае идет о возможности допроса в качестве свидетеля сотрудника правоохранительного органа по поводу сведений, полученных им в результате оперативно-розыскных или административно-правовых мероприятий. Например, данные оперативного наблюдения или эксперимента могут быть введены в уголовный процесс как показания соответствующего оперативного работника. Такие показания не имеют никакого превосходства перед другими доказательствами, равно как и наоборот. Они должны быть оценены наряду со всеми другими материалами уголовного дела в равной степени на предмет их относимости, допустимости и достоверности. В связи с тем что все рассмотренные «выходы» из сложившейся ситуации формально полностью согласуются с требованиями уголовно-процессуального закона, в юридической литературе высказываются мнения о повсеместном внедрении подобной практики, о придании ей основополагающего значения, особенно в части результатов оперативно-розыскной деятельности[444].

---

[443] *Баев О.Я., Солодов Д.А.* Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК РФ, практика, рекомендации: практич. пособие. – 2-е изд. – М: Эксмо, 2010. – С. 204.

[444] Например: *Гармаев Ю.П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам в незаконном обороте наркотиков: практич. пособие: Иркутск: Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников Генеральной прокуратуры РФ, 2004. – С. 96; *Он же.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве. – М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2005. – С. 20; *Жук О.Д.* Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций) … С. 217; *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе … С. 200; *Баев О.Я., Солодов Д.А.* Производство следственных действий … С. 204; *Зажицкий В.И.* Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности // Государство и право. – 2010. – № 7. – С. 65–66; *Фомин М.А.* Результаты ОРД как доказательства: критерии допустимости // Уголовный процесс. – 2011. – № 1. – С. 25 и многие другие работы.

Вместе с тем мы категорически не согласны с данной позицией, считаем ее неверной. А поддерживаемая многими учеными следственная и судебная практика, связанная с оформлением по правилам ст. 79, 81 и 84 УПК РФ информации, полученной в ходе оперативно-розыскных и административных мероприятий, нам представляется не соответствующей самому существу тех механизмов процессуального познания, которые были подробно рассмотрены нами в первой главе настоящего исследования. На наш взгляд, подобный вариант решения проблемы использования в доказывании результатов непроцессуальной деятельности является как бы искусственным. По сути, он заключается в придании непроцессуальным материалам статуса «наиболее удобного» из предусмотренных ч. 2 ст. 74 УПК РФ доказательств. Такой подход фактически «прикрывает» показаниями свидетеля, вещественными доказательствами или «иными документами» большинство результатов оперативно-розыскной или административной деятельности самой разнообразной гносеологической природы без разбора их сущности и содержания. Поэтому подобная практика неизбежно приводит к размыванию граней между различными видами доказательств в уголовном процессе, способствует подмене одних доказательств другими или появлению доказательств, не свойственных для восприятия определенных сведений.

Для более глубокой аргументации нашей точки зрения следует обратить внимание, что оперативно-розыскные и административные средства восприятия информации, имеющей значение для уголовного дела, также представляют собой определенные познавательные приемы. Как отмечается в специальной литературе, и оперативно-розыскная, и административная деятельность представляют собой частные случаи применения теории познания[445]. То есть все

[445] Например: *Бедняков И.Д.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений … С. 81; *Доля Е.А.* Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. – М.: Спарк, 1996. – С. 5; *Бахрах Д.Н., Россинский Б.В., Старилов Ю.Н.* Административное право: учебник для вузов. – М.: Норма, 2004. – С. 636; *Мазунин Я.М.* Использование результатов ОРД в доказывании нуждается в законодательной регламентации // Инновационное образование и экономика. – 2010. – № 7. – Т. 1. – С. 43 и т.д.

рассматриваемые нами непроцессуальные средства установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, наполнены гносеологическим содержанием. Их проведение также обуславливается закономерностями вербального и «невербального» способов познания объективной реальности, которые были подробно исследованы нами ранее. Именно эти способы позволяют оперативным работникам или субъектам административной деятельности формировать в своем сознании посредством чувственного и рационального мышления соответствующие мысленные образы объектов или явлений, которые впоследствии возможно и приобретут значение для какого-либо уголовного дела. Например, вербальный способ познания лежит в основе оперативно-розыскного опроса или наведения справок. Им же обусловлена возможность получения объяснений в порядке административной деятельности и т.д. В свою очередь, «невербальный» способ познания имеет место тогда, когда оперативные работники или субъекты административной деятельности непосредственно взаимодействуют с обстоятельствами объективной реальности, в частности с событием преступления, обстановкой определенного места и т.д. При этом формирование соответствующих мысленных образов осуществляется посредством зрительного (в некоторых случаях – иного) восприятия материальных фрагментов объективной реальности, не связанных с условно-знаковой формой передачи информационных сигналов. Представляется, что подобные познавательные конструкции лежат в основе проверочной закупки, наблюдения, обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и т.д. Они же обуславливают существование и целого ряда административных мероприятий: различных видов административного досмотра, административного освидетельствования, изъятия вещей и документов и т.д.

В контексте нашего исследования, нацеленного на изучение «невербальных» познавательных механизмов, отметим, что основное отличие результатов «невербальных» непроцессуальных мероприятий от полноценных доказательств по уголовному делу, в частности от результатов «невербальных» следственных или судебных действий, заключается в том, что они возникают вне

установленной УПК РФ формы и, таким образом, в настоящее время юридически не могут быть использованы в доказывании. Результаты оперативно-розыскной деятельности и доказательства – пишет Е.А. Доля – это различные по своему происхождению, правовой природе, предназначению и допустимым пределам использования данные (сведения). Несмотря на то что результаты оперативно-розыскной деятельности по своему содержанию могут совпадать с доказательствами, их отождествление и использование в качестве доказательств недопустимо[446]. Он же указывает, что уголовно-процессуальный закон не позволяет ставить знак равенства между результатами оперативно-розыскной деятельности и доказательствами; отличия обусловлены разницей в их правовой природе, которая объективно предопределяет предназначенность и допустимые пределы их использования[447].

Вместе с тем по своему существу «невербальные» следственные или судебные действия и «невербальные» оперативно-розыскные или административные мероприятия – это очень близкие, родственные правовые процедуры, в основе которых лежат общие гносеологические закономерности восприятия человеком материальных объектов и формирования на этой основе соответствующих мысленных образов как необходимых познавательных результатов. Каждое подобное непроцессуальное мероприятие приводит к получению того результата, который является гносеологически идентичным результату соответствующего «невербального» следственного или судебного действия. В этой связи нельзя согласиться с мнением того же Е.А. Доли, что формируемые в сознании субъектов процессуального и непроцессуального познания мысленные образы различны по своему содержанию именно из-за особенностей используемой правовой формы. На наш взгляд, автор также не совсем правильно связывает с процессуальной формой наличие определенной установки и активность

---

[446] *Доля Е.А.* Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами // СПС «КонсультантПлюс».

[447] *Доля Е.А.* Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2007. – № 6. – С. 39.

познающего субъекта[448]. Как уже отмечалось ранее, предусмотренная законом форма доказательства – это всего лишь внешняя оболочка, то есть некая верхушка айсберга, на котором зиждется познание обстоятельств уголовного дела. Беспорно, что аналогичное утверждение применимо и к правовой форме любого непроцессуального мероприятия, направленного на установление значимых для уголовного дела обстоятельств. Между тем, как внутренняя часть данного процесса, сам маховик познавательной деятельности основан лишь на гносеологических и психофизиологических закономерностях, существующих и функционирующих вне каких-либо созданных человеком формальных правил. Кстати, мы полагаем, что именно этими закономерностями, а не нормативно закрепленными функциями и полномочиями обусловлены определенные познавательные установки и активность соответствующего субъекта.

По своей сущности, по своему познавательному характеру результаты административного досмотра идентичны результатам обыска, результаты оперативного эксперимента – результатам следственного эксперимента, результаты обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств – результатам следственного осмотра или обыска и т.д. Под таким углом зрения становится очевидным, что результаты «невербальных» оперативно-розыскных или административных мероприятий подлежат закреплению и введению в уголовный процесс посредством некой правовой формы, которая является идентичной или по крайней мере близкой к правовой форме результатов «невербальных» следственных и судебных действий. Поэтому решения дознавателя, следователя или суда о признании отдельных результатов «невербальных» оперативно-розыскных или административных мероприятий вещественными доказательствами, например, видеозаписи, фиксирующей оперативный эксперимент, не имеют права на существование в той же степени, в которой невозможны аналогичные решения в части результатов следственного

[448] *Доля Е.А.* Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе // Государство и право. – 2013. – № 5. – С. 29.

осмотра, обыска и других «невербальных» следственных или судебных действий, о чем мы уже говорили ранее. Однако при этом, если объект материального мира, добытый в ходе проведения оперативно-розыскной или административной деятельности, все же отвечает условиям, предусмотренным ст. 81 УПК РФ (например, изъятый нож, пистолет, наркотическое средство и т.д.), то его признание вещественным доказательством нам видится абсолютно правомерным и необходимым.

Также следует признать недопустимым позиционирование результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий как «иных» документов или их фактическую легализацию посредством последующего допроса соответствующего сотрудника правоохранительного органа в качестве свидетеля. Документы в контексте ст. 84 УПК РФ или протоколы допросов свидетелей – это доказательства, предполагающие принципиально иной, вербальный способ процессуального познания, основанный на восприятии сведений в условно-знаковой форме и формировании мысленных образов посредством рационального мышления. Конечно, результаты «невербальных» непроцессуальных мероприятий тоже подлежат обличению в документальную форму (протоколы, акты и т.д.), тем самым приобретая внешнее сходство с «иными» документами письменного характера (очевидно, в той же степени, в которой этим сходством обладают протоколы следственных действий и судебного заседания). Однако сами по себе «иные» документы следует расценивать в качестве информационных ресурсов, выражающих сведения, сообщенные не субъектами познания, а какими-то «третьими» лицами, например, различными предприятиями, учреждениями, организациями и т.д. Тогда как документальные материалы оперативно-розыскных или административных мероприятий формируют должностные лица правоохранительных органов в рамках непроцессуальных, но тем не менее достаточно близких к уголовному судопроизводству познавательных процедур[449]. Безусловно, оперативный сотрудник или

[449] По мнению М.П. Полякова уголовный процесс и оперативно-розыскная деятельность вообще являются элементами единой кримкогнитивной системы. См.: *Поляков М.П.*

лицо, осуществляющее административную деятельность, не является субъектом процессуального познания; эта прерогатива принадлежит исключительно суду, дознавателю или следователю. Но указанные лица в силу своих профессиональных функций не могут быть полностью лишены возможности установления отдельных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Другими словами, в контексте уголовно-процессуального познания их нельзя отождествлять с должностными лицами – составителями «иных» документов, не имеющими к данному уголовному делу никакого отношения. Кстати, подтверждением правильности нашей позиции выступает ст. 89 УПК РФ, которая как бы специально выделяет результаты оперативно-розыскной деятельности из всей остальной информации, то есть придает им особое значение для уголовного дела. Если бы законодатель относился к ним наравне с другими документальными сведениями, исходящими от «третьих» лиц, и предполагал их приобщение к делу в качестве «иных» документов, то ст. 89 УПК РФ не имела бы никакого смысла. Использование таких материалов в этом случае полностью вписывалось бы в режим, установленный ст. 84 УПК РФ, и дополнительной нормативной регламентации не требовало.

Вместе с тем в ходе «невербальных» оперативно-розыскных или административных мероприятий вполне могут быть изъяты или каким-то иным образом получены определенные документы, подпадающие под гипотезу ст. 84 УПК РФ. В таких случаях их приобщение к материалам уголовного дела в качестве «иных» документов представляется совершенно справедливым.

Допрос оперативного сотрудника или лица, осуществляющего административную деятельность, также не может подменять собой результатов «невербальных» непроцессуальных мероприятий по причине полной противоположности их познавательной сущности. Ранее мы отмечали, что любые показания следует разграничивать с результатами «невербальных» следственных и

Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности. – Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2001. – С. 219.

судебных действий как гетерогенные гносеологические категории, диаметрально отличающиеся друг от друга различными способами получения значимой для уголовного дела информации – вербальным и «невербальным». Очевидно, что указанная концепция вполне применима и к результатам «невербальных» непроцессуальных мероприятий.

Хотя справедливости ради следует отметить, что на данную проблему можно посмотреть несколько в ином ракурсе. Так, результаты «невербального» познания, то есть мысленные образы, которые сформированы в сознании субъекта, воспринимающего материальные фрагменты объективной реальности, подлежат обязательному закреплению в соответствующем протоколе или акте посредством условно-знаковой (словесной) передачи информации. Но ведь допрос тоже характеризуется передачей лицом (например, свидетелем) сформированных в его сознании мысленных образов в условно-знаковой (словесной) форме с последующей их фиксацией в протоколе. Следовательно, если свидетель ранее сам являлся субъектом познания, например, оперативным работником, то между этими двумя формами подачи информации нет никакой сущностной разницы? И стало быть, результаты «невербальных» непроцессуальных мероприятий вполне могут быть отражены в уголовном деле как свидетельские показания?

Нет, это не совсем так. Разница между ними заключается в том, что в процессе производства «невербального» оперативно-розыскного или административного мероприятия субъект познания фиксирует в протоколе или акте свои мысленные образы непосредственно в момент их возникновения или сразу после. Такой порядок обуславливает достаточно высокую степень достоверности и адекватности письменно изложенных сведений. Тогда как при последующем допросе свидетель (бывший субъект познания) описывает возникшие ранее мысленные образы по прошествии определенного времени. Поэтому степень достоверности и адекватности подобных сведений намного ниже. Человек вполне может забыть или неправильно запомнить какие-то фрагменты объективной реальности; мысленные образы, сформированные в ходе проведения

различных познавательных мероприятий, могут в его сознании наложиться один на другой и т.д. В этой связи уместно вспомнить приводимую ранее позицию Н.И. Порубова о невозможности получения дознавателем, следователем, судом из свидетельских показаний такого ясного и правильного представления о происшедшем, как будто они сами были свидетелями произошедшего[450]. Это обстоятельство нами расценивалось в качестве существенного недостатка вербального способа познания в уголовном судопроизводстве. Кстати, невозможность подмены результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий допросом соответствующего сотрудника, видимо, обусловливают те же причины, что и порождают запрет на подмену оглашения материалов следственных действий в зале судебного задевания в порядке ст. 285 УПК РФ допросом в качестве свидетеля соответствующего следователя или дознавателя.

Если же использовать практику простого переписывания оперативно-розыскных или административных материалов в протокол допроса свидетеля, то данные сведения можно считать показаниями лишь сугубо формально. Фактически это будет не допрос, предполагающий получение сведений о мысленных образах, сформированных в сознании свидетеля, а лишь некий «правовой суррогат». Дознаватель, следователь или суд станут в этом случае «допрашивать» не свидетеля, а протокол или акт соответствующего непроцессуального мероприятия, что будет противоречить самой сути допроса как следственного действия. Поэтому все подобные случаи следует расценивать исключительно как незаконные приемы.

Кроме того, допрос оперативного сотрудника или лица, осуществляющего административную деятельность, вообще направлен не на превращение непроцессуальной информации в доказательство, а на формирование органом дознания, следователем или судом нового, отдельного доказательства – показаний свидетеля, предметом которых будут не фрагменты объективной реальности,

---

[450] См. *Порубов Н.И.* Допрос в советском уголовном процессе … С. 8–9.

являющиеся отражением познаваемого события, а обстоятельства его участия в проведении соответствующих оперативно-розыскных или административных мероприятий. Подобная позиция фактически находит поддержку в одном из решений Верховного Суда РФ, отметившего, что практика допроса оперативных работников в качестве свидетелей несостоятельна, поскольку названные лица не являлись свидетелями факта преступления, а принимали участие в расследовании дела[451]. Этой же точки зрения придерживаются и некоторые ученые-процессуалисты[452].

Таким образом, сведения, полученные оперативными сотрудниками или субъектами административной деятельности в результате «невербальных» оперативно-розыскных или административных мероприятий, на наш взгляд, могут найти свое процессуальное отражение лишь в тех доказательствах, которые по своей гносеологической природе соответствуют доказательствам, подпадающим под контекст ст. 83 УПК РФ. Прямое использование данной правовой нормы для процессуального закрепления результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий представляется невозможным, поскольку они не являются следственными действиями, проводятся вне процессуальной формы и к тому же лицами, не являющимися субъектами доказывания по уголовному делу. В этой связи возможен лишь один реальный выход из сложившейся ситуации. Он заключается в изменении отношения законодателя к процессуальному режиму введения результатов оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов в процесс доказывания по уголовному делу. Представляется, что не существует никаких реальных препятствий для обеспечения возможности прямого, непосредственного использования этих материалов в качестве доказательств.

---

[451] Кассационное определение судебной коллегии Верховного Суда РФ от 8 августа 2004 г. № 41-004-8СП. // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2006. – № 1. – С. 25.

[452] Например: *Смолькова И.В.* Допрос оперативных сотрудников в суде и его доказательственное значение // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. – Вып. 1 (4). – Иркутск: БГУЭП, 2013. – С. 104–112.

Выражая данную позицию, следует обратить внимание, что она не характеризуется исключительной новизной. Отдельные ученые, занимающиеся этой проблематикой, уже предлагали подобные подходы к решению проблемы использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности. Одним из первых этот вопрос поднял М.П. Поляков. Автор пишет, что результат оперативно-розыскной деятельности есть готовый информационный продукт, нуждающийся не в трансформации, а в интерпретации[453]. В свою очередь, В.М. Бозров приравнивает механизм проведения оперативно-розыскной деятельности и получения ее результатов непосредственно органом дознания к механизму идентичного следственного действия. По его мнению, остается только включить все результаты оперативно-розыскной деятельности в число доказательств в уголовно-процессуальном законе[454]. В.А. Лазарева, солидаризируясь с мнением М.П. Полякова, указывает, что результаты таких оперативно-розыскных мероприятий, как оперативный эксперимент, проверочная закупка, контролируемая поставка, никакому преобразованию не поддаются. Они либо принимаются, либо не принимаются в зависимости от того, законно или незаконно само проведение оперативно-розыскного мероприятия, соблюден или нет предусмотренный соответствующим законом его правовой режим[455].

Однако мы не можем полностью согласиться с подобными позициями по следующим причинам. Так, В.М. Бозров необоснованно расширяет перечень оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых могут служить уголовно-процессуальными доказательствами. Включая в этот перечень все оперативно-розыскные мероприятия, автор как бы по умолчанию относит к ним и те, которые обусловлены вербальным методом познания. Вместе с тем мы полагаем, что результаты данных мероприятий сами по себе не могут являться уголовно-процессуальными доказательствами, поскольку в их основе лежат

---

[453] *Поляков М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности … С. 220.

[454] *Бозров В.М.* Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. – 2004. – № 4. – С. 46–48.

[455] *Лазарева В.А.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе … С. 201.

процедуры, не обеспеченные достаточными правовыми гарантиями доброкачественности. Например, наиболее распространенное оперативно-розыскное мероприятие – опрос – проводится без возможности лица пригласить своего защитника или адвоката, без разъяснения потенциальному свидетелю или потерпевшему норм уголовного закона, предусматривающих ответственность за отказ от дачи показаний, за дачу заведомо ложных показаний и т.д. Исследование предметов и документов как оперативно-розыскное мероприятие также не позволяет создать тот уровень процессуальных гарантий, который присущ судебной экспертизе. В частности, не предусмотрена возможность заинтересованных лиц ставить перед специалистом свои вопросы, ходатайствовать о выборе определенного экспертного учреждения; отсутствует процедура отвода специалиста; не предусмотрена обязанность предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложные выводы и т.д. В этой связи нельзя не согласиться с В.В. Абрамочкиным, считающим, что результаты оперативно-розыскной деятельности, сходные по содержанию со следственными действиями, могут использоваться в доказывании, только если их невозможно получить следственным путем[456]. Представляется, что в процессе доказывания по уголовным делам напрямую, то есть без преобразования в доказательства, предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ, могут быть использованы лишь те результаты оперативно-розыскных мероприятий, которые не обладают свойством воспроизводимости, то есть не могут быть повторно получены дознавателем, следователем или судом в процессе расследования или судебного разбирательства уголовного дела. А в основе таких мероприятий как раз и лежит «невербальный» способ познания, связанный с непосредственным восприятием оперативным работником обстоятельств объективной реальности, имеющих значение для последующего уголовного дела. В.А. Лазарева же, наоборот, необоснованно сужает перечень тех оперативно-розыскных мероприятий, результаты которых могут расцениваться как уголовно-процессуальные доказательства, относя к ним лишь оперативный

[456] *Абрамочкин В.В.* Использование результатов негласных ОРМ в уголовном судопроизводстве: позиция Конституционного Суда РФ // Уголовный процесс. – 2011. – № 1. – С. 23

эксперимент, проверочную закупку и контролируемую поставку. Вместе с тем автор забывает о таких «невербальных» мероприятиях, как, например, наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений или прослушивание телефонных переговоров. Кроме того, вышеприведенные позиции касаются возможности использования в процессе доказывания исключительно результатов оперативно-розыскной деятельности. Тогда как, по нашему мнению, в этот круг должны войти и результаты административной деятельности.

Что же касается упомянутых ранее сведений, полученных частными детективами, детективными, охранными агентствами и т.п., то их прямое введение в уголовный процесс является недопустимым. На наш взгляд, законодательство о частной детективной и охранной деятельности, предполагая возможность сбора сведений по уголовным делам (п. 7 ч. 2 ст. 3 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации»[457]), не содержит и в принципе не может содержать никаких действенных гарантий доброкачественности соответствующих познавательных результатов. Тем более частных детективов, представителей частных охранных предприятий и т.п. вряд ли можно считать такими же равноценными субъектами познания, какими являются оперативные сотрудники и субъекты административной деятельности, то есть лица, специально уполномоченные государством на осуществление правоохранительных функций.

Итак, резюмируя все вышеизложенное, мы приходим к выводу, что единственный вариант решения проблемы использования в доказывании «невербальных» результатов оперативно-розыскной и административной деятельности заключается в легализации механизмов их прямого, непосредственного введения в уголовный процесс без необходимости какого-то мнимого процессу-

[457] Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями.

ального оформления. По крайней мере еще ни одному специалисту, работающему в данном направлении, не удалось сконструировать какой-либо иной действенный и эффективный способ формирования доказательств, основанных на сведениях, полученных в ходе непроцессуальных мероприятий. Сегодня отрицать возможность прямого использования в доказывании результатов «невербальных» оперативно-розыскных или административно-правовых мероприятий абсолютно бессмысленно. Наоборот, их необходимо узаконить, придать им более правовой характер. В качестве некой научной метафоры здесь уместно привести слова известного американского специалиста в области психологии и механизмов функционирования власти Р. Грина. В своей знаменитой книге «48 законов власти» он писал: «При любой возможности постарайтесь заключить мир с врагом и найдите способ привлечь его к себе на службу»[458]. Представляется, что в переносном смысле этот тезис вполне применим к легализации результатов невербальных оперативно-розыскных и административных мероприятий в уголовном процессе. Что же касается возможных фальсификаций и злоупотреблений в этом сегменте процессуального познания – пишет В.М. Бозров, – то они не исключаются и при следственных действиях. Автор считает, что нужно постараться свести вероятность подобных явлений до минимума посредством уголовных и уголовно-процессуальных гарантий[459].

Полагаем, что для использования в процессе доказывания по уголовным делам соответствующих результатов сами «невербальные» оперативно-розыскные и административные мероприятия должны быть возведены в такой правовой режим, который бы в последующем позволил дознавателю, следователю или суду проверить их доброкачественность, в частности условия соблюдения прав и свобод личности при их осуществлении. В этой связи В.А. Лазарева совершенно справедливо отмечает, что для признания результатов оперативно-розыскных мероприятий допустимыми для уголовного дела доказательствами

---

[458] *Грин Р.* 48 законов власти / пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. – М.: Рипол Классик, 2003. – С. 246.

[459] *Бозров В.М.* Результатам ОРД – статус доказательств // Законность. – 2004. – № 12. – С. 24–25.

необходимо, чтобы предоставляемый законодательством об оперативно-розыскной деятельности уровень гарантий прав личности был не меньшим, чем уровень гарантий, предоставляемый УПК РФ. К законности же самой оперативно-розыскной деятельности не могут предъявляется меньшие требования, чем к законности деятельности процессуальной. В противном случае само существование уголовно-процессуального права с его жесткой правовой регламентацией теряет практический смысл[460]. В свою очередь, Н.А. Громов, В.В. Лисовенко и А.Н. Гущин считают, что необходимым правовым условием применения результатов оперативно-розыскной деятельности в процессе доказывания по уголовному делу является обеспечение безопасности источников, достоверности, относимости и проверяемости результатов оперативно-розыскных мероприятий[461]. О проверяемости таких результатов как о необходимом условии их допустимости также пишут В.М. Бозров[462] и В.С. Балакшин[463].

К сожалению, в настоящее время правовая регламентации «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий оставляет желать лучшего. Условия и порядок проведения некоторых из них прописаны в законе лишь фрагментарно, а для некоторых – и вовсе отсутствуют. В части оперативно-розыскной деятельности мы совершенно согласны с Я.М. Мазуниным, отмечающим, что неопределенность в данном вопросе вынуждает сотрудников оперативно-розыскных подразделений самостоятельно искать способы, позволяющие дать правовые гарантии допустимости полученных ими сведений, либо использовать накопленный опыт, который, к сожалению, часто противоречит законодательству. Он же указывает, что имеющиеся здесь законодательные пробелы порождают «процессуальные суррогаты», которые вместо усиле-

---

[460] *Лазарева В.А.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе … С. 201–201.

[461] *Громов Н.А., Лисовенко В.В., Гущин А.Н.* Оценка доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Следователь. – 2003. – № 3. – С. 17–19.

[462] *Бозров В.М.* Результатам ОРД – статус доказательств … С. 24.

[463] *Балакшин В.С.* К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам … С. 73–74.

ния доказательственного значения оперативно-розыскных мероприятий дискредитируют их в глазах правосудия[464]. Представляется, что подобное положение дел как раз и вызывает то негативное отношение к их использованию в процессе доказывания, которое на сегодняшний день вытекает из текста уголовно-процессуального закона и которого придерживаются многие ученые-процессуалисты. Поэтому для реализации наших предложений, связанных с возможностью придания результатам оперативно-розыскных и административных мероприятий статуса полноценных доказательств, в будущем предстоит большая работа по формированию соответствующей нормативно-правовой базы и внесению целой серии дополнений в оперативно-розыскное и административное законодательство. Мы солидарны с С.В. Зуевым, также поддерживающим идею использования результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств, но при условии изменения действующего законодательства в целях более четкой регламентации этого вопроса[465].

Итак, исходя из возможности прямого использования в процессе доказывания результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий, нам представляется необходимым внесение некоторых дополнений в гл. 10–11 УПК РФ. Во-первых, следует дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 6.1, предполагающим признание отдельным видом доказательств результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий. Во-вторых, требуется дополнить гл. 10 УПК РФ новой статьей 84.1, определяющей правовые условия и порядок приобщения к уголовному делу результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий. Этой же процессуальной нормой предлагается закрепить перечень таких мероприятий, чтобы исключить возможность неправильного применения уголовно-процессуального законодательства и тем более злоупотреблений в

---

[464] *Мазунин Я.М.* Использование результатов ОРД в доказывании нуждается в законодательной регламентации … С. 44.

[465] *Зуев С.В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств … С. 97.

данном сегменте доказывания. Мы полагаем, что к ним следует отнести: 1) «невербальные» оперативно-розыскные мероприятия, а именно: наблюдение, обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств, прослушивание телефонных переговоров, снятие информации с технических каналов связи, контролируемую поставку и оперативный эксперимент; 2) «невербальные» административные мероприятия, а именно: административный осмотр и досмотр, освидетельствование и изъятие вещей и документов. Вопрос о дополнении этого перечня какими-либо новыми формами непроцессуальной деятельности требует самостоятельного исследования, поэтому в данной работе не поднимается. В-третьих, необходимо дополнить ст. 86 УПК РФ частью 1.1, регламентирующей возможность собирания доказательств посредством представления результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий в орган дознания, следователю или в суд. Сформулированные нами предложения не связаны с необходимостью внесения изменений в ст. 89 УПК РФ, запрещающую использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности, которые не отвечают требованиям, предъявляемым к доказательствам самим Кодексом. Ввиду предлагаемых нами законодательных новаций такие изменения представляются излишними.

И наконец, в завершение следует отметить, что прямое использование в процессе доказывания по уголовному делу результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий допустимо лишь в том случае, если эти результаты подтверждаются иными собранными по делу доказательствами. Разрешение уголовного дела по существу на основании одних только результатов непроцессуальной деятельности является недопустимым.

ГЛАВА 3
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ «НЕВЕРБАЛЬНЫХ» СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ

§ 3.1. Следственные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела

Различные аспекты проведения следственных действий в уголовном судопроизводстве традиционно являлись и продолжают оставаться предметом бурных дискуссий. Причем вплоть до настоящего времени в науке даже не сложилось единого мнения относительно их понятия и сущности. Позиции ученых разнятся и по поводу перечня следственных действий, а также по целому ряду других связанных с ними вопросов. Указанные теоретические проблемы невольно обуславливают множество пробелов и недочетов в нормативной регламентации как уголовного судопроизводства в целом, так и следственных действий в частности. Принятый в 2001 году Уголовно-процессуальный кодекс РФ, устранив некоторые из них, одновременно привел к появлению многих других. Поэтому нет ничего удивительного, что в настоящее время в следственной и судебной практике наблюдаются серьезные затруднения в ходе производства следственных действий, проверки и оценки их результатов. В этой связи представляется целесообразным продолжение научных исследований, направленных на изучение феномена следственных действий в уголовном судопроизводстве, в целях возможной оптимизации уголовно-процессуального законодательства и соответствующей практической деятельности. Причем наиболее важным вопросом, подлежащим первостепенному разрешению, является вопрос об уголовно-процессуальной и гносеологической сущности следственных действий в контексте их познавательной направленности.

Итак, что же представляют из себя следственные действия в уголовном судопроизводстве РФ? Какова их сущность? Отвечая на данный вопрос, сразу следует обратить внимание на отсутствие законодательно закрепленной дефи-

ниции следственных действий. И это несмотря на то, что Уголовно-процессуальный кодекс РФ, по нашим подсчетам, употребляет термин «следственное действие» в том или ином контексте 178 раз! Кроме того, этот же термин используется в ст. 200.1 Уголовного кодекса РФ, в ст. 77.1 Уголовно-исполнительного кодекса РФ[466], в ст. 69 Кодекса торгового мореплавания РФ[467], в ст. 64 Федерального закона «О связи»[468], в ст. 12 Федерального закона «О полиции», в ст. 13 Федерального закона «О Федеральной службе безопасности»[469] и еще в целом ряде корреспондирующихся с УПК РФ законов и иных нормативно-правовых актов. В этой связи мы полностью согласны с З.В. Макаровой, которая пишет, что отсутствие данного понятия в УПК РФ трудно объяснить[470]. И тем не менее подобного легального определения следственных действий нет ни в ст. 5 УПК РФ, ни в других правовых нормах. Хотя вообще действующий Уголовно-процессуальный кодекс РФ просто изобилует другими, кстати, далеко не всегда необходимыми дефинициями.

Более того, сущность следственных действий не может быть определена и из самого смысла закона. Сопоставление различных положений УПК РФ как бы исключает возможность единообразного понимания следственных действий в системе уголовно-процессуального регулирования. Применительно к разным ситуациям под ними фактически предполагаются различные правовые категории. Так, например, в контексте ч. 1 ст. 86 УПК РФ можно предположить, что следственные действия имеют сугубо познавательный характер и направлены на собирание доказательств. Вместе с тем ч. 2 ст. 164 и ч. 1 ст. 165 УПК РФ,

---

[466] Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ с последующими изменениями и дополнениями.

[467] Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ с последующими изменениями и дополнениями.

[468] Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» с последующими изменениями и дополнениями.

[469] Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» с последующими изменениями и дополнениями.

[470] *Макарова З.В.* Доказательства в уголовном судопроизводстве // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Ч. 2. – Екатеринбург: Уральский университет, 2005. – С. 44.

устанавливая судебный порядок получения разрешения на производство следственных действий, включают в их перечень наложение ареста на имущество, которое одновременно является мерой уголовно-процессуального принуждения. А ч. 3.1 ст. 165 УПК РФ к следственным действиям вообще относит порядок реализации и уничтожения вещественных доказательств[471]. В ч. 1–2 ст. 215 УПК РФ под окончанием следственных действий законодатель, очевидно, имеет ввиду завершение любых действий следователя, составляющих содержание предварительного расследования и т.д. Кстати, на наш взгляд, примерно такой же смысл вкладывается и в определение неотложных следственных действий, под которыми, видимо, следует понимать всю осуществляемую органом дознания процессуальную деятельность до момента передачи уголовного дела следователю (п. 19 ст. 5, ч. 1–3 ст. 157 УПК РФ).

Отсутствие единообразного легального определения следственных действий неизбежно обуславливало и продолжает обуславливать различные точки зрения, высказываемые по данному поводу в научных и учебно-методических публикациях. Несмотря на то что проблематика следственных действий традиционно привлекала к себе повышенное внимание как советских, так и современных процессуалистов и криминалистов, тем не менее какие-либо единые, общепризнанные подходы в отношении их сущности наукой до настоящего времени не выработаны. Вместе с тем мы не можем не согласиться с С.А. Шейфером, считающим, что все имеющиеся здесь научные позиции можно условно разделить на две традиционные группы – предполагающие трактование термина «следственные действия» в широком либо в узком смысле[472].

---

[471] По справедливому замечанию В.В. Кальницкого, подобная законодательная новация породила процессуальную шутку: «Следственное действие – это процессуальное действие по собиранию и уничтожению доказательств». См.: *Кальницкий В.В.* Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 33.

[472] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 5–6. *Он же.* Система следственных действий: каковы пути ее развития // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 5.

Широкий смысл охватывает все процессуальные действия следователя (дознавателя), невзирая на их цели и задачи. В частности, И.М. Лузгин под следственными действиями понимал: а) действия, посредством которых осуществляется собирание, проверка и исследование доказательств; б) действия, посредством которых регулируется процесс расследования, определяются его границы, сроки и порядок проведения; в) действия, связанные с предъявлением всего производства по делу соответствующим участникам процесса[473]. Близкие взгляды прослеживаются в работах М.А. Чельцова[474], А.М. Ларина[475], И.Ф. Герасимова[476], Г.Г. Доступова[477], А.П. Кругликова[478] и некоторых других авторов.

Узкий подход к сущности следственных действий связывает их с направленностью на достижение определенных задач уголовного судопроизводства. Сторонники данного подхода, как правило, отождествляют следственные действия с собиранием новых или проверкой имеющихся доказательств. Так, в частности, А.Н. Гаврилов, С.П. Ефимичев, В.А. Михайлов и П.М. Туленков в своей коллективной монографии, посвященной рассматриваемой проблематике, писали о следственных действиях как о совокупности операций и приемов, которые осуществляются при расследовании преступлений для обнаружения, фиксации и проверки фактических данных, имеющих значение доказательств по уголовному делу[479]. В свою очередь, Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин под следственными действиями подразумевали те процессуальные действия,

---

[473] *Лузгин И.М.* Расследование как процесс познания … С. 58–59.

[474] *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. – М.: Госюриздат, 1962. – 270.

[475] *Ларин А.М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация. – М. Юрид. лит. – 1970. – С. 147–148.

[476] *Герасимов И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений. Свердловск: Среднеуральское книжное издательство, 1975. – С. 69; *Он же.* Теоретические проблемы раскрытия преступлений: автореф. дис. … д.ю.н. – М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979. – С. 26.

[477] *Доступов Г.Г.* Информационно-доказательственный процесс и психологически основы деятельности следователя: автореф. дис. … д.ю.н. – СПб.: СПбГУ, 1992. – С. 17.

[478] *Кругликов А.П.* Неотложные следственные действия // Уголовное право. – 2004. – № 3. – С. 93–94.

[479] *Гаврилов А.Н., Ефимичев С.П., Михайлов В.А., Туленков П.М.* Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1975. – С. 5.

при помощи которых обнаруживаются, закрепляются и проверяются доказательства. При этом они уточняли, что если каждое следственное действие непременно является процессуальным, то не всегда бывает наоборот: существует ряд процессуальных действий, которые не относятся к числу следственных в тесном смысле слова[480]. С.А. Шейфер определяет следственное действие как комплекс регламентированных уголовно-процессуальным законом и осуществляемых следователем (судом) поисковых, познавательных и удостоверительных операций, соответствующих особенностям следов определенного вида и приспособленных к эффективному отысканию, восприятию и закреплению содержащейся в них доказательственной информации[481]. Похожие научные позиции можно встретить в работах И.Е. Быховского[482], Н.С. Алексеева, В.Г. Даева и Л.Д. Кокорева[483], А.Б. Соловьева[484], В.А. Семенцова[485], А.В. Смирнова и К.Б. Калиновского[486], В.М. Быкова[487], Е.С. Комиссаренко[488]и целого ряда других авторов.

Данный подход нам представляется более рациональным, поскольку он как бы выделяет следственные действия из всей массы других форм реализации следователем своих процессуальных полномочий, наполняет их конкретным

---

[480] *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Юрид. лит., 1965. – С. 108–109.

[481] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 38.

[482] *Быховский И.Е.* Развитие процессуальной регламентации следственных действий // Советское государство и право. – 1972. – № 4. – С. 108.

[483] *Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев Л.Д.* Очерк развития науки советского уголовного процесса. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1980. – С. 186.

[484] *Казинян Г.С., Соловьев А.Б.* Проблемы эффективности следственных действий … С. 21; *Соловьев А.Б.* Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России: науч.-практич. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2002. – С. 53; *Он же.* Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 36.

[485] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 26; *Семенцов В.А., Нагоева М.А.* Процессуальные полномочия следователя в досудебном производстве. – Краснодар: ООО «Просвещение-Юг», 2010. – С. 66.

[486] *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Следственные действия в российском уголовном процессе: учеб. пособие для студентов. – СПб.: СПбГИЭУ, 2004. – С. 4.

[487] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 151.

[488] *Комиссаренко Е.С.* Следственные действия в уголовном процессе России: дис. … к.ю.н. – Саратов: СЮИ МВД России, 2005. – С. 43–44.

правовым смыслом. Тогда как широкий подход, относящий к следственным действиям любые формы поведения следователя, наоборот, размывает сущность этих процессуальных механизмов. Более того, он приводит к абсолютной бессмысленности их дальнейшего самостоятельного изучения, поскольку фактически предполагает отождествление системы следственных действий со всей системой досудебного производства (за исключением контрольных и надзорных механизмов со стороны руководителя следственного органа, начальника подразделения дознания, прокурора и суда) и, таким образом, лишает категорию «следственные действия» какой-либо научной автономности. Кстати, целесообразность использования не широкого, а именно узкого подхода вполне подтверждается целым рядом положений уголовно-процессуального закона, например, п. 32 ст. 5 УПК РФ, предполагающим проведение не только следственных (судебных), но и иных процессуальных действий.

Вместе с тем, невзирая на общую целесообразность и разумность узкого подхода к сущности следственных действий в уголовном судопроизводстве, он имеет самый общий, не конкретизированный характер. Более тщательный анализ существующих теоретических воззрений по рассматриваемой проблеме показывает большую разницу между ними, проявляющуюся в деталях. Говоря об отдельных признаках следственных действий, ученые вкладывают в них совершенно различное содержание, обуславливающее отнесение к системе следственных действий весьма разных по своей природе уголовно-процессуальных приемов и процедур. Поэтому для определения сущности следственных действий необходимо остановиться на рассмотрении каждого из этих признаков более подробно.

1. Первый сущностный признак следственного действия, безусловно, заключается в его процессуальном характере, в его обязательной регламентации в УПК РФ. Очевидность данного признака, по нашему мнению, не может вызывать никаких сомнений, поскольку обратное делало бы невозможным использование в процессе доказывания полученных таким образом результатов.

В этой связи нельзя не согласиться с А.С. Князьковым, что установленная законом правовая регламентация следственных действий придает уголовному процессу стабильность, необходимую для достижения его целей и задач[489]. Именно процессуальная форма следственных действий устанавливает надлежащий уровень правовых гарантий, необходимых для признания доброкачественности их результатов. Как уже отмечалось, п. 32 ст. 5 УПК РФ прямо относит следственные действия к разновидности процессуальных. На процессуальный характер следственных действий указывает и ч. 1 ст. 86 УПК РФ, содержащая формулировку «…следственных и иных процессуальных действий, предусмотренных настоящим Кодексом». И именно этим признаком следственные действия отличаются от внешне схожих с ними оперативно-розыскных и административных мероприятий, например, следственный осмотр – от досмотра, допрос – от опроса, обыск – от обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и т.д.

Отдельные авторы еще более усиливают данный признак, выдвигая в своих работах тезис о необходимости наличия в законе детальной регламентации процедуры каждого следственного действия[490]. Именно подобной детальной регламентацией – пишет Е.Г. Ларин – следственные действия и отличаются от розыскных действий следователя, в том числе имеющих познавательный характер (истребование, представление)[491]. Некоторые специалисты указывают на необходимость детальной процессуальной регламентации следственных дей-

---

[489] *Князьков А.С.* Признаки и система следственных действий // Вестник Томского госуниверситета. – 2011. – № 352. – С. 132.

[490] Например: *Чувилев А.А. Добровольская Т.Н.* Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. Вопросы методики чтения проблемных лекций по особенной части: учеб.-методич. материал. – М.: МВШМ, 1986. – С. 33; *Кальницкий В.В.* Следственные действия: учеб.-методич. пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2001. – С. 18.

[491] *Ларин Е.Г.* Профессор А.А. Чувилев о понятии и признаках следственного действия // Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А.А. Чувилева: сб. статей. – Омск: Омская академия МВД России, 2001. – С. 105.

ствий как на гарантию соблюдения прав и свобод личности, а также единообразного и объективного подхода к фиксации получаемых сведений[492]. Вместе с тем, все подобные позиции лишены какой-либо целесообразности. По нашему мнению, любой акт уголовно-процессуальной деятельности, а не только следственное действие должен предполагать определенную степень формализации, то есть иметь четко установленную законом процедуру. Именно наличие такой процедуры является важнейшим признаком той самой процессуальной формы, которая, собственно, говоря, и позволяет выделять любые процессуальные действия из общей массы мероприятий, осуществляемых судебными и правоохранительными органами[493]. И если законодатель почему-то уклоняется от регламентации процедурных правил некоторых упоминаемых в тексте УПК РФ действий, то, на наш взгляд, данный факт следует расценивать не как критерий для разделения следственных и иных процессуальных действий, а исключительно как недоработку самого законодателя.

Однако следует обратить внимание на весьма различную степень формализации тех или иных следственных действий. В отношении некоторых из них предусмотрены достаточно жесткие правила производства. Например, при проведении следственного осмотра, обыска, выемки или допроса законодатель регламентирует буквально каждый шаг следователя или дознавателя. Тогда как производство следственного эксперимента или проверки показаний на месте носит более свободный характер, подчиняясь преимущественно принципам уголовного судопроизводства и общим правилам проведения следственных действий.

2. Еще один сущностный признак следственного действия связан с субъектами, уполномоченными на его проведение. Забегая вперед, сразу обратим

---

[492] *Стельмах В.Ю.* Понятие и отличительные признаки следственных действий // СПС «КонсультантПлюс».

[493] Подробнее об этом см., например: *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности по советскому праву … С. 71; *Шпилев В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства. – Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1974. – С. 102–103; *Россинский С.Б.* Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития // Вестник Оренбургского госуниверситета. – 2006. – № 3. – С. 140–144.

внимание, что мы придерживаемся позиции о том, что единственным участником уголовного процесса, уполномоченным на производство следственного действия, включая осуществление всех процессуально-распорядительных полномочий, а также непосредственное познание обстоятельств уголовного дела, является исключительно следователь. Хотя при этом в понятие «следователь» мы вкладываем более широкий смысл, чем тот, который вытекает из системного единства п. 41 ст. 5 и ст. 38 УПК РФ. В контексте взаимосвязанных положений гл. 22, 24–27 УПК РФ термин «следователь» приобретает собирательный характер и помимо собственно следователя охватывает также дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя-криминалиста и руководителя следственного органа. В части производства следственных действий все эти лица выступают в качестве некой процессуальной альтернативы следователя; в вопросах непосредственного восприятия значимых для уголовного дела сведений их процессуальная роль и связанные с ней полномочия тождественны.

Высказанная нами позиция об исключительном нахождении следственных действий в непосредственном ведении следователя обуславливает их очевидный досудебный характер. По крайней мере, комплексный анализ УПК РФ демонстрирует отсутствие каких-либо полномочий следователя за пределами досудебных стадий уголовного судопроизводства или досудебного этапа возобновления производства по уголовному делу ввиду новых обстоятельств в порядке ч. 4 ст. 415 УПК РФ. Изучение специальной литературы позволяет констатировать, что ученые, осуществляющие свои изыскания в области следственных действий, в своем большинстве согласны с их досудебным характером и их проведением исключительно следователем. В частности, Н.А. Селиванов отмечал, что следственные действия помимо всего прочего должны быть направлены на решение основных задач предварительного расследования[494]. И.Е. Быховский писал о следственном действии как о виде познавательной деятельности, осуществляемой в стадии предварительного расследования, а

[494] *Селиванов Н.А.* Советская криминалистика: система понятий. – М.: Юрид. лит., 1982. – С. 94.

также при расследовании вновь открывшихся обстоятельств[495]. М.П. Гутерман, присоединяясь к позиции И.Е. Быховского, отдельно подчеркивал, что следственное действие – это вид деятельности следователя[496]. В.М. Быков подчеркивает, что следственные действия могут проводиться только уполномоченными законом участниками уголовного судопроизводства со стороны обвинения[497], то есть «следователем» в широком смысле этого слова. Вместе с тем еще целый ряд авторов пытается распространить сферу применения следственных действий как на досудебное, так и на судебное производство, наделив, таким образом, правом их проведения не только следователя, но и суд. Указанные позиции, в частности, выдвигаются в работах Г.А. Абдумаджидова[498], Ю.Н. Белозерова и В.В. Рябоконя[499], С.А. Шейфера[500], В.А. Семенцова[501], Д.С. Хижняка[502] и некоторых других специалистов.

С последней точкой зрения согласиться достаточно сложно. Полагаем, что распространение сферы применения следственных действий на судебные стадии уголовного процесса приведет в конечном счете к размыванию их процессуальной сущности и обусловит их смешение с действительно близкими по смыслу судебными процедурами, предусмотренными гл. 37 УПК РФ. Ведь вполне очевидно, что, например, допрос следственный и допрос судебный – действия однородные, направленные на получение показаний от соответствующих участников уголовного судопроизводства; в их основе лежат идентичные

---

[495] *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий … С. 9.

[496] *Гутерман М.П.* Организационные мероприятия следователя в процессе расследования преступлений: учеб. пособие. – М.: Академия МВД СССР, 1983. – С. 15.

[497] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 152.

[498] *Абдумаджидов Г.А.* Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование). – Ташкент: Узбекистан, 1986. – С. 111–112.

[499] *Белозеров Ю.Н., Рябоконь В.В.* Производство следственных действий: учеб. пособие. – М.: МССШМ МВД СССР, 1990. – С. 3.

[500] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 38.

[501] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 26.

[502] *Хижняк Д.С.* Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий (теоретический аспект): автореф. дис. … к.ю.н. – Саратов: СГАП, 2003. – С. 11.

способы восприятия субъектами познания обстоятельств объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела и формирования ими соответствующих мысленных образов. Подобную аналогию можно провести и в отношении следственного и судебного осмотра, освидетельствования, эксперимента, предъявления для опознания. Однако при этом также вполне ощутима и разница между ними. Следственные действия производятся односторонне, лицом, осуществляющим уголовное преследование при соблюдении общих условий предварительного расследования (о чем совершенно справедливо пишет вышеупомянутый В.М. Быков). Тогда как близкие им по своей познавательной природе судебные действия проводятся судом в условиях гласности, процессуального равенства и состязательности сторон. Вполне естественно, что все эти факторы, обуславливающие современные механизмы реализации судебной власти, просто не могут не отразиться на процессуальных особенностях действий, предусмотренных гл. 37 УПК РФ. Не случайно их производство регламентировано законом отдельно от следственных действий[503]. И, кстати, именно поэтому те из них, порядок проведения которых урегулирован отсылочными нормами (например, ст. 288–290 УПК РФ), вызывают большое недопонимание и множество практических вопросов.

Смешение следственных и судебных действий, по нашему мнению, таит в себе еще одну опасность, заключающуюся в возможности неправильного толкования и, следовательно, применения ст. 83 УПК РФ «Протоколы следственных действий и судебного заседания». В этой связи следует напомнить, что выше мы уже предлагали именовать данный вид доказательств не протоколами, а результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Однако подобные идеи пока еще не получили законодательной поддержки. Действующая же формулировка ст. 83 УПК РФ при условии смешения следственных и судебных действий может вызвать большую процессуальную путаницу, особенно в части доказательственного значения протокола судебного заседания.

[503] *Комиссаренко Е.С.* Следственные действия в уголовном процессе России … С. 33.

Поэтому необходимо четко разграничивать следственные действия, проводимые следователем в досудебном производстве, и близкие им познавательные действия, предусмотренные для судебного заседания. Последние целесообразно называть не следственными, а судебными действиями; к исследованию их сущности мы вернемся в 4-й главе настоящей работы.

Рассматривая вопросы, связанные с непосредственным нахождением следственных действий в ведении следователя, необходимо обратить внимание на дискуссию по поводу включения в их систему судебных экспертиз. В настоящее время в науке можно выделить две основные точки зрения по этому поводу. Первая из них заключается в том, что судебная экспертиза является хотя и специфическим, но тем не менее следственным действием. В частности, такая позиция прослеживается в работах Г.А. Абдумаджидова[504], И.Е. Быховского[505], Ю.К. Орлова[506], В.М. Быкова[507], В.А. Семенцова[508] и еще целого ряда других ученых. Она же присутствует и во многих современных учебниках по уголовно-процессуальному праву[509]. В этой связи Е.А. Зайцева пишет, что деятельность эксперта является неотъемлемой частью следственного действия – назначения и производства экспертизы, которая в свою очередь, представляет собой сложное действие, включающее в себя комплекс процессуальных действий следователя и лиц, вовлекаемых в процесс получения доказательства – заключения эксперта[510]. Отдельные специалисты к следственным действиям относят не всю

---

[504] *Абдумаджидов Г.А.* Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование) … С. 116.

[505] *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий… С. 15.

[506] *Орлов Ю.К.* Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве. – М.: ИПК РФЦСЭ, 2005. – С.10.

[507] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 187.

[508] *Семенцов В.А.* Следственные действия: учеб. пособие … С. 78.

[509] Например: Уголовный процесс: учебник / под ред. В.П. Божьева. – 3-е изд. – М.: Спарк, 2002. – С. 334; Уголовный процесс: учебник / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой… С. 256; Уголовный процесс: учебник. / под ред. А.П. Гуськовой, А.В. Ендольцевой. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. – С. 328; Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова … С. 424 и т.д.

[510] *Зайцева Е.А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства. М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 102.

судебную экспертизу в целом, а лишь процедуру ее назначения[511]. В обоснование подобной позиции О.Я. Баев отмечает, что сама по себе экспертиза – лишь научное исследование представленных следователем объектов, предполагающее методику, а не тактику производства[512].

Представители противоположной точки зрения стараются, наоборот, развести следственные действия и судебную экспертизу как различные уголовно-процессуальные категории. Так, Ю.Г. Корухов отмечает, что судебная экспертиза – самостоятельная процессуальная форма получения новых и проверки (уточнения) имеющихся доказательств. Он же указывает, что судебную экспертизу как самостоятельное процессуальное действие характеризуют своеобразные формы назначения, производства и процессуального оформления[513]. Похожие мнения высказываются в работах В.Ю. Шепитько[514], С.Ф. Бычковой[515] и А.В. Кудрявцевой[516]. Кстати, ст. 9 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности»[517] определяет экспертизу не как следственное, а просто как процессуальное действие. Аналогичная трактовка содержится и в

---

[511] Например: *Соловьев А.Б.* Следственные действия на первоначальном этапе расследования преступлений: методич. пособие. – М.: НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1996. – С. 11; *Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г.* Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2001 г.): учеб. пособие. – М.: ЮИ МВД России, 2002. – С. 36; *Ульвачева И.И.* Повторные следственные действия: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты. – Воронеж: Истоки, 2006. – С. 16.

[512] *Баев О.Я.* Основы криминалистики: курс лекций. 2-е изд. – М.: Экзамен, 2003. – С. 206.

[513] *Корухов Ю.Г.* Судебная экспертиза в уголовном процессе: практич. пособие для экспертов и судей. – М.: Пресс Бюро, 2012. – С. 4; *Духно Н.А., Корухов Ю.Г. Михайлов В.А.* Судебная экспертиза по новому законодательству России (в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах) / под ред. Ю.Г. Корухова. – М. ЮИ МИИТа, 2003. – С. 6.

[514] *Шепитько В.Ю.* Криминалистика: курс лекций. – 3-е изд. – Харьков: Одиссей, 2009. – С. 236.

[515] *Бычкова С.Ф.* Судебная экспертиза: научные, организационно-правовые и методические основы. – Алматы: Жеті Жарғы, 2002. – С. 303.

[516] *Кудрявцева А.В.* Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права: автореф. дис. … д.ю.н. – СПб.: СПбУ МВД России, 2001. – С. 22.

[517] См. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями.

п. 10 ст. 1 проекта нового Федерального закона «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации»[518].

Достаточно интересную позицию по этому поводу занимает С.А. Шейфер, полагающий, что экспертизу в целом нельзя считать следственным действием ввиду несоответствия экспертной деятельности сложившемуся в науке представлению о следственном действии. Вместе с тем он считает, что было бы ошибкой считать экспертизу полностью автономной формой познания и отрывать познавательную деятельность следователя от познавательной деятельности эксперта, ибо они, взаимодействуя, образуют неразрывное единство (сложный познавательный и процессуальный комплекс). На основании изложенного С.А. Шейфер указывает на особое место, которое занимает судебная экспертиза в системе следственных действий, представляя собой длительную и опосредованную познавательную деятельность, направляемую следователем и осуществляемую экспертом по его заданию[519]. Очень близкого мнения придерживается и Ю.Л. Дяблова, которая говорит о существовании некоего комплексного следственно-экспертного действия «Назначение и производство судебной экспертизы»[520].

Оценивая вышеприведенные точки зрения, мы считаем более состоятельной именно ту из них, в соответствии с которой судебная экспертиза не может расцениваться как разновидность (пусть даже весьма специфическая разновидность) следственного действия. Да, безусловно, эти процедуры имеют очень много схожего: и те, и другие строго предусмотрены уголовно-процессуальным

---

[518] Проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» принят ГД ФС РФ в I чтении 20 ноября 2013 г. // СПС «КонсультантПлюс».

[519] *Шейфер С.А.* Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания // Материалы междунар. науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». – М.: Проспект, 2007. – С. 59. *Он же.* Система следственных действий: каковы пути ее развития … С. 6–7.

[520] *Дяблова Ю.Л.* Место и роль судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве // Материалы междунар. науч.-практич. конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». – М.: Проспект, 2007. – С. 135.

законодательством; и те, и другие направлены на познание обстоятельств уголовного дела и обуславливают формирование доказательственного материала. Но при этом они весьма различны степенью участия в них следователя. Ведь в ходе производства судебной экспертизы непосредственное познание обстоятельств уголовного дела осуществляет не сам следователь; он не имеет на это никакого права. Здесь основная роль принадлежит другому участнику уголовного судопроизводства – эксперту, который посредством использования необходимых специальных знаний и применения соответствующих экспертных методик устанавливает сведения, имеющие доказательственное значение. Причем эксперт имеет в деле принципиально иной, по сравнению со следователем, правовой статус; он не является участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения и не осуществляет процессуально-распорядительную функцию по ведению предварительного расследования.

При производстве следственных действий следователь посредством вербальных и «невербальных» механизмов познания выявляет объекты, относящиеся к уголовному делу, формирует их мысленный образ и самостоятельно разделяет их на имеющие юридическое значение и не имеющие такового. Для осуществления этих функций следователь наделен целым спектром государственно-властных полномочий. Эксперт же, наоборот, таких полномочий не имеет; он не решает задач, стоящих перед следователем, а лишь проводит по его поручению исследование и отвечает на поставленные им вопросы. Имеют ли отношение данные вопросы и полученные выводы к уголовному делу? Какова юридическая значимость полученных результатов? Какую ценность эти результаты будут иметь в процессе познания и доказывания? Ответы на все эти вопросы находятся в компетенции не эксперта, а все того же следователя.

Хотя для справедливости нельзя оставить без внимания как бы контраргумент Е.А. Зайцевой, полагающей, что уголовно-процессуальное познание может осуществляться следователем и в опосредованных формах, а экспертиза – не единственный случай следственного действия, где познавательные приемы

применяет не сам следователь. В качестве примера ею приводится норма, регламентирующая освидетельствование лица противоположного пола специалистом-врачом, со слов которого следователь и составляет протокол[521]. Вместе с тем подобный контраргумент нам представляется не совсем состоятельным; сравнение эксперта и врача-специалиста в данном контексте неправильно. Позволим себе напомнить, что, в соответствии с ч. 1 ст. 58 УПК РФ, специалист привлекается к участию в процессуальных действиях лишь для оказания содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела и т.д. Его участие при производстве следственного действия носит вспомогательный характер и направлено на оказание технической помощи следователю, если последний лишен возможности воспринимать какие-либо сведения «невооруженным глазом». Причем в случае, описанном Е.А. Зайцевой, под такой «невооруженностью», очевидно, следует понимать противоположность пола по отношению к подвергаемому освидетельствованию лицу. Специалист при производстве следственных действий не делает никаких выводов и заключений. Он лишь обязан максимально точно и подробно передать следователю все то, что оказалось вне зоны восприятия последнего. Поэтому его роль, по нашему мнению, скорее носит характер передаточного звена; участие специалиста не может расцениваться как имеющее отдельное доказательственное значение[522]. Тогда как эксперт если и не является самостоятельным субъектом доказывания (об этом в науке ведется отдельная дискуссия), то принимает собственное, автономное участие в вопросах познания обстоятельств уголовного дела.

Безусловно, нельзя не согласиться с С.А. Шейфером о значении управляющей роли следователя при производстве судебной экспертизы. Он абсолютно прав, говоря о том, что именно следователь определяет в своем постановлении о назначении экспертизы предмет и программу экспертного исследования,

---

[521] *Зайцева Е.А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства … С 101.

[522] Эти же идеи высказываются и в работах С.А. Шейфера. См.: *Шейфер С.А.* Система следственных действий: каковы пути ее развития … С. 7.

представляет эксперту объекты исследования, осуществляет контроль за объективностью, полнотой и научностью исследования, обеспечивает законные интересы обвиняемого, подозреваемого и других участников процесса и т.д.[523] Но вместе с тем все эти действия сами по себе не носят непосредственного познавательного характера, а направлены на обеспечение надлежащего процессуального режима и создание необходимых организационно-технических условий предстоящей экспертизы. Сама же деятельность эксперта по проведению исследований и формулированию выводов является независимой и никоим образом не может быть поставлена в некую процессуальную подневольность от властно-распорядительных указаний следователя; последний, согласно ст. 197 УПК РФ, лишь вправе присутствовать при производстве судебной экспертизы и получать разъяснения эксперта по поводу проводимых им действий. Кстати, именно поэтому мы не можем согласиться и с рассмотренной выше точкой зрения О.Я. Баева о том, что следственным действием является не сама судебная экспертиза, а лишь процедура ее назначения. Назначение судебной экспертизы – это механизм, по смыслу аналогичный, например, подготовке к проведению обыска, состоящей в вынесении постановления, в необходимых случаях – получении судебного решения, составлении плана, выборе участников и т.д.

Следующим критерием, отличающим судебную экспертизу от следственных действий, является специфика ее процессуальной формы, заключающаяся в наличии дополнительных правовых гарантий для участников уголовного судопроизводства. Достаточно вспомнить, что только в отношении судебной экспертизы законодатель устанавливает обязанность предварительного ознакомления с соответствующим постановлением подозреваемого, обвиняемого, его защитника (ч. 3 ст. 195 УПК РФ), а согласно позиции, высказанной Конституционным Судом РФ, – и потерпевшего[524]. Только при производстве судебной

---

[523] *Шейфер С.А.* Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания … С. 58–59; *Он же* Система следственных действий: каковы пути ее развития … С. 7.

[524] Определения Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О и от 11 июля 2006 г. № 300-О.

экспертизы участвующие в уголовном деле лица наделяются дополнительными процессуальными правами (ст. 198 УПК РФ). И только судебная экспертиза связана с необходимостью предъявить заинтересованным лицам ее результаты непосредственно после их получения (ст. 206 УПК РФ).

Ну и наконец, пожалуй, последнее существенное отличие судебной экспертизы от следственных действий заключается в особом процессуальном доказательстве, формируемом посредством ее проведения. Так, письменно представленные результаты экспертного исследования образуют содержание экспертного заключения (ч. 1 ст. 80 УПК РФ). Тогда как следственные действий порождают либо соответствующие показания, либо результаты «невербальных» следственных действий, предусмотренные ст. 83 УПК РФ. Кстати, на примере последних различия между судебной экспертизой и следственными действиями весьма ощутимы. Ведь экспертное исследование, как правило, направлено на материальные фрагменты объективной реальности, подлежащие «невербальному» познанию, но не следователем, а экспертом. Следователь же воспринимает экспертное заключение не наглядно-образным способом, как это происходит при формировании результатов «невербальных» следственных действий, а в принципиальной иной, условно-знаковой форме – посредством письменной речи.

Таким образом, судебная экспертиза представляет собой не что иное, как самостоятельную процессуальную категорию, отличающуюся от следственных действий субъектом, осуществляющим непосредственное познание соответствующих объектов, принципиально иным правовым режимом и особым видом формируемых посредством ее проведения доказательств. В этой связи разумно вспомнить вышеупомянутую точку зрения С.А. Шейфера об особом месте судебной экспертизы в системе следственных действий. На наш взгляд, судебная экспертиза действительно занимает такое место, поскольку наряду со следственными действиями имеет доказательственный характер, но при этом не является элементом их системы. Судебная экспертиза – это то самое исключение из системы следственных действий, которое подтверждает общее правило.

Резюмируя все вышеизложенное, мы можем смело утверждать, что единственным субъектом, в ведении которого находятся полномочия по производству следственных действий, в том числе по осуществлению познания обстоятельств объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела, является следователь (в широком смысле этого слова). Именно по этому признаку следственные действия следует отличать от родственных им познавательных действий, осуществляемых другими участниками уголовного судопроизводства: от судебных действий и судебных экспертиз. Из сказанного фактически вытекает еще один признак следственных действий – их досудебный характер, то есть возможность их проведения лишь в стадиях возбуждения уголовного дела, предварительного расследования, а также во время досудебного этапа процедуры возобновления уголовного дела ввиду новых обстоятельств. Вместе с тем нельзя не согласиться с В.М. Быковым, что данный признак не отражает сущности собственно следственных действий, поскольку характерен для любых форм деятельности следователя[525].

3. Следующим признаком, характеризующим следственные действия, по нашему мнению, является их познавательный характер, выраженный в направленности на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Такая отличительная особенность следственных действий в целом корреспондируется с рассмотренным выше узким подходом к их сущности. Как уже отмечалось, авторы, придерживающиеся данного подхода, в своем большинстве (С.А. Шейфер, И.Е. Быховский, А.Б. Соловьев, В.А. Семенцов, В.М. Быков и др.) пишут о том, что следственные действия проводятся в целях собирания новых или проверки имеющихся доказательств. Подобная позиция ранее высказывалась и нами[526]. На первый взгляд эта точка зрения представляется весьма разумной и справедливой. Однако при более детальном анализе в ней усматривается достаточно серьезный пробел, связанный с неопределенностью

---

[525] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 152.

[526] *Россинский С.Б.* Уголовный процесс … – С. 375; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник. / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова … – С. 458.

самих процессуальных категорий «собирание доказательств» и «проверка доказательств».

В этой связи мы вынуждены несколько изменить свою прежнюю точку зрения. Несмотря на то, что законодатель прямо предусматривает собирание доказательств в качестве одного из элементов доказывания (ст. 85 УПК РФ), четкого нормативного определения этого процесса в настоящее время не существует. Как справедливо отмечает В.С. Балакшин, уголовно-процессуальный закон регламентирует собирание доказательств в самой общей форме. Поэтому правильнее использовать выражение «собирание фактических данных и их источников». Автор полагает, что под собиранием следует понимать уголовно-процессуальную деятельность уполномоченных органов и должностных лиц по выявлению, отысканию, обнаружению и получению фактических данных и их источников с целью установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела[527]. Л.Д. Кокорев и Н.П. Кузнецов писали, что собирание доказательств заключается в поиске и обнаружении источников необходимой информации, в обнаружении сведений о фактах, имеющих доказательственное значение. Они же добавляли, что собирание заключается не только в обнаружении доказательств. Сведения о фактах приобретают доказательственное значение, если они соответствующим образом закреплены способом и в порядке, установленном законом: составлен протокол допроса свидетеля, протокол осмотра места происшествия и т.д.[528] Ю.К. Орлов отмечает, что собирание доказательств представляет собой довольно сложный процесс, состоящий, в свою очередь, из нескольких этапов (подэлементов) – поиска доказательств, получения доказательств, процессуального оформления доказательств[529].

---

[527] *Балакшин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания… С. 67.

[528] *Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание … С. 221–222.

[529] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 110–111.

Принимая во внимание вышеприведенные, а также многие другие высказанные по данному поводу позиции, можно сделать вывод, что собирание доказательств – это весьма пространная процессуальная категория, включающая различные по форме и содержанию элементы деятельности дознавателя, следователя, суда, а также других участников уголовного судопроизводства, предусмотренных ч. 2–3 ст. 86 УПК РФ. В условиях подобной неопределенности собирания доказательств сопоставление этого процесса с целями следственных действий представляется весьма сложным и неоднозначным. Вряд ли можно предположить, что следственные действия направлены на получение доказательств, поскольку в реальности «готовых» доказательств, как правило, не существует. По справедливому замечанию С.А. Шейфера, собирание доказательств нельзя уподоблять действиям грибника, собирающего в лесу дары природы[530]. Вместе с тем в случаях приобщения к материалам дела вещественных доказательств или «иных» документов они фактически собираются уже в готовом виде. Трудно согласиться и с утверждением, что следственные действия направлены на обнаружение источников необходимой доказательственной информации. Такие источники должны быть установлены заранее и далеко не всегда процессуальным способом. В противном случае производство соответствующего следственного действия становится невозможным. Например, если предположить, что источником свидетельских показаний является какой-то человек, то каким образом вообще возможно произвести допрос, заранее не установив его личность и не обеспечив его явку к следователю? Если источником информации является обстановка жилища, то как можно провести там осмотр или обыск, заранее не установив его адрес и другие необходимые сведения? Мы также полагаем, что цели следственных действий не стоит ставить в зависимость от механизмов процессуального оформления доказательственной информации. Безусловно, что подобными механизмами, например, необходимостью составления протокола, сопровождается процедура любого следственного

[530] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 18.

действия. Но они в данном случае не играют существенной роли, а являются лишь обязательным условием установленной законодателем процессуальной формы. Вряд ли будет правильным тезис о том, что следственные действия направлены на составление протоколов.

Более того, все вышеприведенные рассуждения также могут быть применимы и к проверке доказательств. Хотя, согласно ст. 87 УПК РФ, проверка доказательств осуществляется несколькими способами, вполне очевидно, что к производству следственных действий отношение может иметь лишь один из них – получение иных доказательств, подтверждающих или опровергающих проверяемое доказательство. Иными словами, в данном случае мы вновь сталкиваемся с категорией «собирание доказательств». Как справедливо пишет Ю.К. Орлов, проверка доказательств является таковой только в отношении проверяемых доказательств; для проверяющих она выступает как их собирание[531].

Таким образом, точка зрения о том, что следственные действия проводятся в целях собирания и проверки доказательств, нам представляется лежащей в правильной плоскости, но вместе с тем несколько неопределенной, расплывчатой. Подобный подход не позволяет в полной мере уяснить сущность следственных действий и разграничить их с другими процессуальными действиями, имеющими место в досудебном производстве, например, с представлением и истребованием, которые также направлены на собирание доказательств. Более того, собирание и проверка доказательств – это категории, подразумевающие некий процесс, динамику, движение. Тогда как любая цель всегда представляет собой определенный конечный результат. В современной философской литературе цель определяется как идеальный или реальный предмет сознательного или бессознательного стремления субъекта; конечный результат, на который преднамеренно направлен процесс[532]. Кстати, данная позиция достаточно хо-

---

[531] *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 113.

[532] Новая философская энциклопедия // Официальный веб-сайт Института философии РАН – URL: http://iph.ras.ru/elib/3339.html.

рошо отражена в работах С.А. Шейфера, который, основываясь на философских публикациях, связывает цель следственного действия с закрепленным в законе предвидением возможности получения определенного познавательного результата, имеющим своим основанием многократную практику достижения этого результата в прошлом. Он же в продолжение своей мысли указывает, что специфической целью следственного действия является извлечение информации определенного вида и содержания из исследуемых объектов – следов события[533]. Подобный тезис в полной мере согласовывается с высказанной ранее позицией А.А. Чувилева и Т.Н. Добровольской, писавших, что к целям следственных действий необходимо относить установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела[534]. Эта же точка зрения просматривается и в работах В.А. Семенцова[535].

Цели производства следственных действий очень тесно переплетены с собиранием и проверкой доказательств, но при этом они не тождественны. Собирание и проверка доказательств – это процессы, сопутствующие производству следственных действий, но вместе с тем связанные скорее не с их целями, а с их содержанием, выраженном в обнаружении, восприятии, исследовании, фиксации и процессуальном оформлении доказательственной информации. А целью следственного действия, очевидно, является установление каких-либо новых сведений, имеющих значение для уголовного дела, получение какой-либо значимой доказательственной информации. Полагаем, что как раз в этом и проявляется поисково-познавательный характер следственных действий, о котором постоянно упоминается в процессуальной и криминалистической литера-

---

[533] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 18.

[534] *Чувилев А.А. Добровольская Т.Н.* Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. Вопросы методики чтения проблемных лекций по особенной части … С. 35.

[535] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 26; *Семенцов В.А., Гладышева О.В., Репкин М.С.* Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 15.

туре. Мы не можем согласиться с позициями Г.А. Абдумажидова, А.Б. Соловьева, В.М. Быкова, Н.С. Мановой и Е.С. Комиссаренко утверждающих, что познавательная направленность – это признак, который хотя и присущ всем следственным действиям, но не выражает их сущности, поскольку познавательный характер носит все доказывание в целом[536]. Следственные действия всегда должны проводиться с перспективой расширения объема познанных обстоятельств уголовного дела. В этом, на наш взгляд, и заключается их гносеологическая природа. И именно этим они кардинально отличаются от других близких процессуальных процедур, находящихся в арсенале органов дознания и предварительного следствия.

Однако целый ряд современных ученых-процессуалистов и криминалистов не совсем разумно относят к числу следственных действий наложение ареста на имущество, эксгумацию трупа и получение образцов для сравнительного исследования[537]. Полагаем, что причина данной точки зрения частично заключается в отмеченном выше неопределенном отношении законодателя к категории «следственные действия», поскольку, например, ч. 2 ст. 164 УПК РФ в ее системном единстве с п. 9 ч. 2 ст. 29 и ч. 1 ст. 165 УПК РФ позиционирует наложение ареста на имущество именно как следственное действие. Частично же эта причина вытекает из неправильного толкования отдельных положений уголовно-процессуального закона. Ч. 3 ст. 178 УПК РФ (эксгумация) и ст. 202

---

[536] *Абдумаджидов Г.А.* Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование) … С. 110; *Соловьев А.Б.* Следственные действия как процессуальное средство получения и проверки доказательств // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий: сб. науч. тр. – Ташкент: Ташкентская ВШ МВД СССР, 1982. – С. 32; *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 151; *Манова Н.С.* Еще раз о понятии следственного действия … С. 84; *Комиссаренко Е.С.* Следственные действия в уголовном процессе России … С. 32.

[537] Например: *Комиссаренко Е.С.* Следственные действия в уголовном процессе России… С. 87, 91; *Писарев А.В.* Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность: учеб. пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2006. – С. 33; *Быков В.М.* Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ // Уголовное право. – 2007. – № 1. – 73; *Рыжаков А.П.* Уголовный процесс … С. 455; *Давлетов А.А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть: курс лекций. – Екатеринбург: ИРА УТК, 2011. – С. 43; *Бычков В.В.* Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве // СПС «КонсультантПлюс» и т.д.

УПК РФ (получение образцов для сравнительного исследования) действительно структурно включены в те главы и статьи Кодекса, которыми регламентированы соответственно осмотр трупа и судебная экспертиза. Подобная законодательная конструкция обусловлена тесной взаимосвязью этих процессуальных действий. Как отмечается в литературе, такие процессуальные механизмы тесно примыкают к следственным действиям, таковыми при этом не являясь[538].О.Я. Баев называет их «предследственными» действиями[539]. Вместе с тем ни наложение ареста на имущество, ни эксгумация, ни получение образцов для сравнительного исследования сами по себе не направлены на установление новых сведений, имеющих значение по уголовному делу, не связаны с получением доказательственной информации. Они носят чисто обеспечительный характер. Эксгумация и получение образцов для сравнительного исследования лишь позволяют создать условия, способствующие осуществлению процессуального познания посредством осмотра или судебной экспертизы. А наложение ареста на имущество вообще направлено на решение иных задач уголовного судопроизводства, поэтому не случайно его регламентация содержится в гл. 14 УПК РФ[540].

Помимо этого вызывают явное недоумение позиции некоторых современных специалистов, пытающихся отнести к числу следственных действий задержание подозреваемого[541]. В этой связи следует обратить внимание, что ранее в уголовно-процессуальной науке действительно имела место бурная полемика о включении задержания подозреваемого в систему следственных действий. Так,

---

[538] Уголовный процесс: учебник для вузов / под общ. ред. А.С. Кобликова. – М.: Норма, 1998. – С. 165.

[539] *Баев О.Я.* Тактика следственных действий … С. 34.

[540] *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти. – М.: Норма, 2013. – С. 153.

[541] Например: *Комиссаренко Е.С.* Следственные действия в уголовном процессе России … С. 87, 91; *Быков В.М.* Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ … С. 73.

некоторые ученые считали задержание неотложным следственным действием[542]. Правда, позднее С.А. Шейфер выдвигал точку зрения, что задержание подозреваемого – это следственное действие, обладающее определенной спецификой, так как, застигая лицо в момент совершения преступления или непосредственно после его совершения, следователь (сотрудник органа дознания) фактически становится свидетелем по делу. Поэтому, составив протокол задержания подозреваемого, он должен устраниться от дальнейшего расследования[543]. У сторонников отнесения задержания подозреваемого к числу следственных действий в арсенале имелся весьма весомый аргумент – прямое указание на это в ст. 87 УПК РСФСР. Другие специалисты придерживались противоположной и, на наш взгляд, абсолютно правильной точки зрения, рассматривая задержание исключительно как меру принуждения в связи с отсутствием у него познавательной направленности[544]. Полагаем, что задержание представляет собой не что иное как кратковременное лишение лица, подозреваемого в совершении преступления, права на свободу и личную неприкосновенность, сопровождаемое его помещением в специализированное учреждение – изолятор временного содержания[545]. Это чисто обеспечительная процедура (мера процессуального принуждения); никаких новых сведений, имеющих значение для уголовного дела, само по себе задержание не несет и нести не может. Вместе с тем логика сторонников отнесения задержания к числу следственных действий вполне объяснима: они рассматривают задержание как бы не в узком, а в

---

[542] Например: *Шейфер С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе … С. 44; *Гаврилов А.Н., Ефимичев С.П., Михайлов В.А., Туленков П.М.* Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву … С. 9; *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий … С. 10; *Дубинский А.Я.* Производство предварительного расследования органами внутренних дел: учеб. пособие. – Киев: КВШ МВД СССР, 1987. – С. 48 и т.д.

[543] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма. – М.: Юрид. лит. 1981. – С. 28.

[544] *Абдумаджидов Г.А.* Проблемы совершенствования предварительного расследования. – Ташкент: Фан, 1975. – С. 14; *Соловьев А.Б.* Следственные действия на первоначальном этапе расследования преступлений … С. 11; *Григорьев В.Н.* Задержание подозреваемого. – М.: ЮрИнфор, 1999. – С. 66–68 и т.д.

[545] *Россинский С.Б.* Уголовный процесс … С. 246.

широком значении, включая в него непроцессуальные действия сотрудников правоохранительных органов по фактическому задержанию лица, а также обусловленные задержанием познавательные приемы (например, личный обыск или допрос подозреваемого). Однако с данной позицией согласиться достаточно трудно, поскольку она охватывает не единичный акт реализации следователем своих полномочий, а целый комплекс взаимосвязанных процессуальных действий, решений и непроцессуальных мероприятий, который вряд ли можно расценивать как следственное действие[546]. Руководствуясь подобной логикой, следственным действием вполне можно признать также и процедуру привлечения в качестве обвиняемого, поскольку она включает в себя его допрос и т.д. Тем более, что в настоящее время в связи с четкой позицией законодателя, включившего задержание подозреваемого в систему мер процессуального принуждения, эта дискуссия, на наш взгляд, вообще теряет смысл. И хотя в реальности еще сохранились ее отдельные отголоски (например, процессуальный акт, фиксирующий задержания подозреваемого – не постановление, как при применении других мер принуждения, а именно протокол), тем не менее взгляды отдельных современных ученых, рассматривающих задержание подозреваемого в системе следственных действий, нам представляются явными анахронизмами.

4. Некоторые авторы пытаются включить в качестве самостоятельного признака следственных действий их обеспечение государственным принуждением[547]. Данная позиция вполне разумна, но применительно не ко всем, а лишь

---

[546] Подробнее об этом см.: *Россинский С.Б.* Задержание подозреваемого как процессуальная комбинация // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений: материалы межвуз. науч.-практич. конференции к 50-летнему юбилею кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России. – Т. 1. – М.: Академия управления МВД России, 2005. – С. 164–168.

[547] Например: *Гусаков А.Н.* Следственные действия и тактические приемы: автореф. дис. … к.ю.н. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1973. – С. 8; *Гаврилов А.Н., Ефимичев С.П., Михайлов В.А., Туленков П.М.* Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву … С. 5, 7; *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Следственные действия в российском уголовном процессе … С. 4; *Кальницкий В.В., Марфицин П.Г.* Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан: учеб. пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2004. – С. 38; *Гаврилин Ю.В., Победкин А.В.,*

к некоторым следственным действиям. Ведь на самом деле потенциальной возможностью применения каких-либо принудительных приемов фактически характеризуются только три следственных действия: освидетельствование, обыск и выемка. И, кстати, именно поэтому законодатель устанавливает особую процедуру принятия решения об их производстве, заключающуюся в вынесении специального государственно-властного акта – постановления (ч. 1 ст. 164 УПК РФ). Механизмы осуществления других следственных действий (осмотра, следственного эксперимента, допроса и т.д.) возможности применения государственного принуждения не предполагают. Н.Г. Шурухнов совершенно справедливо подразделяет следственные действия на проводимые без принуждения и принудительные; в отношении последних он замечает, что им предшествует процедура вынесения постановления или принятия судебного решения[548].

Конечно, некоторые из следственных действий, не предусмотренных ч. 1 ст. 164 УПК РФ, в какой-то степени тоже подкреплены государственным принуждением, но как бы извне. Например, при отказе свидетеля от дачи показаний в ходе допроса или очной ставки он может в последующем быть привлечен к уголовной ответственности по ст. 308 УПК РФ. Однако такая материально-правовая форма государственного принуждения уже не обладает процессуальным характером и применяется не во время следственного действия, а позднее – как карательная реакция государства на ненадлежащее поведение соответствующего свидетеля или потерпевшего. Более того, подобная форма внешнего (уголовно-правового) принуждения не распространяется на осмотры, следственные эксперименты или действия, сопряженные с получением показаний от подозреваемых и обвиняемых. В.И. Комисаров абсолютно прав, считая, что

Яшин В.Н. Следственные действия: учеб. пособие. – М.: Книжный мир, 2006. – С. 6; *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 25; *Бакиров А.А.* Понятие и признаки следственного действия // Проблемы уголовного судопроизводства в свете реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2007–2011 годы»: материалы всероссийской науч.-практич. конференции «Совершенствование публичного управления в сфере реализации приоритетных национальных проектов». – Тюмень: Тюменский госуниверситет, 2008. – С. 99 и т.д.

[548] *Шурухнов Н.Г.* Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации … С. 263–264.

ни подозреваемого, ни обвиняемого вообще нельзя принуждать к даче показаний или к проверке показаний на месте, а нормы о производстве осмотра местности, предметов, документов вообще не содержат указаний на возможность принуждения[549]. Следовательно, принуждение представляет собой вовсе не обязательный, а лишь факультативный признак[550], свойственный только отдельным следственным действиям и не влияющий на определение их сущности.

Таким образом, все вышеизложенное позволяет нам понимать под следственными действиями производимые следователем или дознавателем (органом дознания) уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В этой связи мы полностью поддерживаем позицию В.А. Семенцова, предлагающего наконец закрепить понятие следственных действий на законодательном уровне и внести соответствующий дополнительный пункт в ст. 5 УПК РФ[551].

§ 3.2. Понятие и система «невербальных» следственных действий

Следственные действия, находящиеся на сегодняшний день в арсенале органов дознания и предварительного следствия, весьма разнообразны по своей природе, механизмам процессуального познания и, следовательно, порядку проведения. В этой связи в науке уголовного процесса и криминалистике предпринимаются постоянные попытки их классификации. Например, можно отметить так называемую легальную классификацию, предполагающую разделение следственных действий на группы, тождественные соответствующим главам

---

[549] Тактика следственных действий: учеб. пособие. / под ред. В.И. Комиссарова. – Саратов: СГАП, 2000. – С. 7

[550] *Комиссаренко Е.С.* Следственные действия в уголовном процессе России … С. 39.

[551] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 26.

Уголовно-процессуального кодекса[552]. Существует и другая классификация, в соответствии с которой следственные действия в зависимости от последовательности проведения подразделяются на первоначальные (первичные) и повторные, то есть проводимые после выполнения одноименных первоначальных в тех же самых целях с теми же самыми участниками и в отношении тех же самых объектов[553]. Выделяют также дополнительные, неотложные и многие другие виды следственных действий[554].

Однако наиболее актуальной и заслуживающей внимания нам представляется классификация следственных действий, предполагающая в качестве своей основы методы процессуального познания, используемые при их производстве. В свое время И.Е. Быховский предлагал разделить все существующие следственные действия на «вещные» (осмотр, освидетельствование, обыск, выемку и т.д.), «личные» (допрос и очную ставку) и «смешанные» (предъявление для опознания, проверку показаний на месте)[555]. При этом в основу своей классификации он положил не используемые способы процессуального познания, а подлежащие исследованию объекты (материальные объекты или сознание людей). В свою очередь, С.А. Шейфер, называя такую классификацию «по методам отображения фактических данных», разделяет все следственные действия на три группы. К первой группе он относит следственные действия, основанные на методах расспроса, ко второй – действия, основанные на методах непосред-

---

[552] Например: *Семенцов В.А., Гладышева О.В., Репкин М.С.* Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования … С. 24.

[553] Например, *Ульвачева И.И.* Повторные следственные действия: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты … С. 22.

[554] Более подробно о классификациях следственных действий см., например: *Комягина Ю.С., Лаврухин С.В.* Следственные действия: сущность, классификация, принципы. М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 76–79; *Францифоров Ю.В.* Особенности классификации следственных действий // Российский следователь. – 2010. – № 24. – С. 9–13; *Шурухнов Н.Г.* Классификация следственных действий, предусмотренных уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации … С. 258–264.

[555] *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий … С. 21

ственного наблюдения и наконец к третьей – действия, предполагающие сочетание данных методов[556]. Близкую позицию в своих работах высказывают А.Ю. Головин[557], А.В. Смирнов и К.Б. Калиновский[558]. В целом соглашаясь с данной точкой зрения, вместе с тем позволим себе заметить, что она не охватывает всего существующего в современных условиях многообразия форм процессуального познания. В предложенную концепцию не вписываются случаи проведения осмотра носителей аудиоинформации, например, фонограммы, содержащей запись телефонных переговоров. Очевидно, что в основе такого осмотра лежит не метод наблюдения, а иной способ восприятия информации, предполагающий использование органов слуха. В качестве другого исключения можно привести пример проведения освидетельствования, связанного с установлением признаков алкогольного опьянения, где следователь посредством своих органов обоняния воспринимает и фиксирует в протоколе факт наличия специфического запаха и т.д.

Поэтому целесообразно, взяв за основу классификацию С.А. Шейфера, представить ее несколько в ином виде, а именно в контексте разработанной нами концепции вербального и «невербального» способов уголовно-процессуального познания, обусловленных особенностями формирования соответствующих мысленных образов в сознании дознавателя или следователя. Мы полагаем, что все следственные действия можно условно разделить на три группы:

– вербальные, предполагающие зрительное или слуховое восприятие субъектом познания интеллектуально-информационных сигналов, закодированных в условно-знаковую форму и впоследствии трансформирующихся в мысленные образы посредством рационального мышления. К ним относятся допрос и очная ставка;

---

[556] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 33–34.

[557] *Головин А.Ю.* Криминалистическая систематика / под ред. Н.П. Яблокова. – М.: ЛексЭст, 2002. – С. 190.

[558] *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Следственные действия в российском уголовном процессе … С. 5.

– «невербальные», которые, наоборот, заключаются в зрительном или каком-либо ином восприятии следователем фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, сведения о которых поступают в кору головного мозга и обуславливают формирование мысленных образов посредством наглядно-образного мышления[559];

– смешанные, сочетающие в себе элементы как вербального, так и «невербального» способов познания.

«Невербальные» следственные действия в системе средств процессуального познания представляют собой наиболее крупную группу. Как уже отмечалось выше, в их гносеологической сущности лежат закономерности наглядно-образного восприятия, выраженные в образовании соответствующего результата (перцепта) и формировании на его основе посредством зрительного (в исключительных случаях – иного) представления (гнозиса) в сознании дознавателя или следователя мысленных образов, подлежащих фиксации в протоколе. «Невербальные» следственные действия, в отличие от допроса или очной ставки, предполагают проведение целой операции, характеризующейся определенным местом и вовлечением различных по своему процессуальному статусу лиц. В ходе производства осмотра, освидетельствования, обыска, следственного эксперимента и т.д. дознаватель или следователь сочетает пассивные методы восприятия информации с активными приемами воздействия на отражаемый объект – измерением, экспериментом, моделированием. Таким образом, «невербальные» следственные действия можно определить как предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела,

[559] Следует обратить внимание, что термин «невербальные следственные действия» уже использовался в некоторых работах по уголовному процессу и криминалистике. См., например: *Шурухнов Н.Г.* Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации … С. 262; Тактика следственных действий: учеб. пособие / под ред. В.И. Комиссарова … С. 15. Отдельные авторы используют более близкий к латыни термин «нонвербальные следственные действия». См.: *Еникеев М.И., Образцов В.А., Эминов В.Е.* Следственные действия (психология, тактика, технология)… С. 12; *Князьков А.С.* Признаки и система следственных действий … С. 132.

которые осуществляются следователем или дознавателем (органом дознания) посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности.

Каждое «невербальное» следственное действие имеет свою специфику, выражающуюся в особенностях используемых методов процессуального познания, в достигаемых результатах, в процессуальной регламентации, в круге участников и т.д. Вместе с тем их нельзя рассматривать как разрозненные, независящие друг от друга способы формирования доказательств. В уголовно-процессуальной литературе давно устоялась позиция о системном характере всех следственных действий, об их единстве и строгой организованности. Говоря о системе следственных действий, И.Е. Быховский писал, что она обладает внутренним единством в процессуальном, тактическом, психологическом, этическом и других аспектах[560]. В свою очередь, С.А. Шейфер отмечает, что все следственные действия имеют схожую правовую конструкцию, в равной степени подчинены принципам уголовного процесса и нравственным требованиям общества, в их основе лежат одни и те же познавательные и удостоверительные операции и т.д.[561] О системном характере следственных действий высказывались в своих работах Н.В. Жогин и Ф.Н. Фаткуллин[562], Г.С. Казинян и А.Б. Соловьев[563], В.А. Семенцов[564], А.П. Аленин[565] и целый ряд других авторов.

Разделяя эту позицию, мы полагаем, что «невербальные» следственные действия также образуют свою систему, которая по отношению к общей си-

---

[560] *Быховский И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий … С. 15–16.

[561] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 55.

[562] *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие … С. 109.

[563] *Казинян Г.С., Соловьев А.Б.* Проблемы эффективности следственных действий … С. 31.

[564] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 27.

[565] *Аленин А.П.* Виды и система следственных действий // Правоведение. – 2004. – № 1. – С. 88.

стеме следственных действий является некой подсистемой. Система «невербальных» следственных действий – это еще более единое и целостное формирование. По сравнению с общей системой следственных действий она характеризуется дополнительным системообразующим признаком – использованием следователем познавательных приемов наглядно-образного («невербального») восприятия информации. Кроме того, отдельные элементы системы «невербальных» следственных действий вообще имеют родственный характер; в теории уголовного процесса и криминалистики они рассматриваются как парные категории и предполагают очень близкий порядок производства (например, обыск – выемка, осмотр – освидетельствование).

Выделение системы «невербальных» следственных действий является несколько условным. В теории и практике уголовного процесса достаточно сложно провести жесткую грань и отнести одни следственные действия строго к «невербальным», а другие – строго к вербальным. Как мы отмечали ранее, наиболее рациональным нам представляется подход, заключающийся в возможности разумного наполнения «невербальных» следственных действий отдельными вербальными фрагментами и наоборот. Вместе с тем такой подход вовсе не предполагает разрушения устоявшейся системы следственных действий и размывания граней между ними. Разделение всех предусмотренных законом следственных действий на вербальные и «невербальные» и, следовательно, наличие собственной системы «невербальных» следственных действий хотя и условно, но вполне возможно. Все зависит от того, на формирование какого вида доказательств направлено это следственное действие по своей сущности, какой способ процессуального познания является доминирующим.

Вышеизложенное позволяет нам рассматривать в качестве элементарных «невербальных» следственных действий: а) следственный осмотр; б) освидетельствование; в) обыск; г) выемку; д) следственный эксперимент. В современном уголовном судопроизводстве существуют и другие более сложные формы познания дознавателем или следователем обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела: а) предъявление для опознания и б) проверка показаний

на месте. Они характеризуются достаточно тесным сочетанием вербальных и «невербальных» механизмов восприятия идеальных и материальных фрагментов объективной реальности, что обуславливает их отнесение вышеупомянутыми С.А. Шейфером, А.Ю. Головиным, А.В. Смирновым и К.В. Калиновским к самостоятельной подгруппе следственных действий. Однако достаточно сильная наглядно-образная составляющая не дает нам возможности полностью исключить их из системы «невербальных» следственных действий, хотя они и приобретают в данной системе несколько обособленный характер. Тем более что результаты таких следственных действий, как уже было отмечено выше, традиционно позиционировались учеными и даже законодателем в контексте ст. 83 УПК РФ (ст. 87 УПК РСФСР).

К анализу отдельных «невербальных» следственных действий мы планируем вернуться несколько позднее. А в настоящее время для завершения рассмотрения вопроса об их системе необходимо определиться с возможностью включения в нее современных сложных познавательных конструкций комплексного (комбинированного) характера, а именно: наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Так, законодатель помещает соответствующие ст.ст. 185, 186 и 186.1 УПК РФ совместно с нормами, регламентирующими обыск и выемку, видимо, тем самым предполагая их сущностную близость. Вместе с тем все эти три процессуальные процедуры можно рассматривать как следственные действия лишь частично, применительно к тем элементам, где осуществляется познание обстоятельств уголовного дела. Например, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка соответствуют направленности следственных действий только в части осмотра и выемки, тогда как само по себе наложение ареста носит не познавательный, а чисто обеспечительный характер. Контроль и запись переговоров, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими

устройствами можно расценивать как следственное действие лишь в части соответственно прослушивания фонограммы переговоров или осмотра материалов о соединениях.

В современной юридической науке существуют достаточно влиятельные точки зрения о нецелесообразности включения указанных механизмов в систему следственных действий и даже вообще об ошибочности их введения в предмет уголовно-процессуального регулирования[566]. В частности, М.О. Баев и О.Я. Баев, поддерживая ранее выдвинутую С.А. Шейфером точку зрения относительно непроцессуальной природы контроля и записи переговоров, пишут, что данное действие не является следственным ввиду отсутствия определяющего признака следственного действия – непосредственного восприятия следователем информации, имеющей доказательственное значение[567]. Сам С.А. Шейфер в своих более поздних работах отмечает, что появление в УПК РФ таких процессуальных действий, как контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, следует расценивать как проникновение в уголовное судопроизводство оперативно-розыскных мероприятий. Свою позицию автор обосновывает тем обстоятельством, что в обоих случаях информацию из соответствующих средств технической коммуникации извлекает не сам следователь, а орган, осуществляющий оперативно-розыскную деятельность. Причем порядок прослушивания телефонных переговоров и извлечения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами явно напоминает родственные по сути оперативно-розыскные мероприятия – прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи. В этой

---

[566] В этой связи мы позволим себе не согласиться с И.В. Смольковой, утверждающей, что в настоящее время среди ученых нет принципиальных возражений против контроля и записи переговоров как следственного действия. См.: *Смолькова И.В.* Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения: сб. науч. тр. – Вып. 1 (5). – Иркутск: БГУЭП, 2014. – С. 128.

[567] *Баев М.О., Баев О.Я.* УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних: учеб. пособие. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002. – С. 38.

связи ученый выражает серьезное беспокойство относительно возможности дальнейшего расширения системы следственных действий за счет чуждых для уголовного процесса негласных познавательных процедур, как это происходит в ряде государств на постсоветском пространстве[568]. В свою очередь, В.В. Кальницкий пишет о контроле и записи переговоров и о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как о мероприятиях, имеющих по сравнению со следственными действиями иную правовую природу. Их введение в систему следственных действий автор связывает с недостаточностью процессуальной культуры законодателя, мешающей увидеть различия между развитием процессуальной формы и узакониванием административных отношений и технических операций под видом следственного действия[569].

В настоящей работе мы не ставим перед собой целей подвергать критике указанные познавательные механизмы как не свойственные для уголовного судопроизводства в целом и системы следственных действий в частности. Тем более что указанная выше позиция М.О. Баева и О.Я. Баева об опосредованном восприятии следователем сведений, имеющих значение для уголовного дела, представляется не совсем верной. Ведь орган дознания в данном случае всего лишь выполняет техническую запись телефонных или иных переговоров и передает их следователю как бы «в первозданном виде», то есть без собственной интерпретации (примерно в том же ракурсе, как это происходит с описанными выше случаями участия в следственных действиях специалиста или врача). Анализ полученной фонограммы осуществляет сам следователь, который, в соответствии с ч. 7 ст. 186 УПК РФ, излагает в протоколе осмотра лишь ту ее часть, которая, по его мнению, имеет отношение к обстоятельствам уголовного

---

[568] *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти … С. 159–161; *Он же.* Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий // Вестник Самарского госуниверситета. – 2014. – № 11/1 (122). – С. 14–16.

[569] *Кальницкий В.В.* Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе … С. 33.

дела. Как справедливо пишет М.М. Матвеев, при предоставлении материалов записанных переговоров следователю именно он, а не орган дознания, ознакомившись с их содержанием, должен оценить их значение для уголовного дела[570]. Что же касается получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, то эта процессуальная процедура вообще не связана с техническим участием в ее производстве органа дознания; согласно ч. 4 ст. 186.1 УПК РФ организация, осуществляющая услуги связи, передает все необходимые сведения и материалы следователю напрямую. Более того, включение рассматриваемых нами познавательных процедур в предмет уголовно-процессуального регулирования, очевидно, имеет и положительные стороны, выраженные, например, в безусловном доказательственном значении полученных таким образом сведений. Тогда как вопрос о придании статуса доказательств результатам непроцессуальных, в первую очередь оперативно-розыскных мероприятий, в настоящее время, как отмечалось выше, остается открытым и вызывает множество научных дискуссий и практических проблем.

При определении самой гносеологической сущности наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров, получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами закономерно возникает вопрос: а являются ли они вообще средствами «невербального» познания? Основаны ли они на закономерностях наглядно-образного восприятия объективной реальности? В противном случае их включение в систему «невербальных» следственных действий, в частности помещение соответствующих статей в гл. 25 УПК РФ, будет ошибочным. При осмотре материалов почтово-телеграфных отправлений, фонограммы переговоров или сведений о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами субъект познания действительно сталкивается, в

[570] *Матвеев М.М.* Контроль и запись телефонных и иных переговоров: понятие и содержание // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Ч. 2. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2005. – С. 71.

первую очередь, не с материальными фрагментами объективной реальности, а со сведениями, закодированными в языковую или иную условно-знаковую форму. Поэтому, на первый взгляд, данные процессуальные действия можно посчитать вербальными. Однако это не совсем так. Во второй главе настоящей работы мы уже подробно рассматривали эти вопросы применительно к следственному осмотру письменных документов. Осматривая подобные объекты, следователь воспринимает их не как форму подачи определенных вербальных сведений, не как интеллектуальные продукты, а, в первую очередь, как материальные объекты. Непосредственно в ходе осмотра в контексте ст. 177 УПК РФ субъект познания не формирует в своем сознании мысленных образов, вытекающих из его содержания, а лишь констатирует факт наличия определенных слов, фраз и т.п. объектов, не вникая в их смысл. Осмысленное изучение вербальных сведений, предполагающее рациональное мышление, завершающееся формированием полноценных мысленных образов, – это уже следующий этап работы с представленными материалами – его исследование, которое действительно имеет явно вербальный характер. Таким образом, сами по себе наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, контроль и записи переговоров, получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами следует считать именно «невербальными» познавательными процедурами, хотя и с определенной долей условности, поскольку исследование субъектом представленных материалов вполне может совпадать по времени с их осмотром.

Вместе с тем ни наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемку, ни контроль и записи переговоров, ни получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами нельзя признать традиционными (типичными) «невербальными» следственными действиями; они имеют свою специфику, выраженную в их комплексном (комбинированном) характере. По существу, они сочетают в себе самостоятельные следственные действия (осмотр, выемку) и иные процессуальные дей-

ствия организационно-технической направленности. В этой связи следует обратить внимание, что в литературе сложилась достаточно четкая позиция о комплексной природе лишь наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки[571]. В части контроля и записи переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами подобные суждения высказываются лишь фрагментарно[572]. Комплексный (комбинированный) характер рассматриваемых нами процессуальных мероприятий обуславливает их близость к разработанным криминалистической наукой тактическим комбинациям (операциям). Под тактической комбинацией (операцией) ученые-криминалисты понимают определенное сочетание тактических приемов или самостоятельных следственных действий (иногда – оперативно-розыскных мероприятий), преследующее цель решения конкретной задачи расследования и обусловленное этой целью и следственной ситуацией[573]. Вместе с тем наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, в отличие от тактических комбинаций (операций), представляют собой строго формализованные процедуры, предполагают определенную, установленную законом последовательность и производятся на основании специаль-

---

[571] Например: Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. А.Я. Сухарева. – М.: НОРМА–ИНФРА-М, 2002. – С. 328; Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина… С. 383; *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальные порядок и доказательственное значение … С. 81; *Семенцов В.А.* Следственные действия: учеб. пособие … С. 50–51.

[572] *Юрина Л.Г., Юрин В.М.* Контроль и запись переговоров: учеб. пособие. – М.: Приор, 2002. – С. 20–21; *Стельмах В.Ю.* Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие: автореф. дис. … к.ю.н. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2013. – С. 14.

[573] Например: *Драпкин Л.Я.* Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. – Л.: ЛГУ имени А.А. Жданова, 1976. – С. 54; *Дулов А.В.* Тактические операции при расследовании преступлений. – Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1979. – С. 44; *Белкин Р.С.* Курс криминалистики. – Т. 3. – М.: Юристъ, 1997. – 211.

ного судебного решения. Тогда как содержание и последовательность тактической комбинации (операции) определяет сам следователь, руководствуясь при этом исключительно криминалистическими рекомендациями и своим опытом.

Существование подобных комплексных (комбинированных), но в то же время строго формализованных процедур, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства, приводит нас к убеждению о необходимости введения в уголовно-процессуальную науку новой категории, которую следует именовать «процессуальной комбинацией»[574]. Под процессуальной комбинацией мы понимаем предусмотренный уголовно-процессуальным законодательством комплекс определенных взаимообусловленных следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения. Действующий УПК РФ предусматривает целый ряд процессуальных комбинаций, преследующих различные цели. Таковой, безусловно следует признать, например, задержание подозреваемого (в широком смысле), процедура которого предполагает вынесение соответствующего решения (протокола), допрос подозреваемого (ч. 2 ст. 46 УПК РФ), личный обыск подозреваемого (ст. 93 УПК РФ) и направление уведомлений о задержании подозреваемого (ст. 96 УПК РФ)[575]. Но все же наибольший интерес представляют процессуальные комбинации поисково-познавательного характера, то есть прямо направленные на установление обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу и тем самым близкие по своей природе к традиционным следственным действиям. Ими как раз и являются наложение аре-

[574] Впервые вопрос о процессуальной комбинации как о самостоятельной категории в системе уголовно-процессуального регулирования нами был поднят в 2005 году. Подробнее см.: *Россинский С.Б.* Процессуальные комбинации: понятие и сущность // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Ч. 2. – Екатеринбург: Уральский университет, 2005. – С. 211–218.

[575] Подробнее об этом см.: *Россинский С.Б.* Задержание подозреваемого как процессуальная комбинация … С. 164–168.

ста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами.

Так, наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка – это процессуальная комбинация, которая заключается в предусмотренном законом и производимом на основе общего процессуального решения комплексе действий по аресту почтово-телеграфных отправлений, их последующему осмотру и выемке, направленном на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Содержание этого комплекса сводится к следующему: а) арест почтово-телеграфных отправлений; б) осмотр арестованных почтово-телеграфных отправлений; в) выемка почтово-телеграфных отправлений. Причем осмотр и выемка задержанных почтово-телеграфных отправлений осуществляются следователем в соответствии с общими правилами производства этих следственных действий, то есть посредством «невербального» способа познания.

В свою очередь контроль и запись переговоров и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами представляют собой предусмотренные законом комплексы мероприятий по негласному исследованию и фиксации сведений, составляющих предмет общения между участниками уголовного судопроизводства и (или) иными лицами посредством современных технических способов. Данные мероприятия также проводятся в целях установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. При этом предметом контроля и записи переговоров являются сами телефонные и иные переговоры. А получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами имеет своим назначением установление сведений об имевших место фактах подобных соединений, об их дате, о времени, продолжительности, номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций. Содержание процес-

суальных комплексов по контролю и записи переговоров, а также по получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами сводится к следующему: а) негласная запись телефонных и иных переговоров (предоставление информации о соединениях); б) прослушивание и фиксация фонограммы этих переговоров (осмотр представленных документов о соединениях). Прослушивание фонограммы записанных переговоров и осмотр представленных документов о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами осуществляется по правилам следственного осмотра документов, что также предполагает использование следователем «невербального» способа процессуального познания.

Таким образом, рассмотренные процессуальные мероприятия, предусмотренные ст.ст. 185, 186 и 186.1 УПК РФ, в силу своего комплексного (комбинированного) характера не могут быть отнесены к традиционными «невербальным» следственным действиям; они имеют более сложную природу. Вместе с тем имплантированные в их структуру самостоятельные познавательные механизмы (осмотр и выемка) осуществляются на основании закономерностей наглядно-образного восприятия объективной реальности, то есть посредством «невербального» способа познания. В этой связи представляется возможным включение наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в качестве специфических, обособленных элементов в систему «невербальных» следственных действий.

§ 3.3. Проблемы производства отдельных «невербальных» следственных действий

Следственный осмотр представляет собой следственное действие, заключающееся в визуальном обнаружении, восприятии, изучении и фиксации материальных объектов, в том числе следов преступления, имеющих значение для

уголовного дела, их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Следственный осмотр – это типичное «невербальное» следственное действие, в основе которого лежат закономерности наглядно-образного восприятия фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Его сущность состоит в том, что дознаватель или следователь с помощью своих органов чувств непосредственно убеждается в существовании и характере фактов, имеющих доказательственное значение. Так, еще Н.В. Терзиев указывал на существенную черту осмотра, состоящую в непосредственном обозрении и изучении материальных объектов следователем[576]. В свою очередь, В.П. Колмаков отмечал, что такое непосредственное изучение материальных объектов подчеркивает активную познавательную роль осмотра[577]. Вместе с тем представляется, что непосредственность восприятия при осмотре является весьма условной и имеет известные границы, поскольку в ряде случаев это следственное действие не может быть проведено «невооруженным глазом». Как справедливо отмечал Л.А. Иванов, участие лица, производящего осмотр, необходимо на всех этапах. Однако наблюдение объектов и процессов в условиях, требующих от человека специальной тренировки и соответствующей экипировки, иногда исключает непосредственное присутствие следователя в той или иной зоне и т.д., для чего необходимо использовать определенные технические средства и привлекать соответствующих специалистов[578].

Основным методом познания, используемым при проведении следственного осмотра, является наблюдение. Однако он может характеризоваться и другими методами, в частности различными измерениями и вычислениями, сравнением наблюдаемых объектов как между собой, так и с другими объектами

---

[576] *Терзиев Н.В.* Некоторые вопросы следственного осмотра места происшествия. – М.: ВЮЗИ, 1955. – С. 4.

[577] *Колмаков В.П.* Следственный осмотр … С. 12.

[578] *Иванов Л.А.* Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий … С. 8.

(явлениями) и т.д.[579] Как показывает современная следственная практика, используемые при осмотре визуальные приемы восприятия объективной реальности вполне могут сочетаться с иными способами, связанными с использованием иных органов чувств, например, слуха (осмотр аудиодокументов), обоняния (осмотр места пожара с резким запахом горения) и т.д. Следственный осмотр как самостоятельную процессуальную категорию необходимо отличать от иных следственных и процессуальных действий, предполагающих осмотр в качестве одного из частных методов исследования доказательств, например, обыска, выемки, следственного эксперимента, производства судебной экспертизы. В этой связи С.П. Ефимичев, Н.И. Кулагин и А.Е. Ямпольский указывали, что осмотр, являющийся составной частью других следственных действий, отличается от осмотра как самостоятельного следственного действия тем, что в первом случае он носит вспомогательный характер и лишь обеспечивает реализацию целей основного следственного действия[580].

Многолетние исследования, ведущиеся в уголовно-процессуальной и криминалистической науке[581], подкрепленные обширной следственной практикой, позволили выработать наиболее оптимальный порядок производства следственного осмотра (ст.ст. 176–178 и 180 УПК РФ), который является достаточно устоявшимся и не вызывает серьезных затруднений в деятельности органов предварительного расследования. Хотя в последнее время в связи с тенденцией по реформированию режима досудебного производства в него были внесены некоторые изменения. В частности, процедура следственного осмотра лишилась правила об обязательном участии понятых (ч. 1.1 ст. 170 УПК РФ); закон был дополнен нормами о возможности проведения осмотра предметов и

---

[579] *Белкин Р.С., Лифшиц Е.М.* Тактика следственных действий … С. 44.

[580] *Ефимичев С.П., Кулагин Н.И., Ямпольский А.Е.* Следственный осмотр … С. 5.

[581] Например: *Попов В.И.* Осмотр места происшествия. – Алма-Ата: Казгосиздат, 1956. – С. 5–18; *Шаламов М.П.* Осмотр места происшествия. – М.: ВЮЗИ, 1966. – С. 3–8; *Колмаков В.П.* Следственный осмотр … С. 7–49; *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 49–61 и многие другие работы.

документов, а также трупа до возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 176 и ч. 4 ст. 178 УПК РФ) и т.д.

Освидетельствование – это следственное действие, представляющее собой наружный осмотр тела человека для обнаружения на нем особых примет, следов преступления, телесных повреждений, выявления состояния опьянения или иных свойств и признаков, имеющих значение для уголовного дела, если для этого не требуется производства судебной экспертизы. Таким образом, освидетельствование фактически является разновидностью следственного осмотра, поэтому характеризуется теми же «невербальными» методами уголовно-процессуального познания и осуществляется на основании тех же гносеологических закономерностей восприятия значимой для уголовного дела информации. Однако для освидетельствования характерно одно исключение, связанное с возможностью проведения этого следственного действия не самим следователем или дознавателем, а врачом (ч. 4 ст. 179 УПК РФ). В таких ситуациях субъект процессуального познания лишен возможности непосредственного восприятия фрагментов объективной реальности, расположенных на теле человека; его заменяет врач. Следовательно, в данном случае используемые при освидетельствовании механизмы «невербального» познания будут носить несколько условный, производный характер.

В криминалистической литературе существует точка зрения, согласно которой осмотр является более общей (родовой) категорией, а освидетельствование – видовой[582]. В определенной степени данная и, на наш взгляд, не совсем разумная позиция обусловлена тем, что ученые-криминалисты рассматривают осмотр и освидетельствование в контексте криминалистической тактики, предполагающей единые приемы и рекомендации для производства обоих след-

[582] Например: Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – М.: ИНФРА-М, 1997. – С. 227; Тактика следственных действий: учеб. пособие / под ред. В.И. Комиссарова … С. 17; *Баев О.Я.* Тактика следственных действий … С. 105 и т.д.

ственных действий. Об этом, в частности, в своих работах пишет Л.В. Виницкий[583]. Вместе с тем установленный для освидетельствования собственный правовой режим, отличающийся от процедуры проведения следственного осмотра целым комплексом существенных процессуальных особенностей, позволяет говорить о нем как о сугубо самостоятельном следственном действии. Хотя по своей сути освидетельствование основано на едином с осмотром «невербальном» способе процессуального познания, тем не менее оно связано с восприятием достаточно специфичного материального объекта – живого человека, то есть личности с присущими ей, конституционными и уголовно-процессуальными правами и свободами. В этой связи тот же Л.В. Виницкий отмечает, что регламентация осмотра оказалась недостаточной для проведения освидетельствования; потребовалось внести дополнительные требования, направленные на охрану здоровья, чести и достоинства личности и позволяющие выделить освидетельствование в качестве самостоятельного следственного действия[584]. Так, при освидетельствовании вполне допустимо применение мер принудительного характера, обеспечивающих возможность обследовать тело человека против его воли. Поэтому, согласно ч. 2 ст. 179 УПК РФ, для производства этого следственного действия необходимо вынесение соответствующего постановления[585]. Кроме того, уголовно-процессуальный закон предусматривает ряд гарантий, обеспечивающих реализацию принципа уважения чести и достоинства личности и сводящихся к необходимости обследования лица иного пола в случае его обнажения врачом (ч. 4 ст. 179 УПК РФ) и запрете на фотографирование, видеозапись и киносъемку обнаженного лица (ч. 5 ст. 179 УПК РФ). Для освидетельствования не характерны понятые, причем, в отличие от следственного осмотра, их отсутствие вовсе не должно быть восполнено использованием

---

[583] *Виницкий Л.В.* Теория и практика освидетельствования на предварительном следствии. – Караганда: Карагандинская высшая школа МВД СССР, 1982. – С. 20–21; *Он же.* Освидетельствование на предварительном следствии. – Смоленск: Смоленский гуманитарный университет, 1997. – С.11.

[584] *Виницкий Л.В.* Освидетельствование на предварительном следствии … С. 11.

[585] *Макарьин А.А., Ялышев С.А.* Проблемы производства освидетельствования при расследовании преступлений // Российский следователь. – 2013. – № 23. – С. 9.

технических средств фиксации следственного действия. И наконец существует дополнительное требование, установленное для освидетельствования свидетеля, – предварительное получение его согласия, за исключением случаев, когда это необходимо для оценки достоверности его показаний. Рассматривая вопрос о самостоятельности освидетельствования как следственного действия, – пишет Ю.Г. Торбин – необходимо исходить, в первую очередь, из требований уголовно-процессуального законодательства. Поместив осмотр и освидетельствование в одну главу УПК, законодатель тем не менее не только вынес термин «освидетельствование» в наименование этой главы, но и предусмотрел отдельную статью, определяющие общие требования к содержанию и процессуальному порядку его производства[586]. О собственном характере освидетельствования в системе следственных действий заявляют и другие ученые-процессуалисты[587].

Среди научных и практических проблем, сопутствующих производству освидетельствования, на наш взгляд, наиболее актуален вопрос о направленности этого следственного действия на выявление состояния алкогольного или иного опьянения, о чем прямо указано в ч. 1 ст. 179 УПК РФ. В этой связи следует обратить внимание, что освидетельствование, являясь «невербальным» следственным действием, сопряженным с собственным восприятием дознавателем или следователем фрагментов объективной реальности, не может подменять собой судебную экспертизу, предполагающую проведение специальных исследований и формулирование соответствующих экспертных выводов. А вместе с тем полноценное выявление состояния опьянения без проведения спе-

---

[586] *Торбин Ю.Г.* Теория и практика освидетельствования. – СПб.: Питер, 2004. – С. 50.

[587] Например: *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2 … С. 125; *Маркс Н.А.* Освидетельствование при расследовании преступлений: автореф. дис. … к.ю.н. – Свердловск: СЮИ, 1980. – С. 7; *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 61; *Писарев А.В.* Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность … С. 34; *Глебов В.Г.* Освидетельствование при расследовании преступлений (проблемы эффективности). – Волгоград: ВА МВД России, 2007. – С. 20 и т.д.

циальных исследований невозможно. В медицинских инструктивных документах, определяющих методические подходы к выявлению состояния опьянения, прямо отмечается о необходимости всестороннего обследования лица и выявления целого ряда симптомов, а также проведения специальных функциональных проб испытуемому. Там же особо подчеркивается недопустимость установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения у обследуемого исключительно на основании запаха алкоголя изо рта, а также сведений о потреблении спиртных напитков[588].

Подобные противоречия уголовно-процессуального законодательства и имеющихся в медицине методических подходов к проблеме выявления состояния алкогольного и иного опьянения приводят к весьма порочной практике, заключающейся в направлении лица в медицинское учреждение для проведения специальных исследований – так называемых «медицинских освидетельствований». Об этом прямо говорится в ч. 2 ст. 44 Федерального закона «О наркотических средствах и психотропных вещевых»[589], предполагающей проведение медицинского освидетельствования по направлению органа дознания, органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, следователя, судьи или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении, в специально уполномоченной медицинской организации. Понятие «медицинское освидетельствование» уголовно-процессуальным законодательством не предусмотрено, но широко используется в других сферах правового регулирования. В соответствии со ст. 65 Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»[590] под ним следует понимать совокупность методов медицинского осмотра и меди-

[588] Приказ Минздрава СССР от 2 сентября 1988 г. № 06-14/33-14 «Об утверждении методических указаний «Медицинское освидетельствование для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения» с последующими изменениями и дополнениями.

[589] Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» с последующими изменениями и дополнениями.

[590] Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» с последующими изменениями и дополнениями.

цинских исследований, направленных на подтверждение такого состояния здоровья человека, которое влечет за собой наступление юридически значимых последствий. По результатам медицинского освидетельствования проводивший его врач составляет некий акт, который на практике нередко подменяет собой протокол освидетельствования и используется в качестве доказательства. При этом очевидно, что никакой процессуальной формы акта медицинского освидетельствования в уголовном процессе не существует, поэтому медицинские учреждения, как правило, используют аналогичные формы актов, предназначенных для других сфер правоприменения, например, форму для медицинского освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством[591]. По справедливому замечанию В.А. Семенцова, в данном случае имеет место не освидетельствование, а некий «суррогат» экспертизы[592], что, согласно ч. 1 ст. 179 УПК РФ, недопустимо. Как отмечалось выше, судебная экспертиза не является следственным действием и предполагает наличие целого комплекса установленных гл. 27 УПК РФ дополнительных процессуальных гарантий, не свойственных освидетельствованию. Судебно-медицинская экспертиза живых лиц и освидетельствование – пишут Ю.Г. Торбин и Е.В. Баранов – различны по своей природе и порядку их производства. Различны и задачи этих процессуальных действий[593].

Полностью разделяя указанные позиции, мы выражаем резко негативное отношение к существующей практике проведения «медицинских освидетельствований» в учреждениях здравоохранения и составления непроцессуальных актов. Полагаем, что единственным способом, позволяющим определить состояние опьянения лица, может быть только соответствующее судебно-медицинское, а точнее судебно-наркологическое экспертное исследование, проводимое

---

[591] Приказ Минздрава России от 14 июля 2003 г. № 308 «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения».

[592] Семенцов В.А. Следственные действия: учеб. пособие … С. 44.

[593] *Торбин Ю.Г., Баранов Е.В.* Освидетельствование подозреваемого на предварительном следствии: учеб. пособие / под ред. Г.Г. Зуйкова. – Киев: Киевская высшая школа МВД СССР имени Ф.Э. Дзержинского, 1981. – С. 10.

в порядке гл. 27 УПК РФ. Тем более что в настоящее время законодатель позволяет проводить экспертизу и до возбуждения уголовного дела.

В этой связи в процессуальной литературе высказывается точка зрения о полном исключении из ч. 1 ст. 179 УПК положения о нацеленности освидетельствования на выявление состояния опьянения[594]. Однако данная позиция представляется нам чересчур резкой и обесценивающей потенциал данного следственного действия. Являясь «невербальным» механизмом уголовно-процессуального познания, основанным на наглядно-образном восприятии следователем (дознавателем) фрагментов объективной реальности, освидетельствование в контексте уголовно-процессуального регулирования действительно не предполагает проведения медицинских или иных исследований, то есть не позволяет точно диагностировать состояние опьянения. Вместе с тем в ходе его осуществления вполне могут быть выявлены отдельные признаки опьянения, подлежащие зрительному или какому-либо иному «невербальному» способу восприятия. Мы согласны с Л.Г. Татьяниной, что в процессе освидетельствования вполне могут быть констатированы признаки аномальности поведения и сделано предположение об их причине[595]. К этим признакам, в частности, относят: запах алкоголя, неустойчивость позы, нарушение речи, дрожание пальцев рук, покраснение лица и т.п.[596], то есть те факторы, которые могут быть установлены на зрительном и органолептическом уровне[597]. Кстати, в сфере административно-правового регулирования признаки опьянения, которые могут быть установлены без проведения специальных исследований, имеют нормативное закрепление. Например, Правительством РФ четко определен перечень призна-

---

[594] *Быков В.М.* Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ // Журнал российского права. – 2005. – № 6. – С. 67.

[595] *Татьянина Л.Г.* Освидетельствование как следственное действие // Российский следователь. – 2004. – № 1. – С. 9.

[596] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 62.

[597] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.Я. Сухарева … С. 313.

ков, дающих основания полагать, что водитель транспортного средства находится в состоянии опьянения, а именно: запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке[598].

Таким образом, при установлении факта нахождения лица в состоянии опьянения освидетельствование приобретает весьма существенное значение: оно позволяет быстро и оперативно установить отдельные признаки аномального поведения, выдвинуть соответствующую следственную версию и тем самым предопределить дальнейшее назначение требуемой в данном случае судебно-наркологической экспертизы. Поэтому мы не видим никаких препятствий к сохранению в правовой регламентации освидетельствования положения о его нацеленности, в том числе, на выявление состояния опьянения. Тем не менее все же представляется целесообразной некоторая корректировка в ч. 1 ст. 179 УПК РФ, а именно замена слов «выявления состояния опьянения» словами «выявления внешних признаков состояния опьянения».

Следственный эксперимент – это следственное действие, которое заключается в воспроизведении опытным (экспериментальным) путем действий, обстановки или иных обстоятельств преступления с целью проверки и уточнения собранных по делу доказательств, получения новых доказательств, проверки и оценки следственных версий о возможности существования тех или иных фактов, имеющих значение для уголовного дела. Законодатель помещает ст. 181 УПК РФ, регламентирующую производство следственного эксперимента, в одну главу с осмотром и освидетельствованием, предполагая тем самым бли-

[598] Постановление Правительства РФ от 26 июля 2008 г. № 475 «Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством» с последующими изменениями и дополнениями.

зость их гносеологической сущности. Следственный эксперимент действительно по своему характеру и методам проведения очень напоминает осмотр и освидетельствование, поскольку в основе всех этих следственных действий лежат единые закономерности наглядно-образного восприятия дознавателем или следователем обстоятельств объективной реальности, составляющие ядро «невербального» способа процессуального познания. Кстати, отдельные авторы, в частности М.С. Строгович, несмотря на появление в УПК РСФСР отдельной нормы, регламентирующей следственный эксперимент, считали его не самостоятельным следственным действием, а всего лишь особой формой осмотра[599]. Вместе с тем многочисленные исследования других ученых подтвердили самостоятельный характер следственного эксперимента и его существенные различия с осмотром или освидетельствованием. Так, Н.И. Гуковская отмечала, что, в отличие от осмотра, следственный эксперимент всегда характеризуется проведением каких-либо опытных (экспериментальных) действий[600]. Р.С. Белкин писал, что при осмотре объектом восприятия является лишь результат какого-то события, тогда как следственный эксперимент направлен на познание и самого события, и его результатов[601]. По мнению Н.В. Жогина и Ф.Н. Фаткуллина, наиболее характерной чертой следственного эксперимента, отличающей его от осмотра, является воспроизведение определенной обстановки с целью проверки возможности того или иного действия (события, обстоятельства) путем совершения опытных мероприятий[602]. О самостоятельном характере следственного эксперимента и его отличиях от осмотра говорили и многие другие специалисты, посвятившие свои работы данной научной проблематике[603].

---

[599] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2 … С. 131.

[600] *Гуковская Н.И.* Следственный эксперимент: пособие для следователей. – М.: Госюриздат, 1958. – С. 6.

[601] *Белкин Р.С.* Теория и практика следственного эксперимента. / под ред. А.И. Винберга М.: ВШ МВД СССР, 1959. – С. 14.

[602] *Жогин Н.В., Фаткуллин Ф.Н.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе … С. 144.

[603] Например: *Колмаков В.П.* Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента. – Харьков: Харьковский госуниверситет, 1956. – С. 40; *Диденко Ф.К.* Следственный эксперимент в практике органов военной юстиции. – М.: Военно-поли-

Полностью разделяя указанные позиции, мы полагаем, что, в отличие от осмотра и освидетельствования, следственный эксперимент имеет более сложную познавательную структуру и специфические объекты наглядно-образного восприятия. При проведении этого действия следователь или дознаватель воспринимают не фрагменты объективной реальности, оставшиеся после совершения преступления и сохранившие на себе его следы, а всего лишь искусственно-воссозданную обстановку и обстоятельства данного преступления. Таким образом, следственный эксперимент направлен на «невербальное» познание результатов моделирования. Подобный метод – писал И.М. Лузгин – тоже предполагает наблюдение, но в качестве наблюдаемого объекта используется лишь его модель, полученные знания о которой впоследствии переносятся на действительный объект[604]. Проводя следственный эксперимент, следователь или дознаватель может полностью смоделировать необходимые условия и обстоятельства, имевшие место в прошлом, например, провести соответствующие опыты не в месте совершения преступления, а в специальном закрытом павильоне или ином помещении и т.д. В иных ситуациях моделирование носит только частичный характер, например, когда следственный эксперимент проводится в условиях той же самой обстановки, где происходило событие без существенной реконструкции.

Более того, в отличие от осмотра или освидетельствования следственный эксперимент характеризуется наблюдением не только за обстановкой какого-либо места, но и за динамикой реконструированных действий участников уголовного судопроизводства: подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля или заменяющих их лиц. В этой связи С.А. Шейфер справедливо замечает, что следственный эксперимент сочетает в себе воссоздание и исследова-

---

тическая академия имени В.И. Ленина, 1957. – С. 11–12; *Глазырин Ф.В., Кругликов А.П.* Следственный эксперимент / отв. ред. Р.С. Белкин. – Волгоград: ВСШ МВД СССР, 1981. – С. 10–11; *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 118 и т.д.

[604] *Лузгин И.М.* Расследование как процесс познания … С. 111.

ние двух моделей: модели обстановки, в которой проистекало событие, и модели действия, которое, по предположению, могло быть совершено (опытное действие)[605]. Указанное позволяет говорить о динамическом характере следственного эксперимента.

Обыск – это следственное действие, которое заключается в принудительном обследовании помещений, сооружений, участков местности, транспортных средств, отдельных людей и иных объектов в целях отыскания и изъятия скрываемых доказательств преступления, иных предметов, документов и ценностей, имеющих значение для уголовного дела, а также для обнаружения разыскиваемых лиц или трупов. По своей гносеологической природе обыск является типичным «невербальным» следственным действием, основанным на закономерностях наглядно-образного восприятия фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Его сущность заключается в том, что дознаватель или следователь, проводя предварительные поисковые мероприятия, визуально воспринимают нахождение в определенном месте определенных объектов, имеющих значение для уголовного дела.

Используемые при обыске «невербальные» методы познания отчасти напоминают следственный осмотр. В этой связи в современной следственной практике иногда допускаются грубые ошибки, выраженные в подмене одного следственного действия другим. Наиболее типичными являются ситуации фактического проведения следователями обысков под видом следственного осмотра, в тех случаях, когда отсутствуют необходимые правовые условия, позволяющие провести полноценный обыск. В качестве примера подобной следственной ошибки можно привести случай, связанный с проведением осмотра места происшествия в служебном кабинете руководителя одного из отделов Департамента образования г. Москвы по факту поступившего заявления о вымо-

---

[605] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 118. По этому поводу см. также: *Сапожков Н.Г.* О сущности следственного эксперимента и необходимости уточнения формулировки статьи 181 УПК РФ // СПС «КонсультантПлюс».

гаемой им взятке. Так, после проведения оперативного эксперимента, состоящего в передаче требуемой суммы взяткополучателю, в его кабинет незамедлительно вошли сотрудники полиции и, проведя там ряд поисковых действий, обнаружили в служебном сейфе чиновника ранее помеченные денежные средства. Результаты произведенного следственного действия – фактически обыска – были оформлены протоколом осмотра места происшествия, поскольку в соответствии с требованиями уголовно-процессуального законодательства обыск не может быть осуществлен до возбуждения уголовного дела[606]. Кстати, подобная следственная практика находит поддержку и в юридической печати[607].

Вместе с тем, несмотря на близость используемых познавательных приемов, обыск существенным образом отличается от следственного осмотра по своим задачам, характеру, а также условиям и порядку производства. Обыск не направлен на общее визуальное восприятие какого-либо помещения, сооружения, участка местности или одного объекта; его основной задачей является лишь отыскание с целью изъятия определенных предметов, документов или ценностей, имеющих значение для уголовного дела[608]. А.Р. Ратинов относил к ним: вещественные и письменные доказательства; самого обвиняемого и материалы, облегчающие его розыск; имущество, обеспечивающее возмещение ущерба и возможную конфискацию, а также предметы, изъятые из частного владения[609]. Близкие по содержанию позиции относительно задач обыска, в частности объектов, подлежащих отысканию и изъятию, содержатся в работах

---

[606] Архив Тверского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-567/2013.

[607] Например: *Баев О.Я.* Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений): научно-практическое пособие. – М.: Эксмо, 2009. – С. 140; *Чупахин Р.В.* Осмотр места происшествия по делам о взяточничестве: теоретические и прикладные аспекты // Российский следователь. – 2006. – № 3. – С. 5–8.

[608] Для более четкого разграничения следственного осмотра и обыска некоторые авторы даже предлагают внести определенные изменение в текст уголовно-процессуального закона. См., например: *Карагодин В.Н.* Осмотр места происшествия, обыск или выемка? // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5. – С. 67.

[609] *Ратинов А.Р.* Обыск и выемка … С. 17.

В.И. Попова[610], А.А. Закатова и А.Е. Ямпольского[611], В.Е. Коноваловой и В.Ю. Шепитько[612], В.А. Жбанкова и Е.М. Девяткиной[613], а также целого ряда других исследователей, занимающихся указанной проблематикой. Данные позиции в целом разделяются и нами[614]. В этой связи законодатель устанавливает определенные основания для производства обыска. Так, в соответствии с ч. 1 ст. 182 УПК РФ, данное следственное действие может проводиться лишь при наличии достаточных данных полагать, что в каком-либо месте или у какого-либо лица могут находиться орудия преступления, предметы, документы и ценности, которые могут иметь значение для уголовного дела.

В отличие от большинства других следственных действий, обыск, в силу своих специфических задач, характеризуется возможностью применения государственного принуждения, поэтому он производится на основании мотивированного постановления или судебного решения.

Вообще обыск является достаточно устоявшимся процессуальным механизмом «невербального» познания в досудебном производстве. Правовые условия и порядок его производства (ст. 182 УПК РФ) были сформированы посредством большого количества процессуальных и криминалистических исследований, опирающихся на многолетнюю практику расследования уголовных дел. Вместе с тем развитие правовой системы РФ и научно-технический прогресс обусловили внесение в нормативное регулирование обыска некоторых изменений. В частности, появился новый специфический процессуальный механизм, направленный на изъятие электронных носителей информации (ч. 9.1 ст. 182

---

[610] *Попов В.И.* Обыск. – Алма-Ата: Казахский госуниверситет, 1959. – С. 3.

[611] *Закатов А.А., Ямпольский А.Е.* Обыск: учеб. пособие. – Волгоград: ВШС МВД СССР, 1983. – С. 4.

[612] *Коновалова В.Е., Шепитько В.Ю.* Обыск: тактика и психология: учеб. пособие. – Харьков: Гриф, 1997. – С. 6–7.

[613] *Жбанков В.А., Девяткина Е.М.* Производство обыска и выемки органами дознания Государственного таможенного комитета России: учеб. пособие. – М.: Российская таможенная академия, 2000. – С. 6.

[614] *Россинский С.Б.* Обыск в форме специальной операции: учеб. пособие / под ред. В.Н. Григорьева. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003. – С. 51–56.

УПК РФ). Кроме того, Конституционный Суд РФ в своих решениях высказывался о необходимости получения специальных судебных решений для производства обыска, предполагающего изъятие предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях[615], а также обыска, проводимого в служебном помещении адвоката или адвокатского образования[616].

Выемка – это следственное действие, заключающееся в добровольной выдаче или принудительном изъятии имеющих значение для уголовного дела предметов или документов, если точно известно, где и у кого они находятся. Являясь «невербальным» следственным действием, выемка по своей гносеологической природе очень похожа на обыск, в связи с чем производится в аналогичном ему процессуальном порядке; ч. 2 ст. 183 УПК РФ по своей конструкции является отсылочной нормой. Вместе с тем выемку нельзя считать процессуальной или какой-либо иной разновидностью обыска. Это отдельное следственное действие, имеющее самостоятельные правовые основания и особенности, которые и отличают ее от обыска. В этой связи один из современных исследователей – К.Д. Муратов – даже высказывает не совсем рациональное, на наш взгляд, предложение о выделении выемки в самостоятельную главу 25.1 УПК РФ[617]. Различия между выемкой и обыском – писал А.Р. Ратинов – заключаются в том, что выемка производится только в отношении определенных предметов, тогда как предметы, подлежащие изъятию при обыске, могут быть известны ориентировочно, а иногда и вовсе неизвестны. Кроме того, при выемке должно быть известно местонахождение предметов, в то время как при обыске их предстоит еще отыскать[618]. Аналогичные высказывания содержатся

---

[615] Определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2005 г. № 10-О.

[616] Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О.

[617] *Муратов К.Д.* Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам. – М.: Юрлитинформ, 2013. – С. 86.

[618] *Ратинов А.Р.* Обыск и выемка … С. 8.

и в работах М.С. Строговича[619]. Разделяя данную научную позицию, мы полагаем, что выемка отличается от обыска изначальной определенностью подлежащих изъятию объектов, а также отсутствием поискового элемента в познавательных действиях органов предварительного расследования. Поэтому сущность выемки заключается в том, что дознаватель или следователь без проведения предварительных поисковых мероприятий визуально воспринимают нахождение в определенном месте определенных, заранее известных объектов, имеющих значение для уголовного дела.

В сегодняшней следственной практике выемка достаточно часто подменяется близкими по сущности непроцессуальными действиями – изъятием и добровольной выдачей. Изъятие обычно сопровождается применением принуждения и проводится в случаях, когда владелец значимых для уголовного дела объектов не желает выдать их добровольно. В противном случае имеет место так называемая добровольная выдача. Особую актуальность эти квазипроцессуальные процедуры приобретают в стадии возбуждения уголовного дела, когда органы дознания и предварительного следствия еще не могут использовать весь предоставленный им арсенал процессуальных средств, в частности провести полноценный обыск или выемку. Тем более что современный порядок проведения доследованной проверки предполагает возможность некоего «изъятия документов и предметов, в порядке, установленном настоящим Кодексом» (ч. 1 ст. 144 УПК РФ). В процессуальной и криминалистической литературе не раз обращалось внимание на недопустимость замены полноценной выемки подобными неправомерными способами[620].

Однако указанные суждения представляются справедливыми лишь частично. Безусловно, что и изъятие, и добровольная выдача являются некими «правовыми суррогатами», поэтому они не должны подменять собой выемку в

---

[619] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2 … С. 117.

[620] Например: *Белкин Р.С., Лившиц Е.М.* Тактика следственных действий … С. 95; *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 118; *Он же.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти … С. 152.

таких ситуациях, где ее производство действительно необходимо. Но при этом подобная необходимость в ряде случаев вызывает серьезные сомнения. Мы полагаем, что выемка – это не сугубо технический прием легализации каких-либо предметов, документов или иных объектов, то есть их «попадания в уголовное дело». Между тем изученные нами материалы уголовных дел и результаты интервьюирования практических работников показывают, что в современной следственной практике большинство выемок проводятся исключительно с подобной целью. Приведем лишь некоторые примеры. Так, следователь одного из территориальных следственных отделов органов внутренних дел г. Москвы произвел выемку истории болезни (медицинской карты) обвиняемого из психиатрической больницы для возможности последующего производства судебно-психиатрической экспертизы[621]. В другой ситуации следователь Следственного управления Следственного комитета РФ по г. Москве провел выемку юридического дела одной из коммерческих организаций в территориальной налоговой инспекции[622]. Еще одним примером может послужить производство выемки одежды погибшего Б. в Челябинском областном бюро судебно-медицинской экспертизы[623] и т.д. Очевидно, что в описанных ситуациях следователей вовсе не интересовали факты нахождения требуемых документов в больнице, экспертном учреждении или налоговой инспекции; они были и так очевидны. Здесь, как в других подобных случаях, отсутствовал главный атрибут любого следственного действия – его познавательная направленность; результаты таких выемок не несли в себе никаких новых сведений, имеющих значение для уголовного дела и, следовательно, не могли позиционироваться в контексте ст. 83 УПК РФ.

Мы полагаем, что выемка уместна лишь тогда, когда дознавателю или следователю действительно необходимо лично посредством «невербального» по-

---

[621] Архив Таганского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-1126/2007.

[622] Архив Мещанского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-976/2012.

[623] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 9 сентября 2010 г. № 48-О10-89СП // СПС «КонсультантПлюс».

знания убедиться в нахождении каких-либо объектов в каком-либо определенном месте. Именно в этом случае ее результаты будут иметь доказательственное значение по уголовному делу. Кстати, таких случаев не может быть слишком много, поэтому классическая выемка познавательной направленности нам представляется достаточно редким следственным действием, намного более редким, чем обыск со свойственными ему изначально неопределенными объектами и (или) местами их нахождения. Что же касается простой технической передачи отдельных материалов (предметов или документов) для приобщения к уголовному делу, то здесь необходимы более простые процессуальные механизмы, не являющиеся следственными действиями и не обусловленные столь сильными правовыми гарантиями, коими характеризуется выемка. В этой связи необходимо вспомнить о возможности использования в следственной практике таких процедур, как представление и истребование, которые, по справедливым суждениям С.А. Шейфера и В.А. Семенцова, действительно имеют более простую структуру[624]. В свое время Л.В. Воронина, рассматривая проблемы протоколов следственных действий, вполне разумно критиковала некоторых ученых (в частности, Г.А. Абдумаджидова) за искусственное усложнение природы этих процессуальных способов собирания доказательств и попытки их введения в систему следственных действий[625]. Ранее эти способы наряду со следственными действиями прямо указывались в числе возможных приемов собирания доказательств (ст. 70 УПК РСФСР), поэтому вполне ожидаемой была их регламентация и в новом УПК РФ[626]. Но в реальности произошло обратное: современный законодатель фактически вообще потерял их из виду. Существование представления и истребования скорее вытекает не из текста закона, а из его смысла. Так,

---

[624] *Шейфер С.А.* Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти … С. 149; *Семенцов В.А.* О соотношении следственных действий и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 40.

[625] *Воронина Л.В.* Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе (по материалам Казахской ССР): автореф. дис. … к.ю.н. – Л.: ЛГУ имени А.А. Жданова, 1987. – С. 11.

[626] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 95.

например, в ч. 4 ст. 21 УПК РФ говорится об обязанности исполнений требований, поручений и запросов прокурора, руководителя следственного органа, следователя, органа дознания и дознавателя. Нормы, регламентирующие процессуальный статус потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, защитника, гражданского истца и гражданского ответчика, в системном единстве с ч. 2 ст. 86 УПК РФ содержат право этих лиц на представление доказательств. О возможности истребования предметов и документов как бы вскользь говорится в ч. 1 ст. 144 УПК РФ. В этой связи мы полностью согласны с теми учеными, которые в своих публикациях пишут о необходимости более четкой регламентации этих правовых механизмов в действующем уголовно-процессуальном законе[627].

Представление и истребование нельзя рассматривать как следственные действия, поскольку они не обладают их главным атрибутом – познавательным характером. На наш взгляд, эти процессуальные механизмы как раз и являются теми самыми техническими мероприятиями, которые, в отличие от обыска или выемки, направлены не на установление новых обстоятельств уголовного дела, а на простой переход каких-либо материалов в ведение дознавателя или следователя, то есть на их процессуальную легализацию.

Все рассмотренные нами следственные действия: осмотр, освидетельствование, следственный эксперимент, обыск и выемка, несмотря на обозначенные теоретические, нормативные и практические проблемы, имеют весьма простую гносеологическую сущность, поскольку полностью подчинены «невербальному» способу процессуального познания и обусловлены закономерностями наглядно-образного восприятия дознавателем или следователем обстоятельств

---

[627] Например: *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 95–116; *Кузнецов А.Н.* Истребование и представление предметов и документов как способы собирания доказательств в уголовном процесс // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития: материалы всерос. науч.-практич. конференции. – Ч. 5 / под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2004. – С. 112–113.

объективной реальности. Однако в системе «невербальных» следственных действий, как уже отмечалось выше, имеются познавательные приемы, имеющие более сложную гносеологическую природу, – предъявление для опознания (ст. 193 УПК РФ) и проверка показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). Они предполагают сочетание элементов вербального и «невербального» характера. Остановимся на каждом из них подробнее.

Предъявление для опознания – это следственное действие, заключающееся в отождествлении конкретного объекта по мысленному образу, запечатленному в сознании опознающего лица. Его сущность состоит в том, что дознаватель или следователь предъявляют опознающему (потерпевшему, свидетелю, подозреваемому, обвиняемому) какой-либо опознаваемый объект (в том числе другое лицо или труп), для того чтобы установить, узнает ли он этот объект как наблюдаемый ранее в связи с расследуемым событием или нет[628]. Причем весь процесс наблюдения и узнавания (неузнавания) опознаваемым лицом опознающего объекта, а также его результаты находятся под непосредственным наблюдением дознавателя или следователя. Они лично воспринимают факт опознания (неопознания) и связанные с этим обстоятельства. Таковыми, в частности, могут быть условия проведения опознания, внешний вид и иные признаки опознаваемых объектов, степень индивидуальности опознаваемого объекта, то есть его выделяемость из числа других, предъявляемых вместе с ним однородных объектов и т.д. Это могут быть элементы поведения опознаваемого лица – так называемые улики поведения, которые во многих случаях имеют существенное доказательственное значение для уголовного дела[629]. Это могут

---

[628] Более подробно о сущности предъявления для опознания см., например: *Кочаров Г.И.* Опознание на предварительном следствии. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 4; *Цветков П.П.* Предъявление для опознания в советском уголовном процессе. – Л.: ЛГУ имени А.А. Жданова, 1962. – С. 10; *Гапанович Н.Н.* Опознание в судопроизводстве. – Минск: Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1975. – С. 124–125; *Бурданова В.С., Быховский И.Е.* Предъявление для опознания на предварительном следствии. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1975. – С. 3; *Гинзбург А.Я.* Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике. – Алматы: Алматинская ВШ МВД Республики Казахстан, 1995. – С. 8; *Степанов В.В., Михайлова Ю.Н.* Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений. – Саратов: СГАП, 2003. – С. 29 и т.д.

[629] *Белкин С.Р.* Криминалистическая энциклопедия … С. 223.

быть и особенности поведения опознающего субъекта, например, как именно он узнал предъявленный ему объект: сразу без колебаний или после долгих раздумий и сомнений. Таким образом, в ходе предъявления для опознания широко используются «невербальные» способы получения доказательственной информации, в первую очередь – наблюдение. И в этой связи данное следственное действие является родственным осмотру, обыску, выемке и тому подобным механизмам процессуального познания в уголовном судопроизводстве. Очевидно, именно поэтому ст. 87 УПК РСФСР, а вслед за ней и многие ученые-процессуалисты, относили результаты предъявления для опознания не к показаниям, а именно к протоколам следственных и судебных действий. Этот же вариант до сих пор используется в некоторых уголовно-процессуальных кодексах бывших союзных республик, например, ст. 119 нового УПК Казахстана, ст. 99 УПК Республики Беларусь и т.д.

Вместе с тем представляется, что подобный подход является однобоким; он не раскрывает всего сложного и многогранного характера предъявления для опознания. Так, согласно установленной законом процедуре предъявления для опознания и устоявшимся тактическим рекомендациям по его проведению опознающий субъект не просто воспринимает предъявляемые ему объекты и указывает («тыкает пальцем») на опознанный объект. Ч. 7 ст. 193 УПК РФ прямо говорит, что если опознающий указал на одно из предъявленных ему лиц или один из предметов, то ему предлагается объяснить, по каким приметам или особенностям он опознал данные лицо или предмет. Наряду с этим ученые-криминалисты предлагают задавать опознающему лицу дополнительные вопросы. Например, в случае положительных результатов опознания следователю надлежит выяснить у него о наличии и характере внешних изменений у опознаваемого объекта. При отрицательных результатах опознания целесообразно осведомиться о том, что послужило причиной такого «неузнавания»: недостаточно хорошо запомненный мысленный образ или четкая уверенность в отсутствии

нужного объекта среди предъявленных[630]. Таким образом, предъявление для опознания просто изобилует сведениями вербальной природы. В этой связи В.М. Петренко прямо отмечал, что предъявление для опознания имеет некоторое сходство с допросом или очной ставкой. Оно состоит прежде всего в том, что, как при предъявлении для опознания, так и при допросе или при очной ставке, даются показания, которые могут исходить от одних и тех же участников процесса – обвиняемого, подозреваемого, потерпевшего, свидетеля[631]. На вербальный характер предъявления для опознания также указывал Г.И. Кочаров[632]; эта же позиция в настоящее время прослеживается и в работах С.А. Шейфера[633].

Приведенные нами аргументы косвенно подтверждаются еще целым рядом обстоятельств. Например, законодатель помещает ст. 193 УПК РФ, регламентирующую предъявление для опознания, в одну главу с допросом и очной ставкой, а не с осмотром, обыском или следственным экспериментом. Процедура предъявления для опознания каких-либо объектов свидетелю или потерпевшему традиционно сопровождается их предупреждением об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307, 308 УК РФ. Кстати, ст. 165 ранее действовавшего УПК РСФСР предусматривала подобную обязанность специально для данного следственного действия. Нынешний закон напрямую такого императива не содержит, ограничиваясь лишь более общей нормой, содержащейся в ч. 5 ст. 164 УПК РФ.

Итак, предъявление для опознания обладает комплексным гносеологическим характером. В рамках этого следственного действия сочетаются и достаточно тесно переплетаются вербальные и «невербальные» методы познания. И, следовательно, результаты его проведения обладают двойственной природой.

---

[630] *Гинзбург А.Я.* Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике … С. 28–29.

[631] *Петренко В.М.* Предъявления для опознания. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1975. С. – 7.

[632] *Кочаров Г.И.* Опознание на предварительном следствии … С. 26.

[633] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальные порядок и доказательственное значение … С. 110.

Это могут быть показания, родственные тем, что формируются посредством допроса или очной ставки, но тем не менее обладающие некоторой спецификой. Представляется, что данная специфика, в первую очередь, обусловлена узконаправленным предметом этих показаний: они могут касаться не любых обстоятельств уголовного дела, а лишь тех, которые как-то связаны с фактом опознания. Но в равной степени это могут быть и результаты «невербальных» способов познания, соответственно подпадающие под смысл ст. 83 УПК РФ и, следовательно, родственные сведениям, получаемым в ходе производства осмотра, обыска, выемки или других «невербальных» следственных действий.

Проверка показаний на месте – это следственное действие, направленное на сопоставление полученных ранее показаний подозреваемого, обвиняемого, свидетеля или потерпевшего с реальной обстановкой в каком-либо месте, имеющем отношение к обстоятельствам уголовного дела. Его сущность заключается в том, что ранее допрошенное лицо указывает конкретное место и находящиеся там объекты, одновременно описывая произошедшее в этом месте событие, демонстрируя отдельные действия. В ходе проверки показаний на месте может быть исследована фактическая обстановка указанного места, могут быть обнаружены и изъяты новые следы преступления или иные объекты, имеющие значение для уголовного дела[634]. Поэтому проверка показаний на месте во многом базируется на «невербальных» приемах получения доказательственной информации. В ходе производства данного следственного действия дознаватель или следователь лично визуально воспринимают указанное место и находящиеся там объекты, их признаки, свойства, состояние и взаиморасположение. Они

[634] Более подробно о сущности проверки показаний на месте см., например: *Васильев А.Н., Степичев С.С.* Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений / отв. ред. С.А. Голунский. – М.: Госюриздат, 1959. – С. 12–16; *Соя-Серко Л.А.* Проверка показаний на месте. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1966. – С. 3–6; *Быховский И.Е., Корниенко Н.А.* Проверка показаний на месте: учеб. пособие. – Л.: Институт усовершенствования следственных работников, 1988. – С. 10–15; *Чаднова И.В.* Проверка и уточнение показаний на месте: автореф. дис. … к.ю.н. – Томск: Томский госуниверситет, 2003. – С. 14; *Меркулова М.В.* Тактика проверки показаний на месте. – М.: Юрлитинформ, 2009. – С. 26 и т.д.

же лично наблюдают за поведением проверяемого лица, за объектами, на которые оно указывает, за демонстрацией их отдельных действий и т.д. В этой связи проверка показаний на месте является родственной другим «невербальным» следственным действиям, в первую очередь следственному осмотру и следственному эксперименту. Вместе с тем вполне очевидна и вербальная составляющая проверки показаний на месте, поскольку все демонстрационные действия свидетеля, потерпевшего, подозреваемого или обвиняемого сопровождаются их соответствующими устными пояснениями. Согласно ч. 4 ст. 194 УПК РФ такие пояснения могут быть даны посредством свободного рассказа и ответов на задаваемые вопросы. На вербальный характер проверки показаний на месте указывает и тот факт, что проверяемые свидетели и потерпевшие перед началом ее производства должны предупреждаться об уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307, 308 УК РФ[635]. О вербальности проверки показаний на месте свидетельствует и то обстоятельство, что законодатель так же, как и в случае с предъявлением для опознания, помещает ст. 194 УПК РФ в одну главу с допросом и очной ставкой. Поэтому, как совершенно справедливо отмечается в литературе, проверка показаний на месте имеет сложную познавательную структуру[636]. Она сочетает в себе приемы получения вербальной (выраженной в слове) информации, а также информации, выраженной в физических признаках, то есть в признаках местности, и сопоставление первой со второй. Иными словами, в проверке показаний на месте следователь сочетает операции расспроса, свойственные допросу, и наблюдения, свойственные осмотру, причем полученные данные сравнивает между собой для выявления соответствия или несоответствия

---

[635] *Гладышева О.В., Семенцов В.А.* Уголовно-процессуальное право. Общая часть, досудебное производство: курс лекций. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 2011. – С. 287.

[636] *Хлынцов М.Н.* Проверка показаний на месте / под ред. Д.П. Рассейкина. – Саратов: Саратовский юридический институт имени Д.И. Курского, 1971. – 8; *Чаднова И.В.* Проверка и уточнение показаний на месте … С. 13–14.

показаний и признаков местности[637]. Сам смысл сочетания рассказа с показом заключается в объективизации критериев достоверности показаний[638].

Таким образом, проверка показаний на месте так же, как и предъявление для опознания – это следственное действие комплексного гносеологического характера. Оно предполагает сочетание и достаточно тесное переплетение вербальных и «невербальных» методов познания. И, следовательно, результаты его проведения тоже обладают двойственной природой. Во-первых, это сами показания. А во-вторых, в равной с показаниями мере это могут быть результаты «невербальных» способов познания, в частности факты непосредственного наблюдения окружающей обстановки, поведения лиц, обнаружения каких-либо значимых объектов и т.д., которые, бесспорно, подпадают под смысл ст. 83 УПК РФ.

Рассмотренный двойственный характер как предъявления для опознания, так и проверки показаний на месте, несомненно, должен быть отражен в процессуальном порядке производства этих действий. Вместе с тем анализ соответствующих положений уголовно-процессуального законодательства показывает, что это лишь подразумевается по смыслу закона, но формально в тексте УПК РФ не закреплено. Поэтому считаем необходимым легально распространить на предъявление для опознания и проверку показаний на месте положения ст. 187–189 и 191 УПК РФ – в части получения показаний, и положения ст. 177 УПК РФ – в части получения «невербальной» информации. А сведения, полученные в ходе предъявления для опознания и проверки показаний на месте следует одновременно расценивать и как показания, и как результаты «невербальных» следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ. В этой

---

[637] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальные порядок и доказательственное значение … С. 128–129; *Гаврилов А.К., Ефимичев С.П., Михайлов В.А., Туленков П.М.* Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву … С. 105; *Стельмах В.Ю.* Правовая природа, участники и процессуальный порядок проверки показаний на месте // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 3 (29). – С. 114.

[638] *Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р.* Криминалистика … С. 612.

связи заметим, что мы прекрасно понимаем практические трудности, которые могут возникнуть при подобном двойственном подходе к сущности предъявления для опознания и проверки показаний на месте. Многие дознаватели или следователи, к великому сожалению привыкшие работать шаблонно, могут просто запутаться в том, как им позиционировать эти результаты в своих обвинительных заключениях, обвинительных актах и других процессуальных документах: как показания или как результаты «невербальных» следственных действий. Эта проблема действительно может возникнуть. Но, по нашему мнению, она носит исключительно технический характер; думается, что практика сама должна найти способы ее локализации. Вместе с тем двойственный характер результатов предъявления для опознания или проверки показаний на месте – это более важный сущностный аргумент, нежели возможные технические сложности. Думается, что его никоим образом нельзя оставить без внимания при проверке, оценке и использовании данных доказательств по уголовному делу.

§ 3.4. Особенности производства некоторых «невербальных» следственных действий в форме специальной операции

Новые социально-экономические отношения, научно-технический прогресс и иные факторы, обуславливающие существование и развитие современного общества и государства, неизбежно влияют на качественные изменения преступности. В последние годы широкое распространение получили преступления, совершаемые в сфере экономики, в частности в связи с осуществлением кредитно-финансовой деятельности, строительства, производства товаров и оказания услуг, страхования, операций с землей и т.д. Особо следует отметить преступления террористической направленности, связанные с гибелью множества людей. В современных условиях нередки крупные техногенные катастрофы: крушения поездов, самолетов, пожары, взрывы, иные аварии и т.д.

Так 23 ноября 2013 г. сотрудниками полиции совместно с ФСБ России было проведено 34 обыска в кредитно-финансовых учреждениях и офисах юридических лиц на территории Москвы, Московской области, Нижнего Новгорода, Перми и Владимира по уголовному делу, возбужденному по ст. 172 УК РФ. В частности, следственные действия проводились в коммерческих банках «Майма», «Союзный», «Информпрогресс», «Фора-Банк» и «Проинвестбанк». В результате проведенных обысков были обнаружены денежные средства, рукописные записи, электронные носители, юридические и финансовые дела, более 190 печатей организаций, ключи от системы «Банк-Клиент», а также другие предметы и документы, имеющие значение для следствия[639]. 2 апреля 2012 г. в Тюменской области вблизи деревни Горьковка после взлета из аэропорта «Рощино» потерпел аварию пассажирский самолет ATR-72 (бортовой номер VP-BYZ) авиакомпании «ЮТэйр», который, столкнувшись с поверхностью земли в 4 км от торца взлетно-посадочной полосы, разрушился и частично сгорел; погибло более 30 человек; другие были госпитализированы с повреждениями различной степени тяжести[640]. 15 июня 2014 г. на перегоне между станциями «Парк Победы» и «Славянский бульвар» Арбатско-Покровской линии Московского метрополитена на скорости 70 км/ч сошли с рельсов три вагона электропоезда, которые, столкнувшись с тюбингом и поперечной стеной съезда, были сильно повреждены. В результате аварии погибло 22 человека; более 200 были госпитализированы[641]. 29 декабря 2013 г. на железнодорожном вокзале в Волгограде был совершен террористический акт – взрыв у досмотровой зоны, мощность которого составила не менее 10 кг в тротиловом эквиваленте. В результате преступления погибло 18 человек и еще 45 получили ранения[642]. Современной практике известно еще множество подобных примеров.

---

[639] URL: http://top.rbc.ru/economics/20/11/2013/889880.shtml.

[640] URL: http://life72.org/663-v-tyumenskoy-oblasti-pri-vzlete-poterpel-krushenie-passazhirskiy-samolet-atr-75.html.

[641] URL: http://forum.nashtransport.ru/blogs/mosmetro/index.php?showentry=6827.

[642] URL: http://www.fssb.su/smi-monitor/smi-monitor-terror/796-terakt-na-zheleznodorozhnom-vokzale-v-volgograde.html.

Анализ уголовных дел о таких преступлениях позволяет констатировать, что в ходе их расследования органы дознания и предварительного следствия вынуждены собирать и проверять весьма значительное количество доказательственной информации: проводить большое количество объемных следственных действий, назначать сложные судебные экспертизы, изымать и изучать множество вещественных доказательств, документов и т.д. В этой связи принципиально новый характер приобретают и сами следственные действия, в частности осмотр, обыск, выемка, требующие выполнения большого количества поисково-познавательных мероприятий на значительной территории. Для их производства силы традиционной следственно-оперативной группы явно недостаточны. В подобных ситуациях необходимо привлечение гораздо большего количества сотрудников правоохранительных органов. Здесь требуется уже не один, а по крайней мере несколько следователей, самостоятельно руководящих отдельными участками работы. При проведении таких следственных действий должно быть резко увеличено количество привлекаемых оперативных работников, непосредственно собирающих по поручению следователей доказательственную информацию. Необходимы и специалисты в самых разных областях специальных знаний. И, наконец, подобные масштабные следственные действия, особенно обыски, объективно требуют использования ресурсов специальных силовых подразделений МВД России, ФСБ России и т.д. для преодоления активного (в том числе физического) противодействия со стороны лиц, не заинтересованных в надлежащем и качественном производстве предварительного расследования. Число участников таких крупномасштабных следственных действий достигает нескольких десятков, а иногда и сотен человек. Поэтому представляется очевидным, что процедура их производства не может не обладать определенной спецификой и не иметь некоторых отличий от так называемых «традиционных» следственных действий.

Как показали результаты проведенного нами социологического исследования, 89,3% от общего количества опрошенных следователей имеют представ-

ление о проведении подобных осмотров, обысков, выемок и считают их полезными. Этого же мнения придерживались 83,5% оперативных работников и 41,6% сотрудников экспертных учреждений и иных специалистов. Следует также отметить, что многие из проинтервьюированных лиц, положительно ответивших на предыдущий вопрос, лично участвовали в данных следственных действиях. В этой связи ранее нами было высказано предположение о существовании в современных условиях сложной организационной формы производства следственного действия, обусловленной необходимостью собирания множества фрагментов доказательственной информации на значительной территории и характеризующейся привлечением большого количества участников[643]. Кстати, такая форма вовсе не является новой; отдельные тезисы, предполагающие ее существование, высказывались достаточно давно. Так, еще в 1953 году Г.Б. Карнович, исследуя вопросы расследования аварий на транспорте, утверждал о необходимости проведения крупномасштабного осмотра места происшествия, включающего в себя комплексное обследование различных гидротехнических сооружений, очертания берегов, рельефа, прилегающего к водному пути, береговых и плавучих знаков и т.д.[644] В свою очередь, В.Е. Эминов, Э.К. Саулевич, М.С. Лодысев и В.Д. Кофман применительно к осмотру места авиационного происшествия писали о необходимости проведения данного следственного действия, сопровождаемого исследованием множества обломков, разбросанных на значительной территории, посредством привлечения большого числа сотрудников, включая специалистов Госавианадзора[645]. Близкие по смыслу рекомендации также были сформулированы

---

[643] *Россинский С.Б.* Обыск в форме специальной операции … С. 7.

[644] *Карнович Г.Б.* Расследование аварий на водном транспорте. – М.: Госюриздат, 1953. – С. 61–62.

[645] *Эминов В.Е., Саулевич Э.К., Лодысев М.С., Кофман В.Д.* Расследование и предупреждение авиационных происшествий / отв. ред. Н.В. Жогин. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1977. – С. 41.

А.П. Егоровым и И.Л. Шрагой применительно к осмотру мест аварий железнодорожного транспорта[646].

Однако анализ современной уголовно-процессуальной и криминалистической литературы показывает, что, несмотря на повышение актуальности этой проблематики, к ней проявляется весьма слабый научный интерес. Вопросы осуществления крупномасштабных следственных действий до настоящего времени остаются практически не исследованными. Определенный интерес к данным вопросам проявлен в работах О.Я. Баева, который, опираясь на более ранние наши публикации, пытается сформулировать несколько предложений преимущественно тактического характера применительно к производству обыска[647]. Еще некоторые современные исследователи фрагментарно затрагивают указанные вопросы применительно к осмотру мест происшествий на железнодорожном и воздушном транспорте[648].

Вместе с тем в работах по административному праву, посвященных проблемам управления органами внутренних дел, активно затрагиваются различные аспекты проведения близких по условиям организации комплексных правоохранительных мероприятий, связанных с использованием большого количества сил и средств на значительной по размерам территории. Эти мероприятия принято называть специальными операциями. Под специальной операцией в административно-правовой литературе понимается совокупность тщательно

---

[646] *Егоров А.П., Шрага И.Л.* Расследование крушений и аварий на железнодорожном транспорте. – М.: ВНИИ Прокуратуры СССР, 1970. – С. 46, 98.

[647] *Баев О.Я.* Тактика следственных действий … С. 182–184.

[648] *Бердышев А.Н.* Особенности осмотра места авиационного происшествия // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ): материалы междунар. науч.-практич. конференции. – Ч. 1. – Екатеринбург: Уральский университет, 2005. – 95–97; *Елинский В.И., Коткин П.Н.* Специфика организации и производства осмотра места авиационного происшествия // Российский следователь. – 2009. – № 20. – С. 4–10; *Они же.* Особенности осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел о транспортных происшествиях (крушений и аварий) на железнодорожном транспорте // Российский следователь. – 2010. – № 14. – С. 2–6; *Ищенко Е.П., Корма В.Д., Чучаев А.И., Эминов В.Е.* Расследование и предупреждение дорожно-транспортных происшествий, крушений железнодорожного транспорта и авиационных катастроф: науч.-практич. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 111; *Неупокоева И.А.* Некоторые особенности осмотра места авиационного происшествия // Законодательство и практика. – 2014. – № 2(33). – С. 34.

спланированных и скоординированных оперативно-профилактических, розыскных, следственных и иных действий (мероприятий) большинства служб и подразделений органов внутренних дел, а также приданных сил (и средств), осуществляемых централизованно и по единому плану, в одном или нескольких регионах, под руководством начальника оперативного штаба (или группы управления), направленных на достижение единой цели и максимальных результатов по охране общественного порядка и борьбе с преступностью[649]. Некоторые авторы называют подобные мероприятия не специальными, а комплексными операциями[650]. Несколько более приближенно к уголовному судопроизводству специальная операция освещается в работах В.Н. Григорьева, понимающего под ней комплекс разведывательных и оперативно-розыскных действий, режимных и силовых мероприятий и следственных действий, осуществляемых органом внутренних дел совместно с взаимодействующими органами под руководством начальника оперативного штаба по единому плану в одном или нескольких населенных пунктах или в отдельной местности в целях захвата или, в исключительных случаях, уничтожения вооруженных преступников[651]. В таком контексте специальная операция, будучи в конечном счете направленной на достижение задач уголовного судопроизводства, как бы находится на стыке административного права, оперативно-розыскной деятельности и уголовного процесса и, следовательно, напоминает изучаемые криминалистической наукой тактические комбинации (операции).

Не являясь объектами уголовно-процессуального регулирования, специальные операции, тем не менее имеют множество общих точек пересечения с

---

[649] Например: *Соглаев В.Н.* Войсковые действия при проведении специальных операций: учеб. пособие. – Рязань: Рязанская высшая школа МВД СССР, 1986. – С. 30; *Волковский Н.В.* Силы специальных операций. История, применение, вооружение, оснащение. – СПб.: Полигон, 1996. – С. 6, 61–62.

[650] Например: *Андриевский А.Е.* Методические рекомендации для горрайорганов внутренних дел при организации комплексных операций. – М.: ВНИИ МВД СССР, 1990. – С. 13–14; *Гармаш А.М.* Проведение комплексных операций органами внутренних дел: учеб. пособие. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. – С. 24.

[651] *Григорьев В.Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. Правовое обеспечение, организация, методика. – М.: Академия МВД России, 1994. – С. 110; *Он же.* Задержание подозреваемого … С. 250.

крупномасштабными следственными действиями. И те, и другие характеризуются участием большого количества взаимодействующих между собой сотрудников правоохранительных органов, а также использованием значительной территории. Необходимыми условиями эффективности в обоих случаях являются предварительное планирование и общее руководство мероприятием, в том числе создание специального оперативного штаба и т.д. В этой связи мы полагаем, что научные и методические подходы к проведению специальных операций вполне могут быть использованы для формирования механизмов производства крупномасштабных следственных действий. Более того, представляется, что и сам термин «специальная операция» применим к обозначению организационной формы проведения таких осмотров, обысков, выемок и т.д.

Для более четкого уяснения сущности специальной операции как организационной формы производства следственного действия попытаемся сформулировать и рассмотреть ее основные признаки.

1. В форме специальной операции могут осуществляться лишь некоторые из «невербальных» следственных действий, предполагающих наглядно-образное восприятие субъектами процессуального познания фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Допрос и очная ставка по своей процессуальной природе не могут характеризоваться большим кругом участников и обширной территорией проведения. Специальная операция также не может быть применима к освидетельствованию, предъявлению для опознания, наложению ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотру и выемке, контролю и записи переговоров, получению информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Таким образом, наиболее типичными следственными действиями, проводимыми в форме специальной операции, являются осмотр, обыск и выемка. Представляется, что теоретически в данной организационной форме могут осуществляться следственный эксперимент и проверка показаний на месте, однако мы не располагаем сведениями о подобной практике.

2. Следственное действие, осуществляемое в форме специальной операции, характеризуется не специфическим процессуальным механизмом, а исключительно особенностями своей организации. В этой связи следует обратить внимание, что ранее нами высказывалась не совсем верная позиция, заключающаяся в том, что для некоторых следственных действий в форме специальной операции необходима отдельная процессуальная регламентация[652]. В настоящее время мы вынуждены пересмотреть данную точку зрения. Ее ошибочность была обусловлена тем обстоятельством, что мы анализировали специальную операцию применительно лишь к одному следственному действию – к обыску, порядок производства которого уже сам по себе отличается рядом процессуальных особенностей. В частности, нами было сделано предложение об обязательности получения судебного решения для производства обыска в форме специальной операции и т.д. Вместе с тем более общий подход, охватывающий наряду с обыском и другие «невербальные» следственные действия, показал, что все так называемые процессуальные особенности специальной операции вовсе не противоречат общим правилам, установленным для производства осмотра, обыска, выемки. Кроме того, к процессуальной специфике следственного действия в форме специальной операции мы относили особую форму (бланк) составления соответствующего протокола. Она действительно должна несколько отличаться от «традиционной», о чем мы еще будем писать далее. Однако в настоящее время законодатель исключил из текста УПК РФ установленные бланки процессуальных документов, и, следовательно, данный вопрос просто потерял свою актуальность.

Таким образом, специальная операция является не процессуальной разновидностью, а сугубо сложной организационной формой производства «невербального» следственного действия, поэтому не требует внесения в Уголовно-процессуальный кодекс РФ каких-либо изменений. Представляется, что установленный законодателем процессуальный режим проведения осмотра, обыска

---

[652] *Россинский С.Б.* Обыск в форме специальной операции … С. 11.

или выемки обладает вполне достаточным правовым потенциалом для проведения этих следственных действий в форме специальной операции.

3. Следственное действие в форме специальной операции заключается в восприятии множества объектов, содержащих в себе доказательственную информацию и расположенных на достаточно обширной территории. Такие объекты разнообразны по своему характеру и величине. Это крупногабаритные фрагменты, например, отдельные участки местности или отсеки больших помещений, объекты железнодорожного, морского, воздушного или автомобильного транспорта, а также их части и т.д. Вместе с тем следственное действие в форме специальной операции может быть направлено и на восприятие мелких (традиционных) предметов. Например, обыск в банке или офисе крупной организации направлен на отыскание и изъятие множества различных документов, имеющих значение для уголовного дела.

Под обширной территорией следует понимать такое место производства следственного действия в форме специальной операции, которое имеет большую площадь и (или) разделено на множество самостоятельных отсеков (комнат, кабинетов, хранилищ и т.д.). В частности, объектами следственных действий в форме специальной операции могут являться: объекты производственного назначения (предприятия, цеха и пр.); складские помещения (склады с оборудованием, продовольственные склады, овощные базы, таможенно-логистические терминалы и пр.); офисы и административные помещения; банковские хранилища и депозитарии; предприятия торговли (продовольственные и вещевые рынки, супермаркеты, универмаги и пр.); большие частные дома, коттеджи; крупные земельные участки; автостоянки; места железнодорожных, авиационных, водных и других катастроф и т.д.

4. Следственное действие в форме специальной операции предполагает участие большого количества осуществляющих его субъектов: следователей, оперативных работников, специалистов, сотрудников специальных силовых подразделений и т.д. Возможность присутствия всех этих лиц вполне согласу-

ется с установленными УПК РФ правилами производства следственных действий. Так, ч. 5 ст. 163 УПК РФ указывает, что руководитель и члены следственной группы вправе участвовать в следственных действиях, производимых другими следователями. Участие в проведении специальных операций должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, в том числе сотрудников специальных силовых подразделений, прямо предусмотрено ч. 7. ст. 164 УПК РФ. Привлечение к производству следственных действий специалистов обусловлено требованиями ст. 168 УПК РФ. Представляется, что в форме специальной операции должно осуществляться только такое следственное действие, для которого необходимы более значительные силы, чем состав традиционной следственно-оперативной группы, состоящей из одного следователя, одного–двух оперативных сотрудников и специалиста.

В качестве еще одного сущностного признака специальной операции как организационной формы следственного действия мы ранее выделяли ее проведение в условиях активного противодействия со стороны лиц, не заинтересованных в ненадлежащем расследовании уголовного дела. Под противодействием расследованию в криминалистической литературе принято понимать умышленные действия, направленные на воспрепятствование выполнению задач предварительного расследования и установлению истины по уголовному делу[653]. Нами высказывалась точка зрения, что при проведении следственного действия в форме специальной операции противодействие оказывается практически в каждом случае[654]. Данная позиция была выработана на основании изучения ряда уголовных дел, связанных с проведением обысков. Однако наши дальнейшие исследования по проблеме показали, что крупномасштабные след-

---

[653] Например: *Карагодин В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию. – Свердловск: Уральский госуниверситет, 1992. – С. 18; Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М.: Новый Юристъ, 1997. – С. 129.

[654] *Россинский С.Б.* Производство обыска в форме специальной операции: дис. … к.ю.н. – М.: ЮИ МВД РФ, 2002. – С. 32.

ственные действия далеко не всегда сопровождаются противодействием. Примерами подобных следственных действий вполне могут послужить осмотры мест происшествий по делам о железнодорожных или авиакатастрофах, о террористических актах и т.д. Поэтому противодействие расследованию является не обязательным, а лишь факультативным признаком «невербального» следственного действия, проводимого в форме специальной операции.

Итак, на основании всего вышеизложенного мы приходим к выводу, что под специальной операцией следует понимать такую организационную форму производства «невербального» следственного действия, которая характеризуется большим числом участников и сопряжена с восприятием множества фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, расположенных на значительной по своим размерам территории.

Специфика «невербального» следственного действия в форме специальной операции обуславливает и особенности используемого при его производстве механизма процессуального познания. В отличие от традиционных осмотра, обыска или выемки такие крупномасштабные мероприятия характеризуются участием не одного, а сразу нескольких или многих познающих субъектов. Причем каждый из них, как правило, осуществляет наглядно-образное восприятие соответствующих фрагментов объективной реальности независимо от других на отведенном ему участке. Примером в данном случае может послужить обыск в форме специальной операции, проводившийся в одном из коммерческих банков города Москвы. Весь обыскиваемый объект был поделен руководителем следственной группы на несколько секторов, за каждым из которых был закреплен отдельный следователь, осуществляющий там непосредственные поисковые действия[655]. Описанная ситуация, как и другие подобные случаи, несколько не укладывается в классический алгоритм «невербального» познания, при котором дознаватель или следователь посредством собственного

[655] Пример взят из личной следственной практики автора, проходившего службу в Следственном управлении ГУВД г. Москвы (позднее – Главном следственном управлении при ГУВД г. Москвы).

наглядно-образного восприятия формирует в своем сознании мысленные образы исследованных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Здесь имеют место более сложные, многоступенчатые познавательные процессы. Они заключаются в том, что каждый участвующий в проведении специальной операции следователь (дознаватель) является отдельным субъектом «невербального» познания на закрепленном за ним участке и самостоятельно воспринимает обнаруженные там объекты без участия других следователей (дознавателей). И только лишь по завершении поисково-познавательных мероприятий все участвующие следователи (дознаватели) сообщают установленные ими сведения руководителю следственной группы. Таким образом, руководитель следственной группы, то есть тот субъект процессуального познания, в ведении которого находится принятие наиболее ответственных решений по уголовному делу (составление обвинительного заключения, решение о привлечении в качестве обвиняемого и т.д.), формирует свои мысленные образы объектов осмотра, обыска, выемки не посредством его собственного наглядно-образного восприятия, а вербальным способом – получив соответствующие пояснения от другого следователя (дознавателя) или изучив составленную им часть протокола. Конечно, подобный механизм имеет и свои исключения, поскольку руководитель следственной группы в ходе производства следственного действия имеет возможность (и даже должен!) передвигаться по объекту, периодически наблюдать за действиями других следователей (дознавателей) в целях наглядно-образного восприятия общей картины места проведения специальной операции и наиболее важных сведений, добытых своими подчиненными. Но пределы такого познания имеют известные границы и не могут охватить всего множества объектов и особенностей обстановки, обнаруженных другими членами следственной группы. Тем более что во время проведения следственного действия в форме специальной операции на руководителя следственной группы помимо познавательных функций возложены также обязанности организационного характера, связанные с координацией работы участвующих лиц, с докладами руководству о ходе проведения мероприятия, с

решением вопросов об освещении мероприятия представителями средств массовой информации и т.д.

Полагаем, что для некоторого восполнения общей картины и обстоятельств производства специальной операции особую актуальность приобретают иные (помимо протокола) средства фиксации хода и результатов следственных действия, в первую очередь видеозапись, просмотр которой позволяет руководителю следственной группы по завершении мероприятия в ходе оценки его результатов наглядно-образным путем воспринять те поисково-познавательные фрагменты работы подчиненных ему следователей (дознавателей), которые он считает наиболее важными для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В этой связи целесообразно рекомендовать органам предварительного расследования использовать видеозапись как дополнительное средство фиксации в любом случае проведения следственного действия в форме специальной операции.

Рассматривая вопросы производства следственных действий в форме специальной операции, нельзя не заострить внимание на проблемах, возникающих в связи с фиксацией их результатов в соответствующих протоколах. Так наибольшие трудности вызывает необходимость описания всего множества обнаруженных и изъятых объектов. Как показали результаты наших исследований, в современной следственной практике (особенно при производстве обысков) достаточно часто используется явно недопустимый прием. Он заключается в том, что обнаруженные предметы, и в особенности документы, в нарушение ч. 13 ст. 182 УПК РФ, подробно не описываются, а просто складываются в коробки, пакеты или иные упаковки, опечатываются и приобщаются к уголовному делу именно в таком виде, без подробного указания содержимого этих упаковок. Еще А.Р. Ратинов в 1961 году писал, что нередко следственные работники, будучи увлечены розыском спрятанных предметов, обнаружив их, сводят протокол к простому перечню изъятого, не указывая, где и как все это

хранилось и каким образом было обнаружено[656]. Однако вплоть до настоящего времени эта проблема является достаточно актуальной особенно при составлении протокола обыска в форме специальной операции. Так, например, в протоколе обыска, производимого в офисе одной коммерческой организации, было указано примерно следующее: «...изъяты для приобщения к материалам уголовного дела: 5 коробок с документами, которым присвоены порядковые номера от 1 до 5, опечатанные листами белой бумаги с оттисками печати № 325 и скрепленные подписями понятых; денежные средства в количестве 655.547 рублей, упакованные в полиэтиленовый пакет (№ 6), опечатанный листом белой бумаги с оттиском печати № 325 и скрепленный подписями понятых...»[657]. Такой порочный способ фиксации результатов следственного действия не просто противоречит требованиям закона, предполагающего точное указание всех изъятых объектов, их количества, меры, веса, индивидуальных признаков и т.д., но и, по существу, подрывает доказательственное значение соответствующего протокола. Ведь вся познавательная ценность этих результатов как раз и заключается не в самом наличии данных объектов, а в их нахождении (обнаружении) в определенном месте или у определенных лиц. Именно этим результаты «невербальных» следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ отличаются от вещественных доказательств. Поэтому отмеченные нами ошибки нередко приводят к достаточно негативным последствиям, выраженным в невозможности использования данных доказательств для установления обстоятельств уголовного дела. Так, по уголовному делу в качестве обвиняемого был привлечен К. – заместитель генерального директора риэлторской фирмы, продававший квартиры без ведома собственников с помощью поддельных документов. При обыске в офисе были обнаружены и изъяты фиктивные договоры купли-продажи ряда квартир. Однако они находились не на рабочем месте обвиняемого, а в ящике письменного стола Н. – генерального директора фирмы. Данный факт косвенно подтверждал, что Н. также являлся фигурантом

---

[656] *Ратинов А.Р.* Обыск и выемка … С. 198.

[657] Архив Тимирязевского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-567/2008.

преступления, поэтому следователь на основе собранных доказательств решил привлечь в качестве обвиняемого и последнего. Вместе с тем в протоколе обыска не было зафиксировано, где именно были обнаружены указанные документы. Поэтому в ходе судебного заседания защитник подсудимого Н. заявил ходатайство о прекращении в отношении своего подзащитного уголовного преследования. Он мотивировал это тем, что решающее доказательство, которым изобличался его подзащитный – протокол обыска в офисе фирмы – не содержит сведений, что документы были обнаружены именно на его рабочем месте. Вызванные в суд в качестве свидетелей понятые также по истечении времени не могли вспомнить, где именно были обнаружены документы, поэтому ходатайство защиты было удовлетворено[658].

Кроме того, такой способ фиксации результатов следственного действия недопустим еще и потому, что приводит к необходимости последующего производства целого ряда других следственных действий – осмотров изъятых коробок, пакетов и иных упаковок. Эти мероприятия занимают значительное время и отнимают дополнительные силы, что в конечном счете сказывается на процессуальных сроках и качестве расследования. Поэтому во избежание подобных ситуаций все обнаруженные и изъятые объекты должны быть детально описаны в протоколе, причем с обязательным указанием места и, в некоторых случаях, способа их обнаружения. Особо следует обратить внимание на порядок фиксации обнаруженных в ходе следственного действия документов. В данном случае в протоколе необходимо указывать вид, название и отличительные признаки каждого из них (дату, номер, автора и т.д.), а также общее количество листов. Если данные признаки и реквизиты отсутствуют, то целесообразно фиксировать начальные и конечные фразы документа. В некоторых случаях возможно пользоваться приемом, который заключается в указании только количества листов изъятых документов. При этом на каждом листе должны рас-

[658] Пример взят из практики Следственного управления ГУВД г. Москвы за 1998 г.

писываться понятые. Вместе с тем представляется, что использование подобного способа фиксации допустимо лишь при условии, что документы являются однородными и не имеют особой важности для дела (например, списки посетителей какой-либо фирмы). Этот же способ может иметь место в случаях, когда документы объединены в какой-либо стандартный пакет (например, юридическое или кредитное дело коммерческой фирмы в банке и т.д.).

Еще одна проблема, связанная с оформлением протокола «невербального» следственного действия, проводимого в форме специальной операции, обусловлена необходимостью перечисления всех лиц, участвующих в его производстве (п. 3 ч. 3 ст. 166 УПК РФ). Как показывает практика, в том числе и результаты изученных нами уголовных дел, фактически в протоколах крупномасштабных «невербальных» следственных действий указываются не все участвующие лица: следователи, специалисты, оперативные сотрудники, а лишь некоторых из них. И уже тем более такие протоколы не содержат сведений о роли каждого из них в познании соответствующих фрагментов объективной реальности, сведения о которых, возможно, впоследствии приобретут доказательственное значение для уголовного дела. Например, в протоколе обыска, проведенного в одном из коммерческих банков, было указано, что поиски осуществлял следователь совместно со старшим оперуполномоченным отдела по экономическим преступлениям и специалистом-криминалистом. Кроме того, имелась отметка о присутствии двух понятых, начальника службы безопасности и юрисконсульта банка. Вместе с тем анализ протокола показывает, что следственное действие длилось семь часов; было изъято более 600 различных документов, 28 персональных компьютеров с комплектующими, большая сумма денег и некоторые другие объекты[659]. Таким образом, очевидно, что при производстве данного обыска присутствовало гораздо большее число субъектов. Подобные нарушения уголовно-процессуального законодательства неизбежно обуславливают существенные ошибки при исследовании и оценке

[659] Архив Тверского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-1123/2006.

результатов подобных следственных действий, особенно в части уяснения познавательной роли каждого субъекта в наглядно-образном восприятии обстоятельств объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела.

В этой связи представляется целесообразной несколько иная, отличная от «традиционной» технология составления протокола «невербального» следственного действия, проводимого в форме специальной операции. Основной принцип, по которому в настоящее время оформляются все протоколы, выражен в последовательной фиксации хода и результатов следственного действия; протокол, таким образом, представляет собой единый последовательный документ. Вместе с тем в случае одновременного проведения различных «невербальных» познавательных приемов на большой территории множеством субъектов целесообразнее использовать иной принцип – параллельность. Полагаем, что подобная процессуальная технология должна заключаться в составлении каждым следователем (оперативным сотрудником), осуществляющим поисково-познавательные операции на закрепленном за ним участке, своей части протокола (своего рода приложения к общему протоколу). Причем по завершении следственного действия все разрозненные части (приложения) подлежат объединению в общий процессуальный документ, в целом фиксирующий ход и результаты специальной операции и оформляемый руководителем следственной группы. Кстати, близкие по смыслу позиции наряду с нами фрагментарно высказывались и другими учеными. В частности, А.Н. Бердышев, рассматривая особенности осмотра места авиационного происшествия, пишет, что каждый следователь составляет самостоятельный протокол осмотра того участка местности, обследование которого он проводил. А после этого руководитель следственной бригады собирает всех следователей для составления единого протокола осмотра места авиационного происшествия[660].

Таким образом, общий протокол должен содержать сведения: а) о дате, времени и месте проведения следственного действия; б) обо всех участниках

[660] *Бердышев А.Н.* Особенности осмотра места авиационного происшествия … С. 98.

следственной группы и иных привлеченных лицах; в) о разъяснении присутствующим их процессуальных прав, в том числе права выдать требуемые объекты добровольно (для обыска и выемки); г) о количестве и характере участков, на которых осуществлялись непосредственные поисково-познавательные мероприятия; д) о количестве приложений к протоколу, каждым из которых фиксируются поисково-познавательные мероприятия на отдельном участке. В свою очередь приложение к общему протоколу следственного действия должно включать сведения: а) о соответствующем участке, на котором проводятся поисково-познавательные мероприятия; б) о лицах, закрепленных за этим участком (следователе, оперативных работниках, понятых, специалисте и т.д.); в) о порядке производства соответствующей части следственного действия; г) о результатах проведения соответствующей части следственного действия, в том числе об обнаруженных и изъятых объектах; д) о сделанных заявлениях и поступивших ходатайствах.

Представляется, что приведенная технология составления протокола «невербального» следственного действия в форме специальной операции по принципу параллельности не противоречит нормам уголовно-процессуального законодательства, поскольку воспроизводит все предусмотренные УПК РФ реквизиты и сохраняет все имеющиеся гарантии, необходимые для последующей судебной оценки сведений, содержащихся в данном документе на предмет их доброкачественности.

Помимо протокола, обязательными средствами фиксации хода и результатов подобного следственного действия следует признать видеозапись, о которой уже говорилось выше, а также составление общего плана места проведения для более полного уяснения его картины.

§ 3.5. Проблемы судебного контроля за производством «невербальных» следственных действий

В настоящее время в науке уголовного процесса достаточно пристальное внимание уделяется проблемам судебного контроля за производством следственных действий, ограничивающих конституционные права личности и иные охраняемые государством социальные ценности. Этот институт уголовно-процессуального права – предмет постоянных научных дискуссий. Некоторые ученые вообще являются противниками судебно-контрольных механизмов в уголовном процессе как гарантий законности производства следственных действий. Например, М.К. Свиридов высказывает мнение, что у суда должна быть одна функция – разрешение уголовного дела по существу, и с учетом конституционно-правового характера предмета судебного контроля предлагает отнести его к ведению конституционного судопроизводства[661]. В своих более поздних работах автор даже выдвигает идею передать судебный контроль в ведение конституционных (уставных) судов субъектов РФ или создать в структуре федеральных судов специальные коллегии по конституционным делам[662]. В.В. Кальницкий, опираясь на результаты эмпирических исследований практики применения УПК РФ, пишет о полной несостоятельности требований закона о судебном порядке получения разрешения на производство следственных действий и проверки законности следственных действий, проведенных в исключительных случаях без решения суда. И на основании целого ряда аргументов он делает выводы о том, что судья – лишнее звено в механизме принятия решения о производстве следственного действия[663].

---

[661] *Свиридов М.К.* Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сб. статей / под ред. Ю.К. Якимовича. – Вып. 7. – Томск: Томский госуниверситет, 2001. – С. 5–6.

[662] *Свиридов М.К.* Природа судебного контроля за предварительным расследованием // Вестник Томского госуниверситета. – 2008. – № 311. – С. 121.

[663] *Кальницкий В.В.* «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны // Уголовное право. – 2004. – № 1. – С. 73.

Другие специалисты, наоборот, считали и продолжают считать судебный контроль весьма важным процессуальным механизмом обеспечения прав и законных интересов личности при производстве следственных действий. В частности, А.В. Солодилов еще до принятия УПК РФ высказывал точку зрения, что именно судебный контроль за проведением следственных действий призван обеспечить соблюдение тех принципов уголовного процесса, которые появились в результате принятия ныне действующей Конституции РФ[664]. Аналогичная позиция прослеживается и в диссертационном исследовании А.П. Фокова, где отмечается, что судебный контроль в стадии предварительного расследования необходим, ибо он уже доказал свою результативность, став действенной гарантией прав и свобод всех без исключения участников уголовного судопроизводства[665]. А.П. Гуськова, давая оценку современному процессуальному закону, отмечает, что судебный контроль предстает как исключительное процессуальное средство судебной защиты прав и свобод человека в уголовном судопроизводстве со стороны судебной власти; судебный контроль есть доступное средство защиты на досудебном производстве, представляя собой реальное, быстрое и эффективное восстановление нарушенных прав личности в ходе расследования[666]. Близких позиций придерживаются и такие известные ученые,

---

[664] *Солодилов А.В.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России: дис. … к.ю.н. – Томск: Томский госуниверситет, 1999. – С. 23.

[665] *Фоков А.П.* Проблемы судебного контроля за исполнением законов на стадии предварительного расследования (сравнительный анализ российского и французского законодательств): автореф. дис. … к.ю.н. – М.: НИИ Генпрокуратуры России, 2000. – С. 16.

[666] *Гуськова А.П.* Уголовно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина посредством реализации судебного контроля // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина: сб. статей по итогам междунар. науч.-практич. конференции. – Ч. 4. – Тюмень: Тюменский госуниверситет, 2006. – С. 27.

как В.А. Азаров и И.Ю. Таричко[667], Л.М. Володина[668], Н.Г. Муратова[669], В.А. Семенцов[670] и еще целый ряд специалистов.

Некоторые авторы слишком увлекаются идеей о судебном контроле за производством следственных действий. Они пытаются идеализировать эти процессуальные механизмы и распространить их действие на необоснованно широкий круг правоотношений. Такая позиция, например, прослеживается в диссертационном исследовании В.А. Яблокова. Автор предлагает распространить конституционные гарантии неприкосновенности наряду с жилищем также на служебное помещение, транспорт и т.д., аргументируя свое предложение опытом цивилизованных государств[671]. В свою очередь, А.А. Акимчев пишет о необходимости получения судебного решения для проведения следственного действия в жилище независимо от согласия проживающих там лиц. Исключения, по его мнению, могут составлять только случаи, не терпящие отлагательства[672]. А Р.А. Зинец и Х.П. Шептунова, в своих диссертациях указывают на необходимость получения судебного решения на производство любых без исключения следственных действий в жилище, в том числе допроса и т.д.[673]

И, наконец, еще некоторые процессуалисты, не отвергая разумность и целесообразность судебного контроля за производством следственных действий

---

[667] *Азаров В.А., Таричко И.Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России. – Омск: Омский госуниверситет, 2004. – С. 181.

[668] *Володина Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика … С. 184.

[669] *Муратова Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики. – Казань: Казанский госуниверситет имени. В.И. Ульянова-Ленина, 2004. – С. 146.

[670] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 215–216.

[671] *Яблоков В.А.* Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России: дис. … к.ю.н. – Самара: Самарский госуниверситет, 2001. – С. 117.

[672] *Акимчев А.А.* Проблемы реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2006. – С. 357.

[673] *Зинец Р.А.* Судебный контроль в стадии предварительного расследования: процессуальные и организационные аспекты: дис. … к.ю.н. – Волгоград: Волгоградская академия МВД России, 2005 – С. 136; *Шептунова Х.П.* Право личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: отечественный опыт и международные стандарты: дис. … к.ю.н. – Оренбург: Оренбургский госуниверситет, 2008. – С. 99–102.

в целом, одновременно отмечают и его определенные недостатки, в первую очередь практического характера. Так, например, Г.П. Химичева заявляет о безусловных преимуществах судебного контроля перед другими формами контроля и надзора (независимость суда, его особый правовой статус и наличие особой судебной процедуры). Однако вместе с тем она считает, что неограниченно широкое установление судебного контроля на досудебном производстве связано с усилением пристрастности суда при последующем рассмотрении дела[674]. В свою очередь, В.М. Быков пишет, что установление судебного контроля за предварительным следствием имеет не только положительные стороны, но и отрицательные. Прежде всего, само получение решения суда для следователя связано с определенными сложными процедурами и большой затратой служебного времени[675].

Последние и достаточно умеренные научные позиции нам представляются наиболее разумными и рациональными. Нельзя полностью отвергать судебный контроль за производством следственных действий. Существование и эффективное функционирование подобных механизмов в целом является существенной правовой гарантией обеспечения прав и свобод личности, а также других охраняемых государством социальных ценностей. В этой связи мы согласны с Е.В. Рябцевой, полагающей, что суд, в отличие от прокурора и руководителя следственного органа, не связан ведомственными интересами со следователем и дознавателем, не несет ответственности за раскрытие преступлений. Автор полагает, что он является более надежным гарантом обеспечения прав личности в досудебном производстве[676]. Однако не следует в полной мере соглашаться с позициями тех ученых, которые пытаются абсолютизировать судебный контроль и представить его как безукоризненную гарантию обеспечения

---

[674] *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. – М.: Экзамен, 2003. – С. 302.

[675] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 208. *Он же.* Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения // Законность. – 2012. – № 7. – С. 45.

[676] *Рябцева Е.В.* Судебное санкционирование в уголовном процессе России. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 25.

законности производства следственных действий. В противном случае просто не было бы оснований для таких жарких научных дискуссий. Поэтому очевидно, что данный уголовно-процессуальный институт еще далек от своего совершенства и сопровождается целым рядом неразрешенных процессуальных и практических проблем, которые, кстати, вызывают серьезные затруднения в правоприменительной практике.

Предусмотренные ст. 165 УПК РФ судебно-контрольные механизмы в системном единстве с ч. 2 ст. 29 УПК РФ обеспечивают защиту целого комплекса социально-правовых ценностей. Не иначе как на основании судебного решения проводятся такие «невербальные» следственные действия, как осмотр, обыск и выемка в жилище; личный обыск, выемка заложенной или сданной на хранение в ломбард вещи, выемка предметов и документов, содержащих государственную или иную охраняемую федеральным законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан в банках и иных кредитных организациях; наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка, контроль и запись телефонных и иных переговоров, а также получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Кроме того, практика работы Конституционного Суда РФ предопределила необходимость получения судебных решений для производства еще некоторых видов обыска и выемки, а именно: обыска в отношении предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях[677], обыска в служебном помещении адвоката или адвокатского образования[678], выемки предметов и документов, содержащих аудиторскую тайну[679]. Однако при этом наиболее наглядно проблемы судебного контроля за законностью «невербальных» следственных действий, на наш взгляд, прослеживаются именно в части производства осмотра, обыска или выемки в жилище. Остановимся на них подробнее.

---

[677] Определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2005 г. № 10-О.
[678] Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О.
[679] Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 54-О.

Как известно, процессуальный механизм судебного контроля за проведением «невербальных» следственных действий в жилище бывает предварительным и последующим[680]. Это две различные формы обеспечения законности производства следственных действий, отличающиеся по времени рассмотрения судом соответствующих материалов (до или после проведения соответствующего процессуального действия). При этом действующий закон в качестве основной (приоритетной) формы использует именно предварительный контроль. Так, по общему правилу, установленному ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ, следователю (дознавателю) вначале надлежит заручиться соответствующим судебным решением и лишь потом произвести осмотр, обыск, выемку или другое процессуальное действие. И только в исключительных случаях, связанных с безотлагательностью производства следственного действия, законодатель допускает возможность использования механизмов последующего судебного контроля в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ.

В этой связи закономерно возникает вопрос: чем же все-таки объясняется приоритет предварительного судебного контроля над последующим? Очевидно, только одним – желанием законодателя установить в уголовном судопроизводстве такой правовой режим обеспечения прав и свобод личности, который бы полностью соответствовал положениям Конституции РФ и международных стандартов. Вместе с тем анализ основополагающих международно-правовых актов показал, что ни в одном из них не содержится каких-либо прямых предписаний относительно необходимости предварительного судебного

---

[680] Название форм судебного контроля, осуществляемого до и после подконтрольного действия, соответственно «предварительным» и «последующим» в теории уголовного процесса является наиболее распространенным. По крайней мере, анализ специальной литературы показывает, что большинство авторов придерживаются именно данной терминологии. Однако некоторые специалисты используют и другие наименования. Например, Д.О. Серебров дает свою терминологию предварительного и последующего судебного контроля, называя его соответственно превентивным и статутным. См.: *Серебров Д.О.* Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности: дис. … к.ю.н. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2004. – С. 77.

контроля в случае ограничения права на неприкосновенность жилища. В частности, ст. 12 Всеобщей декларации прав человека[681], ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод[682] или ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах[683] содержат лишь наиболее общие и концептуальные положения, предопределяющие охрану этих ценностей. Они не касаются конкретных механизмов ограничения данного права, оставляя подобные вопросы во внутреннем ведении соответствующего государства. Кстати, по этому поводу не наблюдается и какой-либо определенности в решениях Европейского Суда по правам человека. Например, в одном из наиболее известных решений по делу «Функе против Франции» Европейский Суд отметил, что ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод не требует предварительного судебного разрешения на проведение обысков на дому и изъятий[684]. В решении по делу «Смирнов против России» Европейский Суд обратил внимание на потенциальную возможность обратиться в суд после вынесения постановления о производстве обыска, как бы компенсирующую отсутствие первоначального судебного ордера[685]. При этом Европейский Суд определяет некоторые критерии, предполагающие допустимость вмешательства государства в гарантированное Конвенцией право личности на неприкосновенность жилища (соответствие законодательству государства; обусловленность законными целями; необходимость для достижения этих целей в демократическом обществе)[686].

---

[681] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.).

[682] Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.) с последующими изменениями и дополнительными протоколами к ней

[683] Международный Пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах».

[684] Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» (жалоба № 10828/84).

[685] Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июня 2007 г. по делу «Смирнов против Российской Федерации» (жалоба № 71362/01).

[686] Например: постановление Европейского Суда по правам человека от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс и другие против Германии» (жалоба № 5029/71); Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88); постановление Европейского Суда по правам

Следовательно, приоритет предварительного судебного контроля над последующим в части обеспечения права на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве – это внутренний вопрос Российской Федерации, требующий разрешения на уровне национального законодательства. При этом анализ положений Конституции РФ позволяет констатировать, что она прямо устанавливает необходимость получения судебного решения лишь в связи с ограничением права на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. А в отношении ограничения права на неприкосновенность жилища ст. 25 Конституции РФ содержит менее резкое предписание: «Никто не вправе проникать в жилище против воли проживающих в нем лиц иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или (!) на основании судебного решения». Таким образом, судебное решение в конституционно-правовом контексте рассматривается не как единственная, а всего лишь как дополнительная гарантия неприкосновенности жилища, применяемая в случаях, прямо не урегулированных соответствующим федеральным законом. В этой связи позволим себе выразить категорическое несогласие со специалистами, указывающими на внутреннее логическое противоречие ст. 25 Конституции РФ, заключающееся в противопоставлении судебного решения и федерального закона как оснований для проникновения в жилище[687]. Мы также не можем принять доводы других авторов, пытающихся истолковывать названную норму как допускающую возможность законодательного или судебного произвола в вопросах ограничения неприкосновенности жилища[688]. Представляется, что ст. 25 Конституции РФ не содержит никакого логического противоречия и не допускает возможности произвола. Она всего лишь, закрепляя на

человека от 22 декабря 2011 г. по делу «Алексанян против Российской Федерации» (жалоба № 46468/06).

[687] *Орлов А.В.* Конституционные нормы, обеспечивающие обвиняемому право на защиту в российском уголовном процессе: автореф. дис. … к.ю.н. – Саратов: СЮИ МВД России, 2004. – С. 19.

[688] *Утарбаев А.К.* Принцип неприкосновенности жилища, его содержание и гарантии // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. статей / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара: Самарский госуниверситет, 2008. – С. 179.

концептуальном уровне принципиальное положение о неприкосновенности жилища, предоставляет федеральному законодателю право выбора: а) установить конкретный правовой механизм, позволяющий в определенной сфере государственной деятельности (например, в уголовном судопроизводстве) при наличии соответствующих оснований проводить действия, сопряженные с возможностью проникновения в жилище без получения предварительного судебного решения; б) требовать от своих должностных лиц каждый раз при необходимости совершения подобных действий специально получать предварительное решение суда. Заслуживает внимания суждение Е.А. Зайцевой и Н.В. Костериной, полагающих, что в ч. 2 ст. 29 УПК РФ имеет место расширенное толкование Конституции. А для соблюдения преемственности конституционных установлений и норм уголовно-процессуального права нашему законодателю следовало бы в УПК РФ распространить судебную защиту принятия решения на ограничение только тех конституционных прав и свобод граждан и только в тех случаях, на которые прямо указано в тексте Конституции РФ[689].

При этом в вопросах правового регулирования следственных действий, посягающих на неприкосновенность жилища, УПК РФ почему-то пошел по более сложному пути. Очевидно, данное обстоятельство объясняется желанием законодателя как можно более наглядно продемонстрировать переход Российской Федерации к принципиально новой идеологии уголовного судопроизводства, построенной на безусловном приоритете прав человека. Кстати, об этом свидетельствует и принятая в 1991 г. российская Декларация прав и свобод человека и гражданина[690]. В ч. 2 ст. 11 названного документа прямо указывается, что обыск и иные действия, совершаемые с проникновением в жилище, допускаются на основании судебного решения, за исключением случаев, не терпящих отлагательств, где возможен иной, установленный законом, порядок, предусматривающий обязательную последующую проверку судом законности этих

---

[689] *Зайцева Е.А., Костерина Н.В.* Полномочия суда на стадии предварительного расследования. – Волгоград: ВА МВД России, 2007. – С. 73.

[690] Постановление Верховного Совета РСФСР «О Декларации прав и свобод человека и гражданина» от 22 ноября 1991 г. № 1920-1.

действий. Таким образом, «процессуальный маятник» в этой части качнулся слишком сильно. По мнению В.М. Быкова, авторы УПК РФ в своем усердии явно перестарались[691]. Стремясь продемонстрировать демократические начала уголовного судопроизводства, законодатель попытался создать идеальный с точки зрения обеспечения прав и свобод личности принцип неприкосновенности жилища в уголовном процессе. Он, как известно, предполагает обязанность получения предварительного судебного решения в любом случае производства в жилище осмотра без согласия проживающих лиц, обыска или выемки за исключением случаев, не терпящих отлагательства (ст. 12 УПК РФ). На первый взгляд, данная идея является безупречной. Но, как совершенно правильно отмечает И.В. Чепурная, неприкосновенность жилища нельзя абсолютизировать: во всех странах этот принцип сопровождается ограничительными оговорками. А в отдельных случаях, предусмотренных уголовно-процессуальным законодательством, допускается вторжение в жилище и без согласия проживающих в нем лиц[692]. Поэтому правовые иллюзии законодателя о неприкосновенности жилища, к сожалению, развеиваются, когда речь заходит уже не о самом принципе, а о конкретном механизме его реализации, предусмотренном ст. 165 УПК РФ и выраженном в приоритете предварительного судебного контроля перед последующим. Будучи направленным, главным образом, на обеспечение прав и свобод личности, то есть на материальные ценности, он оказывается не лишенным целого ряда существенных недостатков уже собственно процессуального характера.

Один из таких недостатков заключается в том, что посредством предварительного судебного контроля на практике создаются дополнительные правовые преграды для быстрого и эффективного производства на первоначальном этапе расследования. Ведь вполне очевидно, что и осмотр, и обыск, и даже выемка зачастую являются первоначальными следственными действиями и нередко

---

[691] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 209.

[692] *Чепурная И.В.* Судебный контроль в досудебном уголовном производстве: дис … к.ю.н. – М.: Российская таможенная академия, 2005. – С. 125.

осуществляются в условиях процессуального цейтнота, особенно по уголовным делам о групповых преступлениях. Сотрудники органов дознания и предварительного следствия, скованные жесткими процессуальными сроками, в ряде случаев просто физически не успевают выполнить все предусмотренные ч.ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ процессуальные условия и получить в установленном порядке судебное решение (иногда несколько судебных решений). Тем более что ходатайство следователя должно быть не голословным, а обоснованным, подтвержденным достаточной совокупностью достоверных сведений. Как отмечает В.В. Бородинов применительно к обыску в жилище, для того чтобы судья выдал такое разрешение, требуется представить информацию, которая убеждала бы его в том, что в данном случае обыск является единственно подходящим способом получения доказательств по уголовному делу[693]. К тому же на практике подобные процедуры зачастую оказываются слишком забюрократизированными, требующими подготовки целого комплекса различных документов. По этому поводу Д.О. Серебров указывает, что в суд поступает не просто ходатайство, а целый материал о возбуждении ходатайства в прошитом и пронумерованном виде и с описью бумаг[694]. Попутно следует заметить, что автор приветствует эту идею и предлагает придать ей законодательный характер, с чем мы принципиально не согласны. А Н.А. Колоколов даже формулирует соответствующие практические рекомендации и приводит перечень процессуальных документов, подлежащих представлению в судебное заседание (различные протоколы допросов, очных ставок, предъявлений для опознаний, заключения экспертов и т.д.)[695]. Поэтому, как отмечает, опираясь на материалы своего

---

[693] *Бородинов В.В.* Судебный контроль как способ предупреждения беспредметного обыска // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы междунар науч.-практич. конференции. – М.: МГЮА, 2007. – С. 314.

[694] *Серебров Д.О.* Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности … С. 84.

[695] *Колоколов Н.А.* Оперативный судебный контроль в уголовном процессе. – М.: ИГ «Юрист», 2008. – С. 214.

эмпирического исследования, все тот же Д.О. Серебров, следователи порой избегают производства ряда следственных действий, что приводит к слабой доказательственной базе по уголовным делам[696]. О данных следственных ошибках в своих работах также пишут В.М. Быков[697], И.В. Жеребятьев[698], Г.З. Адигамова[699] и некоторые другие авторы.

Сложность получения предварительного судебного решения на производство следственного действия порождает еще одну практическую проблему реализации принципа неприкосновенности жилища – тенденцию к злоупотреблению правом на осуществление таких действий в условиях безотлагательности. Ведь гипотеза ч. 5 ст. 165 УПК РФ имеет оценочный характер. По ее смыслу органы дознания и предварительного следствия самостоятельно, по своему собственному усмотрению должны определять, имеют ли место в той или иной ситуации обстоятельства, не терпящие отлагательства. А в современных условиях, зачастую сопряженных с достаточно низким уровнем профессионализма, правосознания и личной ответственности многих следователей и дознавателей, возможность такого собственного усмотрения нередко явно выходит за допустимые рамки. Так, Р.А. Зинец, опираясь на статистические данные, отмечает, что в последнее время просматривается тенденция к активному использованию следователями полномочий по проведению обысков в соответствии с ч. 5 ст. 165 УПК РФ[700]. На это обстоятельство обращает внимание и М.А. Фомин[701]. Иными словами, следователи (дознаватели) в ряде случаев просто маскируют

---

[696] *Серебров Д.О.* Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности … С. 5–6.

[697] *Быков В.М.* Следователь в уголовном процессе России. – М. Юрлитинформ, 2014. – С. 58.

[698] *Жеребятьев И.В.* Предмет судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства // Уголовный процесс – 2005. – № 10. – С. 36.

[699] *Агидамова Г.З.* Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора: автореф. дис. … к.ю.н. Челябинск: Южно-Уральский госуниверситет, 2004. – С. 21

[700] *Зинец Р.А.* Судебный контроль в стадии предварительного расследования: процессуальные и организационные аспекты … С. 124.

[701] *Фомин М.А.* Обыск в современном уголовном процессе России: учеб.-практич. пособие. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 43.

следственные действия в жилище под безотлагательные либо искусственно создают соответствующие условия. Вследствие этого осмотр, выемка и особенно обыск проводятся без предварительного судебного решения в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Например, на сегодняшний день весьма распространенной является практика проведения оперативными сотрудниками по предварительной договоренности с органами расследования различных мероприятий (в частности, проверочных закупок наркотиков, оружия, поддельных денег и т.п.), сопровождающихся задержанием лица в вечернее время. Выбор данного времени нередко обуславливается искусственным созданием условий, исключающих возможность получения предварительного судебного решения на проведение осмотра или обыска по месту жительства задержанного. В этой связи разумным представляется мнение Н.А. Колоколова, что оценочный характер случав, не терпящих отлагательства, к сожалению, создает порочную практику производства обысков в порядке, предусмотренном ч. 5 ст. 165 УПК РФ, без крайней на то нужды[702]. И наоборот, мы категорически не согласны с позицией А.А. Акимчева, полагающего, что следователь совсем не заинтересован в злоупотреблениях по этому поводу, поскольку о каждом таком случае обязательно уведомляются прокурор и судья. Автор не совсем разумно утверждает, что следователь не будет рисковать в условиях подобной мнимой безотлагательности, так как это чревато последующим признанием соответствующего доказательства недопустимым[703]. Думается, что позиция А.А. Акимчева скорее сориентирована на следственных работников, являющихся истинными профессионалами своего дела и обладающих высоким уровнем правосознания и ответственности. Тогда как в современных условиях (о чем мы уже писали выше) в отечественной правоприменительной практике с этим еще далеко не все благополучно.

Многие специалисты пытаются найти выход из сложившейся ситуации посредством формулирования перечня конкретных обстоятельств, не терпящих

---

[702] *Колоколов Н.А.* Судебный контроль в стадии предварительного расследования: учебное пособие для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – С. 164.

[703] *Акимчев А.А.* Проблемы реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве … С. 357.

отлагательства при производстве следственных действий. Такой позиции, в частности, придерживаются С.А. Шейфер[704], М.А. Фомин[705] и вышеупомянутый А.А. Акимчев. Последний, кстати, полагает, что все многообразие подобных ситуаций нельзя охватить нормой закона и поэтому считает целесообразным закрепить их на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ[706]. Примерно этой же позиции в настоящее время придерживается руководство Следственного комитета РФ, закрепив перечень обстоятельств, не терпящих отлагательства для производства следственных действий на уровне ведомственного нормативно-правового акта[707]. Еще одна группа специалистов предлагает, на наш взгляд, более рациональный подход к проблеме: не формулировать конкретных обстоятельств, не терпящих отлагательства, а выработать и закрепить в законе критерии, позволяющие определить безотлагательность ситуации. Этого мнения придерживаются А.Б. Соловьев, разработавший систему таких критериев[708], и В.М. Быков, вносящий предложения по ее оптимизации[709]. Однако представляется, что и подобная конкретизация обстоятельств, не терпящих отлагательства, или даже формулирование специальных правовых критериев для производства неотложных следственных действий если и позволят несколько снизить возможность произвола со стороны органов предварительного

---

[704] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение … С. 57, 71.

[705] *Фомин М.А.* Обыск в современном уголовном процессе России … С. 44.

[706] *Акимчев А.А.* Проблемы реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве … С. 357.

[707] Приказ Председателя Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном Комитете Российской Федерации».

[708] *Соловьев А.Б.* Обеспечение обоснованности проведения осмотра в жилище, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства // Уголовное право. – 2004. – № 2. – С. 103–104; *Он же*. Обеспечение следователем законности и обоснованности производства осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства: материалы Всерос. межведомственной науч.-практич. конференции / под ред. В.Я. Кикотя. – М.: МосУ МВД России, 2004. – С. 221.

[709] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 219–220, 224.

расследования (что маловероятно), то никоим образом не уведут правоприменителя от оценочного характера той или иной следственной ситуации. Несмотря на новые правовые гипотезы, основным критерием возможности производства следственного действия в порядке ч. 5 ст. 165 УПК РФ все равно останется внутреннее убеждение соответствующего следователя (дознавателя), обусловленное исключительно его собственным профессионализмом, правосознанием и личной ответственностью. С другой стороны, введение исчерпывающего перечня обстоятельств, не терпящих отлагательства, или специальных критериев для производства неотложных следственных действий может привести к правовой беспомощности следователя в какой-то нетипичной ситуации, то есть не подпадающей под указанную в законе гипотезу, но тем не менее, объективно требующей безотлагательного реагирования со стороны правоохранительных органов.

Таким образом, подводя небольшой итог сказанному, можно заключить, что установленный законодателем механизм предварительного судебного контроля за производством следственных действий в жилище явно не оправдывает возложенных на него надежд, а, наоборот, оказывает скорее негативное влияние на правоприменительную практику. С одной стороны, он создает дополнительные организационно-технические сложности и явно затрудняет эффективность работы следственных органов, особенно на первоначальном этапе расследования. С другой же стороны, он обуславливает рост злоупотреблений со стороны отдельных следователей (дознавателей) в части реализации полномочий, предусмотренных ч. 5 ст. 165 УПК РФ. Причем наиболее злостными субъектами такого злоупотребления являются именно те непрофессиональные и безответственные сотрудники органов предварительного расследования, от действий которых и должен, в первую очередь, защищать механизм судебного контроля. Иными словами, (как это ни парадоксально) право на неприкосновенность жилища в уголовно-процессуальной практике зачастую страдает именно из-за того, что, по мнению законодателя, является существенной гарантией его защиты – из-за механизма предварительного судебного контроля.

На первый взгляд можно предположить, что рассмотренный недостаток предварительного судебного контроля за производством следственных действий имеет исключительно организационно-кадровый аспект и вполне устраним посредством повышения профессионализма, правосознания и личной ответственности сотрудников органов дознания и предварительного следствия. В этой связи следует согласиться с В.С. Шадриным, полагающим, что возникающие в процессе расследования дополнительные сложности могут компенсироваться за счет роста профессионального мастерства и улучшения организации работы органов расследования, усиления их технической поддержки, внедрения в практику расследования современных криминалистических методик и т.п.[710] Однако данный механизм имеет и еще один недостаток уже сугубо процессуального характера. Дело в том, что ч. 1–4 ст. 165 УПК РФ устанавливают такую форму предварительного судебного контроля за производством осмотра, обыска и выемки в жилище, которая осуществляется в условиях тайны, то есть посредством двусторонних правоотношений между судом и участниками уголовного процесса со стороны обвинения: дознавателем, следователем, прокурором. Как справедливо полагает Г.П. Химичева, подобное решение законодателя представляется оправданным, поскольку приоритет в данном случае скорее отдается сохранению тайны предварительного следствия, чем обеспечению прав участвующих в уголовном судопроизводстве лиц[711]. С такой постановкой вопроса согласны и другие специалисты. Например, К.И. Сутягин подчеркивает, что иное решение данного вопроса сводит на нет криминалистическую тактику проведения этих следственных действий, существенно снижает степень их результативности[712].

---

[710] *Шадрин В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений: дис… д.ю.н. – Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России, 1997. – С. 128.

[711] *Химичева Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности … С. 306.

[712] *Сутягин К.И.* Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу. – М.: Юрлитинформ, 2008. – С. 109.

И действительно, как можно не сохранять в тайне решение о производстве обыска или выемки, если эффективность этих следственных действий напрямую зависит от внезапности их проведения. С данной позицией солидарен и Конституционный Суд РФ, отметивший в одном из своих решений, что в противном случае следственные и иные процессуальные действия, достижение позитивных результатов которых в значительной степени обусловлено их внезапным и конфиденциальным характером, при уведомлении о предстоящем их проведении заинтересованных лиц могли бы утратить всякий смысл[713]. При этом становится очевидным, что предусмотренные ч. 1–4 двусторонние правоотношения стороны обвинения с судом полностью исключают механизм состязательности. О какой состязательности может идти речь при необходимости сохранения в тайне подобного судебного решения вплоть до его исполнения. Об отсутствии состязательности при осуществлении предварительного судебного контроля уже неоднократно упоминалось в специальной литературе. Например, В.А. Яблоков указывает, что формы предварительного и последующего судебного контроля отличаются друг от друга присутствием одной или обеих спорящих сторон, то есть состязательным или лишенным состязательности характером судопроизводства. Предварительный судебный контроль в форме дачи судом разрешения на проведение действий, ограничивающих конституционные права граждан, вполне логично проводить при закрытых дверях, не оповещая при этом лицо, чьи права могут быть затронуты этим действием[714]. На это обстоятельство также обращали внимание О.В. Рябкова[715], Е.Ю. Лихачева[716] и многие другие исследователи. Иными словами, установленный законом по-

[713] Определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О.

[714] *Яблоков В.А.* Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России … С. 97.

[715] *Рябкова О.В.* Судебный контроль на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования: дис. … к.ю.н. – Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2003. – С. 150.

[716] *Лихачева Е.Ю.* Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам: автореф. дис. … к.ю.н. – Саратов: СГАП, 2005. – С. 20

рядок получения предварительного судебного решения на производство следственного действия не соответствует современному представлению о состязательных механизмах реализации судебной власти. Вряд ли можно полностью согласиться с К.В. Андреевым, что судебный контроль, так же как и правосудие связан с разрешением социально-правового спора сторон[717]. Установленная ч. 1–4 УПК РФ процессуальная модель, в частности взаимоотношения суда с другими участниками уголовного судопроизводства, не укладывается в общепринятые и известные формы судебной деятельности. Как отмечает В.В. Кальницкий, поскольку в подобном судебном заседании нет сторон, то главное преимущество судебной процедуры – правовой спор – сводится к нулю, а судья без выяснения мнения сторон беспомощен и действует в качестве обычного должностного лица, например, прокурора[718]. Следовательно, предварительный судебный контроль в этой части скорее напоминает не деятельность суда, а некую административную процедуру, которую отдельные авторы называют судебным санкционированием[719]. Он мало чем отличается от существовавшего ранее (по УПК РСФСР) прокурорского порядка санкционирования обыска; разница, по существу, заключается лишь в том, что роль прокурора теперь выполняет другое должностное лицо – судья. А решение по-прежнему принимается исключительно на основании представленных стороной обвинения материалов[720].

---

[717] Правовое положение следователя и прокурора в досудебном производстве (в рамках судебно-контрольных производств / отв. ред. А.В. Сухинин. – М.: Юрлитинформ, 2014. – С. 41.

[718] *Кальницкий В.В.* УПК РФ не обеспечивает процессуальную независимость суда // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения: материалы межведомственного круглого стола / под ред. О.А. Галустьяна, О.И. Цоколовой. – М.: ВНИИ МВД России, 2003. – С. 44; *Он же.* Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учеб. пособие. – Омск: Омская академия МВД России, 2009. – С. 89.

[719] Например: *Татьянина Л.Г.* Судебное санкционирование как форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве // Материалы междунар. науч.-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной. – Т. 2. – М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2009. – С. 331; *Рябцева Е.В.* Судебное санкционирование в уголовном процессе России … С. 20; *Адильшаев Э.А., Жеребятьев И.В., Шамардин А.А.* Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России. – Оренбург: ООО ИПК «Университет», 2013. – С. 23.

[720] В этой связи совершенно справедливым представляется суждение, высказанное А.В. Солодиловым, что судебный контроль не может и не должен заменять собой прокурорский

Кстати, подобные материалы, например, результаты оперативно-розыскной деятельности, зачастую носят сомнительный характер и не имеют формы доказательств. По поводу последнего обстоятельства многими специалистами не раз высказывалось мнение относительно необходимости принятия решения о производстве следственных действий, затрагивающих конституционные права личности, исключительно на основе доказательств[721] или иных сведений, полученных процессуальным путем[722]. С одной стороны, данная позиция является абсолютно справедливой. Однако, на наш взгляд, ее авторы в очередной раз идеализируют защиту прав и свобод личности в этой части. Если посмотреть на проблему с другой, сугубо практической стороны, становится очевидным ее несостоятельность. Так, в условиях процессуального цейтнота на первоначальном этапе расследования (что мы уже отмечали выше) органы дознания или предварительного следствия просто не будут иметь реальной возможности надлежащего процессуального оформления оснований для производства осмотра, обыска или выемки. И в результате – опять все те же описанные выше негативные последствия: отказы от производства ряда следственных действий или их необоснованное проведение под видом безотлагательных. В этой связи мы скорее согласны с авторами, допускающими возможность аргументации целесообразности производства следственных действий не только доказатель-

---

надзор в уголовном процессе. См.: *Солодилов А.В.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России … С. 73.

[721] Например: *Корнуков В.М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве. – Саратов: Саратовский университет, 1987. – С. 168–169; *Муратова Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики … С. 150; *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник / под ред. А.В. Смирнова. – 3-е изд. – М.: КНОРУС, 2007. – С. 379; *Баранова М.А.* Гарантирует ли ч. 5 ст. 165 УПК РФ конституционное право на неприкосновенность жилища? // Материалы междунар. науч.-практич. конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной. Т. 2. – М.: МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2009. – С. 332; *Трухин С.Н.* Надлежащие доказательства как основание для разрешения судом следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан // Уголовное право. – 2012. – № 6. – С. 94–102 и т.д.

[722] *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 229.

ствами, но и наряду с ними иными сведениями, в том числе материалами оперативно-розыскной деятельности[723]. Тем более что и сам Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит прямого предписания об исключительном доказательственном обосновании судебного решения о производстве следственных действий.

Однако даже если предположить существование подобного предписания и условно допустить возможность получения судебного решения о производстве осмотра, обыска или выемки не иначе как на основе доказательств, то реальная расстановка сил от этого существенно не изменится. Ведь в отсутствие состязательности судебного заседания все равно возникнет целый ряд вопросов. Например, кто и каким образом сможет противостоять стороне обвинения при судебном исследовании представленных доказательств? Кто попытается повлиять на признание этих доказательств недопустимыми, если они получены с нарушением закона? Очевидно, что действующий порядок принятия предварительного судебного решения о производстве следственных действий не дает ответа на эти вопросы. Таким образом, думается, что, независимо от формы представленных в суд сведений, процедура предварительного судебного контроля за законностью производства следственных действий в большинстве случаев просто теряет всякий смысл.

Кстати, на данный факт указывают и статистические данные, согласно которым суды удовлетворяют ходатайства органов предварительного расследования о проведении следственных действий в жилище практически в 100% случаев. А редкие отказы обусловлены исключительно формальными основаниями (например, несоблюдением срока представления в суд материалов и т.д.). В частности, Х.П. Шептунова в своем диссертационном исследовании приводит данные, согласно которым за период с 2004 по 2007 год в Оренбургской

---

[723] Например: *Фомин М.А.* Обыск в современном уголовном процессе России … С. 36; *Литвинова И.Ф.* Обеспечение неприкосновенности жилища при проведении обыска // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы междунар. науч.-практич. конференции. – М.: МГЮА, 2007. – С. 364.

области относительный ежегодный показатель количества удовлетворенных судами ходатайств о производстве следственных действий в жилище колебался в пределах от 97,6% до 98,5%[724]. М.С. Ерик и С.В. Маслова сообщают соответствующие сведения за 2011 год по Новгородской области: всего рассмотрено ходатайств – 1005, из них удовлетворено – 971[725] (то есть 96,6%). По данным А.Б. Соловьева и И.Л. Петрухина, ходатайства следователей о производстве осмотров, обысков и выемок в жилище удовлетворяются в 97,8% случаев[726]. А К.В. Степанов указывает, что количество отклоняемых судом ходатайств о производстве следственных действий составляют немногим более 0%[727]. Отчеты о работе судов первой инстанции по рассмотрению уголовных дел за 2012 и 2013 годы, опубликованные на официальном сайте Судебного департамента при Верховном Суде РФ, содержат следующие данные: всего было рассмотрено соответственно 157,2 тыс. и 169,0 тыс. ходатайств органов предварительного расследования о производстве осмотра, обыска или выемки в жилище. Из них было удовлетворено соответственно 154,5 (98,3%) и 165,2 (97,8%) тыс. ходатайств. Примерно аналогичная ситуация наблюдалась и за более ранние годы. Проведенный нами опрос следователей, прокуроров, адвокатов, судей, секретарей судебных заседаний г. Москвы и некоторых других регионов РФ показал примерно те же результаты. Причем в некоторых районных судах Тульской, Ярославской и Воронежской областей этот показатель достигает абсолютного уровня в 100%.

---

[724] *Шептунова Х.П.* Право личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве: отечественный опыт и международные стандарты … С. 110–111.

[725] *Ерик М.С., Маслова С.В.* Судебный контроль при производстве следственных действий // Уголовный процесс. – 2012. – № 10. – С. 50.

[726] *Буланова Н.В., Соловьев А.Б., Токарев М.Е.* Прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса России. М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 52–53; *Петрухин И.Л.* Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 92.

[727] *Степанов К.В.* Проблема существенности нарушений закона при осуществлении судебного контроля за досудебным производством // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ): материалы междунар. науч.-практич. конференции. – М.: МГЮА, 2007. – С. 377.

Хотя для справедливости следует отметить, что в современной практике все же встречаются случаи неудовлетворения судами ходатайств органов предварительного расследования о производстве следственных действий в жилище не по формальным, а по сугубо фактическим обстоятельствам. Так, Кузьминский районный суд г. Москвы отказал следователю в удовлетворении ходатайства о производстве обыска по месту жительства К., подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 306, ч. 3 ст. 30, ч. 4 ст. 159 УК РФ, посчитав, что представленных материалов (рапортов оперативных сотрудников, протоколов обыска, протоколов осмотров изъятых предметов и допросов свидетелей) явно недостаточно для того, чтобы полагать о нахождении в жилище К. предметов и документов, которые могут иметь значение для уголовного дела. Однако впоследствии Московским городским судом данное решение было отменено как необоснованное[728]. То есть данный пример является тем самым исключением, которое только подтверждает общую закономерность.

В этой связи представляется разумным суждение И.Л. Петрухина, который писал, что если все или почти все ходатайства следственных органов суд удовлетворяет, то зачем в таком случае вообще судебный контроль?[729] Близкой позиции придерживается и В.А. Лазарева. Она отмечает, что достигающая практически 100% удовлетворяемость ходатайств органов расследования о производстве следственных действий позволяет говорить о неэффективности судебного контроля, превращенного в выдачу разрешений, что приводит к нарушению или необоснованному ограничению прав личности, формирует в общественном правосознании убеждение, что суд заодно со следователем[730]. В этой связи мы никак не можем согласиться с Т.Ю. Вилковой, считающей данный

---

[728] Апелляционное постановление Московского городского суда от 17 декабря 2014 г. по делу № 10-17016/14. // СПС «КонсультантПлюс».

[729] *Петрухин И.Л.* Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью … С. 92.

[730] *Лазарева В.А.* Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве. – М.: Юрлитинформ, 2010. – С. 158.

механизм одной из наиболее действенных гарантий от произвольного или чрезмерного вмешательства в личную жизнь[731]. Полагаем, что осуществляемый при отсутствии состязательности предварительный судебный контроль за осмотром, обыском или выемкой – это, наоборот, малоэффективный и сомнительный инструмент обеспечения права на неприкосновенность жилища. Мы солидарны с Е.А. Зайцевой и Н.В. Костериной, указывающими, что судья не может априори проверить законность и обоснованность еще не состоявшегося решения органа расследования. Тем более что данное решение будет принимать не этот орган, а сам суд, который и должен обеспечить законный режим ограничения конституционных прав и свобод в стадии предварительного расследования. И, следовательно, он сам обязан принять законное и обоснованное правоограничительное решение[732]. Кстати, попутно заметим, что указанные авторы вообще достаточно скептически относятся к предварительным судебным решениям за производством следственных действий как к форме судебного контроля. По их мнению, в данном случае ни о какой контрольной функции суда вообще не может идти речь, поскольку судья сам принимает соответствующее решение[733]. Мы также не можем не принять во внимание позицию с В.М. Быкова, полагающего, что посредством предварительного судебного контроля лишь создаются искусственные правовые преграды для своевременного производства следователем рассматриваемых следственных действий, а это снижает эффективность предварительного расследования в целом и является порой одной из причин того, что некоторые преступления остаются нераскрытыми[734].

Более того, механизм получения предварительного судебного решения на производство следственных действий в жилище не только малоэффективен и

---

[731] *Вилкова Т.Ю.* Принципы уголовного судопроизводства: правовые основы, содержание, гарантии. – М.: Юрлитинформ, 2015. – С. 153.

[732] *Зайцева Е.А., Костерина Н.В.* Полномочия суда на стадии предварительного расследования … С. 39.

[733] Там же. С. 34.

[734] *Быков В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства … С. 210.

затруднителен. На наш взгляд, он порождает дальнейшую безнаказанность действий органов дознания и предварительного следствия. Ведь, получив в свое распоряжение решение суда о производстве осмотра, обыска или выемки в жилище, они приобретают весьма широкие возможности. Прикрываясь этим решением как своеобразным «процессуальным щитом», дознаватели и следователи могут действовать почти бесконтрольно. При этом законность и обоснованность их поведения практически «неоспоримы», так как уже предварительно были санкционированы судом и получили его одобрение. Самым парадоксальным в этой ситуации является тот факт, что заинтересованные лица даже не имеют реальной возможности последующего обжалования подобных бесконтрольных действий в суд. Ведь, согласно ч. 1 ст. 125 УПК РФ, жалобы на неправомерное поведение органов дознания и предварительного следствия направляются в районный суд по месту предварительного расследования – то есть именно в тот самый суд, который ранее и выдавал решение на производство обжалуемого следственного действия. Данная проблема приобретает особую актуальность применительно к деятельности небольших районных судов с малой штатной численностью судей.

Резюмируя все вышесказанное, мы приходим к выводу, что основной способ обеспечения конституционного права на неприкосновенность жилища при производстве следственных действий – предварительный судебный контроль – представляет собой весьма слабую, малоэффективную и достаточно сомнительную процессуальную гарантию. Более того, его использование оказывает скорее негативное влияние на современную правоприменительную практику. При этом, как отмечают многие исследователи, актуальнейшей задачей современных ученых является разработка такой модели судебного контроля за предварительным расследованием, которая помимо всего прочего станет реальной преградой на пути нарушения прав личности и злоупотреблений со стороны

органов государства[735]. Вместе с тем полный отказ государства от использования механизма судебного контроля в этой части также представляется нецелесообразным. Как уже отмечалось выше, мы полагаем, что идея судебного контроля в целом весьма прогрессивна, а его использование – существенная правовая гарантия, которая отвечает международным стандартам в сфере обеспечения прав и свобод личности.

Следовательно, выход из сложившейся ситуации может быть только один: судебный контроль за процессуальными действиями, проводимыми в жилище, всегда должен носить исключительно последующий характер. Подобный механизм, с одной стороны, не будет оказывать негативного влияния на быстроту, внезапность и, следовательно, эффективность проведения осмотра, обыска или выемки. С другой стороны, он позволит обеспечить состязательность как необходимое условие реализации судебной власти. Полагаем, что последующий судебный контроль содержит в себе достаточно процессуальных гарантий, чтобы защитить права и законные интересы лиц, вовлеченных в производство следственных действий. Нельзя не согласиться с И.В. Чепурной, указывающей, что при рассмотрении уведомления о проведении следственного действия без разрешения суда могут принимать участие и лица, конституционные права и процессуальные интересы которых данным следственным действием были нарушены, а также их защитники и представители[736]. В подобной ситуации уже нет необходимости сохранять в тайне следственное действие, поскольку оно рассматривается как свершившийся факт и присутствие сторон здесь необходимо. Посредством последующего контроля суд получает более полную и объективную возможность рассмотреть ситуацию и вынести законное и обоснованное решение. Этот порядок рассмотрения проведенных без решения суда следственных действий в полной мере отвечает принципам состязательности уголовного процесса. А.В. Солодилов отмечает, что пояснения проживающих в

[735] Например: *Яблоков В.А.* Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России… С. 61.

[736] *Чепурная И.В.* Судебный контроль в досудебном уголовном производстве … С. 127.

жилом помещении лиц по поводу их несогласия с производством следственных действий могут в серьезной степени иметь значение для решения вопроса о законности и обоснованности проведения таковых[737].

Последующий судебный контроль позволит суду совместно со сторонами детально разобраться во всех тонкостях уже свершившегося факта и оценить действия всех участвующих при этом лиц. Этот механизм является единственной возможностью полноценного контроля суда за законностью следственных действий в жилище, осуществляемого как в условиях процессуальной состязательности, так и эффективности самой подконтрольной деятельности. Более того, последующий судебный контроль будет служить гарантией не только законности, но и обоснованности проведенных осмотра, обыска или выемки. Он позволит уже по факту сопоставить изложенные в постановлении следователя или дознавателя основания с реальной картиной следственного действия (с протоколом, объяснениями заинтересованных лиц и т.д.). О том, что предметом судебного контроля должна являться не только законность, как это предусмотрено в ч. 5 ст. 165 УПК РФ, но и обоснованность следственного действия, отмечается в целом ряде исследований, посвященных данной проблематике[738].

Таким образом, представляется, что именно последующий судебный контроль за производством «невербальных» следственных действий, обусловленных фактором внезапности, в первую очередь проводимых в жилище, должен стать основной формой обеспечения конституционных прав личности в этом

---

[737] *Солодилов А.В.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России … С. 287.

[738] Например: *Ковтун Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы: дис … д.ю.н. – Н.Новгород: Нижегородская академия МВД России, 2002. – С. 247; *Химичева О.В.* Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004. – С. 246–247; *Рябкова О.В.* Судебный контроль на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования … С. 153; *Бедняков И.Л.* Некоторые вопросы осуществления судебного контроля за законностью производства следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России: межвуз. сб. науч. статей / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара: Самарский госуниверситет, 2008. – С. 189 и т.д.

сегменте уголовно-процессуальной деятельности и со временем полностью вытеснить предварительный судебный контроль как процедуру, с одной стороны препятствующую эффективности досудебного производства, а с другой – противоречащую современным состязательным механизмам реализации судебной власти.

ГЛАВА 4
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ МЕХАНИЗМ ФОРМИРОВАНИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ «НЕВЕРБАЛЬНЫХ» СУДЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ

§ 4.1. «Невербальные» судебные действия как средства познания обстоятельств уголовного дела

В теории уголовного процесса достаточно актуален вопрос, связанный с производством судебных действий, направленных на установление судом обстоятельств уголовного дела в целях обеспечения возможности постановления законного, обоснованного и справедливого приговора или принятия иного решения. Причем по сравнению со следственными действиями, осуществляемыми в ходе досудебного производства, проблемы судебных действий, имеющих ничуть не меньшее, а скорее даже и большее познавательное значение, исследованы в более слабой степени. Очевидно, что такой научный дисбаланс в части рассмотрения близких по существу досудебных и судебных процедур, направленных на установление обстоятельств уголовного дела, является наследием советской процессуальной школы, основанной на полуинквизиционной форме уголовного процесса. И хотя в работах ведущих отечественных ученых XX века четко позиционировалась идея о главенствующей роли суда в рассмотрении и разрешении по существу уголовных дел[739], тем не менее вся юрисдикционная система государства фактически была сориентирована на приоритет досудебного производства. Многие сложившиеся в советский период научные школы в области уголовного процесса действовали на базе научно-исследовательских и учебных заведений МВД СССР, КГБ СССР, Генеральной прокуратуры СССР, а их представители, как и целый ряд других ученых, в прошлом имели стаж практической работы в органах предварительного следствия, что и

[739] Например, *Чельцов М.А.* Советский уголовный процесс. – М.: Госюриздат, 1951. – С. 12–13; *Рахунов Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности … С. 101; *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1 … С. 206; Советский уголовный процесс: учебник / отв. ред. Д.С. Карев... С. 67 и т.д.

обуславливало преимущественно досудебный характер проводившихся исследований. Несмотря на то что в настоящее время ситуация кардинально меняется (было образовано большое количество гражданских вузов, ученые-процессуалисты активно совмещают свою работу с судебной и адвокатской практикой и т.д.), тем не менее научная активность в части следственных действий по сравнению с судебными действиями все еще намного выше. Институт следственных действий, несомненно, представляет собой более выработанный фрагмент науки уголовного процесса. Кстати, это обстоятельство сказывается и на правовой регламентации следственных и судебных действий. Основное внимание законодатель сосредотачивает на правилах, определяющих основания и порядок производства именно следственных действий (гл.гл. 22, 24–26 УПК РФ); судебные действия (гл. 37 УПК РФ) урегулированы в гораздо меньшей степени, а в отношении некоторых из них – вообще действуют отсылочные нормы (ст.ст. 288–290 УПК РФ).

На сегодняшний день само право на существование судебных действий как самостоятельной процессуальной категории вызывает серьезные дискуссии. Уголовно-процессуальный кодекс РФ использует термин «судебные действия» в том или ином контексте всего 6 раз. Так, п. 32 ст. 5 УПК РФ, не раскрывая сущности судебных действий, относит их к процессуальным. Ч. 2 ст. 74 УПК РФ говорит о протоколах судебных действий как о доказательствах по уголовному делу, а ч. 3 ст. 413 УПК РФ – о возможной подложности данного вида доказательств. В ч. 1 ст. 240 УПК РФ указано, что суд заслушивает показания подсудимого, потерпевшего, свидетелей, заключение эксперта, осматривает вещественные доказательства, оглашает протоколы и иные документы, производит другие судебные действия по исследованию доказательств. Ч. 3 ст. 248 УПК РФ предусматривает, что по ходатайству защитника суд может повторить допросы свидетелей, потерпевших, экспертов либо иные судебные действия. И, наконец, ч. 2 ст. 291 РФ предполагает возможность окончания судебного следствия после разрешения заявленных ходатайств и выполнения связан-

ных с этим необходимых судебных действий. Вместе с тем во многих иных положениях закона, в том числе в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, регламентирующей способы собирания доказательств, судебные действия не упоминаются. В свою очередь, в одном из своих постановлений Пленум Верховного Суда РФ разъясняет, что «…суд апелляционной инстанции оказывает содействие сторонам в собирании и представлении доказательств путем производства судебных и иных процессуальных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации…»[740].

Подобная правовая неопределенность обуславливает и весьма различные подходы к сущности судебных действий в науке уголовного процесса[741]. Как мы уже отмечали ранее, целый ряд специалистов вообще считают, что суд в целях познания обстоятельств уголовного дела проводит не судебные, а именно следственные действия[742]. В обоснование этой позиции П.А. Лупинская в наших с ней устных дискуссиях не раз обращала внимания, что действия суда, предусмотренные гл. 37 УПК РФ, следует именовать следственными, поскольку они осуществляются в именно в ходе судебного следствия. В работах

---

[740] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

[741] В этой связи мы не можем согласиться с В.С. Балакшиным, полагающим, что в законе просматривается какая-то определенность с понятием «судебное действие». См.: *Балакшин В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания … С. 152.

[742] Например: *Абдумаджидов Г.А.* Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование) … С. 111–112; *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия. – М.: ЮрИнфор, 2001. – С. 142; *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 38; *Семенцов В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) … С. 26; *Хижняк Д.С.* Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий (теоретический аспект) … С. 11; *Давлетов А.А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть … С. 139; *Гришин С.П.* Судебное следствие в смешанном уголовном процессе. – М.: Юрлитинформ, 2008. – С. 284 и т.д.

Г.И. Загорского используется более сложная категория – следственные действия в судебном разбирательстве[743], а М.К. Гочияев вообще называет их следственными действиями, производимыми судом на стадии судебного следствия[744]. Другие ученые, наоборот, отстаивают право на существование судебных действий как самостоятельной процессуальной категории. В частности, А.В. Костюков отмечает, что термин «судебные действия» в контексте вида доказательств имеет достаточно оснований для своего самостоятельного существования[745]. Некоторые ученые, не вступая в дискуссию по поводу понятия судебных действий, тем не менее активно используют данную категорию для обозначения процессуальных средств, используемых судом в целях познания обстоятельств уголовного дела[746]. Указанная терминология также применяется в ряде решений Конституционного Суда РФ[747].

Существует и несколько иной подход, представители которого (В.М. Бозров, М.В. Кобяков, М.О. Баев, А.В. Кудрявцева, Е.Б. Кузин и другие авторы), понимая под судебными действиями любые формы деятельности суда в уголовном процессе, для обозначения собственно познавательных мероприятий используют более узкий термин «судебные действия следственного характера»[748]. В этой связи С.А. Александрова специально обращает внимание, что

---

[743] *Загорский Г.И.* Судебное разбирательство по уголовному делу. – М.: Юрид. лит., 1985. – С. 37; *Он же.* Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам: учеб.-практич. пособие. – М.: Проспект, 2014. – С. 93.

[744] *Гочияев М.К.* Судебное следствие как объективная основа законного и основанного приговора: дис. … к.ю.н. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2006. – С. 56.

[745] *Костюков А.В.* Понятие «судебное действие» в уголовном судопроизводстве России // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – № 2–1. – С. 166.

[746] Например: *Воробьев Г.А.* Планирование судебного следствия. – М.: Юрид. лит., 1978. – С. 61. *Он же.* Тактика и психологические особенности судебных действий: учеб. пособие. – Краснодар: Кубанский госуниверситет, 1986. – С. 14, 19; *Кириллова Н.П.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел. – СПб.: Юридический факультет СПбГУ, 2007. – С. 200; *Васяев А.А.* Исследование в ходе судебного следствия протоколов следственных действий и иных документов // Адвокат. – 2010. – № 11. – С. 8.

[747] Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 632-О-О.

[748] *Бозров В.М.* Процессуальные, криминалистические и психологические аспекты судебного следствия: автореф. дис. … к.ю.н. – Свердловск: СЮИ, 1991. – С. 6; *Бозров В.М.*, *Кобяков В.М.* Судебное следствие. Вопросы теории и практики. – Екатеринбург: Каменный

систему судебных действий составляют три подсистемы: судебно-контрольные действия, судебные действия следственного характера и организационно-обеспечительные действия суда[749]. В отдельных работах они называются судебно-следственными[750] или, наоборот, следственно-судебными действиями[751]. М.Т. Аширбекова, называя такие действия судебно-следственными, даже предлагает внести соответствующие изменения в ч. 1 ст. 240 УПК[752]. Достаточно оригинальную точку зрения высказывает Л.А. Зашляпин. В целом разделяя позицию о категории судебных действий следственного характера и считая их реальным объектом уголовно-процессуальной науки, автор пишет о них как о некой научной метафоре[753].

Оценивая приведенные точки зрения, мы не можем согласиться с позицией специалистов, распространяющих сферу следственных действий на судебные

пояс, 1992. – С. 20–21; *Баев М.О.* Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы. – М.: Юрлитинформ, 2006. – С. 192. *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия: дис. … к.ю.н. – Челябинск: Южно-Уральский госуниверситет, 2011. – С. 20; *Кудрявцева А.В.* Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2. – С. 58.

[749] *Александрова С.А.* Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальный режим: дис. … к.ю.н. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2010. – С. 7–8.

[750] *Волкодаев Н.Ф.* Судебное следствие: автореф. дис. … к.ю.н. – Саратов: СЮИ имени Д.И. Курского, 1968. – С. 17. *Насонов С.А.* Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория и практика: науч.-практич. пособие. – М.: Р.Валент, 2001. – С. 17; *Балакшин В.С.* Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация. – Екатеринбург: УрГЮА, 2002. – С. 96. Кстати, в этой связи следует обратить внимание, что отдельные авторы под судебно-следственным действием понимают порядок получения судебного решения на производство следственного действия, предусмотренный ст. 165 УПК РФ. См.: *Муратова Н.Г., Подольский М.А.* Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (понятие, виды, содержание, механизм принятия). – Казань: ООО АКП имени Е. Сурьянинова Аделаида, 2007. – С. 96.

[751] *Хайдаров А.А.* К вопросу о понятии и классификации судебных действий, осуществляемых в ходе судебного следствия // Черные дыры в Российском законодательстве. –2012. – № 5. – С. 110; *Он же.* Следственно-судебные действия: проблемы регламентации // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2. – С. 282.

[752] *Аширбекова М.Т.* Принцип публичности при производстве по уголовному делу. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2008. – С. 145.

[753] *Зашляпин Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора. – М.: Юрлитинформ, 2011. – С. 71, 83, 98; *Он же.* Судебные действия следственного характера как научная метафора // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2011. – № 1 (5). – С. 86.

стадии уголовного судопроизводства. Как уже отмечалось ранее, такая концепция фактически приводит к размыванию системы следственных действий и одновременно обесценивает самостоятельную процессуальную природу судебных действий. Ведь несмотря на то что и те, и другие имеют сходную гносеологическую сущность и направленность на познание обстоятельств уголовного дела, между ними существует вполне ощутимая разница. Как совершенно справедливо высказывалась П.С. Элькинд, закон не предусматривает единства процессуальных средств установления истины следователем и судом[754]. Б.А. Жакупов вполне разумно указывает, что разница судебных и следственных действия обусловлена различием судебного следствия и следствия предварительного[755]. Судебные действия, в отличие от следственных, производятся в принципиально ином правовом режиме, основанном на условиях гласности, процессуального равенства и состязательности сторон, что не может не отразиться на особенностях их процедуры; некоторые из этих особенностей будут рассмотрены нами далее. Кстати, мы полагаем, что именно по этой причине судебные действия, урегулированные отсылочными нормами (ст.ст. 288–290 УПК РФ), то есть производство которых осуществляется в порядке, предусмотренном для аналогичных следственных действий, вызывают наибольшие затруднения в практике. По этой же причине нам представляются не совсем разумными термины «следственно-судебные» или «судебно-следственные действия».

Таким образом, наиболее рациональным является подход, в соответствии с которым действия суда, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, следует именовать просто судебными действиями. Вместе с тем вполне приемлемыми являются и взгляды В.М. Бозрова,

---

[754] *Элькинд П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права. – М.: Юрид. лит., 1967. – С. 84.

[755] *Жакупов Б.А.* Разграничение судебных и следственных действий // Стратегии уголовного судопроизводства: материалы междунар. науч. конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого. – URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=269.

М.О. Баева, А.В. Кудрявцевой, Л.А. Зашляпина и других авторов, предлагающих именовать эти мероприятия судебными действиями следственного характера. В принципе между указанными позициями нет какой-то ощутимой разницы, поскольку любая терминология в определенной степени носит условный характер. Последний подход, возможно, и предполагает более точное понимание сущности действий, проводимых в судебном заседании в целях познания обстоятельств уголовного дела. Зато наименование таких процедур просто судебным действиями является более лаконичным и, следовательно, позволит избежать сложных для восприятия законодательных формулировок.

Для определения сущности судебных действий как способов процессуального познания при судебном разбирательстве уголовного дела следует более подробно остановиться на их признаках.

1. Первым существенным признаком любого судебного действия является его процессуальный характер, предполагающий обязательную регламентацию в УПК РФ. Очевидность данного утверждения неоспорима, поскольку в противном случае это бы лишало полученные посредством его проведения сведения доказательственного значения. Пункт 32 ст. 5 УПК РФ прямо относит судебные действия к разновидности процессуальных. Для каждого судебного действия законодателем должна быть установлена определенная правовая процедура (процессуальная форма), позволяющая выделить его из массы других вспомогательных и организационно-технических мероприятий, осуществляемых судебными органами. Вместе с тем судебные действия, по сравнению с аналогичными следственными действия, формализованы в гораздо меньшей степени. Конечно, во многом это объясняется особым юрисдикционным положением суда, безусловно обладающим по сравнению с органами дознания и предварительного следствия большей правовой свободой в выборе той или иной линии поведения, основанной на судебном усмотрении. Однако подобная свобода должна иметь известные границы, обусловленные назначением уголовного судопроизводства, его основополагающими принципами и целым ря-

дом иных факторов. В этой связи представляется несколько странным отказ законодателя от регламентации некоторых вполне очевидных особенностей судебных действий, которые при этом четко прописаны в нормах, посвященных аналогичным следственным действиям.

Существует и более актуальная проблема процессуальной регламентации судебных действий, связанная с полным отсутствием правовой базы для проведения некоторых из них. Как показывает судебная практика, в ряде случаев возникает необходимость производства познавательных мероприятий, прямо не предусмотренных гл. 37 УПК РФ. В процессуальной литературе неоднократно высказывались суждения о том, что перечень судебных действий носит открытый характер и не ограничен теми способами установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, которые прямо перечислены в главе УПК РФ, посвященной судебному следствию. Так, В.М. Бозров и В.М. Кобяков считают, что в ходе судебного заседания возможно проведение любых следственных действий, предусмотренных для предварительного расследования[756]. Аналогичных взглядов придерживаются Ю.В. Кореневский[757], А.В. Курдюкова[758], Е.Б. Кузин[759] и некоторые другие авторы. Причем подобные позиции преимущественно обусловлены содержанием ч. 1 ст. 86 УПК РФ и ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР, смысл которых с первого взгляда позволяет и ранее позволял суду проводить любые следственные действия.

Мы можем согласиться с подобными высказываниями лишь частично. Представляется, что если указанные суждения и имеют свое право на существование, то они ни в коей мере не должны основываться только лишь на ч. 1 ст.

---

[756] *Бозров В.М., Кобяков В.М.* Судебное следствие. Вопросы теории и практики … С. 8; *Бозров В.М.* Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики). – Екатеринбург: УрГЮА, 1999. – С.158–159.

[757] *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия … С. 142.

[758] Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова … С. 592.

[759] *Кузин Е.Б.* К вопросу об открытости перечня судебных действий следственного характера // Вестник Южно-Уральского госуниверситета. – 2011. – № 27 (244). – С. 56–57.

86 УПК РФ[760] вне ее системного единства с иными нормами уголовно-процессуального закона. На наш взгляд, данная норма вообще сформулирована недостаточно корректно; в отрыве от корреспондирующихся с ней других положений Общей и Особенной частей уголовно-процессуального права она предполагает возможность неоднозначного толкования. Как уже отмечалось выше, законодатель почему-то вообще забыл включить в ее содержание судебные действия, чем противопоставил ее смысл п. 32 ст. 5 УПК РФ. В этой связи под иными процессуальными действиями, упоминаемыми в ч. 1 ст. 86 УПК РФ, безусловно, следует понимать в том числе и действия судебные, предусмотренные гл. 37 УПК РФ. Однако подобная не совсем удачная правовая конструкция вовсе не подразумевает, что каждый из субъектов доказывания (дознаватель, следователь, прокурор[761] и суд) вправе осуществлять любые следственные и судебные, а также иные процессуальные действия. В системном единстве с положениями, регламентирующими досудебное и судебное производство, ч. 1 ст. 86 УПК РФ приобретает совсем иной смысл, заключающийся в том, что дознаватель или следователь вправе собирать доказательства посредством следственных или иных процессуальных действий, а суд – посредством судебных или иных процессуальных действий.

Вместе с тем данная позиция ни в коей мере не должна расцениваться как исключающая возможность расширения круга судебных действий, используемых для познания обстоятельств уголовного дела. Вполне очевидно, что предусмотренные гл. 37 УПК РФ правовые механизмы уже не могут обеспечить потребностей современной судебной практики и требуют дополнений. В частности, в настоящей работе нами обосновывается необходимость введения новой

---

[760] Ранее действующую ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР как давно потерявшую юридическую силу мы вообще считаем целесообразным оставить без внимания.

[761] При этом необходимо отметить, что указание в ч. 1 ст. 86 УПК РФ на прокурора как на субъекта собирания доказательств в настоящее время является весьма дискуссионным. На наш взгляд, это обстоятельство можно расценивать исключительно как ошибку законодателя, допущенную при внесении изменений в УПК РФ в части лишения прокурора полномочий по производству предварительного расследования. См.: Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации».

разновидности судебного осмотра – осмотра документов. Некоторые авторы совершенно справедливо указывают на целесообразность осуществления в судебном заседании действия, аналогичного проверке показаний на месте[762]. Е.Б. Кузин, беря за основу позицию В.А. Семенцова[763], предлагающего новое следственное действие – проверку показаний на полиграфе, пишет о потенциальной возможности введения такого же познавательного приема и для судебного заседания[764].

Но расширение существующего круга судебных действий не следует воспринимать как хаотичный процесс, заключающийся в нерегулируемом праве суда осуществлять любые познавательные приемы, предусмотренные для предварительного расследования. Правовая регламентация последних сориентирована исключительно на досудебное производство и поэтому во многом просто неприемлема для судебного заседания. Следовательно, производство судом подобных действий не иначе как в условиях применения правовой аналогии будет носить сумбурный характер, исключающий единообразие судебной практики. В этой связи мы полагаем, что возможность расширения круга существующих судебных действий может быть обеспечена только законодательным образом посредством внесения соответствующих дополнений в гл. 37 УПК РФ. Лишь легальное закрепление новых судебных действий позволит обеспечить соответствие их процессуальной формы общим условиям судебного разбирательства и, таким образом, создать действительно эффективные правовые механизмы познания обстоятельств уголовного дела в условиях состязательности. Более того, расширение круга судебных действий посредством включения в их перечень приемов, уже используемых в настоящее время органами предваритель-

---

[762] *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия … С. 142–143; *Симак А.И.* Криминалистическое обеспечение судебного следствия по уголовным делам: автореф. дис. … к.ю.н. – Ростов н/Д.: Ростовский юридический институт МВД России 2013. – С. 23.

[763] *Семенцов В.А.* Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе // Российский юридический журнал. – 2010. – № 5. – С. 133.

[764] *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 33.

ного расследования, не нужно абсолютизировать; оно должно иметь определенные границы. Иными словами, далеко не все предусмотренные гл.гл. 24–26 УПК РФ следственные действия принципиально могут быть воспроизведены в судебном заседании. В первую очередь, в данном контексте необходимо рассмотреть обыск и выемку. По поводу возможности их осуществления в судебных стадиях уголовного судопроизводства в науке высказываются весьма разные суждения. Так, некоторые авторы расценивают право суда на проведение обыска или выемки как вполне разумное. В частности, Г.А. Воробьев утверждал, что суд не только может, но и должен реализовать свое право на обыск, а трудности в проведении этого следственного действия могут служить лишь основанием для определения путей реализации этого права. Автор также писал, что в простых ситуациях суд может проводить поисковые мероприятия самостоятельно, а в более сложных – поручать их органу дознания[765]. О.А. Сычева, также высказываясь за проведение судебных обысков и выемок и поручение их производства органам дознания, предлагает внести соответствующие дополнения в УПК РФ[766]. В свою очередь, Н.А. Селедкина пишет о принципиальной возможности проведения обыска или выемки во время судебного разбирательства в случаях, когда обстоятельства, входящие в предмет доказывания, не могут быть установлены посредством других процессуальных действий[767]. М.О. Баев отмечает, что в практике периодически встречаются ситуации, когда суду становится известно о местонахождении объектов, имеющих отношение к доказательственной базе по рассматриваемому делу. По мнению автора, уйти от потребности обнаружить и исследовать эти объекты в данной ситуации, видимо,

[765] *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 47.

[766] *Сычева О.А*. Тактика судебного следствия: автореф. дис. … к.ю.н. – Саратов: СГАП, 2009. – С. 23.

[767] *Селедкина Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе: дис. … к.ю.н. – Екатеринбург: УрГЮА, 2005. – С 50.

невозможно, что ставит суд в условия крайней необходимости. Однако он предлагает ограничиваться в таких случаях не обыском, а выемкой[768]. О возможности проведения исключительно выемки в судебном заседании в свое время также писал А.Р. Ратинов[769]. Другие специалисты (В.Д. Шундиков[770], В.М. Бозров[771], Ю.В. Кореневский[772], Л.Н. Масленникова[773]) занимают более рациональную позицию, полагая, что, хотя формально закон не запрещает производства обыска и выемки в судебном заседании, тем не менее с учетом специфики данного этапа уголовного судопроизводства практическое осуществление этих действий судом невозможно или, по крайней мере, нецелесообразно.

В целом соглашаясь с последней точкой зрения, полагаем, что производство обыска и выемки в судебном заседании не только практически невозможно, но и лишено здравого смысла. Выше мы уже писали, что результативное осуществление обыска или выемки целиком и полностью зависит от их внезапности и, следовательно, от конфиденциального характера принятия соответствующего решения. При этом установленный для предварительного расследования вполне разумный тайный порядок принятия решения о производстве обыска или выемки никоим образом не вписывается в современную концепцию осуществления правосудия по уголовным делам, основанную на принципах состязательности и гласности. Данные следственные действия – пишет Ю.В. Кореневский – требуют строгой конфиденциальности, оперативности, мобильности исполнителей, поэтому их обеспечение в гласном, публичном, обремененном многочисленными участниками и строгими требованиями юридической процедуры судебном заседании невозможно[774]. О какой результативности обыска или

---

[768] *Баев М.О.* Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы … С. 19.

[769] *Ратинов А.Р.* Обыск и выемка … С. 28.

[770] *Шундиков В.Д.* Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела. – Саратов: Саратовский университет, 1974. – С. 122.

[771] *Бозров В.М.* Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики) … С. 159.

[772] *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия … С. 141.

[773] Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова … С. 636.

[774] *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия … С. 141.

выемки может идти речь, если решение об их производстве суд должен огласить в присутствии всех заинтересованных лиц (ч. 1 ст. 156 УПК РФ)? При таких обстоятельствах данные процессуальные действия становятся просто бесполезными. В этой связи нельзя согласиться с изложенной выше позицией М.О. Баева о возможности производства судом исключительно выемки в случаях, требующих изъятия объектов, имеющих отношение к уголовному делу. Ранее мы уже отмечали, что выемку не следует расценивать как чисто технический прием попадания каких-либо предметов, документов или иных объектов в уголовное дело (то есть их процессуальной легализации), поскольку в данном случае отсутствует главный атрибут следственного действия – его познавательная направленность. Выемка уместна лишь тогда, когда субъекту процессуального познания необходимо лично убедиться в нахождении каких-либо объектов в каком-либо определенном месте. Тогда как для технической передачи отдельных материалов для приобщения к уголовному делу вполне приемлемы более простые процессуальные механизмы, например, представление и истребование[775].

Полагаем, что наряду с обыском и выемкой по аналогичным причинам в число судебных действий не могут быть включены такие познавательные механизмы, как контроль и запись переговоров (о чем указывает С.А. Насонов[776]) и наложение ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотр и выемка. А, например, использование в судебном заседании проверки показаний на месте или получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствам как познавательных приемов, не требующих внезапности и конфиденциальности, наоборот, представляется принципиально возможным. Таким образом, мы полностью солидарны с мнением Л.А. Зашляпина, что в число судебных действий можно включать лишь те, которые соответствуют

---

[775] На это обстоятельство в своих работах совершенно справедливо обращает внимание А.Ю. Корчагин. См.: *Корчагин А.Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика. – М.: Юридический мир, 2006. – С. 112.

[776] *Насонов С.А.* Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория и практика … С. 30.

принципам уголовного процесса, получившим развитие в судебном следствии[777]. Только подобный подход должен выступать в качестве основы для различных законодательных инициатив, касающихся возможного расширения перечня судебных действий.

2. Следующим существенным признаком судебных действий, на наш взгляд, является возможность их производства не иначе как в судебном заседании, то есть самим судом с участием сторон и в присутствии иных лиц. В этой связи следует признать не совсем разумными мнения тех авторов, которые допускают возможность передачи судом полномочий по проведению указанных познавательных процедур иным лицам. В частности, подобные идеи прослеживаются в работах М.О. Баева, который считает целесообразным поручать производство выемки в судебном заседании профессиональным представителям стороны, заявившей соответствующее ходатайство (обвинителю или защитнику)[778]. В свою очередь, В.Ф. Попов предлагает в случаях, когда непосредственное восполнение судом доказательственных пробелов посредством судебных действий (опознания, освидетельствования, эксперимента, осмотра местности или помещения) представляется невозможным, поручать их проведение органам предварительного расследования или иным органам с целью получения и представления в суд дополнительных доказательств»[779]. Мы полагаем, что подобные формы опосредованного судебного познания никоим образом не будут соответствовать общим условиям непосредственности и гласности судебного разбирательства, поскольку и судьи, и присяжные заседатели, и стороны, и другие присутствующие лица в данном случае лишаются возможность лично, путем вербального или «невербального» процессуального познания,

---

[777] *Зашляпин Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора … С. 84.

[778] *Баев М.О.* Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы … С. 219.

[779] *Попов В.Ф.* Судебное следствие: проблемы оптимизации: дис. … к.ю.н. – Н. Новгород: Нижегородский ЮИ МВД, 1998. – С.138.

воспринимать определенные сведения, необходимые для принятия обоснованного и справедливого решения. Вместе с тем, высказанная нами позиция не должна расцениваться как исключающая возможность оглашения в судебном заседании материалов досудебного производства (ст. 285 УПК РФ), о чем мы будем более подробно говорить далее.

Рассматривая судебные действия в контексте их непосредственного проведения судом с участием сторон, также необходимо заострить внимание на возможность отнесения к их числу судебных экспертиз. Анализ литературы позволяет констатировать, что ученые, как правило, включают судебные экспертизы в систему судебных действий[780]. Вместе с тем, не разделяя указанной точки зрения, мы полагаем, что судебную экспертизу нельзя расценивать как разновидность, пусть даже весьма специфическую разновидность, судебного действия. Безусловно, что судебная экспертиза тоже имеет познавательный характер, выраженный в направленности на установление обстоятельств уголовного дела. Однако при этом непосредственным субъектом производства экспертного исследования выступает не суд, а самостоятельный участник – эксперт, процессуально отграниченный как от суда, так и от сторон. Более того, судебные экспертизы, как правило, осуществляются вне зала судебного заседания. И хотя, учитывая правовую преемственность порядка проведения экспертизы в судебном заседании к положениям гл. 27 УПК РФ, суд (в полном составе) и наделен правом присутствия при ее производстве (ст. 97 УПК РФ), тем не менее и судья, и обвинитель, и защитник, и другие лица все равно остаются лишь внешними наблюдателями, не имеющими возможности вмешиваться в ход и содержание экспертных исследований. Тем более что такая практика яв-

[780] Например: *Бозров В.М.* Процессуальные, криминалистические и психологические аспекты судебного следствия … С. 7; *Селедкина Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе … С 31; *Баев М.О.* Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы … С. 192; *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 23; *Хайдаров А.А.* Следственно-судебные действия: проблемы регламентации …С. 282 и т.д.

ляется весьма редкой и связана преимущественно с почерковедческими и технико-криминалистическими экспертизами документов. В частности, прямо в судебном заседании может быть произведена дополнительная экспертиза[781]. В отличие от судебных действий для экспертизы законодатель предусматривает весьма специфичную процессуальную форму, заключающуюся в наличии дополнительных адресованных сторонам правовых гарантий. И последнее существенное отличие судебной экспертизы от судебных действий связано с формированием посредством ее проведения особого вида доказательств – заключения эксперта. В этой связи Ю.Г. Корухов высказывает совершенно правильную точку зрения, что судебную экспертизу как самостоятельное процессуальное действие характеризуют своеобразные формы ее назначения, производства и процессуального оформления[782]. Более подробно вопросы, связанные с особым процессуальным характером судебных экспертиз, были рассмотрены нами в контексте их отличия от следственных действий. Полагаем, что все приведенные в этой связи аргументы и сделанные выводы вполне можно использовать для разграничения судебных экспертиз с судебными действиями.

3. Ну и наконец последним существенным признаком судебных действий, на наш взгляд, является их познавательный характер, выраженный в направленности на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Как уже отмечалось выше, на такую отличительную особенность обращают внимание те процессуалисты, которые используют термин «судебные действия следственного характера». Так, например, в ходе допроса суд и стороны имеют возможность лично контактировать с лицом – носителем доказательственной информации, получать в свое распоряжение не только содержание посылаемых им вербальных сигналов, но и улавливать соответствующую интонацию, жесты, мимику, а также задавать ему необходимые вопросы. В ходе проведения осмотра, освидетельствования или эксперимента суд совместно со сторонами

---

[781] Постановление Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

[782] *Корухов Ю.Г.* Избранные научные труды. – Т.2 – М.: НП «Судекс», НЭКЦ «КанонЪ», 2013. – С. 79.

непосредственно «невербальным» способом воспринимают какие-либо фрагменты объективной реальности, элементы вещной обстановки, например, вещественные доказательства, местность, помещение, поведение отдельных лиц и т.д.

Вместе с тем гл. 37 УПК РФ предусматривает и иные процессуальные процедуры работы с доказательствами, предполагающие несколько иной ракурс судебного познания значимой для уголовного дела информации. В таком контексте можно рассмотреть оглашение показаний подсудимого (ст. 276 УПК РФ), потерпевших и свидетелей (ст. 281 УПК РФ), а также протоколов следственных действий, заключений экспертов и иных документов (ст. 285 УПК РФ). Указанные мероприятия заключаются в восприятии судом и сторонами обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, и формирования ими соответствующих мысленных образов как бы опосредованно через призму субъективного сознания дознавателя или следователя, ранее воспринимавших эти обстоятельства и отразивших их в протоколе.

Вопрос о включении данных мероприятий в систему судебных действий является достаточно дискуссионным. Так, И.Б. Михайловская и О.Я. Баев не относят эти приемы к судебным действиям, полагая, что в процессе их осуществления отсутствуют фрагменты собирания и представления новых доказательств. По их мнению, здесь имеет место специфичный путь исследования, некий самостоятельный процессуальный способ преобразования следственных доказательств в доказательства судебные[783]. Соглашаясь с подобной позицией, Е.Б. Кузин пишет, что оглашения показаний и иных материалов уголовного дела связаны с исследованием доказательственной информации, уже извлечен-

[783] *Михайловская И.Б.* Соотношение судебных и следственных доказательств // Государство и право. – 2006. – № 9. – С. 39; *Баев О.Я.* Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него: науч.-практич. пособие (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений). – М.: Эксмо, 2009. – С.220, 223.

ной не судом, который, таким образом, не управляет познавательной деятельностью[784]. Л.А. Зашляпин отмечает, что эти мероприятия не отвечают принципиальному положению о непосредственности исследования доказательств[785]. Противоположного мнения придерживаются Н.А. Селедкина[786], А.А. Хайдаров[787] и С.А. Александрова, которая прямо отмечает, что цель судебных действий следственного характера состоит не только в получении новых доказательств, но и в исследовании доказательств, собранных в ходе предварительного расследования, в проверке и оценке доказательств, выявлении возможных противоречий между содержанием доказательств и выяснении причин таких противоречий, считая обоснованным отнесение оглашения показаний подсудимого, потерпевшего, свидетеля, а также протоколов следственных действий и иных документов к судебным действиям следственного характера[788].

Последняя позиция представляется нам более разумной, поскольку не связывает познавательный характер судебных действий исключительно с собиранием (формированием) новых доказательств. Полагаем, что определенная неверность воззрений И.Б. Михайловской, О.Я. Баева, Л.А. Зашляпина, Е.Б. Кузина в какой-то степени обусловлена не совсем удачной конструкцией уже не раз упомянутой нами в негативном свете ч. 1 ст. 86 УПК РФ, регламентирующей лишь собирание доказательств, но не их исследование в судебном заседании. Кстати, вполне возможно, что данное обстоятельство обусловлено наследием советского уголовного процесса, который, как отмечалось, фактически являлся сориентированным на приоритет досудебного производства. По крайней мере, ч. 1 ст. 70 УПК РСФСР также не учитывала возможностей судебного ис-

---

[784] *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 25–26.

[785] *Зашляпин Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора … С. 101.

[786] *Селедкина Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе … С 31.

[787] *Хайдаров А.А.* Следственно-судебные действия: проблемы регламентации … С. 282.

[788] *Александрова С.А.* Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальные режим … С. 128–129.

следования доказательств. Вместе с тем, на наш взгляд, процессуальное познание – гораздо более широкая категория, охватывающая помимо собирания (формирования) новых доказательств и другие механизмы восприятия сведений, имеющих значение для уголовного дела, в частности их исследование в судебном заседании. В этой связи необходимо обратить внимание на ст. 274 и 291 УПК РФ, по смыслу которых основным содержанием судебного следствия является не собирание доказательств, а именно их исследование. Анализируя вопросы исследования доказательств, Р.С. Белкин неоднократно отмечал, что оно (исследование) – это познание следователем или судом содержания доказательств, проверка достоверности существования тех фактических данных, которые составляют содержание доказательств, установление согласованности данного доказательства со всеми остальными доказательствами[789]. В свою очередь, В.П. Василенко писал, что исследование доказательств – это своеобразный процесс извлечения информации, содержащейся в доказательствах, и ее осмысливание применительно к задачам уголовного судопроизводства. Он же указывал, что исследование является частью процесса доказывания по уголовному делу[790]. Близкие по смыслу позиции в своих работах выдвигают А.А. Давлетов[791], В.А. Азаров и И.Ю. Таричко[792], А.В. Кудрявцева[793] и некоторые другие авторы. Хотя для справедливости необходимо обратить внимание, что некоторые ученые вкладывают в категорию «исследование доказательств»

---

[789] *Белкин Р.С.* Собирание, исследование и оценка доказательств. – М.: Наука, 1966. – С. 48; *Он же* Курс криминалистики. Т. 1 … С. 136; *Белкин Р.С., Винберг А.И.* Криминалистика и доказывание. – М.: Юрид. лит., 1969. – С. 195.

[790] *Василенко В.П.* Исследование доказательств на предварительном следствии: автореф. дис. … к.ю.н. – М.: Академия МВД СССР, 1978. – С. 8–9.

[791] *Давлетов А.А.* Основы уголовно-процессуального познания … С. 178.

[792] *Азаров В.А., Таричко И.Ю.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России … С. 192, 194.

[793] *Кудрявцева А.В.* Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера … С. 67.

слишком узкой смысл, олицетворяя его с познанием, проводимым лишь посредством специальных криминалистических средств и методов[794]. Следует согласиться с предложением Н.И. Газетдинова о необходимости более конкретного закрепления в тексте закона положений, регламентирующих не только собирание и оценку доказательств, но и их исследование[795]. Кстати, подобные идеи уже получили воплощение в некоторых государствах на постсоветском пространстве. В частности, ст. 127 нового УПК Казахстана называется «Исследование доказательств». Она предполагает, что собранные по делу доказательства подлежат всестороннему и объективному исследованию, включающему анализ полученного доказательства, его сопоставление с другими доказательствами, собирание дополнительных доказательств, проверку источников получения доказательств.

Представляется, что исследование доказательств – это такой же необходимый атрибут познавательной деятельности, как их собирание (формирование) и проверка. В противном случае суд фактически теряет свою самостоятельность как субъект доказывания и превращается в некоего «оформителя» результатов досудебного производства, подобно тому, как это достаточно часто происходит в современной правоприменительной практике. И именно поэтому признаком судебных действий мы считаем не направленность на собирание (формирование) доказательств, а их познавательный характер, их устремленность к установлению обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

Более того, неправомерность позиции, исключающей мероприятия по оглашению материалов уголовного дела из системы судебных действий, обусловлена еще одним неверным фактором. Делая выводы по вопросам судебных действий, авторы пытаются опираться на труды ученых, посвященные близкой, но несколько иной проблематике. В частности, Е.Б. Кузин ссылается в своих

---

[794] Например: *Самыгин Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности. – М.: МГУ имени М.В. Ломоносова, 1989. – С. 83.

[795] *Газетдинов Н.И.* Реализация принципов уголовного судопроизводства. – М.: Издательская группа «Юрист», 2007. – С. 367.

публикациях на работы С.А. Шейфера; Л.А. Зашляпин – на доводы С.А. Шейфера и В.А. Семенцова, забывая при этом, что указанные специалисты сосредотачивают свое внимание преимущественно на следственных действиях в контексте досудебного производства. Очевидно, что, применительно к деятельности дознавателя или следователя, такие выводы вполне разумны и согласуются с гл. 24–26 УПК РФ. Однако выработанные И.Е. Быховским, С.А. Шейфером, А.Б. Соловьевым, В.А. Семенцовым и другими известными специалистами в области следственных действий концепции недопустимо полностью перекладывать на механизмы познания, используемые в судебном производстве. Как уже неоднократно отмечалось выше, следственные и судебные действия – это отдельные процессуальные категории; для них характерны различные правовые условия и различный правовой режим. Предварительное расследование действительно не предполагает отдельных правовых механизмов, аналогичных оглашению показаний, заключений эксперта, протоколов или документов. И в этом нет ничего удивительного! Безусловно, что и следователь, и дознаватель как полноценные субъекты процессуального познания наряду с судом также осуществляют исследование доказательств. В частности, они знакомятся с содержанием приобщенных к делу заключений экспертов и специалистов, документов (справок, характеристик, выписок, актов ревизий и т.д.). Они же исследуют протоколы следственных действий, проведенных без их непосредственного участия (оперативными работниками или другими следователями и дознавателями). Однако в контексте общих условий предварительного расследования такая деятельность проистекает камерально (кабинетно) без участия сторон и других присутствующих лиц, поэтому не требует каких-либо процессуальных гарантий и, следовательно, не нуждается в установленной УПК РФ процессуальной форме. Вряд ли будет целесообразным устанавливать какие-то специфические механизмы личного прочтения (просмотра) дознавателем или следователем материалов уголовного дела. Подобная формализация лишена какого-либо практического смысла, поэтому законом не предполага-

ется. Тогда как судебное познание, осуществляемое в условиях состязательности, гласности и устности, проводимое с участием сторон и других присутствующих лиц, обуславливает не личное прочтение судьей («про себя») материалов уголовного дела, а их обязательное оглашение в зале судебного заседания. Поэтому исследование судом материалов уголовного дела объективно требует определенной формализации, а именно введения в предмет уголовно-процессуального регулирования соответствующих процедур, предусмотренных ст.ст. 276, 281 и 285 УПК РФ, имеющих познавательный характер и, следовательно, подлежащих обязательному включению в систему судебных действий.

Вместе с тем не следует оставлять без внимания вышеприведенную позицию Л.А. Зашляпина, считающего, что эти мероприятия не отвечают принципиальному положению о непосредственности исследования доказательств; безусловно, данный тезис не лишен определенной доли разумности. Оглашения показаний или материалов предварительного расследования действительно несколько отличаются от допроса, осмотра и иных судебных действий степенью непосредственности судебного познания. Изложенный аргумент, несомненно, справедлив, но тем не менее его нельзя расценивать как фактор, исключающий отнесение указанных процессуальных приемов к судебным действиям. На данную проблему целесообразно посмотреть под несколько иным углом зрения и представить оглашаемые в судебном заседании материалы предварительного расследования как производные доказательства. Вообще, в науке уголовного процесса под производными доказательствами традиционно понимаются сведения, полученные не из первоисточника, а как бы из «вторых рук», то есть посредством промежуточного носителя информации[796]. Один из наиболее авторитетных специалистов в этой области Ф.М. Кудин пишет, что производные

[796] Например: *Кудин Ф.М.* Производные доказательств и их источники в советском уголовном процессе: автореф. дис. … к.ю.н. – Свердловск: СЮИ, 1967. – С. 8; *Кокорев Л.Д. Кузнецов Н.П.* Уголовный процесс: доказательства и доказывание … С. 141–142; *Лазарева В.А.* Доказывание в уголовном процессе … С. 227–228; *Орлов Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе … С. 103–104; Уголовно-процессуальное право Российской Федерации: учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова … С. 275 и т.д.

доказательства есть итоги двух (а иногда и более) актов отражения[797]. К ним, в частности, относят показания свидетеля об обстоятельствах, сообщенных ему другим лицом, копии документов, слепки или оттиски, сделанные с материальных следов преступления и т.д.

Однако на производный характер материалов досудебного производства для последующего судебного заседания обращал внимание только В.Я. Лившиц, который еще в 1949 году писал, что между предметом осмотра, обыска, освидетельствования, следственного эксперимента и содержанием протокола находится еще одно посредствующее звено – личность должностного лица, составившего протокол, его восприятие, память, умение воспроизвести протокол[798]. Достаточно близко к идее о производности протоколов следственных действий для судебного познания в своих работах подошел и вышеупомянутый Ф.М. Кудин. Но ученый прямо не высказал данных соображений[799]. В трудах других исследователей этот вопрос, как правило, не поднимается. А некоторые авторы, наоборот, ошибочно пишут о протоколах не как о производных, а как о сугубо первоначальных доказательствах[800].

На наш взгляд, подобные доказательства по своей гносеологической природе имеют точно такой же производный характер, как и другие сведения, полученные из «вторых рук». Их специфика заключается лишь в том, что промежуточным носителем при познании судом обстоятельств уголовного дела выступает не посторонний человек или объект материального мира, а следователь или дознаватель, ранее проводивший дознание или предварительное следствие по уголовному делу. В этой связи не следует относить оглашенные в судебном

---

[797] *Кудин Ф.М.* Избранные труды. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2010. – С. 238.

[798] *Лившиц В.Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе … С. 118.

[799] *Кудин Ф.М.* Избранные труды … С. 281, 283.

[800] *Соколов А.Ф.* Протоколы следственных действий как доказательства в советском уголовном процессе: автореф. дис. … к.ю.н. – Саратов: СЮИ имени Д.И. Курского, 1982. – С. 13; *Воронина Л.В.* Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе (по материалам Казахской ССР) … С. 11.

заседании материалы предварительного расследования к второстепенным, считать их доказательствами «худшего сорта», отрицать или в какой-то степени принижать их самостоятельность. Вместе с тем далеко не все оглашаемые в судебном заседании материалы досудебного производства можно рассмотреть как производные доказательства. Строго говоря, в классическом их понимании таковыми следует признать лишь результаты «невербальных» следственных действий в контексте ст. 83 УПК РФ, поскольку соответствующие протоколы отражают мысленные образы объектов процессуального познания в том виде, в каком они были восприняты дознавателем или следователем. В свою очередь, оглашенные в судебном заседании показания производными доказательствами будут являться лишь частично, в связи с тем что протоколы вербальных следственных действий, о чем говорилось в первой главе настоящего исследования, содержат не столько сформированный мысленный образ, сколько результаты соответствующего восприятия (перцепт). Напомним, что эта особенность вытекает из содержания ч. 2 ст. 190 УПК РФ, предписывающей обязанность записывать показания лица по возможности дословно. А в случае собственноручного составления протокола допроса или использования права на внесение в него замечаний содержанием данного процессуального документа является уже даже не перцепт, а сами сведения, сообщенные допрашиваемым лицом в их первозданном виде. И, наконец, оглашаемые в судебном заседании заключения экспертов и иные документы вообще нельзя расценивать как производные доказательства, поскольку они представлены суду в том самом виде, в котором ранее были познаны дознавателем или следователем, и, таким образом, несут в себе значимую для уголовного дела информацию без изменений, обусловленных прохождением через призму их внутреннего восприятия.

4. Некоторые авторы по аналогии со следственными действиями пытаются включить в качестве самостоятельного признака судебных действий их обеспечение государственным принуждением[801]. Ранее мы уже писали, что подобный

[801] Например: *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 41.

аргумент излишен, поскольку государственное принуждение может применяться лишь при производстве некоторых следственных действий, например, освидетельствования, обыска или выемки. Что же касается других – допроса, очной ставки, предъявления для опознания, то механизмы их осуществления иногда подкреплены принудительными средствами лишь извне (например, допрос свидетеля), а иногда вообще освобождены от него (например, допрос обвиняемого). В этой связи мы полагаем, что государственное принуждение не следует рассматривать в качестве обязательного сущностного признака судебных действий.

Таким образом, резюмируя все вышеизложенное, позволим себе определить судебные действия в уголовном судопроизводстве как производимые непосредственно судом совместно со сторонами и в присутствии иных лиц уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Полагаем, что данная научная дефиниция должна получить законодательное закрепление посредством ее включения в качестве дополнительного пункта в ст. 5 УПК РФ.

Многообразие механизмов судебного познания обстоятельств уголовного дела обуславливает весьма различную природу и, следовательно, порядок проведения соответствующих судебных действий. В этой связи в науке уголовного процесса предпринимаются отдельные попытки их классификации. В частности, А.А. Плашевская выделяет непосредственные и опосредованные способы собирания судом доказательств. К первой группе она относит те судебные и иные процессуальные действия, в ходе которых суд самостоятельно осуществляет поиск, восприятие и фиксацию сведений. Опосредованные способы автор увязывает с приданием судом процессуальной формы уже полученному ранее доказательству в связи с удовлетворением ходатайств сторон[802]. Близкую по смыслу

---

[802] *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России: дис. … к.ю.н. – Томск: Томский госуниверситет, 2006. – С. 119, 163.

позицию высказывает и С.А. Александрова, которая также выделяет две группы судебных действий: направленные на исследование имеющихся доказательств и направленные на собирание и исследование новых доказательств. Наряду с этим она рассматривает и иные классификации судебных действий: в зависимости от места проведения; в зависимости от ходатайства стороны (собственной инициативы суда или желания определенного лица); в зависимости от степени непосредственности восприятия доказательственной информации; в зависимости от степени гласности судебного заседания[803]. В свою очередь, Е.Б. Кузин помимо прочего классифицирует судебные действия в зависимости от сложности информационных объектов, а также в зависимости от наличия (отсутствия) у них проверочных целей[804].

Однако наиболее актуальной и заслуживающей внимания нам представляется классификация судебных действий, обусловленная особенностями способа процессуального познания, используемого при установлении судом обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В свое время В.М. Бозров и В.М. Кобяков писали, что все судебные действия можно разделить на две группы: а) связанные с опосредованным восприятием фактических данных (например, допросы или экспертизы); б) связанные с непосредственным восприятием фактических данных (например, осмотры вещественных доказательств)[805]. При этом сразу необходимо обратить внимание, что по сравнению с вышеупомянутой позицией А.А. Плашевской авторы вкладывают в понятие непосредственности и опосредованности принципиально иной смысл, связанный с особенностями восприятия судом обстоятельств объективной реальности. Указанная классификация получила некоторое развитие в работах Л.А. Зашляпина, считающего, что под непосредственностью следует понимать такой

---

[803] *Александрова С.А.* Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальный режим … С. 130–132.

[804] *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 36–38.

[805] *Бозров В.М., Кобяков В.М.* Судебное следствие. Вопросы теории и практики … С. 14.

механизм судебного познания, при котором суд без каких-либо опосредующих процедур и субъектов, в том числе имеющих отношение к предварительному следствию, сам воспринимает материальные фрагменты объективной реальности[806]. Е.Б. Кузин подходит к решению данной проблемы несколько иным образом – по аналогии с классификацией следственных действий С.А. Шейфера, принимающего за основу методы отображения фактических данных[807]. Следуя этой логике, автор разделяет все судебные действия на три группы: а) основанные на методах расспроса; б) основанные на непосредственном наблюдении; в) предполагающие сочетание данных методов[808].

Резюмируя указанные научные позиции, мы полагаем, что их авторы – каждый по-своему, с разных сторон – пытаются классифицировать судебные действия не иначе как в зависимости от используемых при их производстве гносеологических приемов, обусловленных закономерностями восприятия познающим субъектом (в данном случае – судом и сторонами) материальных и идеальных объектов. Так, отдельные судебные действия, в частности допрос, сводятся к слуховому восприятию сведений (интеллектуальных информационных сигналов), закодированных в условно-знаковую (словесную) форму и впоследствии посредством рационального мышления судьи и других участников процесса трансформирующихся в мысленные образы. Иными словами, здесь имеет место вербальный способ процессуального познания, который действительно достаточно часто связан с расспросом соответствующего лица – носителя информации (о чем пишет Е.Б. Кузин) и который фактически выражен в опосредованном восприятии сведений через это лицо (о чем совершенно справедливо указывают В.М. Бозров, В.М. Кобяков и Л.А. Зашляпин). Поэтому такие судебные действия следует называть вербальными.

---

[806] *Зашляпин Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора … С. 99–100.

[807] *Шейфер С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма … С. 33–34.

[808] *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 34.

Другие судебные действия (осмотр, освидетельствование, эксперимент), наоборот, заключаются в непосредственном восприятии судьей и другими участниками судебного заседания фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки. Данные объекты посылают субъектам познания некодированные информационные сигналы, которые воспринимаются последними зрительно (в исключительных случаях – иными органами чувств), а впоследствии посредством наглядно-образного мышления трансформируются в соответствующие мысленные образы. Поэтому В.М. Бозров, В.М. Кобяков и Л.А. Зашляпин абсолютно правы, говоря о непосредственном характере данных судебных действий. Вполне разумной является также позиция Е.Б. Кузина, указывающего, что данные действия основаны на методах наблюдения. Таким образом, при проведении осмотра, освидетельствования, эксперимента используется «невербальный» способ процессуального познания. Поэтому указанные судебные действия следует именовать «невербальными».

Говоря о разделении всех судебных действий на вербальные и «невербальные», необходимо согласиться с Е.Б. Кузиным и обратить внимание, что некоторые из них вполне могут иметь смешанную гносеологическую природу, обладая отдельными чертами и тех, и других. В настоящее время Уголовно-процессуальный кодекс РФ предусматривает всего лишь одно такое действие – предъявление для опознания (ст. 289 УПК РФ). Однако теоретически вполне можно спрогнозировать появление в обозримом будущем и других подобных действий. В частности, ранее нами высказывалось предположение о принципиальной возможности проведения в судебном заседании проверки показаний на месте.

«Невербальные» судебные действия внутренне, то есть по своей сути весьма напоминают проводимые в досудебном производстве «невербальные» следственные действия, поскольку в основе и тех, и других лежат единые закономерности наглядно-образного восприятия объективной реальности и формирования мысленных образов, подлежащих фиксации в соответствующем протоколе. Подобно следственным «невербальные» судебные действия, в отличие,

например, от допроса или оглашения показаний, предполагают проведение целой процессуальной операции, характеризующейся сочетанием пассивных методов восприятия информации с активными приемами воздействия на отражаемый объект – измерением, экспериментом, моделированием и т.д. Вместе с тем внешне, то есть по своей процессуальной форме, «невербальные» судебные действия представляют собой принципиально иную правовую категорию, характеризующуюся особыми условиями реализации судебной власти, в частности состязательностью, устностью, гласностью и т.д.

Итак, на основании изложенного «невербальные» судебные действия можно определить как предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, которые осуществляются судом совместно со сторонами посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. В отличие от «невербальных» следственных действий, представляющих наиболее крупную группу средств процессуального познания в досудебном производстве, «невербальные» судебные действия, наоборот, не имеют широкого распространения. Эта особенность обусловлена преимущественно устным (вербальным) характером судебного разбирательства уголовных дел и сложившейся судебной практикой.

Каждое «невербальное» судебное действие имеет свою специфику, выражающуюся в особенностях используемых методов процессуального познания, в достигаемых результатах, в процессуальной регламентации, в круге участников и т.д. Вместе с тем их нельзя рассматривать как разрозненные, не зависящие друг от друга способы формирования и исследования доказательств. Ранее мы уже отмечали, что в уголовно-процессуальной литературе давно устоялась позиция о системном характере следственных действий, об их единстве и строгой организованности (И.Е. Быховский, С.А. Шейфер, А.Б. Соловьев, В.А. Семенцов и т.д.). Очевидно, что судебные действия также представляют единую целостную систему, предполагающую строго определенное место каждого из них

и наличие тесных связей между ними. В свою очередь, «невербальные» судебные действия образуют еще более узкую систему, которая по отношению к общей системе судебных действий выступает в роли некой подсистемы. Причем эта подсистема представляется гораздо более единым и целостным формированием, поскольку характеризуется дополнительным системообразующим признаком – использованием познавательных приемов наглядно-образного («невербального») восприятия информации. Действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет нам рассматривать в качестве типичных «невербальных» судебных действий следующие познавательные приемы: судебный осмотр; освидетельствование; следственный (судебный) эксперимент. Вместе с тем существует и более сложная форма получения судом «невербальной» информации – предъявление для опознания.

Говоря о системе «невербальных» судебных действий, следует обратить внимание на невозможность включения в нее процедур оглашения протоколов «невербальных» следственных действий в порядке ст. 285 УПК РФ. Хотя сами по себе эти протоколы отражают результаты наглядно-образного восприятия дознавателем или следователем обстоятельств объективной реальности, тем не менее в судебном заседании оглашению подлежит не информация, непосредственно познанная данными лицами в ходе соответствующих следственных действий, а лишь их мысленные образы, закодированные в условно-знаковую (вербальную) форму. Поэтому в данном случае объектом процессуального познания являются не сами фрагменты объективной реальности, а лишь протокол осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента и т.д. Указанное обстоятельство противоречит «невербальному» способу процессуального познания и, следовательно, лишает действия, предусмотренные ст. 285 УПК РФ, возможности включения в систему «невербальных» судебных действий даже в качестве специфического элемента.

§ 4.2. Судебный осмотр

Судебный осмотр представляет собой судебное действие, заключающееся в визуальном восприятии и изучении судом и сторонами материальных фрагментов объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела, в том числе их признаков, свойств, состояния и взаиморасположения. Ход и результаты судебного осмотра подлежат фиксации в протоколе судебного заседания. Судебный осмотр является типичным «невербальным» познавательным приемом, в основе которого лежат закономерности наглядно-образного восприятия фрагментов материального мира. Его сущность заключается в том, что суд, стороны, а также иные лица, присутствующие в зале судебного заседания (в ином месте проведения судебного осмотра) с помощью своих органов чувств непосредственно убеждаются в существовании и характере определенных фактов, имеющих значение для уголовного дела. Действующий уголовно-процессуальный закон РФ предусматривает всего две разновидности судебного осмотра: вещественных доказательств (ст. 284 УПК РФ) и местности и помещения (ст. 287 УПК РФ).

Осмотр вещественных доказательств в силу относительной простоты его проведения представляет собой достаточно распространенную процедуру судебного познания обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Вместе с тем законодатель вовсе не предполагает императивной обязанности проведения судебного осмотра во всех случаях, связанных с наличием в материалах уголовного дела каких-либо вещественных доказательств. Более того, ч. 1 ст. 284 УПК вообще допускает возможность его производства лишь при наличии ходатайства сторон. Подобное положение вызывает явное недоумение, поскольку не только ограничивает потенциал познавательной активности суда, но и фактически лишает его части властно-распорядительных полномочий. Применительно к осмотру вещественных доказательств суд перестает быть публичным «хозяином» процесса, попадая в зависимость от волеизъявления сторон. Кстати, такая проблема существует и в части производства некоторых других

судебных действий. Как справедливо отмечается в литературе, в УПК РФ степень активности суда в доказывании необоснованно урезана[809].

Следует вспомнить, что ранее действующая ст. 291 УПК РСФСР не только допускала, но и обязывала производить осмотры всех находящихся в суде или представленных в судебное заседание вещественных доказательств как по инициативе суда, так и по ходатайству участников судебного разбирательства. В этой связи можно лишь предположить, почему разработчики нынешнего Уголовно-процессуального кодекса РФ отказались от существовавших прежде вполне разумных правовых условий осмотра вещественных доказательств, полностью лишив суд возможности проводить это судебное действие по своему усмотрению. Представляется, что такая законодательная новация явилась следствием имевшей место при подготовке проекта УПК РФ тенденции, направленной на усиление диспозитивности уголовного судопроизводства в целях перехода от инквизиционных к состязательным формам процессуальной деятельности. Вместе с тем, невзирая на общую положительную оценку данной тенденции, ее отдельные проявления, например, лишение суда возможности по собственному усмотрению проводить отдельные судебные действия, в том числе осмотр вещественных доказательств, следует признать недопустимыми. Поэтому мы категорически не согласны с теми юристами, которые полностью поддерживают установленный ч. 1 ст. 284 УПК РФ порядок и высказывают мнение о запрете проведения осмотра вещественных доказательств по собственной инициативе суда[810].

Гораздо более рациональной нам представляется точка зрения ученых, высказывающихся за возможность судебного осмотра вещественных доказа-

---

[809] *Васин В.В.* Уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела: автореф. дис. … к.ю.н. – Томск: Томский госуниверситет, 2006. – С. 28.

[810] Например: Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. – М.: Норма, 2004. – С. 110; Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: практич. пособие / под ред. В.П. Верина. – М.: Юрайт-Издат, 2006. – С. 315; Уголовный процесс: учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова … С. 600.

тельств по собственной инициативе суда и предлагающих внесение соответствующих дополнений в текст закона[811]. Развивая данную идею, Н.П. Кириллова совершенно справедливо указывает, что только таким способом суд будет иметь возможность полно, всестороннее и объективно исследовать доказательства, представляемые сторонами[812]. Подобная позиция нашла отражение и в одном из решений Конституционного Суда РФ, отметившего, что положения ч. 1 ст. 284 УПК РФ не исключают производства осмотра вещественных доказательств по инициативе суда[813]. Справедливость данной точки зрения фактически подтверждается и правоприменительной практикой. В частности, А.А. Плашевская еще в 2006 году, то есть до появления названной позиции Конституционного Суда РФ, приводила сведения, согласно которым суды проводили осмотры вещественных доказательств по собственной инициативе в 34% случаев[814]. Примерно аналогичные данные были получены в результате наших собственных исследований. Так, 69% проинтервьюированных нами судей считают подобную практику вполне приемлемой, а 36% – лично проводили осмотры вещественных доказательств по собственной инициативе.

Вместе с тем закрепление в законе и, соответственно, реализация на практике права суда проводить осмотр вещественных доказательств по собственной инициативе – всего лишь полумера, не способная полностью обеспечить истинное предназначение данного судебного действия как «невербального» приема познания материальных объектов. В этой связи необходимо обратить внимание, что осмотр является единственным легальным механизмом исследования

---

[811] Например: *Воскобитова Л.А.* Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства … С. 341; *Кириллова Н.П.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел … С. 214–215; *Сысков В.Л.* Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам: дис. … к.ю.н. – Челябинск: ЮУрГУ, 2006. – С. 205; *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 118.

[812] *Кириллова Н.П.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел … С. 215.

[813] Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1165-О-О.

[814] *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России … С. 131.

вещественных доказательств посредством «невербального» (наглядно-образного) восприятия. Именно данный прием позволяет субъектам процессуального познания максимально полно и объективно установить наличие в реальности определенного предмета, имеющего отношение к уголовному делу, и сформировать в своем сознании его наиболее адекватный мысленный образ. Кстати, поэтому ч. 2 ст. 81 УПК РФ прямо предусматривает обязанность проведения осмотра любого предмета, подлежащего приобщению к уголовному делу в качестве вещественного доказательства. Вполне очевидно, что сведения о форме, размерах и других внешних параметрах вещественного доказательства, выраженные вербальным (условно-знаковым) способом, в частности запечатлённые в протоколе его предыдущего следственного осмотра, обладают гораздо большим субъективизмом. Они отражают уже не сами объекты, а всего лишь их мысленные образы, ранее сформированные в сознании соответствующего дознавателя или следователя. Иными словами, степень достоверности и адекватности результатов непосредственного судебного осмотра вещественных доказательств намного превосходит степень достоверности и адекватности сведений, почерпнутых из материалов предварительного расследования и оглашенных в порядке ст. 285 УПК РФ. Осуществляя непосредственный «невербальный» осмотр вещественного доказательства, суд имеет возможность лично визуально убедиться в его существовании, а в необходимых случаях – выявить и проанализировать его внешние признаки. Причем подобный порядок полностью отвечает условию непосредственности исследования доказательств в судебном заседании (ч. 1 ст. 240 УПК РФ).

Конечно, некоторые «невербальные» следственные действия, например, осмотр места происшествия, трупа, обыск, выемку и т.д. воспроизвести в зале судебного заседания заново невозможно или весьма затруднительно. Собственно говоря, для этого и существует предусмотренный ст. 285 УПК РФ механизм оглашения соответствующих протоколов. Однако подобное дозволение неприменимо к вещественным доказательствам, которые, по общему правилу, сохраняются в своем первозданном виде. Кстати, ч. 2 ст. 284 УПК РФ даже

предусматривает специальное право провести судебный осмотр вещественных доказательств, хранящихся вне уголовного дела, например, переданных на ответственное хранение законному владельцу и т.д. Исключения составляют лишь вещественные доказательства, указанные ч.ч. 2–3 ст. 82 УПК РФ (например, скоропортящиеся товары, громоздкие объекты, денежные средства и т.д.). Судебный осмотр подобных объектов ввиду его повышенной организационной сложности или невозможности осуществления действительно целесообразно заменить оглашением протокола проведенного ранее следственного осмотра, но с обязательной демонстрацией сделанных фотографий или видеозаписи.

О важности и обязательности проведения судебного осмотра вещественных доказательств в свое время писал еще М.С. Строгович[815]. Если указанное требование не соблюдено – в свою очередь отмечали Л.Е. Ароцкер, Р.С. Белкин и А.И. Винберг, – это означает, что вещественные доказательства в судебном следствии не исследовались и поэтому не могут быть положены в основу каких-либо выводов, в том числе приговора[816]. На необходимость проведения судебного осмотра вещественных доказательств также обращает внимание Н.Ю. Черкасова[817]. Подобная позиция фактически просматривается и в одном из старых, но тем не менее не утерявших до настоящего времени своей силы постановлений Пленума Верховного Суда РФ, где отмечается, что вещественные доказательства подлежат тщательному исследованию (соответственно осмотру) в судебном заседании[818].

Однако судебная практика в настоящее время идет по принципиально иному, гораздо более простому пути. Принимая во внимание не обязательный,

---

[815] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2 … С. 303.

[816] *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве. – М.: Юрид. лит., 1964. – С. 127; Теория доказательств в советском уголовном процессе … С. 655.

[817] *Черкасова Н.Ю.* Исследование доказательств в суде первой инстанции: дис. … к.ю.н. – Самара: Самарский госуниверситет, 1993. – С. 121.

[818] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 сентября 1975 г. № 5 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел» с последующими изменениями и дополнениями.

а лишь дозволительный характер судебного осмотра вещественных доказательств, и к тому же поставленный в зависимость от наличия ходатайства стороны, суды во многих случаях игнорируют необходимость проведения данного процессуального действия, ограничиваясь выполнением требований, предусмотренных ст. 285 УПК РФ, – оглашением соответствующего протокола, составленного в ходе предварительного расследования. В частности, А.А. Васяев приводит сведения, что вещественные доказательства непосредственно осматриваются в судебном заседании всего лишь в 22% случаев[819]. Результаты наших собственных исследований несколько более оптимистичны, но все равно показывают весьма удручающую статистику – 29%. Причем проинтервьюированные нами судьи объясняли факты отказа от проведения судебного осмотра вещественных доказательств исключительно формальным предлогом – отсутствием ходатайства стороны. Подобные позиции прослеживаются и во многих решениях Верховного Суда РФ. Например, в одном из своих кассационных определений Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ не усмотрела каких-либо нарушений в том, что Челябинский областной суд, рассматривающий данное уголовное дело в первой инстанции, не проводил непосредственного судебного осмотра вещественных доказательств, поскольку сторонами не заявлялись соответствующие ходатайства[820]. Аналогичные доводы Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ неоднократно высказывала и по другим уголовным делам[821].

---

[819] *Васяев А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе: дис. … к.ю.н. – Саранск: Мордовский госуниверситет имени Н.П. Огарева, 2008. – С. 170.

[820] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 7 июня 2012 г. № 48-О12-46 // СПС «КонсультантПлюс».

[821] Например: кассационное определение Верховного Суда РФ от 15 мая 2007 г. № 59–006-25 // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Верховного Суда РФ от 18 октября 2007 г. № 67-О07–53СП // СПС «КонсультантПлюс»; кассационное определение Верховного Суда РФ от 12 февраля 2008 г. по уголовному делу № 74-007-53 // СПС «КонсультантПлюс» и т.д.

Резюмируя все вышесказанное, мы полагаем, что в настоящее время давно назрела острая необходимость изменения законодательных подходов и основанной на них правоприменительной практики к дозволительному порядку судебного осмотра вещественных доказательств как не отвечающих самой гносеологической сущности данного «невербального» приема познания материальных фрагментов объективной реальности. Представляется, что эту задачу можно решить лишь путем возвращения прежней правовой конструкции, содержащейся в ст. 291 УПК РСФСФ и предполагающей не только право, но и обязанность суда осматривать приобщенные к уголовному делу вещественные доказательства как по ходатайству стороны, так и по своему собственному усмотрению. В этой связи мы не можем не согласиться с А.А. Васяевым, предлагающим внесение соответствующих изменений в текст ч. 1 ст. 284 УПК РФ[822]. Однако, выдвигая подобную идею, автор забывает о существовании уже упомянутых нами специфических видов вещественных доказательств, предусмотренных ч. 2–3 ст. 82 УПК РФ, судебный осмотр которых невозможен или весьма затруднителен. Очевидно, что для подобных исключительных ситуаций должен иметь место специальный правовой режим, позволяющий отказаться от судебного осмотра вещественных доказательств, заменив его оглашением соответствующего протокола следственного осмотра в порядке ст. 285 УПК РФ.

Диспозиция ст. 284 УПК РФ предполагает еще одну практическую проблему. Данная статья фактически определяет лишь процессуальный механизм судебного осмотра предметов, уже признанных вещественными доказательствами, то есть в отношении которых ранее было вынесено соответствующее постановление дознавателя или следователя и которые, таким образом, уже были приобщены к уголовному делу в этом качестве. Г.И. Загорский в своих работах прямо указывает, что судебному осмотру вещественного доказательства всегда должно предшествовать оглашение материалов его обнаружения и

---

[822] *Васяев А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе … С. 169–170.

процессуального оформления в досудебном производстве[823]. Вместе с тем возможностью признавать объекты материального мира вещественными доказательствами, очевидно, наделен и сам суд. Особое значение данное судебное полномочие приобретает по уголовным делам частного обвинения, вовсе не характеризующимся досудебным производством. И хотя ч. 2 ст. 81 УПК РФ не предусматривает конкретного перечня субъектов уголовной юрисдикции, обладающих таким правом, оно вытекает из самого смысла уголовно-процессуального закона, в первую очередь из контекста ч. 1 ст. 86 УПК РФ. Кстати, ч. 1 ст. 84 действовавшего ранее УПК РСФСР прямо наделяла суд подобным правом.

Вероятность появления в судебном заседании каких-либо новых предметов обусловлена целым рядом положений процессуального закона. Например, суд может обнаружить отдельные материальные объекты в ходе другого судебного действия – осмотра местности и помещения. Суд также вправе истребовать новые доказательства в соответствии с ч. 1 ст. 253, ч. 1 ст. 271 и ч. 2 ст. 319 УПК РФ. И, наконец, отдельные предметы вполне могут быть представлены в судебное заседание защитником, подсудимым, потерпевшим и другими участниками уголовного судопроизводства в порядке ч. 2 и 3 ст. 86 УПК РФ. Подобные случаи хотя и редко, но тем не менее, все же встречаются в современной судебной практике. В этой связи Т.Б. Чеджемов писал, что осмотру в судебном заседании подлежат как те вещественные доказательства, которые были приобщены к делу на предварительном следствии, так и представленные в судебное заседание[824]. Современные практикующие судьи отмечают, что предметы (объекты), которые представляют стороны в ходе судебного следствия, должны обязательно осматриваться для решения вопроса об их приобщении к делу[825].

---

[823] *Загорский Г.И., Кауфман М.А., Моисеева Т.Ф., Радутная Н.В.* Судебное разбирательство по уголовным делам о торговле людьми. – М.: Юрид. лит., 2009. – С. 166; *Загорский Г.И.* Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам … С. 110.

[824] *Чеджемов Т.Б.* Судебное следствие / отв. ред. В.В. Шубин. – М.: Юрид. лит., 1979. – С. 77.

[825] *Корчагин А.Ю.* О тактике судебного осмотра // Российская юстиция. – 2006. – № 11. – С. 35.

Примером здесь может послужить уголовное дело, рассмотренное Советским районным судом г. Улан-Удэ Республики Бурятия по обвинению Б. в совершении преступления, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ. По утверждению государственного обвинителя, подсудимый, находясь в доме своего знакомого Л., путем свободного доступа тайно похитил у него пневматический пистолет, DVD-плеер, портмоне с денежными средствами и пластиковыми картами и еще целый ряд других предметов. При этом в ходе предварительного расследования упомянутый DVD-плеер обнаружен не был, а подсудимый категорически отрицал факт его хищения. В ходе судебного заседания выяснилось, что указанный плеер не был похищен подсудимым, а был взят другим лицом – С., также находившимся в доме потерпевшего. Вызванный в качестве свидетеля С. сам принес в судебное заседание данный плеер и передал его потерпевшему. По ходатайству защитника DVD-плеер был приобщен к материалам уголовного дела в качестве вещественного доказательства (стороны защиты)[826].

Установленный ч. 2 ст. 81 УПК РФ процессуальный механизм приобщения предметов к уголовному делу в качестве вещественных доказательств предполагает их предварительный осмотр, который, как уже было указано ранее, является основным и единственным легальным способом их исследования посредством «невербального» (наглядно-образного) восприятия. Следовательно, в момент проведения осмотра представленного в судебное заседание нового материального предмета, последний еще не есть вещественное доказательство; суд вообще может таковым его и не признать. В этой связи закономерно возникает проблема, связанная с отсутствием законодательно установленного правового режима судебного осмотра предметов, не признанных вещественными доказательствами. Решение данной проблемы нам видится в распространении положений ст. 284 УПК РФ не только на судебные осмотры вещественных дока-

[826] Кассационное определение Верховного суда Республики Бурятия от 9 сентября 2010 г. // СПС «Право.ru». – URL: http://docs.pravo.ru/document/view/22849482/22365281/.

зательств, но и на судебные осмотры любых других предметов, представленных в судебное заседание сторонами или истребованных (обнаруженных) судом самостоятельно.

Итак, на основании всего вышеизложенного представляется необходимой новая редакция ст. 284 УПК РФ следующего содержания:

«Статья 284. Осмотр вещественных доказательств и иных предметов.

1. Вещественные доказательства, приобщенные к материалам уголовного дела, а также предметы, представленные в судебное заседание сторонами или истребованные (обнаруженные) судом самостоятельно, должны быть осмотрены судом и предъявлены государственному или частному обвинителю, подсудимому, защитнику, а также потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителям. В случае, установленном ч. 7 ст. 335 УПК РФ, вещественные доказательства и иные предметы также предъявляются присяжным заседателям.

2. Осмотр вещественных доказательств и иных предметов может быть проведен в любой момент судебного следствия по ходатайству сторон или собственной инициативе суда. Лица, которым предъявлены вещественные доказательства или иные предметы, вправе обращать внимание суда на обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

3. Осмотр вещественных доказательств может проводиться судом по месту их нахождения.

4. При наличии исключительных обстоятельств, связанных с утратой, повреждением вещественных доказательств или специфическим характером отдельных вещественных доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 82 настоящего Кодекса, суд вправе не проводить их осмотр. В этом случае при оглашении протокола осмотра вещественного доказательства, произведенного в ходе предварительного расследования, участникам судебного заседания должны быть предъявлены соответствующие фотографии или видеозапись».

Другим видом судебного осмотра является осмотр местности и помещения (ст. 287 УПК РФ). Это судебное действие заключается в непосредственном «невербальном» восприятии судом и сторонами какого-либо места и находящихся там материальных объектов с целью более четкого и объективного воссоздания картины преступления или познания иных обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. В отличие от судебного осмотра вещественных доказательств, данный прием «невербального» познания связан с большими организационными сложностями, обусловленными необходимостью выезда суда на место в полном составе (ч. 2 ст. 287 УПК РФ) и зачастую не оправдывающими достижения возможных познавательных результатов. Кроме того, объектами судебного осмотра местности и помещения зачастую являются сильно «деформированные» фрагменты объективной реальности, лишенные тех внешних признаков, которые они имели во время совершения преступления или их первичного осмотра, проведенного ранее органами предварительного расследования. В этой связи некоторые ученые вообще весьма скептически относятся к познавательному потенциалу данного судебного действия. Например, А.А. Плашевская связывает судебный осмотр местности и помещения исключительно с проверкой доказательств, предлагая внести соответствующие изменения в текст уголовно-процессуального закона[827].

С подобной позицией согласиться достаточно трудно. Ведь в основе судебного осмотра, как уже отмечалось выше, лежат закономерности собственного «невербального», то есть наглядно-образного восприятия судом или сторонами фрагментов объективной реальности. Необходимость его производства, на наш взгляд, как раз и вызвана стремлением суда или сторон не столько проверить имевшиеся в деле доказательства, сколько лично, «своими глазами» удостовериться в существовании определенного места (помещения или участка местности), познать его обстановку или какие-то другие внешние признаки и сформировать в своем сознании собственный мысленный образ. Судебный

[827] *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России … С. 132.

осмотр – писал Л.Е. Ароцкер – расширяет возможности суда, позволяя ему непосредственно воспринять и уяснить то, что нередко иным путем познать невозможно[828]. В свою очередь, Ю.В. Кореневский совершенно справедливо указывал, что судебный осмотр целесообразен или даже необходим, когда суду и сторонам нужно непосредственно (а не только по протоколам) ознакомиться с обстановкой места, получить собственное представление об объективных условиях, в которых совершено преступление[829]. Имея в своем арсенале результаты собственного осмотра местности или помещения, суд при постановлении приговора, руководствуясь ч. 1 и 3 ст. 240 УПК РФ, просто не может оставить без внимания их непосредственную познавательную ценность. Хотя при этом проверка доказательств, в частности имеющихся материалов досудебного производства, также не подлежит исключению из задач данного судебного действия. О непосредственной познавательной сущности осмотра местности в свое время отмечал еще И.Д. Перлов[830]. Позднее на этот признак обращал внимание Г.А. Воробьев[831].

Таким образом, данное судебное действие носит как бы факультативный характер. Его проведение имеет смысл только в случаях невозможности установления соответствующих обстоятельств посредством оглашения материалов досудебного производства в порядке ст. 285 УПК РФ, когда такие обстоятельства имеют важное значение и должны быть приняты судом во внимание. По этому поводу в юридической литературе сформулирован ряд оснований для проведения судебного осмотра местности и помещения. В частности, В.М. Бозров и В.М. Кобяков к таковым относят следующие: а) в деле вообще отсутствует протокол соответствующего следственного осмотра; б) имеющийся про-

---

[828] *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве … С. 108.

[829] *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия … С. 181–182.

[830] *Перлов И.Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе. – М.: Госюриздат, 1955. – С. 247–248.

[831] *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 22.

токол следственного осмотра составлен поверхностно и не раскрывает всех деталей обстановки места; в) протокол следственного осмотра признан недопустимым доказательством и оглашению в судебном заседании не подлежит; г) в ходе судебного заседания были выявлены существенные противоречия между оглашенным протоколом следственного осмотра и другими доказательствами, например показаниями свидетелей; д) к протоколу следственного осмотра не приложены фототаблицы, схемы или их качество неудовлетворительно[832]. В свою очередь, Н.Ю. Черкасова, помимо названных относит к основаниям проведения судебного осмотра сложность обстановки данного места, возникновение новых судебных версий и отсутствие в протоколе следственного осмотра данных, необходимых для назначения экспертизы[833]. Близкие по существу суждения по данному поводу также высказываются в работах Л.Е. Ароцкера[834], Г.А. Воробьева[835], Г.И. Загорского[836] и некоторых других специалистов.

Специфические основания для производства судебного осмотра местности и помещения, большие организационные сложности, имеющие место при его подготовке и проведении, обуславливают достаточно редкое практическое использование этого познавательного приема. Данное обстоятельство подтверждается и результатами эмпирических исследований, полученных различными учеными. Так, А.А. Плашевская указывает, что 98% опрошенных ей судей (в Сибирском федеральном округе) вообще никогда не проводили осмотр местности и помещения[837]. В свою очередь, А.А. Васяев отмечает, что по ни по одному из изученных им уголовных дел (Республики Мордовия, Татарстан, Хакасия и

---

[832] *Бозров В.М., Кобяков В.М.* Судебное следствие. Вопросы теории и практики … С. 45–46.

[833] *Черкасова Н.Ю.* Исследование доказательств в суде первой инстанции … С. 116–117.

[834] *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве … С. 109.

[835] *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 23–27.

[836] *Загорский Г.И.* Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам … С. 116.

[837] *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России … С. 132.

Архангельская область) судебный осмотр местности и помещения не проводился, хотя в 3% случаев сторона защиты заявляла подобные ходатайства[838]. Е.Б. Кузин, интервьюировавший судей Уральского военно-судебного округа, также констатирует факт немногочисленности судебных осмотров местности и помещения. Однако, по его данным, судами отклонялись лишь те ходатайства сторон о производстве этого судебного действия, которые были немотивированными; при наличии явной необходимости осмотра эти ходатайства удовлетворялись. Автор не выявил случаев отказов в удовлетворении таких ходатайств в связи с затруднительностью прибытия состава суда к месту проведения осмотра[839]. Проведенные нами в этом направлении эмпирические исследования показали следующие результаты: данные о производстве судебных осмотров местности или помещения были обнаружены в 3% изученных уголовных дел и 4,5% опрошенных практических работников (судей, секретарей судебных заседаний, прокуроров, адвокатов) лично принимали участие в подобных мероприятиях.

По своим целям и задачам судебный осмотр местности и помещения весьма напоминает близкое по существу «невербальное» следственное действие – осмотр, проводимый в досудебном производстве. Это обстоятельство позволяет отдельным специалистам утверждать о сохранении некой правовой аналогии порядка его проведения по отношению к ст. 176, 177 и 180 УПК РФ[840]. Тем более что сама по себе ст. 287 УПК РФ не предусматривает четких процессуальных правил данного судебного действия. Вместе тем, на наш взгляд, с учетом специфики проведения судебного осмотра местности и помещения подобная аналогия может иметь лишь выборочный характер. В частности, ст. 176–

---

[838] *Васяев А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе … С. 182.

[839] *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 113.

[840] Например: Научно-практическое пособие по применению УПК РФ … С. 114; *Васяев А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе … С. 180.

177 УПК РФ выделяют ряд специфических объектов, предполагающих особенности правового режима следственного осмотра. К ним относятся жилище и место происшествия. В силу своего специального юридического статуса осмотр жилища может быть проведен либо с согласия проживающих в нем лиц, либо на основании судебного решения. Для досудебного производства эта особенность действительно является принципиальной и предполагает использование механизмов судебного контроля, установленных ст. 165 УПК РФ. Вместе с тем судебный осмотр помещения, независимо от того, является ли оно жилищем или нет, в любом случае связан с вынесением соответствующего определения или постановления суда (ч. 1 ст. 287 УПК РФ). Поэтому в контексте судебного производства указанный специфический характер жилого помещения просто теряет всякий смысл; для судебного познания жилище приобретает статус обычного помещения. В этой связи мы не можем не согласиться с Н.А. Селедкиной, критикующей позицию Ю.Г. Торбина[841] о невозможности проведения судебного осмотра жилища как прямо не предусмотренного ст. 287 УПК РФ. Она совершенно права, полагая, что ст. 287 УПК РФ под помещением понимает в том числе и жилище, и подкрепляя свои доводы соответствующим примером из судебной практики. Однако при этом автор, как бы вступая в противоречие сама с собой, выдвигает тезис о необходимости включения в ст. 287 УПК отдельного указания о возможности проведения осмотра жилища[842]. Возможно, судебный осмотр жилища и обладает некоторой спецификой, но лишь в контексте криминалистической науки. С уголовно-процессуальной точки зрения данное познавательное действие представляет собой типичную разновидность судебного осмотра помещения. Поэтому существующая редакция ст. 287 УПК РФ в этой части нам представляется вполне разумной.

Осмотр места происшествия в судебном заседании также не может обладать какими-либо процессуальными особенностями. Под местом происшествия

---

[841] Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. А.Я. Сухарева … С. 489.

[842] *Селедкина Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе … С. 163–164.

принято понимать территорию (помещение или участок местности), в пределах которой обнаружены следы преступления[843]. Учитывая безотлагательный характер осмотра места происшествия в досудебном производстве, законодатель выделяет всего лишь одну его процессуальную особенность – возможность осуществления до возбуждения уголовного дела (ч. 1 ст. 144, ч. 2 ст. 176 УПК РФ). Однако подобная специфика в судебном следствии теряет всякий смысл. Судебный осмотр места происшествия, равно как и судебный осмотр жилища, если и представляет собой самостоятельный прием «невербального» познания, то лишь с точки зрения криминалистики. В частности, некоторые авторы выделяют специальные задачи данного судебного действия[844] и особенности тактики его проведения[845]. В контексте уголовно-процессуального регулирования он является всего лишь типичной разновидностью судебного осмотра местности или помещения, поэтому полностью согласуется с содержанием ст. 287 УПК РФ.

Таким образом, процессуальный механизм судебного осмотра местности и помещения следует считать не аналогичным, а лишь сохраняющим разумную преемственность по отношению к порядку проведения следственного осмотра, предусмотренному ст. 176, 177 и 180 УПК РФ.

Анализируя сущность судебного осмотра местности и помещения, необходимо обратить внимание на еще одну актуальную проблему. Этот, казалось бы сугубо «невербальный», процессуальный прием судебного познания на практике зачастую содержит в себе отдельные элементы принципиально иного, вербального характера. Обращая внимание на такую особенность, Е.Б. Кузин совершенно справедливо отмечает, что данное судебное действие фактически

---

[843] Например: *Белкин Р.С.* Криминалистическая энциклопедия … С. 115; *Россинский С.Б.* Уголовный процесс … С. 387.

[844] Например: *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве … С. 108; *Максутов И.Х.* Судебный осмотр места происшествия и особенности его проведения: учеб. пособие. – Л.: ЛГУ имени А.А. Жданова, 1972. – С. 13; Научно-практическое пособие по применению УПК РФ … С. 115.

[845] *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 34.

сочетает в себе черты как собственно осмотра, так и допроса подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста[846]. Причем подобная «познавательная комбинация» вовсе не является сугубо практическим изобретением; ее нельзя признать «судебной самодеятельностью» в негативном смысле. Нормативной основой сочетания вербальных и «невербальных» способов процессуального познания выступает все та же ст. 287 УПК РФ, предполагающая возможность получения ответов подсудимого, потерпевшего, свидетеля, эксперта или специалиста на вопросы, заданные судом или сторонами. Как отмечается в литературе, подобная правовая конструкция просто необходима, например, для визуализации свидетельских показаний и их сопоставления с местом осмотра, для оказания помощи свидетелю в восстановлении первоначальной обстановки и т.д.[847] Кстати, в этой связи необходимо обратить внимание, что в свое время М.М. Выдря вообще высказывал идею о возможности всем участникам судебного осмотра задавать вопросы друг другу[848].

Мы не имеем никаких возражений против указанной судебной практики; на наш взгляд, она весьма рациональна и отвечает целям и задачам судебного разбирательства уголовного дела. Вместе с тем необходимо обратить особое внимание, что данный познавательный прием фактически представляет собой не разновидность осмотра, а принципиально иной механизм установления судом обстоятельств уголовного дела, аналогичный тому, который в досудебном производстве называется проверкой показаний на месте (ст. 194 УПК РФ). В отличие от сугубо «невербального» осмотра, проверка показаний на месте – это действие, обладающее двойственной, смешанной гносеологической природой, которое сочетает в себе вербальные и «невербальные» способы процессуаль-

---

[846] *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 115.

[847] Например: Научно-практическое пособие по применению УПК РФ … С. 115; *Селедкина Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе … С. 164–165.

[848] *Выдря М.М.* Осмотр судом места происшествия и вещественных доказательств // Советская юстиция. – 1963. – № 14. – С. 9.

ного познания. Полагаем, что смешение различных по своей сущности судебных действий совершенно недопустимо в той же степени, в которой недопустимо смешение проводимых в досудебном производстве следственных действий. Подобная практика, безусловно, наносит вред сложившейся системе судебных действий, подвергает ее разрушению, размывает грани между ее отдельными элементами, теряющими, таким образом, свою индивидуальность. И в конце концов это приводит к полной подмене одних судебных действий другими (например, сложных более простыми), что причиняет урон всему механизму уголовного судопроизводства в целом и его отдельным институтам в частности.

Однако при этом не следует забывать, что процедура судебного следствия по сравнению с предварительным расследованием имеет менее формализованный характер и предоставляет суду большую процессуальную свободу. В частности, различные судебные действия вовсе не должны строго следовать одно за другим; они вполне могут осуществляться и одновременно. Как справедливо отмечается в литературе, осмотр может сочетаться (переплетаться) с иными судебными действиями, например, с допросом[849]. Изучая обстановку местности или помещения, суд имеет полное право, прервав свое «невербальное» восприятие материальных фрагментов объективной реальности, допросить подсудимого, потерпевшего, свидетеля, а затем возобновить производство осмотра. Однако подобная судебно-тактическая комбинация вовсе не превращает допрос в составную часть осмотра. Каждое из этих судебных действий имеет самостоятельные цели, структуру и методы проведения, вследствие чего они не становятся частями друг друга, а лишь образуют сложный комплекс[850]. Применяемые в настоящее время процессуальные формы смешения судебного осмотра местности или помещения с допросом также не имеют ничего общего и с выдвинутой нами ранее концепцией о возможности разумного наполнения отдельными

---

[849] *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 34; *Черкасова Н.Ю.* Исследование доказательств в суде первой инстанции … С. 118.

[850] *Черкасова Н.Ю.* Исследование доказательств в суде первой инстанции … С. 118.

вербальными элементами любого «невербального» следственного или судебного действия и наоборот, с последующим приданием всем полученным таким образом результатам доказательственного значения. Наша позиция вовсе не предполагает смешения различных по способам восприятия объективной реальности судебных действий, а носит лишь фрагментарный характер, связанный с оптимизацией уголовного судопроизводства, сокращением сроков расследования или судебного разбирательства, уменьшением количества процессуальных документов и т.д.

Справедливой является точка зрения, что «осмотр должен оставаться осмотром», а для изучения обстановки какого-либо места, сопровождаемого объяснениями проверяемых лиц, существует иное действие – проверка показаний на месте[851]. Вопрос о возможности использования в судебном заседании проверки показаний на месте поднимается в науке достаточно давно. Одним из первых данную идею выдвинул Л.Е. Ароцкер[852]. Позднее она была поддержана в работах Г.А. Воробьева[853], Ю.В. Кореневского[854], А.Ю. Корчагина[855], С.А. Новикова[856] и некоторых других авторов. Вместе с тем до настоящего времени эти научные позиции не нашли законодательной поддержки. Кстати, даже в части досудебного производства проверка показаний на месте впервые приобрела легальный характер лишь в 2001 году, получив нормативное закрепление в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. На протяжении советского периода развития уголовного судопроизводства указанного познавательного механизма формально не существовало, хотя он фактически достаточно часто

---

[851] *Корчагин А.Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика … С. 110.

[852] *Ароцкер Л.Е.* Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел: автореф. дис. … д.ю.н. – М.: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1965. – С. 34.

[853] *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 38–42.

[854] *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия … С. 176–180.

[855] *Корчагин А.Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика … С. 111.

[856] *Новиков С.А.* Проверка показаний на месте: проблемы правового регулирования // Российский следователь. – 2010. – № 2. – С. 10.

применялся на практике. А многие советские ученые-процессуалисты, в частности М.С. Строгович, считали его недопустимым приемом, противоречащим сущности социалистической законности[857].

В этой связи непонятно, почему разработчики проекта УПК РФ, решившись наконец легализовать проверку показаний на месте как самостоятельное процессуальное действие, предусмотрели возможность ее производства лишь для предварительного расследования. А для судебного следствия был сохранен прежний, явно устаревший порядок, имевший место еще в ст. 193 УПК РСФСР и предполагающий фактическую подмену проверки показаний на месте другим судебным действием – осмотром местности и помещения. На наш взгляд, законодателю надлежит исправить данную нормативную неточность, дополнив гл. 37 УПК РФ новой статьей, определяющей правовые условия и порядок проведения проверки показаний на месте в судебном заседании.

Рассматривая вопросы судебного осмотра, стоит обратить внимание на еще одну достаточно серьезную проблему, о которой уже вскользь упоминалось в § 2.3 настоящего исследования. Она заключается в том, что положения гл. 37 УПК РФ не предполагают возможности проведения в судебном заседании осмотра документов, подобно тому как это установлено для досудебного производства. В принципе, логика законодателя в этой части достаточно понятна: в условиях непосредственности и устности судебного разбирательства уголовного дела используемый органами предварительного расследования «невербальный» прием познания документов – их осмотр – должен быть заменен другим приемом – оглашением в порядке ст. 285 УПК РФ. Еще М.С. Строгович

---

[857] *Белкин Р.С.* История отечественной криминалистики. – М.: Норма, 1999. – С. 166–167.

писал, что имеющиеся в уголовном деле документы оглашаются и обсуждаются устно[858]. Примерно такие же позиции прослеживаются и в учебной литературе по уголовному процессу советского периода[859].

Однако подобный подход не учитывает особенностей «невербальных» документов, содержание которых выражено не в форме письменной речи, а другим способом. Мы уже отмечали принципиальную невозможность оглашения в судебном заседании, например, фотографии, видеозаписи или какой-нибудь схемы. Вполне очевидно, что установленный законом устный порядок исследования документов в зале судебного заседания в порядке ст. 285 УПК РФ применим лишь к письменным документам, содержащим вербальную информацию об обстоятельствах, имеющих значение для уголовного дела. Конечно, с одной стороны мы не можем подвергать слишком резкой критике вышеприведенные воззрения М.С. Строговича и других авторов, писавших свои работы в советский период, поскольку в то время неписьменные формы документов хотя уже были известны процессуальной науке и практике, тем не менее еще не получили своего массового распространения. Но ведь, с другой стороны, эти позиции фактически не утратили своей силы и в настоящее время. По крайней мере, они не оспариваются ни в научной, ни в учебной литературе и полностью подкреплены вышеупомянутыми положениями гл. 37 УПК РФ.

Анализ судебной практики позволяет констатировать, что суды, сталкиваясь с необходимостью познания информации, содержащейся в документах «невербального» характера, находят два варианта решения этой проблемы. Первый из них заключается в том, что указанные документы признаются вещественными доказательствами и осматриваются в порядке ст. 284 УПК РФ. Например, по уголовному делу, находящемуся в производстве Мещанского районного суда г. Москвы, по ходатайству государственного обвинителя в порядке ст. 284

---

[858] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2 … С. 227.

[859] Например: Советский уголовный процесс: учебник / отв. ред. Д.С. Карев … С. 298; Советский уголовный процесс: учебник / под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. – М.: Юрид. лит., 1980. – С. 329 и т.д.

УПК РФ была осмотрена фотография, на которой были запечатлены оба подсудимых, сидевших за столиком в ресторане. Таким образом прокурор пытался опровергнуть их показания в той части, что подсудимые ранее не были знакомы друг с другом[860]. Второй вариант сводится к тому, что документ «невербального» характера осматривается в судебном заседании как таковой, вне какой-либо предусмотренной законом процессуальной формы. В данном случае суды фактически применяют существующие нормы уголовно-процессуального права по аналогии. Например, по уголовному делу, находящемуся в производстве Пресненского районного суда г. Москвы, в судебном заседании был произведен осмотр документа – видеозаписи, сделанной камерой наружного наблюдения, установленной в офисе коммерческой фирмы[861]. Кстати, именно к такому варианту решения данной проблемы, по существу, склоняется и авторский коллектив судей Верховного Суда РФ, комментирующих отдельные вопросы практики проведения судебного следствия. В своем научно-практическом пособии по применению УПК РФ они даже предлагают подвергать осмотру любые документы-доказательства, которые хранятся в материалах уголовного дела[862].

Очевидно, что первый вариант практического решения данной проблемы не имеет права на существование, поскольку предполагает подмену одного вида доказательств другим. Приобщенные к материалам уголовного дела фото-, видео- и другие документы «невербального» характера не могут признаваться вещественными доказательствами, если они не обладают признаками, предусмотренными ст. 81 УПК РФ, и представляют познавательную ценность не как вещи, не как элементы объективной действительности, а как объекты, запечатлевшие в своем содержании обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела; по своей сути они, безусловно подпадают под диспозицию ст. 84 УПК РФ. Поэтому наиболее рациональным и заслуживающим внимания представляется

---

[860] Архив Мещанского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-803/2011.
[861] Архив Пресненского районного суда г. Москвы. Уголовное дело № 1-223/2010.
[862] Научно-практическое пособие по применению УПК РФ … С. 113.

именно второй вариант, заключающийся в проведении самостоятельного процессуального действия – осмотра документов в судебном заседании. Кстати, уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик, в частности ст. 323 УПК Литовской ССР[863] и ст. 314 УПК Украинской ССР[864], содержали положения, предполагающие не только оглашение, но и судебный осмотр документов. Такая возможность существует и в ряде уголовно-процессуальных кодексов на постсоветском пространстве. Например, ч. 1 ст. 358 нового УПК Украины содержит правило, в соответствии с которым приобщенные к уголовному делу документы могут быть предъявлены для ознакомления участникам судебного разбирательства, а в случае необходимости – также другим участникам уголовного судопроизводства. А ст. 359 того же Кодекса предусматривает механизмы воспроизведения звукозаписи и демонстрации видеозаписи в зале судебного заседания.

Однако действующий УПК РФ такой процессуальной возможности не предусматривает. Как уже было отмечено выше, суды, осматривая документы, применяют близкие по содержанию нормы уголовно-процессуального права по аналогии. Таким образом, представляется целесообразным дополнить ст. 285 УПК РФ третьей частью, предусматривающей возможность проведения в судебном заседании осмотра документов.

Попутно следует обратить внимание, что предложенная нами законодательная новация позволит решить еще одну близкую проблему. Ее суть заключается в том, что подлежащие оглашению в судебном заседании в порядке ст. 285 УПК РФ другие материалы уголовного дела (протоколы следственных действий, заключения экспертов) также могут иметь определенные фрагменты «невербального» характера. К протоколу следственного действия приобщаются аудио-, видеозапись или иные дополнительные материалы фиксации его производства (ч. 8 ст. 166 УПК РФ). Заключение эксперта, как правило, содержит какие-либо иллюстрирующие фрагменты: фотографии, схемы, графики и

---

[863] Уголовно-процессуальный кодекс Литовской ССР. – Вильнюс: Минтис, 1972.

[864] Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР от 28 декабря 1960 г. №1001-V.

т.п. (ч. 3 ст. 204 УПК РФ). Очевидно, что все эти фото-, видео-, графические и иные наглядные объекты также не подлежат устному оглашению в зале судебного заседания, поскольку не выражены в вербальной форме. Поэтому в некоторых случаях в судебном заседании фактически опять-таки проводится судебный осмотр этих материалов (например, видеозаписи следственного действия). А в иных ситуациях, связанных, например, с изучением наглядных материалов, приложенных к заключению эксперта, судья и стороны вообще воспринимают их вне судебного заседания, а именно при ознакомлении с уголовным делом (ст. 216–217, ч. 3 ст. 227 УПК РФ и т.д.). Причем в этом случае иные лица, присутствующие в зале судебного заседания, в том числе присяжные заседатели, и вовсе формально лишены такой возможности. Подобный подход явно противоречит непосредственности, устности и гласности судебного разбирательства и, следовательно, заслуживает сугубо негативной оценки. Представляется, что в связи с появлением легальной процессуальной возможности осмотра документов в зале судебного заседания данная проблема потеряет свою актуальность. Осмотр подобных наглядных материалов позволит всем присутствующим в зале судебного заседания лично воспринять содержащиеся в них сведения посредством невербального способа уголовно-процессуального познания.

Таким образом, предлагаемая нами новая, третья часть ст. 285 УПК РФ должна иметь примерно следующее содержание: «3. В случае если форма фиксации сведений, содержащихся в протоколах следственных действий, заключениях эксперта и специалиста или иных документах, не позволяет провести их исследование посредством оглашения, то на основании определения или постановления суда они могут быть полностью или частично осмотрены в судебном заседании». Введение нового судебного действия – осмотра документов предполагает необходимость одновременной разработки и процессуального закрепления процедуры (формы) его проведения. К этим вопросам мы планируем возвратиться в наших дельнейших исследованиях.

§ 4.3. Судебное освидетельствование, судебный эксперимент, предъявление для опознания в судебном заседании

Освидетельствование – это судебное действие, которое заключается в наружном осмотре судом (врачом или иным специалистом по поручению суда) тела человека в целях установления на нем следов преступления, наличия особых примет и иных признаков, позволяющих судить о связи этого человека с рассматриваемыми в судебном заседаниями обстоятельствами уголовного дела. Фактически данное судебное действие представляет особую процессуальную форму судебного осмотра, обусловленную наличием специфического объекта – личности со всеми присущими ей конституционными правами и гарантиями их обеспечения. Следовательно, судебный осмотр и судебное освидетельствование характеризуются едиными «невербальными» приемами процессуального познания и осуществляются на основании общих гносеологических закономерностей наглядно-образного восприятия значимой для уголовного дела информации. На данное обстоятельство совершенно справедливо обращает внимание Л.А. Зашляпин[865].

Вместе с тем предусмотренные уголовно-процессуальным законом гарантии уважения чести и достоинства личности предполагают существенные познавательные особенности судебного освидетельствования. Согласно ч. 2 ст. 190 УПК РФ в случае необходимости обнажения лица данное судебное действие производится вне зала судебного заседания специально приглашенным врачом или иным специалистом, который составляет и подписывает соответствующий акт. По возвращении в зал судебного заседания врач или иной специалист сообщает о результатах проведенного освидетельствования и отвечает на возникшие вопросы суда и сторон. Таким образом, в подобных ситуациях участники судебного заседания лишены возможности собственного непосредственного восприятия фрагментов объективной реальности, расположенных на

---

[865] *Зашляпин Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора … С. 181.

теле человека. Это обстоятельство обуславливает несколько условный, опосредованный механизм «невербального» познания, что не может не учитываться при судебной оценке результатов освидетельствования при постановлении приговора. Однако мы не можем согласиться с Л.А. Зашляпиным, А.А. Плашевской, Ю.К. Якимовичем и Т.Д. Паном, считающими подобную особенность судебного познания неразумной, ограничивающей компетенцию суда и лишающей участников судебного заседания возможности непосредственного исследования значимых для уголовного дела обстоятельств[866]. Невзирая на отмеченную выше некоторую опосредованность, производность «невербального» восприятия судом и сторонами тела человека, подобный механизм представляется необходимым, так как служит высокому политическому значению уголовного судопроизводства, предполагающему признание личности, ее прав и свобод высшей ценностью в государстве[867]. Он обусловлен концептуальным принципом уважения чести и достоинства личности, вытекающим из основополагающих норм международного права (ст. 5 Всеобщей декларации прав человека; ст. 3 Конвенции о защите прав человека и основных свобод; ст. 7 Международного пакта о гражданских и политических правах) и ст. 21 Конституции РФ. На недопустимость обнажения человека в присутствии посторонних как процедуры, нарушающей честь и достоинство личности, в своих решениях обращает внимание и Европейский Суд по правам человека[868]. В свою очередь, Консти-

---

[866] *Зашляпин Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора … С. 183–184; *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России … С. 134; *Якимович Ю.К., Пан Д.Т.* Судебное производство по УПК Российской Федерации. – СПб.: Юридический центр-Пресс, 2005. – С. 137.

[867] Подробнее о высоком политическом значении уголовного судопроизводства см.: *Лупинская П.А.* Высокое политическое значение уголовного судопроизводства. // Lex Russica (Научные труды МГЮА). – 2008. – № 2. – С. 277–298. *Она же.* Высокое политическое значение уголовного судопроизводства // выступление на междунар. науч. конференции, «Стратегии уголовного судопроизводства», посвященной 160–летней годовщине со дня рождения профессора И.Я. Фойницкого. – URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?go=page&name=Pages&pid=403.

[868] Постановление Европейского Суда по правам человека 24 июля 2001 г. по делу «Валашинас против Литвы» (жалоба № 44558/98); постановление Европейского Суда по правам

туционный Суд РФ указывает, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект[869]. Следует согласиться с Т.С. Дворянкиной, которая ссылаясь на известного дореволюционного процессуалиста С.И. Викторского, пишет о принципе уважения чести и достоинства личности как о важнейшем факторе, отличающем правосудие от простого «производства по судебным делам»[870]. В свою очередь, А.П. Кругликов, И.С. Дикарев и И.А. Бирюкова отмечают, что принцип уважения чести и достоинства может стать эффективной гарантией, если он не только формально закреплен как таковой в законодательстве, но и реализуется в практической деятельности[871]. Таким образом, предусмотренный ч. 2 ст. 290 УПК РФ опосредованный механизм исследования фрагментов объективной реальности при проведении освидетельствования – это один из тех случаев, когда цель не может оправдать средства, когда возможности судебного познания должны быть поставлены в зависимость от процессуальной формы.

Установленные ч. 1 ст. 179 УПК РФ специфические объекты «невербального» познания преимущественно ориентируют данное процессуальное действие на досудебное производство, в частности на стадию возбуждения уголовного дела. Многие устанавливаемые посредством освидетельствования внешние признаки и свойства человеческого тела (например, следы преступления, телесные повреждения, признаки опьянения) имеют временный характер и к моменту судебного рассмотрения уголовного дела либо уже отсутствуют, либо

человека от 4 февраля 2003 г. по делу «Лорсе и другие против Нидерландов» (жалоба № 52750/99); постановление Европейского Суда по правам человека от 15 мая 2008 г. по делу «Дедовский и другие против Российской Федерации» (жалоба № 7178/03); постановление Европейского Суда по правам человека от 1 октября 2009 г. по делу «Топорков против Российской Федерации» (жалоба № 66688/01); постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Соколов против Российской Федерации» (жалоба № 20364/05).

[869] Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П.

[870] *Дворянкина Т.С.* Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства. – М.: Компания Спутник+, 2007. – С. 25.

[871] *Кругликов А.П., Дикарев И.С., Бирюкова И.А.* Принципы уголовного процесса Российской Федерации: учеб. пособие / под ред. А.П. Кругликова. – Волгоград: Волгоградский госуниверситет, 2007. – С. 59.

теряют свою познавательную ценность. Ю.В. Кореневский и В.Л. Сысков вообще связывают производство данного судебного действия преимущественно с выявлением особых примет[872]. В этой связи освидетельствование не имеет широкого распространения в судебной практике и скорее носит исключительный характер. Так, среди изученных нами уголовных дел было обнаружено лишь 4 случая производства указанного судебного действия. Интервьюирование практических работников показало, что личное участие в производстве освидетельствования принимали только двое из опрошенных судей, один секретарь судебного заседания, один прокурор и двое адвокатов. Еще пять человек сообщили, что слышали о случаях проведения судебных освидетельствований от своих коллег.

В уголовно-процессуальной литературе в последнее время предпринимаются попытки сформулировать перечень оснований, обуславливающих необходимость производства освидетельствования в судебном заседании. По мнению А.А. Васяева и Е.Б. Кузина, таковыми являются следующие: а) в досудебном производстве освидетельствование не проводилось вовсе или было проведено с существенными пробелами, которые можно восполнить только путем повторного освидетельствования непосредственно в суде; б) результаты проведенного ранее следственного освидетельствования признаны недопустимым доказательством; в) результаты проведенного ранее следственного освидетельствования оспариваются по каким-то иным причинам; г) в судебном заседании появились какие-то новые обстоятельства, требующие производства освидетельствования[873].

---

[872] *Кореневский Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия … С. 167; *Сысков В.Л.* Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам … С. 215.

[873] *Васяев А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе … С. 190–191; *Он же.* Процессуальный порядок производства освидетельствования в ходе судебного следствия // СПС «КонсультантПлюс»; *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 141–142.

Весьма спорным и неоднозначным нам представляется вопрос о проведении судебного освидетельствования для выявления состояния опьянения. С одной стороны, отсылочная конструкция ст. 290 УПК РФ в своем системном единстве с ч. 1 ст. 179 УПК РФ вполне допускает эту возможность. В частности, такое мнение прослеживается в диссертационном исследовании Н.А. Селедкиной[874]. Однако, с другой стороны, подобная практика нам представляется маловероятной, поскольку имевшее место в момент совершения преступления алкогольное, наркотическое или иное опьянение – это кратковременное состояние человеческого организма, подлежащее выявлению исключительно в условиях безотлагательности. Кстати, именно поэтому вышеупомянутая позиция Н.А. Селедкиной носит явно голословный характер и не подкрепляется ни одним практическим примером. В свою очередь, С.П. Гришин и Е.Б. Кузин указывают на возможность проведения судебного освидетельствования по установлению состояния опьянения в контексте оценки достоверности показаний лиц, вызванных в судебное заседание. Причем если позиция С.П. Гришина тоже является голословной[875], то Е.Б. Кузин пытается аргументировать свою точку зрения конкретной практической ситуацией – кассационным определением, опубликованным в ресурсах справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»[876]. Так, коллегия судей Санкт-Петербургского городского суда, рассматривая уголовное дело в отношении группы лиц, обвиняемых в совершении серии тяжких преступлений, в связи с заявленным ходатайством провела освидетельствование вызванного на допрос свидетеля Г. на предмет нахождения последнего в состоянии наркотического опьянения.

Вместе с тем приведенный пример представляется неудачным и даже ошибочным, так как полностью искажает саму сущность освидетельствования как «невербального» судебного действия. В этой связи следует вспомнить, что ра-

---

[874] *Селедкина Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе … С. 195.

[875] *Гришин С.П.* Судебное следствие в смешанном уголовном процессе … С. 460.

[876] *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 140.

нее, анализируя вопросы освидетельствования, проводимого в досудебном производстве, мы пришли к выводу, что «невербальный» характер данного следственного действия позволяет диагностировать не столько само опьянение, сколько его отдельные признаки (запах алкоголя, неустойчивость позы, нарушение речи, дрожание пальцев рук, покраснение лица и т.п.), то есть те факторы, которые могут быть установлены на зрительном и органолептическом уровне. А для полноценного выявления состояния опьянения требуется производство соответствующей наркологической экспертизы. Кстати, на это обстоятельство совершенно справедливо обращает внимание Н.А. Селедкина[877]. Мы уже отмечали об использовании в следственной практике так называемых «медицинских освидетельствований» – незаконных приемов, фактически связанных с проведением специальных исследований и представляющих, по мнению В.А. Семенцова, некий «суррогат» экспертизы. Не считая нужным еще раз повторять высказанные по данному поводу аргументы, позволим себе констатировать, что поднятые нами проблемы в полной мере относятся и к освидетельствованию, проводимому в судебном заседании.

В целях оценки описанной Е.Б. Кузиным практической ситуации мы ознакомились с проанализированными им материалами. Здесь необходимо обратить особое внимание, что этим решением приговор Санкт-Петербургского городского суда был отменен, а дело направлено на новое рассмотрение. Причем одним из оснований для отмены приговора послужили именно процессуальные нарушения, допущенные при производстве того самого судебного освидетельствования[878]. Таким образом, Е.Б. Кузин просто проигнорировал это обстоятельство, не придал ему никакого значения. В своей работе автор прямо отмечает, что «в данном примере важен сам факт проведения освидетельствования и его цель – выявление у свидетеля состояния опьянения. Поэтому возможные

---

[877] *Селедкина Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе … С. 195.

[878] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 21 мая 2003 г. № 78-О03-82 // СПС «КонсультантПлюс».

критические замечания относительно последующей отмены указанного обвинительного приговора, в том числе и в связи с неверным процессуальным порядком проведения освидетельствования, во внимание приняты быть не могут»[879]. Тогда как, по нашему мнению, решающую роль в описанной ситуации играет именно ее негативная оценка вышестоящим судом. Из указанного кассационного определения усматривается, что «освидетельствование свидетеля Г. в нарушение требований ст. 290 УПК РФ было проведено не в судебном заседании». Не имея объективной возможности ознакомиться с протоколом судебного заседания по этому весьма интересному делу, мы тем не менее, с полной уверенностью можем заключить, что свидетель Г. прямо из зала суда был направлен для проведения наркологического обследования в одно из медицинских учреждений города, а суд оформил данную процедуру как «медицинское освидетельствование». Иными словами, в описанном примере нет никаких указаний на проведение судебного освидетельствования как «невербального» способа познания материальных фрагментов объективной реальности. В данном случае речь идет о том самом незаконном процессуальном «суррогате», который фактически подменил собой полноценную судебно-наркологическую экспертизу, подлежащую обязательному назначению согласно п. 4 ст. 196 УПК РФ. Следовательно, указанное кассационное определение Верховного Суда РФ в этой части нам представляется абсолютно справедливым.

Вообще, судебная практика подмены экспертных исследований так называемыми «освидетельствованиями», проводимыми как бы в порядке ст. 290 УПК РФ, является, возможно, не такой поголовной, как в досудебном производстве, но тоже весьма распространенной. В подтверждение можно привести еще один пример. Судья Хабаровского краевого суда, рассматривая уголовное дело в отношении В., К. и Т., обвиняемых в совершении серии тяжких и особо тяжких преступлений, принял решение о проведении освидетельствования всех трех подсудимых на предмет психического здоровья. Для этой цели в судебное

[879] *Кузин Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия … С. 140.

заседание был вызван некий «специалист», которому были разъяснены требования ст. 58 УПК РФ, а также правила, предусмотренные ст. 179 и 290 УПК РФ (без указания времени его проведения и вопросов, поставленных на разрешение специалиста). После этого специалист удалился с подсудимыми из зала суда, а в заседании был объявлен перерыв. По возобновлении заседания специалист передал суду акты освидетельствований подсудимых, в каждом из которых было дано заключение: «психически здоров». В ходе рассмотрения данного дела в кассационной инстанции Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ дала исключительно негативную оценку описанной ситуации, совершенно справедливо посчитав исследование вопросов о психической полноценности подсудимых неполным, необъективным и проведенным без соблюдения требований уголовно-процессуального закона. Этим же решением уголовное дело было направлено на новое судебное рассмотрение[880].

К великому сожалению, несмотря на всю порочность подобной судебной практики подмены судебно-медицинских, психиатрических и прочих экспертных исследований так называемыми «освидетельствованиями», якобы подпадающими под диспозиции ст.ст. 179 и 290 УПК РФ, указанные незаконные приемы находят поддержку и в научной среде. В частности, А.А. Васяев пишет, что нормативную основу производства судебных освидетельствований наряду с УПК РФ составляют законы и подзаконные нормативно-правовые акты, определяющие основы охраны здоровья граждан, критерии определения тяжести вреда здоровью, порядок производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях РФ[881]. Такая позиция представляется абсолютно ошибочной. Автор фактически в очередной раз смешивает судебное освидетельствование как «невербальный» механизм процессуального познания, основанный на наглядно-образном восприятии судом мате-

---

[880] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16 апреля 2008 г. № 58-О07-106. // СПС «КонсультантПлюс».

[881] *Васяев А.А.* Процессуальный порядок производства освидетельствования в ходе судебного следствия // СПС «КонсультантПлюс».

риальных фрагментов объективной реальности, с принципиально иным познавательным приемом – судебной экспертизой, основанной на проведении определенных исследований посредством использования специальных, в том числе и медицинских, знаний.

Что же касается затронутого выше вопроса о возможности производства судебного освидетельствования в целях установления внешних признаков опьянения, то в настоящее время он продолжает оставаться весьма дискуссионным, требующим проведения отдельных научных исследований, в частности целенаправленного собирания и обобщения соответствующей судебной практики. Возможно, мы вернемся к решению этого вопроса в последующем.

Судебный эксперимент – это судебное действие, которое заключается в проведении судом определенных опытов, не требующих использования специальных знаний, с целью проверки собранных по делу доказательств, получения новых доказательств; проверки и оценки судебных версий о возможности существования тех или иных фактов, имеющих значение для уголовного дела. Ст. 288 УПК называет данное процессуальное действие не «судебным», а именно «следственным экспериментом». Подобная формулировка нам представляется некорректной, искажающей смысл этого судебно-познавательного приема и размывающей грани между ним и собственно следственным экспериментом, проводимым в досудебном производстве в порядке ст. 181 УПК РФ. Термин «судебный эксперимент» является более уместным и разумным; как отмечается в литературе, он «точнее отражает существо этого действия»[882]. Кстати, этот термин употребляется или поддерживается в достаточно многих современных

[882] *Корчагин А.Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика … С. 113.

научных публикациях, посвященных данной проблематике[883]. Поэтому применительно к судебному действию, предусмотренному ст. 288 УПК РФ, мы также будем использовать термин «судебный эксперимент».

Итак, судебный эксперимент как самостоятельное процессуальное действие впервые получил легальное закрепление лишь в нынешнем уголовно-процессуальном законе. УПК РСФСР такой возможности не предполагал[884]. И хотя в ст. 70 УПК РСФСР фактически предусматривалось право суда на осуществление любых установленных Кодексом следственных действий, тем не менее в практической деятельности достаточно часто экспериментальные познавательные приемы позиционировались как разновидности осмотра местности и помещения. В этой связи многие советские ученые-процессуалисты и криминалисты, основываясь на потребностях правоприменительной практики, на протяжении нескольких десятилетий активно отстаивали позицию о необходимости законодательного закрепления эксперимента как обособленного судебного действия и высказывали предложения относительно особенностей его процессуальной формы[885]. Хотя для справедливости следует обратить внима-

---

[883] Например: *Белкин Р.С., Белкин А.Р.* Эксперимент в уголовном судопроизводстве: методич. пособие: – М.: Норма, 1997. – С. 73; *Зашляпин Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора … С. 195–196; *Сысков В.Л.* Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам … С. 207–209 и т.д.

[884] В этой связи необходимо обратить внимание, что уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик прямо предусматривали возможность проведения экспериментальных приемов судебного познания. Подобные процедуры назывались: «воспроизведение обстановки» (ст. 284 УПК Армянской ССР, ст. 261 УПК Молдавской ССР, ст. 274 УПК Узбекской ССР, ст. 293 УПК Киргизской ССР, ст. 296 УПК Грузинской ССР), «следственный эксперимент» (ст. 254 УПК Эстонской ССР, ст. 292 УПК Латвийской ССР) или «судебный эксперимент» (ст. 298 УПК Туркменской ССР). См.: *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве …С. 138.

[885] Например: *Гуковская Н.И.* Право суда на производство следственного эксперимента // Советская юстиция. – 1958. – № 4. – С. 35–38; *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве … С. 138–144; *Белкин Р.С.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике. – М.: Юрид. лит., 1964. – С. 110–122; *Чеджемов Т.Б.* Судебное следствие … С. 74; *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 51–63 и т.д.

ние, что существовала и противоположная точка зрения, отрицающая самостоятельный характер эксперимента в судебном заседании[886]. Кстати, подобные негативные оценки судебного эксперимента имеют место и в настоящее время. Например, С.А. Александрова фактически предлагает вернуться к конструкции УПК РСФСР и проводить судебный эксперимент в рамках осмотра местности и помещения в порядке ст. 287 УПК РФ[887].

По своей гносеологической сущности, характеру и порядку проведения судебный эксперимент действительно напоминает судебный осмотр или освидетельствование; в основе всех этих процессуальных приемов лежат общие закономерности «невербального» познания, выраженные в наглядно-образном восприятии судом и сторонами материальных фрагментов объективной реальности, имеющих значение для уголовного дела. Именно это обстоятельство достаточно часто является причиной допускаемых на практике судебных ошибок, связанных с подменой судебного эксперимента осмотром местности и помещения. Например, в ходе рассмотрения уголовного дела по обвинению З. в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 264 УК РФ, судья Новосергиевского районного суда Оренбургской области провел в порядке ст. 287 УПК РФ осмотр участка автомобильной дороги. В результате данного судебного действия было установлено, «что, исходя из рельефа дороги, на данном участке хорошо просматриваются движущиеся впереди автомобили и что свидетель К. не мог не видеть ВАЗ-21110»[888]. Как следует из приведенного примера, суд фактически произвел эксперимент, поскольку опытным путем установил возможность восприятия свидетелем определенных обстоятельств, имеющих значение для дела.

---

[886] Например: *Васильев А.Н., Яблоков Н.П.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики. – М.: Юрид. лит., 1984. – С. 44.

[887] *Александрова С.А.* Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальный режим … С. 127.

[888] Архив Новосергиевского районного суда Оренбургской области. Уголовное дело № 1-43/14.

Несмотря на всю гносеологическую близость, эксперимент характеризуется достаточным количеством познавательных особенностей, позволяющих признать его самостоятельным судебным действием (более сложная познавательная структура, проведение опытов, специфические объекты, восприятие судом не самого события, а лишь его реконструированной модели, динамический характер проведения и т.д.). Полагаем, что критерии отличия судебного эксперимента от судебного осмотра местности и помещения тождественны рассмотренным нами ранее критериям для разграничения аналогичных следственных действий. Поэтому мы не считаем необходимым подробно останавливаться на их рассмотрении и анализе.

Производство судебного эксперимента, как правило, связано с большими организационно-техническими сложностями, имеющими место и в ходе его подготовки, и при непосредственном проведении опытов. Указанное обстоятельство, очевидно, должно обуславливать достаточно редкое его использование в судебной практике. Однако результаты полученных по этому поводу эмпирических исследований существенно разнятся. Так, Н.Ю. Черкасова пишет, что 35% опрошенных ею судей (Самарская, Ульяновская и Пензенская области) в своей практике прибегали к производству судебного эксперимента[889]. А.А. Плашевская, наоборот, указывает, что 99% опрошенных ею судей (в Сибирском федеральном округе) вообще никогда не проводили судебных экспериментов[890]. В.Л. Сысков приводит данные, согласно которым судебный эксперимент в своей практике проводили 16,7% судей (Челябинская область), преимущественно по делам о дорожно-транспортных происшествиях[891]. Наши собственные исследования показывают следующие результаты: сведения о произ-

---

[889] См. *Черкасова Н.Ю.* Исследование доказательств в суде первой инстанции… – С. 124–125

[890] См. *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России… – С. 132.

[891] См. *Сысков В.Л.* Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам… – С. 209.

водстве судебных экспериментов были обнаружены всего лишь в 2% уголовных дел и 12,5% опрошенных практических работников (судей, секретарей судебных заседаний, прокуроров, адвокатов) лично принимали участие в подобных мероприятиях.

Очевидно, что все приведенные и лишенные какой-либо закономерности эмпирические данные позволяют сделать только один, но при этом достаточно позитивный вывод: судебная практика в этой части в целом идет по достаточно правильному пути; судебные эксперименты проводятся, но лишь в тех случаях, когда действительно имеется такая необходимость. По смыслу уголовно-процессуального закона данный судебно-познавательный прием действительно не носит обязательного характера и вполне может быть заменен оглашением протокола проведенного ранее следственного эксперимента. Более того, ввиду прошествия большого времени между событием преступления и соответствующим судебным разбирательством производство судебного эксперимента может являться не только нецелесообразным, но и даже негативно сказаться на судебном познании обстоятельств данного уголовного дела. Среди материалов уголовных дел можно встретить немало вполне обоснованных судебных решений, связанных с отказом в удовлетворении ходатайства стороны о проведении судебного эксперимента. Например, судья Красноярского краевого суда, рассматривая (с участием присяжных заседателей) уголовное дело по обвинению З. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 222 УК РФ, совершенно справедливо отказал стороне защиты в проведении судебного эксперимента ввиду невозможности воссоздания условий, приближенных к тем, в которых совершалось преступление. Впоследствии Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ признала данное решение правомерным[892].

[892] Кассационное определение Верховного Суда РФ от 26 мая 2011 г. № 53-О11-26СП // СПС «КонсультантПлюс».

Однако в других случаях проведение судебного эксперимента представляется не только желательным, но и необходимым; иногда от его результатов зависит исход всего уголовного дела[893]. О важности судебного эксперимента для установления обстоятельств уголовного дела сегодня заявляют и практикующие юристы, в частности сами судьи[894]. В этой связи в юридической литературе неоднократно предпринимались попытки формулирования фактических оснований для проведения судебного эксперимента. Так, еще Л.Е. Ароцкер писал, что необходимость в нем может возникнуть в следующих случаях: а) когда при изучении и оценке результатов следственного эксперимента у суда возникает сомнение в их достоверности; б) если в процессе судебного следствия выявлены новые обстоятельства, которые могут быть проверены лишь экспериментальным путем; в) когда нужно восполнить пробелы предварительного следствия, образовавшиеся из-за того, что следователь не провел необходимого в данном случае следственного эксперимента; г) когда у суда возникает необходимость непосредственно ознакомиться с результатами, полученными экспериментальным путем[895]. Близкие по смыслу позиции высказывались в работах Ю.В. Кореневского[896] и А.А. Васяева[897]. В свою очередь, Г.И. Загорский, отталкиваясь от результатов судебной практики, отмечает целесообразность проведения эксперимента в судебном заседании в случаях, когда подсудимые ставят под сомнение утверждения потерпевших или свидетелей либо когда необходимо проверить возможность совершения определенных действий лицом, которое дает показания об этом, и т.д.[898] Вместе с тем мы не можем согласиться с

---

[893] *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве …С. 144.

[894] *Сычева О.А.* О некоторых вопросах производства следственного эксперимента в судебном заседании // Российский судья. – 2007. – № 9. – С. 19.

[895] А*роцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве … С. 141–142.

[896] *Кореневский Ю.В.* Установление противоречий в доказательствах // Советская юстиция. – 1992. – № 4. – С. 8.

[897] *Васяев А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе … С. 183–184.

[898] *Загорский Г.И.* Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам … С. 117.

авторами, которые связывают задачи судебного эксперимента исключительно с проверкой и уточнением уже имеющихся доказательств[899]. Ведь в основе этого процессуального действия лежат закономерности собственного «невербального», то есть наглядно-образного, восприятия судом или сторонами фрагментов объективной реальности. Необходимость его производства, на наш взгляд, может быть вызвана не только потребностью проверки доказательств, но и стремлением суда или сторон лично, «своими глазами» удостовериться в возможности существования определенных обстоятельств и сформировать в своем сознании их собственный мысленный образ. Так же как и при осмотре местности и помещения, имея в своем арсенале результаты собственно проведенного эксперимента, суд при постановлении приговора, руководствуясь ч. 1 и 3 ст. 240 УПК РФ, вряд ли должен оставить без внимания их непосредственную познавательную ценность. Поэтому мы скорее согласимся с теми авторами, которые говорят о проверке доказательств не как о единственной, а как о наиболее распространенной цели судебного эксперимента[900].

Близость гносеологической сущности судебного эксперимента к аналогичному следственному действию, предусмотренному ст. 181 УПК РФ, обуславливает сходство их процессуальной формы. Причем при создании правовой основы судебного эксперимента законодатель пошел по наиболее простому пути, сконструировав в ч. 2 ст. 288 УПК РФ отсылочную диспозицию, полностью возвращающую правоприменителя к положениям вышеупомянутой ст. 181 УПК РФ. Подобный механизм правового регулирования создает неверную иллюзию полного тождества процедуры проведения эксперимента в досудебном и судебном производстве и обуславливает целый ряд судебных ошибок. Анализ практики показывает, что судьи, стремясь обеспечить законность рассмотрения

---

[899] Например: *Бозров В.М., Кобяков В.М.* Судебное следствие. Вопросы теории и практики … С. 49; Научно-практическое пособие по применению УПК РФ …С. 117; *Корчагин А.Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика … С. 113. и т.д.

[900] *Белкин Р.С., Белкин А.Р.* Эксперимент в уголовном судопроизводстве … С. 74.

уголовного дела, воспринимают ч. 2 ст. 288 УПК РФ с высокой степенью догматизма и используют при проведении эксперимента явно несвойственные для судебного разбирательства правовые механизмы. Например, рассматривая уголовное дело по обвинению А. в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 264 УК РФ, судья Фокинского районного суда г. Брянска видимо так увлекся выполнением требований ст. 181 УПК РФ, что привлек для проведения судебного эксперимента двух понятых[901]. Данный подход, безусловно, заслуживает исключительно негативной оценки, поскольку вырывает ст. 181 и 288 УПК РФ из общей системы правового регулирования. Являясь судебным действием, эксперимент подчинен не только правилам, установленным указанными нормами, но и другим положениям закона, регламентирующим порядок судебного разбирательства уголовного дела, в частности условиям состязательности, непосредственности, гласности, устности и т.д. В этой связи следует говорить не столько о тождественности, сколько о сохранении некой правовой преемственности, порядка проведения судебного эксперимента к положениям ст. 181 УПК РФ в части, не противоречащей существующим механизмам реализации судебной власти.

Предъявление для опознания – это судебное действие, заключающееся в отождествлении определенным лицом конкретного объекта по мысленному образу, запечатленному в сознании опознающего лица. Его сущность заключается в том, что суд в присутствии сторон предъявляет опознающему (потерпевшему, свидетелю, подозреваемому, обвиняемому) какой-либо опознаваемый объект (в том числе другое лицо), для того чтобы установить, узнает ли он этот объект как наблюдаемый ранее в связи с рассматриваемым событием или нет. В отличие от чисто «невербальных» судебного осмотра, освидетельствования или эксперимента, предъявление для опознания обладает комплексным гносеологическим характером, сочетая в себе элементы как условно-знакового (вербаль-

[901] Архив Фокинского районного суда г. Брянска. Уголовное дело № 1-52/12.

ного), так и наглядно-образного («невербального») восприятия объективной реальности. Указанные особенности данного судебного действия были подробно рассмотрены нами ранее применительно к аналогичному познавательному приему, предусмотренному ст. 193 УПК РФ для досудебного производства. Поэтому мы не считаем необходимым подробно останавливаться на их рассмотрении и анализе в контексте судебного производства. Следует обратить внимание лишь на одно обстоятельство: результаты судебного предъявления для опознания, как и в стадии предварительного расследования, безусловно, обладают сложной, двойственной познавательной природой; они частично могут расцениваться как соответствующие показания, а частично – подпадают под диспозицию ст. 83 УПК РФ (например, в части восприятия судом динамики опознания, улик поведения и т.д.).

Как и рассмотренный выше эксперимент, судебное предъявление для опознания впервые получило нормативное закрепление лишь в действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ. Законодательство РСФСР прямо подобной возможности не предусматривало[902], хотя ст. 70 УПК РСФСР фактически предоставила суду право на осуществление любых предусмотренных Кодексом следственных действий. Поэтому советские ученые в целом поддерживали практику производства данного судебного действия[903]. Вместе с тем отдельные процессуалисты высказывались против использования судом такого познавательного приема. В частности, М.С. Строгович писал, что в условиях гласного судебного процесса, а самое главное, при невозможности обеспечения полной изоляции опознаваемого и опознающего предусмотренные для досудебного

---

[902] В этой связи необходимо обратить внимание, что уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик (Украинской ССР, Литовской ССР, Эстонской ССР, Армянской ССР, Киргизской ССР, Узбекской ССР, Туркменской ССР и Молдавской ССР), напротив прямо предусматривали возможность предъявления для опознания в ходе судебного заседания. См.: *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве …С. 81.

[903] *Цветков П.П.* Предъявление для опознания в советском уголовном процессе … С. 108–109; *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве … С. 81–86; *Чеджемов Т.Б.* Судебное следствие … С. 74; *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 64–73.

производства гарантии правильности проведения опознания просто неосуществимы[904]. Научные позиции, обесценивающие судебное предъявление для опознания и предполагающие исключение ст. 289 УПК РФ из системы уголовно-процессуального законодательства, встречаются и в современной литературе[905].

По смыслу закона предъявление для опознания так же, как и другие рассмотренные выше судебные действия, имеет факультативный характер и проводится судом лишь в необходимых случаях, исключающих возможность использования в доказывании результатов ранее проведенного следственного опознания. Л.Е. Ароцкер указывал на следующие причины, обуславливающие проведение судебного опознания: а) следственное опознание вообще не проводилось или его результаты вызывают сомнение и требуют перепроверки; б) в ходе судебного разбирательства устанавливаются какие-либо новые обстоятельства, требующие проведения опознания; в) в суд представлены новые вещественные доказательства или вызваны новые свидетели; г) в суде возникает возможность непосредственного предъявления тех объектов (лиц), которые ранее опознавались по фотографиям[906]. Примерно аналогичные точки зрения можно встретить в трудах К.П. Гарина[907], Г.А. Воробьева[908], В.М. Бозрова и В.М. Кобякова[909], Г.И. Загорского[910] и некоторых других авторов. Причем спе-

---

[904] *Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 2 … С. 297.

[905] *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России … С. 135.

[906] *Ароцкер Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве … С. 81–82.

[907] *Гарин К.П.* Значение данных криминалистики при подготовке и проведении судебного следствия // Ученые записки ВЮЗИ. – Вып. 3. – М.: ВЮЗИ, 1957. – С. 1933.

[908] *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 67–68.

[909] *Бозров В.М., Кобяков В.М.* Судебное следствие. Вопросы теории и практики … С. 41.

[910] *Загорский Г.И.* Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам … С. 118.

циалисты совершенно справедливо обращают внимание на весьма редкое использование возможностей судебного предъявления для опознания[911]. А немногочисленные эмпирические данные вообще свидетельствуют об отсутствии такой практики. Например, Ю.К. Якимович, имеющий многолетний стаж адвокатской деятельности, пишет, что в его личной практике подобные случаи не встречались[912]. А.А. Плашевская отмечает, что анализ 250 изученных ею уголовных дел также не позволил выявить ни одного подобного случая[913]; алогичные данные были получены и А.А. Васяевым[914]. Наши собственные исследования привели практически к таким же результатам: сведения о производстве судебных опознаний не были обнаружены ни в одном из изученных уголовных дел, и только двое из опрошенных лиц (адвокат из г. Москвы и секретарь судебного заседания из г. Александрова Владимирской области) указали, что лично принимали участие в подобных мероприятиях. И тем не менее некоторые авторы приводят достаточно интересные примеры производства предъявления для опознания в судебном заседании[915]; о существовании такой практики свидетельствуют и отдельные судебные решения, размещенные в ресурсах справочно-правовой системы «КонсультантПлюс»[916].

В этой связи закономерно возникает вопрос: почему предъявление для опознания весьма редкое явление в современной судебной практике? Ответ на

---

[911] *Корчагин А.Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика … С. 116.

[912] *Якимович Ю.К., Пан Д.Т.* Судебное производство по УПК Российской Федерации … С. 138.

[913] *Плашевская А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России … С. 134.

[914] *Васяев А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе … С. 188.

[915] *Баев М.О.* Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы … С. 213–214. *Селедкина Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе … С. 179; *Сысков В.Л.* Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам … С. 211.

[916] Например: кассационное определение Верховного Суда РФ от 6 октября 2011 г. № 51-О11-87СП // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Президиума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2014 г. № 348–П13 // СПС «КонсультантПлюс»; апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2014 г. № 20-АПУ14-31 // СПС «КонсультантПлюс» и т.д.

него неоднозначен и предполагает несколько причин. Первая из них заключается в недостаточной нормативной проработанности механизмов данного судебного действия. На подобное обстоятельство еще в 1993 году обращала внимание Н.Ю. Черкасова[917]. И хотя в настоящее время законодатель предусматривает специальную правовую норму, регламентирующую судебное предъявление для опознания, ее строго отсылочная конструкция не лишена достаточно серьезных недостатков, о чем мы еще будем говорить далее. Вторая причина, на наш взгляд, заключается в сложном организационно-тактическом характере предъявления для опознания, требующем основательной подготовки и владения целым комплексом криминалистических и психологических знаний, умений и навыков – то есть тех профессиональных качеств, которыми, к великому сожалению, сегодня обладают далеко не все практикующие судьи. Поэтому опознание в современных судебных заседаниях нередко подменяется более простыми познавательными приемами, например, осмотром в сочетании с допросом. Например, судья Ростовского областного суда, рассматривая (с участием присяжных заседателей) уголовное дело по обвинению Б. в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 105 и ч. 1 ст. 222 УК РФ, по ходатайству государственного обвинителя произвел осмотр вещественного доказательства – похищенной золотой цепочки. В ходе проведения судебного действия потерпевшая З. пояснила, что именно эта цепь принадлежала ее сыну, так как у нее имеются характерные особенности в виде замочка и плетения. Рассматривая данное уголовное дело в апелляционном порядке, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ также проигнорировала допущенную судебную ошибку, связанную с подменой одного судебного действия другим, и признала действия суда первой инстанции законными[918]. Однако наиболее распространенными являются случаи фактического производства опознания во

---

[917] *Черкасова Н.Ю.* Исследование доказательств в суде первой инстанции … С. 127.

[918] Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30 октября 2013 г. № 41-АПУ13–47СП // СПС «КонсультантПлюс».

время допроса свидетеля или потерпевшего, которым задаются вопросы примерно следующего содержания: «знаете ли Вы лицо, находящееся на скамье подсудимых?»; «узнаете ли Вы кого-либо из находящихся в зале судебного заседания?» и т.п. Причем подобный явно неправомерный механизм находит поддержку в научной[919] и даже учебной литературе по уголовно-процессуальному праву[920]. По данным Н.Ю. Черкасовой такие «опознания» проводили около 2/3 опрошенных ею судей, в практике которых встречалось предъявление для опознания[921]. Процессуальная недоброкачественность подобного правового «суррогата» достаточно обстоятельно исследована А.А. Васяевым, который, называя его «ограниченным опознанием» и «квазипроцедурой», совершенно справедливо пишет о недопустимости такой судебной практики, исключающей необходимые гарантии предъявления для опознания[922].

Близость гносеологической сущности судебного опознания к аналогичному следственному действию, предусмотренному ст. 193 УПК РФ, обуславливает и сходство процессуального порядка их производства. Причем при формировании правовой основы судебного опознания законодатель, как и в случае с судебным экспериментом, пошел по наиболее легкому пути, сконструировав в ст. 289 УПК РФ отсылочную диспозицию, возвращающую правоприменителя к правилам проведения опознания следователем. Подобный механизм правового регулирования может привести к ошибочному представлению о полном тождестве порядка предъявления для опознания в досудебном производстве и в суде. Вместе с тем опознание, как и любое другое судебное действие подчинено не только правилам, установленным ст. 193 и 289 УПК РФ, но и другим положениям закона, регламентирующим порядок судебного разбирательства уголовного дела, в частности условиям состязательности, гласности, устности

---

[919] *Гапанович Н.Н.* Опознание в судопроизводстве … С. 105.

[920] *Давлетов А.А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть … С. 144.

[921] *Черкасова Н.Ю.* Исследование доказательств в суде первой инстанции … С. 136.

[922] *Васяев А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе … 189.

и т.д. Поэтому его правовая регламентация должна являться не процессуальным «клоном» ст. 193 УПК РФ, а лишь сохранять определенную преемственность к ее положениям в части, не противоречащей существующим механизмам реализации судебной власти.

В этой связи следует обратить внимание на некоторые условия следственного опознания, которые в чистом виде для судебного заседания представляются невыполнимыми. Так, наиболее существенное противоречие вызывает прямо не закрепленное в тексте закона, но фактически вытекающее из его смысла правило о недопустимости визуального восприятия опознающим лицом опознаваемого объекта до момента проведения опознания. В противном случае его результаты будут сведены к нулю[923]. Однако в судебном заседании, особенно в части предъявления для опознания подсудимого потерпевшему (или наоборот), подобное требование фактически неосуществимо. В силу состязательных механизмов судебного производства, обусловленных правом подсудимого на защиту и правом потерпевшего – на доступ к правосудию, устранение указанных лиц из зала суда невозможно. Следует вспомнить, что именно на эту особенность помимо прочего обращал внимание М.С. Строгович, скептический относившийся к возможностям судебного опознания. Этот же процессуальный нюанс освещается и в других научных публикациях[924]. Как в такой ситуации обеспечить условия опознания – не совсем понятно, поскольку любые тактические рекомендации, направленные на объективность, опознания неизбежно приведут к ограничению конституционных прав участников уголовного судопроизводства. Видимо, суду в данном случае следует вообще отказаться от производства опознания и осуществлять установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, посредством других предусмотренных законом

---

[923] *Россинский С.Б.* Уголовный процесс … С. 401.

[924] Например: Настольная книга судьи (рассмотрение уголовных дел в суде первой инстанции) / под ред. А.Ф. Горкина, В.В. Куликова, Н.В. Радутной, И.Д. Перлова. – М.: Юрид. лит., 1972. – С. 265; *Воробьев Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий … С. 65; *Баев М.О.* Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы … С. 215 и т.д.

способов. Иными словами, наряду с рассмотренным выше освидетельствованием указанное процессуальное ограничение – это еще один случай, когда цель не может оправдать средства и когда возможности судебного познания должны быть поставлены в зависимость от процессуальной формы.

Вместе с тем условия предъявления для опознания в судебном заседании подсудимого (потерпевшего) свидетелю, на наш взгляд, вполне осуществимы. Они могут быть обеспечены посредством вызова последнего не к началу судебного заседания, а непосредственно к моменту опознания. Эту особенность наряду с судом должны учитывать и стороны, определяя, в соответствии со ст. 274 УПК РФ, порядок исследования доказательств. На первый взгляд, предложенная нами процессуальная рекомендация, несомненно, вступает в противоречия с ч. 2 ст. 193 УПК РФ, предполагающей обязательное проведение предварительного допроса свидетеля по поводу обстоятельств, при которых он видел опознаваемый объект, а также о приметах и об особенностях, по которым он может быть опознан. На это обращается внимание и в литературе[925]. Однако представляется, что данные противоречия имеют несколько надуманный, иллюзорный характер. Указанная правовая норма вовсе не предполагает необходимости допроса свидетеля непосредственно перед опознанием. Следовательно, такой допрос вполне может иметь место и ранее, например, в ходе досудебного производства; в этом случае перед опознанием в судебном заседании должны быть оглашены соответствующие свидетельские показания. Полагаем, что рассмотренный правовой механизм не будет противоречить общему условию непосредственности судебного разбирательства; уголовно-процессуальный закон предусматривает и иные возможности оглашения свидетельских показаний в зале суда (ст. 281 УПК РФ). Тем более что после проведения опознания суд и стороны получат полноценную возможность допросить данное лицо в общем порядке. Если же в материалах уголовного дела прежние показания

[925] Например: Научно-практическое пособие по применению УПК РФ … С. 119–120; *Загорский Г.И., Кауфман М.А., Моисеева Т.Ф., Радутная Н.В.* Судебное разбирательство по уголовным делам о торговле людьми … С. 177; *Баев М.О.* Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы … С. 215 и т.д.

опознающего лица отсутствуют (например, при появлении в уголовном деле нового свидетеля, при необходимости опознания каких-то новых объектов, по которым он ранее не допрашивался, и т.д.), то его предварительный судебный допрос, конечно, необходим. Представляется, что в этом случае условия, исключающие визуальное восприятие данным лицом потенциальных опознаваемых объектов, должны обеспечиваться посредством использования современных технических средств и возможностей, например, специальных зеркальных стекол и т.д. Особое значение в данной ситуации приобретает введенная в 2011 году ст. 278.1 УПК РФ, позволяющая допрашивать свидетелей путем использования систем видеоконференцсвязи[926]. Тем более что случаи проведения судебных опознаний, как уже отмечалось выше, большого распространения в практике не имеют, поэтому установка соответствующих, очевидно достаточно дорогостоящих, технических приспособлений буквально в каждом зале судебного заседания явно не потребуется. Попутно следует обратить внимание, что предложенные нами механизмы судебного опознания вполне применимы и в части реализации положений закона, предполагающих обеспечение безопасности опознающего лица (ч. 8 ст. 193 УПК РФ).

В завершение хотелось бы обратить внимание, что в настоящем исследовании мы попытались рассмотреть лишь некоторые проблемы производства «невербальных» судебных действий и наметить определенные пути для их разрешения. Ввиду общего многообразия существующих здесь проблем их более подробное изучение в рамках одной работы просто не представляется возможным. Поэтому мы планируем вернуться к их рассмотрению в дальнейшем.

[926] Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование позволило на комплексном монографическом уровне рассмотреть, проанализировать и частично разрешить концептуальные методологические, нормативно-правовые и практические проблемы, связанные с формированием доказательств, основанных на закономерностях наглядно-образного восприятия дознавателем, следователем, судом материальных фрагментов объективной реальности и представляющих собой результаты «невербальных» следственных и судебных действий (осмотра, освидетельствования, обыска, выемки, эксперимента и др.).

Исследование генезиса представлений о сущности уголовно-процессуальных доказательств на протяжении последних 150 лет позволило обосновать вывод о трансформации соответствующих научных взглядов в зависимости от соответствующих философских и иных общенаучных концепции, а также политического климата государства. По мнению автора, представители дореволюционной процессуальной школы, определявшие доказательства как любые основания для судейского убеждения, базировали свои позиции на господствовавших в то время постулатах формальной логики. Отдельные дореволюционные ученые, пытавшиеся отождествить доказательства с фактами, связать их с чем-то конкретным, единичным, реальным, наоборот, отталкивались от стремительно развивавшейся на рубеже XIX–XX веков философской теории диалектического материализма. По этой же причине данные воззрения плотно укоренились в советской процессуальной до- и послевоенной науке, основанной на диалектическом материализме в его марксистско-ленинском понимании. Активное развитие советскими учеными указанных идей в контексте ленинской теории отражения, постепенно привело процессуальную науку к одной из наиболее известных точек зрения: «Доказательства – фактические данные», ставшую своеобразным фундаментом для современного доказательственного права. В 60–70 годы XX века на общем фоне развития учения об информации возникает информационная (кибернетическая) теория доказательств, которая и

по сей день поддерживается многими отечественными процессуалистами. Современные уголовно-процессуальные школы характеризуются многообразием точек зрения на сущность доказательств. Наряду с информационной теорией, сегодня активно развивается так называемая прагматическая модель доказывания, а также большое количество иных теорий, что объясняется отсутствием единства существующих философских и иных общенаучных концепций, а также различными подходами к дальнейшему развитию российского уголовного судопроизводства.

По мнению автора, дальнейшие научные изыскания в этой области необходимо проводить не в целях конструирования оптимальной формулировки понятия доказательств в уголовном судопроизводстве, а в целях более глубокого уяснения их философской сущности и места в механизмах установления обстоятельств уголовного дела. Имеющиеся в теории определения доказательств нельзя противопоставлять друг другу, тем более ставить их в зависимость от типа (формы) уголовно-процессуальной деятельности в государстве, поскольку они всего лишь более или менее удачно характеризуют разные стороны одного и того же процессуально-гносеологического и логического феномена – некоего средства, с помощью которого реализуются разные этапы процесса доказывания обстоятельств уголовного дела. Автор пришел к выводут, что исследование сущности доказательств в современных условиях развития уголовно-процессуальной науки целесообразно проводить в контексте общего анализа закономерностей всего механизма познания и доказывания по уголовному делу, определяя их роль на каждом отдельном этапе уголовного судопроизводства, а также применительно к деятельности каждого отдельного участника: дознавателя, следователя, прокурора, защитника, суда и т.д.

Рассмотрение вопросов уголовно-процессуального познания и доказывание в контексте современных демократических принципов судопроизводства, в первую очередь состязательности сторон, позволило сделать вывод о невозможности как отождествления, так и полного, гетерогенного разграничения этих философско-правовых категорий. В диссертации обосновывается позиция

о доказывании как о сложном, многоэтапном процессе, с одной стороны включающем в себя познавательные и удостоверительные операции, а с другой – аргументацию судом и сторонами правоприменительных решений. Причем применительно к последнему этапу доказывания – логическому обоснованию процессуальных решений – более приемлемым является подход к сущности доказательств, встречающийся в работах дореволюционных юристов, писавших о доказательствах как об основаниях для судейского убеждения. В части удостоверительного этапа доказывания наиболее рациональной является прагматичная теория, делающая акцент на допустимости доказательств. Первая ступень доказывания – познание – должна основываться на информационной теории доказательств, предполагающих под ними сведения (информационные сигналы), позволяющие дознавателю, следователю, суду установить (познать) обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела.

В этой связи в работе высказывается позиция о сохранении информационной теории как концептуальной основы уголовно-процессуального познания и необходимости ее дальнейшего развития, но при частичном отказе от используемых советской процессуальной наукой постулатов марксистско-ленинской гносеологии и разумном сочетании методологии диалектического материализма с современными мировоззренческими идеями ведущих философских школ и направлений, в частности критическим рационализмом, герменевтикой, феноменологией и т.д.

Автор приходит к выводу, что в контексте информационной теории доказательств под уголовно-процессуальным познанием как первым этапом доказывания следует понимать деятельность органов дознания, предварительного следствия и суда, состоящую в восприятии посредством процессуальных действий определенных информационных сигналов, поступающих от различных материальных и идеальных объектов, ранее отразивших в своей форме или в своем содержании обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, то есть входящие в предмет познания (доказывания). Вместе с тем представленная в диссертационном исследовании модель (схема) процессуального познания

имеет наиболее простой, базовый характер, не обремененный различными промежуточными элементами. В реальных практических ситуациях, возникающих в ходе расследования и судебного разбирательства уголовных дел, например, в случае работы с косвенными или производными доказательствами, при использовании заключений эксперта, документов, протоколов следственных действий и судебного заседания и т.д., данная модель приобретает более сложные, многоступенчатые формы.

Анализ современных научных достижений в области философии (гносеологии), психологии, психофизиологии, нейропсихологии, изучающих закономерности и механизмы восприятия человеком обстоятельств объективной реальности и формирования соответствующих мысленных образов, позволил выявить и обосновать два основных способа уголовно-процессуального познания, обуславливающих появление в уголовном деле различных видов доказательств: вербальный и «невербальный». По мнению автора, вербальный способ направлен на познание сведений идеального характера (показаний, заключений эксперта или специалиста, письменных документов). Он представляет собой систему гносеологических и психофизиологических закономерностей зрительного или слухового восприятия сведений, выраженных в условно-знаковой (вербальной) форме, которые трансформируются в соответствующие мысленные образы посредством рационального мышления дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. При этом протокол вербального следственного или судебного действия является средством фиксации не мысленных образов, сформированных в сознании субъекта познания, то есть не результатов его рационального мышления, а самих сведений, сообщенных подозреваемым, обвиняемым, потерпевшим, свидетелем, экспертом или специалистом в практически первозданном виде.

В свою очередь, под «невербальным» способом познания в уголовном судопроизводстве в диссертации понимается система гносеологических и психофизиологических закономерностей чувственного (зрительного или посредством иных органов чувств) восприятия дознавателем, следователем или судом

материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, трансформирующихся в соответствующие мысленные образы посредством наглядно-образного мышления. А при составлении протокола «невербального» следственного или судебного действия сконструированные мысленные образы переводятся в словесную форму. С учетом многообразия толкований понятия «невербальности» в уголовно-процессуальной и криминалистической литературе использование данной терминологии в предложенном широком значении несколько условно. Поэтому термин «невербальный» преднамеренно берется в кавычки.

Сравнительный анализ вербального и «невербального» способов процессуального познания позволил выявить их основные достоинства и недостатки. Так, к достоинствам вербального способа познания, по мнению, автора следует отнести высокую степень адекватности сведений, изложенных в соответствующих протоколах, и возможность познания обстоятельств, не попавших в зону наглядно-образного восприятия. Недостатки вербального способа познания – это изначально субъективный характер получаемых сведений, возможность неверного восприятия или осмысления сообщенных сведений самим дознавателем, следователем или судом, а также весьма ограниченный потенциал органов слуха и соответствующего слухового гнозиса (представления). В свою очередь, достоинствами «невербального» способа познания являются первичный объективизм воспринимаемых фрагментов реальности и, следовательно, сравнительно небольшой уровень гностической погрешности (то есть высокая степень адекватности реального объекта его мысленному образу). К недостаткам «невербального» способа процессуального познания можно отнести относительную невоспроизводимость сформированных доказательств и субъективность формирования результатов соответствующих следственных (судебных) действий.

Методологически отталкиваясь от закономерностей «невербального» способа процессуального познания, автор выявил и определил гносеологическую

сущность протоколов следственных действий и судебного заседания (в контексте ст. 83 УПК РФ). Под ними понимаются составленные дознавателем, следователем или судом уголовно-процессуальные акты, фиксирующие сведения о факте проведения, о ходе и результатах соответствующих следственных или судебных действий, основанных на использовании «невербального» способа познания. Вместе с тем в диссертации обосновывается позиция, что протоколы, представляя собой всего лишь объекты документального характера, не вписываются в общее понятие уголовно-процессуальных доказательств в контексте информационной теории. Они не являются формами информационных сигналов, поступающих от материальных фрагментов объективной реальности, от элементов вещной обстановки в сознание дознавателя, следователя, судьи или присяжных заседателей. В этой связи автор приходит к выводу, что доказательствами, подпадающими под смысл ст. 83 УПК РФ, следует признавать не сами протоколы, а содержащиеся в них познавательные результаты, которые предлагается впредь называть результатами «невербальных» следственных и судебных действий. Таким образом, результаты «невербальных» следственных и судебных действий – это имеющие значение для уголовного дела сведения, полученные в предусмотренном законом порядке дознавателем, следователем или судом посредством наглядно-образного восприятия материальных фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки и отраженные в соответствующем протоколе.

На основании сравнения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с другим видом уголовно-процессуальных доказательств – с показаниями в диссертации высказывается позиция об их разграничении как антагонистичных, гетерогенных гносеологических категорий, характеризующихся диаметрально противоположными способами получения значимой для уголовного дела информации. Однако с учетом потребностей современной правоприменительной практики и оптимизации уголовного судопроизводства допускается возможность использования локальных приемов по разумному наполнению отдельными вербальными элементами любых «невербальных»

следственных или судебных действий и наоборот с последующим приданием всем полученным таким образом результатам доказательственного значения. При этом, осознавая, что указанные новации могут создать опасность размывания граней между следственными (судебными) действиями, подмены одних следственных (судебных) действий другими, автор формулирует соответствующие критерии допустимости: а) критерий второстепенности, б) критерий производности; в) критерий рациональности.

Рассмотрение вопросов соотношения результатов «невербальных» следственных и судебных действий с вещественными доказательствами позволило прийти к убеждению об их тесной взаимосвязи. Результаты «невербальных» следственных и судебных действий обуславливают как само появление в уголовном деле вещественных доказательств, так и логическую возможность использования последних в процессе доказывания; с их помощью и совместно с ними вещественные доказательства встраиваются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. В свою очередь, вещественные доказательства являются предметом соответствующих «невербальных» следственных или судебных действий, направленных на их обнаружение, восприятие или фиксацию. Близость вещественных доказательств и соответствующих результатов «невербальных» следственных и судебных действий требует формулирования четких критериев для их разграничения. По мнению автора, эти критерии заключаются в характере соответствующих доказательств. Вещественное доказательство (в отрыве от других взаимосвязанных с ним доказательств) всегда несет в себе лишь информацию о наличии данного объекта как элемента действительности (вещественное доказательство – это сама вещь), а результат «невербального» следственного и судебного действия (осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента и др.) свидетельствует о нахождении той или иной вещи (вещественного доказательства) в определенном месте или у определенного лица, а также об определенном взаиморасположении двух или нескольких предметов, о нахождении одного предмета на другом и

т.д. И именно подобного рода информация позволяет встроить обезличенные вещественные доказательства в общую доказательственную цепочку и, таким образом, успешно использовать их в процессе познания обстоятельств уголовного дела.

В этой связи в диссертации выражается позиция о невозможности признания вещественными доказательствами материалов аудио-, видео- и тому подобной технической фиксации результатов «невербальных» следственных или судебных действий. В частности, видеозапись фиксирует в иной форме те же самые сведения, которые подлежат занесению в соответствующий протокол, то есть результаты наглядно-образного восприятия дознавателем, следователем или судом материальных фрагментов объективной реальности, и, следовательно, никоим образом не отвечает признакам вещественного доказательства, предусмотренным ст. 81 УПК РФ. Также представляется нецелесообразным признание вещественными доказательствами материалов контроля и записи переговоров и материалов, содержащих информацию о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Поэтому автор предлагает исключить соответствующие фрагменты из ч. 8 ст. 186 и ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ, сохранив лишь общее правило о необходимости приобщения данных материалов к уголовному делу.

Концептуальное отличие предусмотренных ст. 84 УПК РФ документов от результатов «невербальных» следственных и судебных действий (от протоколов следственных действий и судебного заседания) в самом общем виде заключается в использовании различных механизмов восприятия субъектами доказывания обстоятельств объективной реальности: первые основаны на вербальном, а вторые – на «невербальном» способе познания. Однако встречающиеся в сегодняшней практической деятельности документы неписьменного характера (например, фотографии, видеозаписи, чертежи) имеют гораздо более тесную связь с результатами «невербальных» следственных и судебных действий (в первую очередь осмотра), являясь их предметом. Подобный документ сам по себе, в отрыве от соответствующего следственного или судебного действия, не

подлежит полноценному восприятию и не может быть использован в доказывании по уголовному делу. С помощью этих действий и совместно с ними «невербальные» документы имплантируются в общую совокупность доказательств и получают реальную возможность влиять на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

По мнению автора, сведения, полученные оперативными сотрудниками или субъектами административной деятельности в результате «невербальных» оперативно-розыскных или административных мероприятий, могут найти свое процессуальное отражение лишь в тех доказательствах, которые по своей гносеологической природе соответствуют доказательствам, подпадающим под контекст ст. 83 УПК РФ. В работе высказывается мнение об изменении отношения законодателя к процессуальному режиму введения результатов оперативно-розыскной и административной деятельности правоохранительных органов в процесс доказывания по уголовному делу. Представляется, что не существует никаких реальных препятствий для прямого, непосредственного использования данных материалов в качестве доказательств, но лишь в том случае, если они не обладают свойством воспроизводимости, то есть не могут быть повторно получены дознавателем, следователем или судом в процессе расследования или судебного разбирательства уголовного дела. В этой связи предлагается создать такой правовой режим проведения «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий, который бы по уровню гарантий не уступал процессуальной форме и в последующем позволил бы дознавателю, следователю или суду проверить их доброкачественность, в частности условия соблюдения прав и свобод личности.

Вносится ряд предложений по дополнению гл. 10–11 УПК РФ в части использования результатов оперативно-розыскной и административной деятельности в доказывании по уголовному делу, а именно:

а) дополнить ч. 2 ст. 74 УПК РФ пунктом 6.1, предполагающим признание отдельным видом доказательств результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий;

б) дополнить гл. 10 УПК РФ новой статьей 84.1, определяющей правовые условия и порядок приобщения к уголовному делу результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий. Этой же процессуальной нормой предлагается закрепить перечень таких мероприятий, чтобы исключить возможность неправильного применения уголовного-процессуального законодательства и тем более злоупотреблений в данном сегменте доказывания;

в) дополнить ст. 86 УПК РФ частью 1.1, регламентирующей возможность собирания доказательств посредством представления результатов «невербальных» оперативно-розыскных и административных мероприятий в орган дознания, следователю или в суд.

Рассматривая сущность следственных действий и придерживаясь позиции, что единственным участником, уполномоченным на их производство, является следователь (дознаватель, руководитель следственного органа или следователь-криминалист), автор связывает их цели не с собиранием и проверкой доказательств, а с установлением каких-либо новых сведений, имеющих значение для уголовного дела, с получением какой-либо значимой доказательственной информации. Собирание и проверка доказательств – это процессы, сопутствующие производству следственных действий, но вместе с тем связанные скорее не с их целями, а с их содержанием, выраженным в обнаружении, восприятии, исследовании, фиксации и процессуальном оформлении доказательственной информации. Поэтому под следственными действиями в работе понимаются производимые следователем или дознавателем (органом дознания) уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела.

В свою очередь, «невербальными» следственными действиями автор считает предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, которые осуществляются следователем или дознавателем (ор-

ганом дознания) посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. «Невербальные» следственные действия образуют свою систему, которая по отношению к общей системе следственных действий является некой подсистемой. Система «невербальных» следственных действий – это еще более единое и целостное формирование. По сравнению с общей системой следственных действий, она характеризуется дополнительным системообразующим признаком – использованием познавательных приемов наглядно-образного («невербального») восприятия информации. Кроме того, отдельные элементы системы «невербальных» следственных действий вообще имеют родственный характер; в теории уголовного процесса и криминалистики они рассматриваются как парные категории и предполагают очень близкий порядок производства (например, обыск – выемка, осмотр – освидетельствование). К элементарным «невербальным» следственным действиям относятся: а) следственный осмотр; б) освидетельствование; в) обыск; г) выемка; д) следственный эксперимент. В современном уголовном судопроизводстве существуют и более сложные формы познания дознавателем или следователем обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела: а) предъявление для опознания и б) проверка показаний на месте. Они характеризуются тесным сочетанием вербальных и «невербальных» механизмов восприятия идеальных и материальных фрагментов объективной реальности. Тем не менее достаточно сильная наглядно-образная составляющая не дает возможности полностью исключить их из системы «невербальных» следственных действий, хотя они и приобретают в данной системе несколько обособленный характер.

В диссертации используется новый подход к сущности наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами. Автор называет их процессуальными комбинациями, под которыми понимает предусмотренные уголовно-процессуаль-

ным законодательством комплексы определенных взаимообусловленных следственных и иных процессуальных действий, направленных на решение частных (локальных) задач уголовного судопроизводства и производимых на основании общего процессуального решения. Процессуальные комбинации, предусмотренные ст. 185, 186 и 186.1 УПК РФ, в силу своего комплексного (комбинированного) характера не могут быть отнесены к традиционным «невербальным» следственным действиям; они имеют более сложную природу. Вместе с тем имплантированные в их структуру самостоятельные познавательные механизмы (осмотр и выемка) осуществляются на основании закономерностей наглядно-образного восприятия объективной реальности, то есть посредством «невербального» способа познания. Представляется возможным включение наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки, контроля и записи переговоров, а также получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в качестве специфических, обособленных элементов в систему «невербальных» следственных действий.

Рассматривая механизм производства «невербальных» следственных действий в контексте их познавательной направленности, автор вносит ряд предложений, направленных на совершенствование их процессуальной регламентации и оптимизацию существующей следственной практики. В частности, одна из задач следственного освидетельствования должна быть направлена не на установление состояния опьянения, а лишь на установление отдельных признаков опьянения, подлежащих наглядно-образному восприятию (запах алкоголя изо рта; неустойчивость позы; нарушение речи; резкое изменение окраски кожных покровов лица; поведение, не соответствующее обстановке, и т.д.). При этом полноценное состояние опьянения может быть выявлено лишь посредством соответствующей судебно-наркологической экспертизы.

В свою очередь, выемка не является чисто техническим приемом легализации каких-либо предметов, документов или иных объектов, то есть их «попадания в уголовное дело». Выемка уместна лишь тогда, когда дознавателю или

следователю необходимо лично посредством «невербального» познания убедиться в нахождении каких-либо объектов в каком-либо определенном месте. Таких случаев не может быть слишком много, поэтому классическая выемка познавательной направленности представляется достаточно редким следственным действием, намного более редким, чем обыск со свойственными ему изначально неопределенными объектами и (или) местами их нахождения. Для простой технической передачи отдельных материалов (предметов или документов) для приобщения к уголовному делу необходимы более простые процессуальные механизмы, не являющиеся следственными действиями и не обусловленные столь сильными правовыми гарантиями, коими характеризуется выемка, в частности представление и истребование.

И, наконец, в диссертации обосновывается необходимость легального распространения на предъявление для опознания и проверку показаний на месте положения ст. 187–189 и 191 УПК РФ – в части получения показаний и положении ст. 177 УПК РФ – в части получения «невербальной» информации. А сведения, полученные в ходе предъявления для опознания и проверки показаний на месте, следует одновременно расценивать и как показания, и как результаты «невербальных» следственных и судебных действий в контексте ст. 83 УПК РФ.

Автор обосновывает существование в современных условиях новой организационной формы производства «невербального» следственного действия – специальной операции, которая характеризуется большим числом участников и сопряжена с восприятием множества фрагментов объективной реальности, элементов вещной обстановки, расположенных на значительной по своим размерам территории. Специфика «невербального» следственного действия в форме специальной операции обуславливает и особенности используемого при его производстве механизма процессуального познания. В отличие от традиционных осмотра, обыска или выемки, такие крупномасштабные мероприятия характеризуются участием не одного, а сразу нескольких или многих познающих

субъектов. Причем каждый из них, как правило, осуществляет наглядно-образное восприятие соответствующих фрагментов объективной реальности независимо от других на отведенном ему участке (является отдельным субъектом «невербального» познания), что обуславливает сложные, многоступенчатые познавательные процессы. Представляется целесообразной несколько иная, отличная от «традиционной» технология составления протокола «невербального» следственного действия, основанная на принципе параллельности и заключающаяся в составлении каждым следователем (оперативным сотрудником), осуществляющим поисково-познавательные операции на закрепленном за ним участке, своей части протокола (своего рода приложения к общему протоколу). По завершении следственного действия все разрозненные части (приложения) подлежат объединению в общий процессуальный документ, в целом фиксирующий ход и результаты специальной операции и оформляемый руководителем следственной группы. Помимо протокола, обязательными средствами фиксации хода и результатов подобного следственного действия следует признать видеозапись и составление общего плана места проведения для более полного уяснения его картины.

В диссертации аргументируется позиция о том, что судебный контроль за производством «невербальных» следственных действий, в первую очередь в жилище, представляет собой достаточно слабую, малоэффективную процессуальную гарантию. Более того, его использование оказывает скорее негативное влияние на современную правоприменительную практику. Автор предлагает полностью заменить его последующим судебным контролем, используемым в настоящее время лишь при наличии исключительных обстоятельств. Подобный механизм, с одной стороны, не будет оказывать негативного влияния на быстроту, внезапность и, следовательно, эффективность проведения осмотра, обыска или выемки. С другой стороны, он позволит обеспечить состязательность как необходимое условие реализации судебной власти. Более того, последующий судебный контроль будет служить гарантией не только законности, но и обоснованности проведенных осмотра, обыска или выемки. Представляется,

что последующий судебный контроль содержит в себе достаточно процессуальных гарантий, чтобы защитить права и законные интересы лиц, вовлеченных в производство следственных действий.

Судебные действия в уголовном судопроизводстве – это производимые непосредственно судом совместно со сторонами и в присутствии иных лиц уголовно-процессуальные действия познавательного характера, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Причем в систему судебных действий следует включать лишь те процессуальные приемы, которые соответствуют общим условиям судебного разбирательства. Расширение круга судебных действий за счет несвойственных для состязательного процесса познавательных процедур, используемых в досудебном производстве, представляется недопустимым. В частности, автор выражает несогласие с возможностью проведения в судебном следствии обыска, выемки, контроля и записи переговоров, наложения ареста на почтово-телеграфные отправления, их осмотра и выемки. Вместе с тем вполне допускается возможность использования проверки показаний на месте и получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами, но лишь при условии легализации этих действий на законодательном уровне посредством внесения соответствующих дополнений в гл. 37 УПК РФ.

«Невербальные» судебные действия можно определить как предусмотренные уголовно-процессуальным законом познавательные приемы, направленные на установление обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, которые осуществляются судом совместно со сторонами посредством использования активных и пассивных механизмов наглядно-образного («невербального») восприятия материальных фрагментов объективной реальности. В отличие от «невербальных» следственных действий, представляющих наиболее крупную группу средств процессуального познания в досудебном производстве, «невербальные» судебные действия, наоборот, не имеют широкого распространения. Эта особенность обусловлена преимущественно устным

(вербальным) характером судебного разбирательства уголовных дел и сложившейся судебной практикой. Действующее уголовно-процессуальное законодательство позволяет рассматривать в качестве типичных «невербальных» судебных действий следующие познавательные приемы: судебный осмотр; освидетельствование; следственный (судебный) эксперимент. Существует и более сложная форма получения судом «невербальной» информации – предъявление для опознания. Вместе с тем автор считает невозможным включение в систему «невербальных» судебных действий процедур оглашения протоколов «невербальных» следственных действий в порядке ст. 285 УПК РФ. Хотя сами по себе эти протоколы отражают результаты наглядно-образного восприятия дознавателем или следователем обстоятельств объективной реальности, тем не менее в судебном заседании оглашению подлежит не информация, непосредственно познанная данными лицами в ходе соответствующих следственных действий, а лишь их мысленные образы, закодированные в условно-знаковой (вербальной) форме. Поэтому в данном случае объектом процессуального познания являются не сами фрагменты объективной реальности, а лишь протокол осмотра, обыска, выемки, следственного эксперимента и т.д.

Рассматривая механизмы производства отдельных «невербальных» судебных действий в контексте их познавательной направленности, автор высказывает идеи относительно совершенствования их процессуальной регламентации и соответствующей судебной практики. В частности, в работе отстаивается позиция о возвращении правового режима осмотра вещественных доказательств к прежнему порядку, существовавшему во время действия УПК РСФСР и предполагающему не только право, но и обязанность суда проводить данное судебное действие как по ходатайству стороны, так и по своему собственному усмотрению. Исключение могут составлять лишь случаи, связанные с утратой, повреждением вещественных доказательств или специфическим характером отдельных вещественных доказательств, предусмотренных ч. 2 ст. 82 УПК РФ. Помимо этого в диссертации формулируется вывод о необходимости распро-

странения действия ст. 284 УПК РФ на осмотры не только вещественных доказательств, но и на осмотры любых других предметов, представленных в судебное заседание сторонами или истребованных (обнаруженных) судом самостоятельно. На основании изложенного предлагается новая редакция ст. 284 УПК РФ.

Кроме того, автор считает необходимым дополнить ст. 285 УПК РФ третьей частью, предусматривающей возможность проведения в судебном заседании осмотра документов. Данная новация будет иметь особый практический смысл для тех «невербальных» документов (видеозаписей, фотографий, чертежей и т.д.), которые не могут быть устно оглашены в зале судебного заседания ввиду отсутствия в их содержании речевых компонентов. Следует признать разумным введение в систему судебных действий такого познавательного приема, как проверка показаний на месте, дополнив гл. 37 УПК РФ новой статьей, определяющей правовые условия и порядок ее проведения. И, наконец, необходимо пересмотреть процессуальный порядок судебного предъявления для опознания живых лиц, отказавшись от возможности опознания потерпевшим подсудимого и наоборот, а также заменив предварительный допрос опознающего лица в судебном заседании оглашением его показаний, полученных в ходе предварительного расследования уголовного дела.

БИБЛИОГРАФИЯ

Законодательство, нормативные правовые акты

1. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г.).

2. Конвенция «О защите прав человека и основных свобод» (заключена в г. Риме 4 ноября 1950 г.), с последующими изменениями и дополнительными Протоколами к ней.

3. Международный пакт от 16 декабря 1966 г. «О гражданских и политических правах».

4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.), с последующими изменениями и дополнениями.

5. Федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

6. Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

7. Федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

8. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ, с последующими изменениями и дополнениями.

9. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ.

10. Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации от 30 апреля 1999 г. № 81-ФЗ, с последующими изменениями и дополнениями.

11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ, с последующими изменениями и дополнениями.

12. Таможенный кодекс Таможенного союза (приложение к Договору о Таможенном кодексе Таможенного союза, принятому решением Межгосударственного Совета ЕврАзЭС на уровне глав государств от 27 ноября 2009 г. № 17).

13. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ, с последующими изменениями и дополнениями.

14. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ, с последующими изменениями и дополнениями.

15. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, с последующими изменениями и дополнениями.

16. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

17. Федеральный закон от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Федеральный закон “О прокуратуре Российской Федерации”».

18. Федеральный закон от 9 марта 2010 г. № 19-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

19. Федеральный закон от 20 марта 2011 г. № 39-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».

20. Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

21. Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах», с последующими изменениями и дополнениями.

22. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», с последующими изменениями и дополнениями.

23. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

24. Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», с последующими изменениями и дополнениями.

25. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

26. Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

27. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи», с последующими изменениями и дополнениями.

28. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», с последующими изменениями и дополнениями.

29. Федеральный закон от 27 ноября 2010 № 311-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

30. Федеральный закон от 28 декабря 2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

31. Федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности», с последующими изменениями и дополнениями.

32. Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

33. Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О Концепции судебной реформы в РСФСР».

34. Постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920-1 «О Декларации прав и свобод человека и гражданина».

35. Постановление Правительства РФ от 26 июля 2008 г. № 475 «Об утверждении Правил освидетельствования лица, которое управляет транспортным средством, на состояние алкогольного опьянения и оформления его результатов, направления указанного лица на медицинское освидетельствование на состояние опьянения, медицинского освидетельствования этого лица на состояние опьянения и оформления его результатов и Правил определения наличия наркотических средств или психотропных веществ в организме человека при проведении медицинского освидетельствования на состояние опьянения лица, которое управляет транспортным средством», с последующими изменениями и дополнениями.

36. Приказ Минздрава России от 14 июля 2003 г. № 308 «О медицинском освидетельствовании на состояние опьянения».

37. Приказ Председателя Следственного комитета РФ от 15 января 2011 г. № 2 «Об организации предварительного расследования в Следственном Комитете Российской Федерации».

38. Приказ Минздрава СССР от 2 сентября 1988 № 06-14/33-14 «Об утверждении методических указаний “Медицинское освидетельствование для установления факта употребления алкоголя и состояния опьянения”», с последующими изменениями и дополнениями.

39. Совместный приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд».

40. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики от 14 июля 2000 года № 907-IГ.

41. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Армения от 1 сентября 1998 г. № НО-248.

42. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16 июля 1999 г. № 295-З.

43. Уголовно-процессуальный кодекс Грузии от 9 октября 2009 г. № 1772-IIс.

44. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 4 июля 2014 г. № 231-V.

45. Уголовно-процессуальный кодекс Кыргызской Республики от 24 мая 1999 г.

46. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 122-XV.

47. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-XII.

48. Уголовно-процессуальный кодекс Украины от 13 апреля 2012 г. № 4651-VI.

49. Устав уголовного судопроизводства Российской империи от 20 ноября 1864 г.

50. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден постановлением ВЦИК от 15 февраля 1923 г.).

51. Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик».

52. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР (утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 г.).

53. Уголовно-процессуальный кодекс Литовской ССР. – Вильнюс: Минтис, 1972.

54. Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР от 28 декабря 1960 г. № 1001-V.

55. Проект Федерального закона № 306504-6 «О судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации», принят Государственной Думой Федерального Собрания РФ в первом чтении 20 ноября 2013 г. / // СПС «КонсультантПлюс».

56. Проект Федерального закона № 608808-6 «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (в части предоставления участникам уголовного судопроизводства права пользоваться услугами частного детектива на сбор сведений по уголовному делу и использовать полученные от него сведения для защиты прав и законных интересов)», внесен 24 сентября 2014 г. / // СПС «КонсультантПлюс».

Постановления Пленума Верховного Суда РФ, решения Конституционного Суда РФ и Европейского Суда по правам человека

57. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 сентября 1975 г. № 5 «О соблюдении судами Российской Федерации процессуального законодательства при судебном разбирательстве уголовных дел», с последующими изменениями и дополнениями.

58. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 г. № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», с последующими изменениями и дополнениями.

59. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 апреля 1996 г. № 1 «О судебном приговоре», с последующими изменениями и дополнениями.

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 марта 2004 г. № 1 «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации», с последующими изменениями и дополнениями.

61. Постановление Пленума Верховного Суда от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам».

62. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции».

63. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П.

64. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14-П.

65. Постановление Конституционного Суда РФ от 6 апреля 2004 г. № 7-П.

66. Определение Конституционного Суда РФ от 4 февраля 1999 г. № 18-О.

67. Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О.

68. Определение Конституционного Суда РФ от 11 июля 2006 г. № 300-О.

69. Определение Конституционного Суда РФ от 19 января 2005 г. № 10-О.

70. Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 г. № 439-О.

71. Определение Конституционного Суда РФ от 2 марта 2006 г. № 54-О.

72. Определение Конституционного Суда РФ от 25 марта 2004 г. № 124-О.

73. Определение Конституционного Суда РФ от 28 мая 2009 г. № 632-О-О.

74. Определение Конституционного Суда РФ от 13 октября 2009 г. № 1165-О-О.

75. Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1293-О.

76. Определение Конституционного Суда РФ от 24 сентября 2013 г. № 1505-О.

77. Постановление Европейского Суда по правам человека от 6 сентября 1978 г. по делу «Класс и другие против Германии» (жалоба № 5029/71).

78. Постановление Европейского Суда по правам человека от 25 февраля 1993 г. по делу «Функе против Франции» (жалоба № 10828/84).

79. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 октября 1994 г. по делу «Мюррей против Соединенного Королевства» (жалоба № 14310/88).

80. Постановление Европейского Суда по правам человека 24 июля 2001 г. по делу «Валашинас против Литвы» (жалоба № 44558/98).

81. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 февраля 2003 г. по делу «Лорсе и другие против Нидерландов» (жалоба № 52750/99).

82. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 июня 2007 г. по делу «Смирнов против России» (жалоба № 71362/01).

83. Постановление Европейского Суда по правам человека от 15 мая 2008 г. по делу «Дедовский и другие против Российской Федерации» (жалоба № 7178/03).

84. Постановление Европейского Суда по правам человека от 1 октября 2009 г. по делу «Топорков против Российской Федерации» (жалоба № 66688/01).

85. Постановление Европейского Суда по правам человека от 4 ноября 2010 г. по делу «Соколов против Российской Федерации» (жалоба № 20364/05).

86. Постановление Европейского Суда по правам человека от 22 декабря 2011 г. по делу «Алексанян против Российской Федерации» (жалоба № 46468/06).

Монографии, учебники, учебные пособия

87. *Абдумаджидов, Г.А.* Проблемы совершенствования предварительного расследования / Г.А. Абдумаджидов. – Ташкент : Фан, 1975.

88. *Абдумаджидов, Г.А.* Расследование преступлений (процессуально-правовое исследование) / Г.А. Абдумаджидов. – Ташкент : Узбекистан, 1986.

89. *Аверьянова, Т.В.* Криминалистика : учебник для вузов / Т.В. Аверьянова, Р.С. Белкин, Ю.Г. Корухов, Е.Р. Россинская. – 4-е изд. – М. : Норма, 2013.

90. *Агафонов, П.Н.* Порядок судебного разбирательства по уголовному делу : конспект лекций / П.Н. Агафонов. – Свердловск : СЮИ имени Р.А. Руденко, 1983.

91. *Адильшаев, Э.А.* Судебное санкционирование как форма реализации правосудия в уголовном судопроизводстве России / Э.А. Адильшаев, И.В. Жеребятьев, А.А. Шамардин. – Оренбург : Университет, 2013.

92. *Азаров, В.А.* Функция судебного контроля в истории, теории и практике уголовного процесса России / В.А. Азаров, И.Ю. Таричко. – Омск : Омский госуниверситет, 2004.

93. *Алексеев, Н.С.* Очерк развития науки советского уголовного процесса / Н.С. Алексеев, В.Г. Даев, Л.Д. Кокорев. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1980.

94. *Андриевский, А.Е.* Методические рекомендации для горрайорганов внутренних дел при организации комплексных операций / А.Е. Андриевский. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1990.

95. *Артамонова, Е.А.* Основы теории доказательств в уголовном процессе России : учебное пособие / Е.А. Артамонова, О.В. Фирсов. – Чита : РИК ЧитГУ, 2009.

96. *Астафьев, Ю.В.* Доказывание и оперативно-розыскная деятельность: проблемы соотношения и взаимодействия / Ю.В. Астафьев, Н.В. Изотова. – Курск : ФГУИПП, 2002.

97. *Ароцкер, Л.Е.* Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве / Л.Е. Ароцкер. – М. : Юрид. лит., 1964.

98. *Арсеньев, В.Д.* Вопросы общей теории судебных доказательств / В.Д. Арсеньев. – М. : Юрид. лит., 1964.

99. *Афанасьева, О.В.* Логика : учебное пособие / О.В. Афанасьева . – М. : Проспект, 2008.

100. *Аширбекова, М.Т.* Принцип публичности при производстве по уголовному делу / М.Т. Аширбекова. – Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 2008.

101. *Баев, М.О.* Теория профессиональной защиты: тактико-этические проблемы / М.О. Баев. – М. : Юрлитинформ, 2006.

102. *Баев, М.О.* УПК РФ 2001 г.: достижения, лакуны, коллизии; возможные пути заполнения и разрешения последних : учебное пособие / М.О. Баев, О.Я. Баев. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2002.

103. *Баев, О.Я.* Основы криминалистики : курс лекций / О.Я. Баев. – 2-е изд. – М. : Экзамен, 2003.

104. *Баев, О.Я.* Тактика следственных действий : учебное пособие / О.Я. Баев. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2012.

105. *Баев, О.Я.* Основы методики уголовного преследования и профессиональной защиты от него (на примере уголовно-процессуального исследования должностных и служебных преступлений) : научно-практическое пособие / О.Я. Баев. – М. : Эксмо, 2009.

106. *Баев, О.Я.* Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации : практическое пособие / О.Я. Баев, Д.А. Солодов. – 2-е изд. – М. : Эксмо, 2010.

107. *Балакшин, В.С.* Доказательства в российском уголовном процессе: понятие, сущность, классификация / В.С. Балакшин. – Екатеринбург : УрГЮА, 2002.

108. *Балакшин, В.С.* Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания / В.С. Балакшин. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2004.

109. *Банин, В.А.* Предмет доказывания в советском уголовном процессе (гносеологическая и правовая природа) / В.А. Банин. – Саратов : Саратовский госуниверситет, 1981.

110. *Барабаш, А.С.* Природа российского уголовного процесса, цели уголовно-процессуальной деятельности и их установление / А.С. Барабаш. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005.

111. *Барабаш, А.С.* Публичное начало российского уголовного процесса / А.С. Барабаш. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005.

112. *Баршев, Я.И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству / Я.И. Баршев. – М. : ЛексЭст, 2001.

113. *Бахрах, Д.Н.* Административное право : учебник для вузов / Д.Н. Бахрах, Б.В. Россинский, Ю.Н. Старилов. – М. : Норма, 2004.

114. *Бедняков, И.Д.* Непроцессуальная информация и расследование преступлений / И.Д. Бедняков. – М. : Юрид. лит., 1991.

115. *Белкин, Р.С.* Теория и практика следственного эксперимента / Р.С. Белкин ; под ред. А.И. Винберга. – М. : ВШ МВД СССР, 1959.

116. *Белкин, Р.С.* Эксперимент в следственной, судебной и экспертной практике / Р.С. Белкин. – М. : Юрид. лит., 1964.

117. *Белкин, Р.С.* Собирание, исследование и оценка доказательств / Р.С. Белкин. – М. : Наука, 1966.

118. *Белкин, Р.С.* Ленинская теория отражения и методологические проблемы советской криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : ВШ МВД СССР, 1970.

119. *Белкин, Р.С.* Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – Т. 1. – М. : Юристъ, 1997.

120. *Белкин, Р.С.* Курс криминалистики / Р.С. Белкин. – Т. 3. – М. : Юристъ, 1997.

121. *Белкин, Р.С.* История отечественной криминалистики / Р.С. Белкин. – М. : Норма, 1999.

122. *Белкин, Р.С.* Криминалистическая энциклопедия / Р.С. Белкин. – М. : Мегатрон-XXI, 2000.

123. *Белкин, Р.С.* Эксперимент в уголовном судопроизводстве : методическое пособие / Р.С. Белкин, А.Р. Белкин. – М. : Норма, 1997.

124. *Белкин, Р.С.* Криминалистика и доказывание / Р.С. Белкин, А.И. Винберг. – М. : Юрид. лит., 1969.

125. *Белкин, Р.С.* Тактика следственных действий / Р.С. Белкин, Е.М. Лифшиц. – М. : Новый Юрист, 1997.

126. *Белозеров, Ю.Н.* Производство следственных действий : учебное пособие / Ю.Н. Белозеров, В.В. Рябоконь. – М. : МССШМ МВД СССР, 1990.

127. *Белоусов, А.В.* Процессуальное закрепление доказательств при рассмотрении преступлений / А.В. Белоусов. – М. : Юрлитинформ, 2001.

128. *Березанцева, М.С.* Психофизиология : учебное пособие / М.С. Березанцева, С.А. Лытаев, В.И. Шостак. – 2-е изд. – СПб. : Элби–СПб, 2009.

129. *Божьев, В.П.* Основные вопросы советского уголовного процесса : учебное пособие / В.П. Божьев. – М. : Академия МВД СССР, 1978.

130. *Божьев, В.П.* Советский уголовный процесс. Общая часть : пособие для слушателей заочных отделений высших учебных заведений МВД СССР / В.П. Божьев, А.К. Гаврилов, В.Е. Чугунов. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1973.

131. *Божьев, В.П.* Источники доказательств по уголовно-процессуальному законодательству СССР и других социалистических государств / В.П. Божьев, А.И. Лубенский. – М. : Академия МВД СССР, 1981.

132. *Бозров, В.М.* Современные проблемы российского правосудия по уголовным делам в деятельности военных судов (вопросы теории и практики) / В.М. Бозров. – Екатеринбург : УрГЮА, 1999.

133. *Бозров, В.М.* Судебное следствие. Вопросы теории и практики / В.М. Бозров, В.М. Кобяков. – Екатеринбург : Каменный пояс, 1992.

134. *Бойльке, В.* Уголовно-процессуальное право ФРГ : учебник / В. Бойльке ; пер. с нем. Я.М. Плошкиной ; под ред. Л.В. Майоровой. – 6-е изд. – Красноярск : РУМЦ ЮО, 2004.

135. *Боннер, А.Т.* Традиционные и нетрадиционные средства доказывания в гражданском и арбитражном процессе / А.Т. Боннер. – М. : Проспект, 2013.

136. *Боруленков, Ю.П.* Юридическое познание / Ю.П. Боруленков. – М. : Юрлитинформ, 2014.

137. *Буланова, Н.В.* Прокурор в досудебных стадиях уголовного процесса России / Н.В. Буланова, А.Б. Соловьев, М.Е. Токарев. – М. : Юрлитинформ, 2006.

138. *Бурданова, В.С.* Предъявление для опознания на предварительном следствии / В.С. Бурданова, И.Е. Быховский. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1975.

139. *Быков, В.М.* Актуальные проблемы уголовного судопроизводства / В.М. Быков. – Казань : Познание, 2008.

140. *Быков, В.М.* Следователь в уголовном процессе России / В.М. Быков. – М. Юрлитинформ, 2014.

141. *Быков, В.М.* Доказывание в стадии возбуждения уголовного дела / В.М. Быков, Л.В. Березина. – Казань : Таглимат, ИЭУП, 2006.

142. *Быховский, И.Е.* Процессуальные и тактические вопросы проведения следственных действий : учебное пособие / И.Е. Быховский. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1977.

143. *Быховский, И.Е.* Проверка показаний на месте : учебное пособие / И.Е. Быховский, Н.А. Корниенко. – Л. : Институт усовершенствования следственных работников, 1988.

144. *Бычкова, С.Ф.* Судебная экспертиза: научные, организационно-правовые и методические основы / С.Ф. Бычкова. – Алматы : Жеті Жарғы, 2002.

145. *Ванеева, Л.А.* Судебное познание в советском гражданском процессе / Л.А. Ванеева. – Владивосток : Дальневосточный госуниверситет, 1972.

146. *Варфоломеева, Т.В.* Производные вещественные доказательства : учебное пособие / Т.В. Варфоломеева. – М. : Юрид. лит., 1980.

147. *Васильев, А.Н.* Воспроизведение показаний на месте при расследовании преступлений / А.Н. Васильев, С.С. Степичев ; отв. ред. С.А. Голунский. – М. : Госюриздат, 1959.

148. *Васильев, А.Н.* Предмет, система и теоретические основы криминалистики / А.Н. Васильев, Н.П. Яблоков. – М. : Юрид. лит., 1984.

149. *Васильев, В.Л.* Юридическая психология : учебник / В.Л. Васильев. – М. : Юрид. лит., 1991.

150. *Васильев, Ф.П.* Доказывание по делу об административном правонарушении / Ф.П. Васильев. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2005.

151. *Вахтомин, Н.К.* О роли категорий сущность и явление в познании / Н.К. Вахтомин. – М. : АН СССР, 1963.

152. *Вершинин, А.П.* Электронный документ: правовая форма и доказательство в суде / А.П. Вершинин. – М. : Городец, 2000.

153. *Визель, Т.Г.* Основы нейропсихологии : учебник для студентов вузов / Т.Г. Визель. – М. : В. Секачев, 2013.

154. *Викторский, С.И.* Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – М. : Изд-во А.А. Карцева, 1912.

155. *Вилкова, Т.Ю.* Принципы уголовного судопроизводства: правовые основы, содержание, гарантии / Т.Ю. Вилкова. – М. : Юрлитинформ, 2015.

156. *Винберг, А.И.* Следственный осмотр : учебное пособие / А.И. Винберг, Г.М. Миньковский, Е.Ф. Толмачев, А.Е. Трусов ; под общ. ред. М.В. Барсукова. – М. : ВШ МВД СССР, 1957.

157. *Виницкий, Л.В.* Теория и практика освидетельствования на предварительном следствии / Л.В. Виницкий. – Караганда : Карагандинская ВШ МВД СССР, 1982.

158. *Виницкий, Л.В.* Освидетельствование на предварительном следствии / Л.В. Виницкий. – Смоленск : Смоленский гуманитарный университет, 1997.

159. *Владимиров, Л.Е.* Учение об уголовных доказательствах. Части Общая и Особенная / Л.Е. Владимиров. – 3-е изд. – СПб. : Кн. маг. «Законоведение», 1910.

160. *Власов, В.П.* Следственный осмотр и предварительное исследование документов / В.П. Власов. – М. : Госюриздат, 1961.

161. *Власов, А.А.* Вещественные доказательства в гражданском процессе / А.А. Власов. – М. : Издательство им. Сабашниковых, 1999.

162. *Власов, А.А.* Особенности доказывания в судопроизводстве : научно-практическое пособие / А.А. Власов, И.Н. Лукьянова, С.В. Некрасов ; под ред. А.А. Власова. – М. : Экзамен, 2004.

163. *Волковский Н.В.* Силы специальных операций. История, применение, вооружение, оснащение / Н.В. Волковский. – СПб. : Полигон, 1996.

164. *Володина, Л.М.* Проблемы уголовного процесса: закон, теория, практика / Л.М. Володина. – М. : ИГ «Юрист», 2006.

165. *Волынская, О.В.* Доказательства и доказывание в уголовном судопроизводстве : учебное пособие / О.В. Волынская, Д.В. Шаров. – М. : МосУ МВД России, Щит-М, 2009.

166. Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. – М. : Госюриздат, 1959.

167. *Воробьев, Г.А.* Планирование судебного следствия / Г.А. Воробьев. – М. : Юрид. лит., 1978.

168. *Воробьев, Г.А.* Тактика и психологические особенности судебных действий : учебное пособие / Г.А. Воробьев. – Краснодар : Кубанский госуниверситет, 1986.

169. Восприятие и действие / под ред. А.В. Запорожца. – М. : Просвещение, 1967.

170. *Выдря, М.М.* Вещественные доказательства в советском уголовном процессе / М.М. Выдря. – М. : Госюриздат, 1955.

171. *Вышинский, А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве / А.Я. Вышинский. – 3-е изд. – М. : Госюриздат, 1950.

172. *Гаврилин, Ю.В.* Следственные действия : учебное пособие / Ю.В. Гаврилин, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М. : Книжный мир, 2006.

173. *Гаврилов, А.Н.* Следственные действия по советскому уголовно-процессуальному праву / А.Н. Гаврилов, С.П. Ефимичев, В.А. Михайлов, П.М. Туленков. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1975.

174. *Газетдинов, Н.И.* Реализация принципов уголовного судопроизводства / Н.И. Газетдинов. – М. : ИГ «Юрист», 2007.

175. *Газетдинов, Н.И.* Состязательная деятельность защитника на предварительном следствии / Н.И. Газетдинов, О.В. Вишневская ; под ред. Л.Д. Чулюкина. – Казань : Казанский госуниверситет, 2005.

176. *Галкин, В.М.* Средства доказывания в уголовном процессе / В.М. Галкин. – М. : ЦНИИСЭ, 1967.

177. *Гапанович, Н.Н.* Опознание в судопроизводстве / Н.Н. Гапанович. – Минск : Белорусский госуниверситет им. В.И. Ленина, 1975.

178. *Гармаев, Ю.П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам в незаконном обороте наркотиков : практическое пособие / Ю.П. Гармаев. – Иркутск : Иркутский институт повышения квалификации прокурорских работников Ген. прокуратуры РФ, 2004.

179. *Гармаев, Ю.П.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности при расследовании уголовных дел о взяточничестве / Ю.П. Гармаев. – М. : Издательский дом И.И. Шумиловой, 2005.

180. *Гармаш, А.М.* Проведение комплексных операций органами внутренних дел : учебное пособие / А.М. Гармаш. – М. : ВНИИ МВД России, 2003.

181. *Гаспарян, Н.С.* Недопустимые доказательства (теория и систематизированная судебная практика) / Н.С. Гаспарян. – М. : Информ-Право, 2010.

182. *Герасимов, И.Ф.* Некоторые проблемы раскрытия преступлений / И.Ф. Герасимов. – Свердловск : Среднеуральское книжное издательство, 1975.

183. *Гинзбург, А.Я.* Опознание в следственной, оперативно-розыскной и экспертной практике / А.Я. Гинзбург. – Алматы : Алматинская ВШ МВД Республики Казахстан, 1995.

184. *Гладышева, О.В.* Уголовно-процессуальное право. Общая часть, досудебное производство : курс лекций / О.В. Гладышева, В.А. Семенцов. – Краснодар : Кубанский госуниверситет, 2011.

185. *Глазырин, Ф.В.* Следственный эксперимент / Ф.В. Глазырин, А.П. Кругликов ; отв. ред. Р.С. Белкин. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1981.

186. *Глебов, В.Г.* Освидетельствование при расследовании преступлений (проблемы эффективности) / В.Г. Глебов. – Волгоград : ВА МВД России, 2007.

187. *Головин, А.Ю.* Криминалистическая систематика / А.Ю. Головин ; под ред. Н.П. Яблокова . – М. : ЛексЭст, 2002.

188. *Гореватый, Н.М.* Подготовка и проведение судебного следствия. На материалах судебной практики Верховного Суда СССР / Н.М. Гореватый. – М. : Госюриздат, 1955.

189. *Горский, Г.Ф.* Проблемы доказательств в советском уголовном процессе / Г.Ф. Горский, Л.Д. Кокорев, П.С. Элькинд. – Воронеж : ВГУ, 1978.

190. Гражданский процесс России : учебник / под ред. М.А. Викут. – М. : Юристъ, 2004.

191. *Григорьев, В.Н.* Расследование преступлений в чрезвычайных условиях. Правовое обеспечение, организация, методика / В.Н. Григорьев. – М. : Академия МВД России, 1994.

192. *Григорьев, В.Н.* Задержание подозреваемого / В.Н. Григорьев. – М. : ЮрИнфор, 1999.

193. *Григорьев, В.Н.* Уголовный процесс : учебник / В.Н. Григорьев, А.В. Победкин, В.Н. Яшин. – М. : Эксмо, 2005.

194. *Грин, Р.* 48 законов власти / Р. Грин ; пер. с англ. Е.Я. Мигуновой. – М. : Рипол Классик, 2003.

195. *Гришин, С.П.* Судебное следствие в смешанном уголовном процессе / С.П. Гришин. – М. : Юрлитинформ, 2008.

196. *Громов, В.Л.* Дознание и предварительное следствие. Теория и техника расследования преступлений : руководство для органов дознания и народных следователей / В.Л. Громов ; под ред. Н.В. Крыленко. – 2-е изд. – М. : НКЮ РСФСР, 1926.

197. *Гуковская, Н.И.* Следственный эксперимент : пособие для следователей / Н.И. Гуковская. – М. : Госюриздат, 1958.

198. *Гутерман, М.П.* Организационные мероприятия следователя в процессе расследования преступлений : учебное пособие / М.П. Гутерман. – М. : Академия МВД СССР, 1983.

199. *Давлетов, А.А.* Основы уголовно-процессуального познания / А.А. Давлетов. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 1997.

200. *Давлетов, А.А.* Уголовное судопроизводство Российской Федерации. Особенная часть : курс лекций / А.А. Давлетов. – Екатеринбург : ИРА УТК, 2011.

201. *Данилова, Н.Н.* Психофизиология : учебник для вузов / Н.Н. Данилова. – М. : Аспект Пресс, 2012.

202. *Дармилов, А.М.* Реализация материалов оперативных разработок и использование в качестве доказательств результатов оперативно-розыскных мероприятий по делам о незаконном обороте наркотиков / А.М. Дармилов, Г.М.

Меретуков. – Краснодар, Краснодарский юридический институт МВД России, 1997.

203. *Дворянкина, Т.С.* Уважение чести и достоинства личности как нравственная основа судебного разбирательства / Т.С. Дворянкина. – М. : Спутник+, 2007.

204. *Диденко, Ф.К.* Следственный эксперимент в практике органов военной юстиции / Ф.К. Диденко. – М. : Военно-полит. академия им. В.И. Ленина, 1957.

205. *Дейнеко, Н.И.* Объективное и субъективное в процессе отражения (философский аспект) / Н.И. Дейнеко. – Киев–Одесса : Вища Школа, 1978.

206. *Джатиев, В.С.* Доказывание и оценка обстоятельств преступления / В.С. Джатиев ; отв. ред. Н.С. Алексеев. – Ростов н/Д : Ростовский госуниверситет, 1991.

207. Диалектика процесса познания / под ред. М.Н. Алексеева, А.М. Коршунова. – М. : Московский университет, 1985.

208. Диалектический материализм / под общ. ред. Г.Ф. Александрова. – М. : Госиздательство политической литературы, 1954.

209. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность / под ред. В.А. Власихина. – М. : Юристъ, 2000.

210. *Доля, Е.А.* Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / Е.А. Доля. – М. : Спарк, 1996.

211. *Доля, Е.А.* Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности / Е.А. Доля. – М. : Проспект, 2009.

212. *Дубинский, А.Я.* Производство предварительного расследования органами внутренних дел : учебное пособие / А.Я. Дубинский. – Киев : КВШ МВД СССР, 1987.

213. *Дулов, А.В.* Тактические операции при расследовании преступлений / А.В. Дулов. – Минск : Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1979.

214. *Духно, Н.А.* Судебная экспертиза по новому законодательству России (в уголовном, гражданском, арбитражном, административном процессах) / Н.А.

Духно, Ю.Г. Корухов, В.А. Михайлов ; под ред. Ю.Г. Корухова. – М. : ЮИ МИИТа, 2003.

215. *Духовской, М.В.* Русский уголовный процесс / М.В. Духовской. – М. : Кн. склад М.В. Клюкина, 1910.

216. *Егоров, А.П.* Расследование крушений и аварий на железнодорожном транспорте / А.П. Егоров, И.Л. Шрага. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1970.

217. *Егоров, Н.Н.* Вещественные доказательства: уголовно-процессуальный и криминалистический аспекты / Н.Н. Егоров. – М. : Юрлитинформ, 2007.

218. *Егорова, Т.З.* Уголовно-процессуальное доказывание. Концептуальные основы / Т.З. Егорова, З.З. Зинатуллин, Т.З. Зинатуллин. – Ижевск : Удмуртский госуниверситет, 2002.

219. *Ежова, Е.В.* Проблемы раскрытия преступлений в современной России / Е.В. Ежова. – Уфа : Башкирский госуниверситет, 2008.

220. *Еникеев, М.И.* Следственные действия (психология, тактика, технология) : учебное пособие / М.И. Еникеев, В.А. Образцов, В.Е. Эминов. – М. : Проспект, 2007.

221. *Ефимичев, С.П.* Следственный осмотр : учебное пособие / С.П. Ефимичев, Н.И. Кулагин, А.Е. Ямпольский. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1983.

222. *Жбанков, В.А.* Производство обыска и выемки органами дознания Государственного таможенного комитета России : учебное пособие / В.А. Жбанков, Е.М. Девяткина. – М. : Российская таможенная академия, 2000.

223. *Жданова, Я.В.* Категории вероятности и достоверности в уголовном судопроизводстве / Я.В. Жданова. – Ижевск : Детектив-информ, 2004.

224. *Жогин, Н.В.* Предварительное следствие в советском уголовном процессе / Н.В. Жогин, Ф.Н. Фаткуллин. – М. : Юрид. лит., 1965.

225. *Жук, О.Д.* Уголовное преследование по уголовным делам об организации преступных сообществ (преступных организаций) / О.Д. Жук. – М. : ИНФРА-М, 2004.

226. *Жуков, М.И.* Информация (философский анализ информации – центрального понятия кибернетики) / М.И. Жуков. – Минск : Наука и Техника, 1966.

227. *Загорский, Г.И.* Судебное разбирательство по уголовному делу / Г.И. Загорский. – М. : Юрид. лит., 1985.

228. *Загорский, Г.И.* Актуальные проблемы судебного разбирательства по уголовным делам : учебно-практическое пособие / Г.И. Загорский. – М. : Проспект, 2014.

229. *Загорский, Г.И.* Судебное разбирательство по уголовным делам о торговле людьми / Г.И. Загорский, М.А. Кауфман, Т.Ф. Моисеева, Н.В. Радутная . – М. : Юрид. лит., 2009.

230. *Зажицкий, В.И.* Результаты оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / В.И. Зажицкий. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2006.

231. *Зажицкий, В.И.* Доказательства и доказывание по УПК РФ / В.И. Зажицкий. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2015.

232. *Зайцева, Е.А.* Концепция развития института судебной экспертизы в условиях состязательного уголовного судопроизводства / Е.А. Зайцева. – М. : Юрлитинформ, 2010.

233. *Зайцева, Е.А.* Полномочия суда на стадии предварительного расследования / Е.А. Зайцева, Н.В. Костерина. – Волгоград : ВА МВД России, 2007.

234. *Зайцева, Е.А.* Формирование доказательств с использованием специальных познаний и научно-технических средств / Е.А. Зайцева, А.И. Садовский. – Волгоград : ВА МВД России, 2013.

235. *Закатов, А.А.* Обыск : учебное пособие / А.А. Закатов, А.Е. Ямпольский. – Волгоград, ВШС МВД СССР, 1983.

236. *Зашляпин, Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора / Л.А. Зашляпин. – М. : Юрлитинформ, 2011.

237. *Зеленецкий, В.С.* Проблемы формирования совокупности доказательств в уголовном процессе / В.С. Зеленецкий. – Харьков : Восточно-региональный центр гуманитарно-образовательных инициатив, 2004.

238. *Зинин, А.М.* Внешность человека в криминалистике и судебной экспертизе / А.М. Зинин. – М. : Юрлитинформ, 2015.

239. *Зинченко, И.А.* Использование в уголовно-процессуальном доказывании фотоснимков, кинолент и видеограмм / И.А. Зинченко. – Ташкент : Ташкентская ВШ МВД СССР, 1988.

240. *Зинченко, И.А.* Вещественные доказательства при расследовании преступлений / И.А. Зинченко. – Ташкент : Ташкентская ВШ МВД СССР, 1991.

241. *Золотых, В.В.* Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе / В.В. Золотых. – Ростов н/Д : Феникс, 1999.

242. *Зорин, Г.А.* Тактический потенциал следственного действия / Г.А. Зорин. – Минск : Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1989.

243. *Иванов, Л.А.* Следственный осмотр при расследовании транспортных происшествий / Л.А. Иванов. – Саратов : Саратовский госуниверситет, 1993.

244. *Иванов, Н.А.* Доказательства и источники сведений в уголовном процессе / Н.А. Иванов. – М. : Юрлитинформ, 2015.

245. *Илаиди, А.Н.* Практическая природа человеческого познания / А.Н. Илаиди. – М. : Высшая школа, 1962.

246. *Ищенко, Е.П.* Расследование и предупреждение дорожно-транспортных происшествий, крушений железнодорожного транспорта и авиационных катастроф : научно-практическое пособие / Е.П. Ищенко, В.Д. Корма, А.И. Чучаев , В.Е. Эминов. – М. : Юрлитинформ, 2014.

247. *Каз, Ц.М.* Доказательства в советском уголовном процессе / Ц.М. Каз. – Саратов : Саратовский госуниверситет, 1960.

248. *Казинян, Г.С.* Проблемы эффективности следственных действий / Г.С. Казинян, А.Б. Соловьев. – Ереван : Ереванский госуниверситет, 1987.

249. *Калашникова, Н.Я.* Вопросы уголовного процесса в практике Верховного Суда СССР / Н.Я. Калашникова, Э.Ф. Куцова, Н.М. Савгирова, М.Л. Якуб. – М. : Госюриздат, 1955.

250. *Калугин, А.Г.* Использование данных, полученных в ходе оперативно-розыскных мероприятий, в процессе доказывания по уголовному делу : учебное пособие / А.Г. Калугин, И.Е. Ермолаев. – Красноярск : СибЮИ МВД России, 2009.

251. *Кальницкий, В.В.* Следственные действия : учебно-методическое пособие / В.В. Кальницкий. – Омск : Омская академия МВД России, 2001.

252. *Кальницкий, В.В.* Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам : учебное пособие / В.В. Кальницкий. – Омск : Омская академия МВД России, 2009.

253. *Кальницкий, В.В.* Производство следственных действий, сопряженных с ограничением конституционных прав граждан : учебное пособие / В.В. Кальницкий, П.Г. Марфицин. – Омск : Омская академия МВД России, 2004.

254. *Каминская, В.И.* Показания обвиняемого в советском уголовном процессе / В.И. Каминская. – М. : Академия наук СССР, 1960.

255. *Карагодин, В.Н.* Преодоление противодействия предварительному расследованию / В.Н. Карагодин. – Свердловск : Уральский госуниверситет, 1992.

256. *Карнеева, Л.М.* Доказательства и доказывание при производстве расследования / Л.М. Карнеева. – Горький : ГВШ МВД СССР, 1977.

257. *Карнеева, Л.М.* Источники доказательств по советскому и венгерскому законодательству / Л.М. Карнеева, И. Кертэс. – М. : Юрид. лит., 1985.

258. *Карнович, Г.Б.* Расследование аварий на водном транспорте / Г.Б. Карнович. – М. : Госюриздат, 1953.

259. *Карякин, Е.А.* Теоретические и практические проблемы формирования истины по уголовному делу в суде первой инстанции / Е.А. Карякин. – М. : Юрлитинформ, 2009.

260. *Кассирер, Э.* Познание и действительность / Э. Кассирер. – СПб. : Шиповник, 1912.

261. Категории диалектики и методология современной науки / под ред. Б.Я. Замбровского, Б.Я. Пахомова, В.А. Сидоркина. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1970.

262. *Квачевский, А.А.* Об уголовном преследовании, дознании, предварительном расследовании преступлений / А.А. Квачевский. – Т. 3. – СПб. : Тип. Ф.С. Сущинского, 1869.

263. *Кертэс, И.* Основы теории вещественных доказательств / И. Кертэс. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1973.

264. *Кипнис, Н.М.* Допустимость доказательств в уголовном судопроизводстве / Н.М. Кипнис. – М. : Юристъ, 1995.

265. *Кипнис, Н.М.* Участие адвоката в доказывании по Уголовно-процессуальному кодексу РФ : сборник справочно-методических материалов / Н.М. Кипнис. – М. : ФПА, 2008.

266. *Кириллов, В.И.* Логика познания сущности / В.И. Кириллов. – М. : Высшая школа, 1980.

267. *Кириллова, Н.П.* Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел / Н.П. Кириллова. – СПб. : Юридический факультет СПбГУ, 2007.

268. *Козловский, П.В.* Виды доказательств в уголовном судопроизводстве : эволюция, регламентация, соотношение / П.В. Козловский. – М. : Юрлитинформ, 2014.

269. *Кокорев, Л.Д.* Уголовный процесс : Доказательства и доказывание / Л.Д. Кокорев, Н.П. Кузнецов. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1995.

270. *Колмаков, В.П.* Тактика производства следственного осмотра и следственного эксперимента / В.П. Колмаков. – Харьков : Харьковский госуниверситет, 1956.

271. *Колмаков, В.П.* Следственный осмотр / В.П. Колмаков. – М. : Юрид. лит., 1969.

272. *Колоколов, Н.А.* Судебный контроль в стадии предварительного расследования : учебное пособие для студентов вузов / Н.А. Колоколов. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.

273. *Колоколов, Н.А.* Оперативный судебный контроль в уголовном процессе / Н.А. Колоколов. – М. : ИГ «Юрист», 2008.

274. *Комиссарова, Я.В.* Особенности невербальной коммуникации в ходе расследования преступлений / Я.В. Комиссарова, В.В. Семенов. – М. : Юрлитинформ, 2004.

275. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / под ред. А.Я. Сухарева. – М. : Норма–ИНФРА-М, 2002.

276. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РФ / отв. ред. Д.Н. Козак, Е.Б. Мизулина. – М. : Юристъ, 2003.

277. *Комягина, Ю.С.* Следственные действия: сущность, классификация, принципы / Ю.С. Комягина, С.В. Лаврухин. – М. : Юрлитинформ, 2009.

278. *Коновалова, В.Е.* Обыск: тактика и психология : учебное пособие / В.Е. Коновалова, В.Ю. Шепитько. – Харьков : Гриф, 1997.

279. *Копнин, П.В.* Гносеологические и логические основы науки / П.В. Копнин. – М : Мысль, 1974.

280. *Кореневский, Ю.В.* Криминалистика для судебного следствия / Ю.В. Кореневский. – М. : ЮрИнфор, 2001.

281. *Корнуков, В.М.* Конституционные основы положения личности в уголовном судопроизводстве / В.М. Корнуков. – Саратов : Саратовский университет, 1987.

282. *Корухов, Ю.Г.* Судебная экспертиза в уголовном процессе : практическое пособие для экспертов и судей / Ю.Г. Корухов. – М. : Пресс Бюро, 2012.

283. *Корухов, Ю.Г.* Избранные научные труды / Ю.Г. Корухов. – Т. 2. – М. : НП «Судекс», НЭКЦ «КанонЪ», 2013.

284. *Корчагин, А.Ю.* Судебное разбирательство уголовных дел: понятие, организация, тактика / А.Ю. Корчагин. – М. : Юридический мир, 2006.

285. *Кочаров, Г.И.* Опознание на предварительном следствии / Г.И. Кочаров. – М. : Госюриздат, 1955.

286. Криминалистическое обеспечение деятельности криминальной милиции и органов предварительного расследования / под ред. Т.В. Аверьяновой, Р.С. Белкина. – М. : Новый Юрист, 1997.

287. *Кругликов, А.П.* Принципы уголовного процесса Российской Федерации : учебное пособие / А.П. Кругликов, И.С. Дикарев, И.А. Бирюкова ; под ред. А.П. Кругликова. – Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 2007.

288. *Кудин, Ф.М.* Избранные труды / Ф.М. Кудин. – Волгоград : Волгоградский госуниверситет, 2010.

289. *Кудрявцева, А.В.* Вещественные доказательства в уголовном процессе России / А.В. Кудрявцева, Ю.В. Худякова. – Челябинск : Полиграф-Мастер, 2006.

290. *Кукарникова, Т.Э.* Электронный документ в уголовном процессе и криминалистике / Т.Э. Кукарникова. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2005.

291. *Куликовский, Л.Ф.* Теоретические основы информационных процессов / Л.Ф. Куликовский, В.В. Молотов. – М. : Высшая школа, 1987.

292. *Курылев, С.В.* Основы теории доказывания в советском правосудии / С.В. Курылев. – Минск : Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1969.

293. Курс доказательственного права : Гражданский процесс. Арбитражный процесс / под ред. М.А. Фокиной. – М. : Статут, 2014.

294. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. – М. : Юрид. лит., 1989.

295. *Лазарева, В.А.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие / В.А. Лазарева. – М. : Высшее образование, 2009.

296. *Лазарева, В.А.* Право на судебную защиту и проблемы его реализации в досудебном производстве / В.А. Лазарева. – М. : Юрлитинформ, 2010.

297. *Лазарева, В.А.* Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе / В.А. Лазарева, Д.В. Попов. – М. : Юрлитинформ, 2009.

298. *Ларин, А.М.* Работа следователя с доказательствами / А.М. Ларин. – М. : Юрид. лит., 1966.

299. *Ларин, А.М.* Расследование по уголовному делу. Планирование, организация / А.М. Ларин. – М. Юрид. лит., 1970.

300. *Леви, А.А.* Избранные научные труды / А.А. Леви. – М. : РУДН, 2012.

301. *Ленин, В.И.* Полное собрание сочинений в 55 т. / В.И. Ленин. – Т. 18. Материализм и эмпириокритицизм. – М. : Политиздат, 1968.

302. Ленинская теория отражения в свете развития науки и практики / гл. ред. Т. Павлов. – Т. 1. – София : Наука и искусство, 1981.

303. *Лившиц, В.Я.* Принцип непосредственности в советском уголовном процессе / В.Я. Лившиц. – М. : АН СССР, 1949.

304. *Лузгин, И.М.* Расследование как процесс познания / И.М. Лузгин. – М. : ВШ МВД СССР, 1969.

305. *Лузгин, И.М.* Методологические проблемы расследования / И.М. Лузгин. – М. : Юрид. лит., 1973.

306. *Лупинская, П.А.* Доказывание в советском уголовном процессе : учебное пособие / П.А. Лупинская. – М. : ВЮЗИ, 1966.

307. *Лупинская, П.А.* Решения в уголовном судопроизводстве / П.А. Лупинская. – 2-е изд. – М. : Норма, 2010.

308. *Лурия, А.Р.* Мозг и психические процессы / А.Р. Лурия. – М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1990.

309. *Лурия, А.Р.* Основы нейропсихологии : учебное пособие для студентов вузов / А.Р. Лурия. – 6-е изд. – М. : Академия, 2008.

310. *Люблинский, П.И.* О доказательствах в уголовном суде / П.И. Люблинский. – М. : Право и жизнь, 1924.

311. *Ляхов, Ю.А.* Допустимость доказательств в российском уголовном процессе / Ю.А. Ляхов. – М. : Экспертное бюро, 1999.

312. *Маклаков, А.Г.* Общая психология / А.Г. Маклаков. – СПб. : Питер, 2001.

313. *Максутов, И.Х.* Судебный осмотр места происшествия и особенности его проведения : учебное пособие / И.Х. Максутов. – Л. : ЛГУ имени А.А. Жданова, 1972.

314. Материалистическая диалектика / под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова ; отв. ред. В.Г. Иванов. – Т. 2. – М. : Мысль, 1982.

315. *Меркулова, М.В.* Тактика проверки показаний на месте / М.В. Меркулова. – М. : Юрлитинформ, 2009.

316. *Мерло-Понти, М.* Феноменология восприятия / М. Мерло-Понти ; пер. с фр. И.С. Вдовиной, С.Л. Фокина. – СПб. : Ювента, Наука, 1999.

317. *Михайловская, И.Б.* Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе / И.Б. Михайловская. – М. : Проспект, 2006.

318. *Михеенко, М.М.* Доказывание в советском уголовном процессе / М.М. Михеенко. – Киев : Вища школа, 1984.

319. *Молчанов, В.В.* Основы теории доказательств в гражданском процессуальном праве / В.В. Молчанов. – М. : Зерцало, 2015.

320. Монологи : Криминалисты о своей науке, призванной адекватно противостоять современной преступности / отв. ред. И.В. Смолькова, В.И. Шиканов . – Иркутск : ИГЭА, 1999.

321. *Мотовиловкер, Я.О.* Показания и объяснения обвиняемого как средство защиты в советском уголовном процессе / Я.О. Мотовиловкер. – М : Госюриздат, 1956.

322. *Муратов, К.Д.* Сущность, значение и правовые последствия выемки по уголовным делам / К.Д. Муратов. – М. : Юрлитинформ, 2013.

323. *Муратова, Н.Г.* Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики / Н.Г. Муратова. – Казань : Казанский госуниверситет имени В.И. Ульянова-Ленина, 2004.

324. *Муратова, Н.Г.* Судебные решения в досудебном производстве по уголовному делу (понятие, виды, содержание, механизм принятия) / Н.Г. Муратова, М.А. Подольский. – Казань : АКП имени Е. Сурьянинова Аделаида, 2007.

325. *Найссер, У.* Познание и реальность. Смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер ; пер. с англ. В.В. Лучкова. – М. : Прогресс, 1981.

326. *Нарский, И.С.* Актуальные проблемы марксистско-ленинской теории познания / И.С. Нарский. – М. : Знание, 1966.

327. *Насонов, С.А.* Судебное следствие в суде присяжных: законодательство, теория и практика : научно-практическое пособие / С.А. Насонов. – М. : Р. Валент, 2001.

328. Научно-практический комментарий к УПК РСФСР / под ред. Л.Н. Смирнова. – 3-е изд. – М. : Юрид. лит., 1970.

329. Научно-практическое пособие по применению УПК РФ / под ред. В.М. Лебедева. – М. : Норма, 2004.

330. *Невская, А.А.* Асимметрия полушарий и опознание зрительных образов / А.А. Невская, Л.И. Леушина. – Л. : Наука, 1990.

331. *Некрасов, С.В.* Юридическая сила доказательств в уголовном судопроизводстве : научно-практическое пособие / С.В. Некрасов. – М. : Экзамен, 2004.

332. *Никифоров, А.Л.* Философия науки: история и теория : учебное пособие / А.Л. Никифоров. – М. : Идея-Пресс, 2010.

333. *Николайчик, В.М.* Следственный осмотр вещественных доказательств / В.М. Николайчик. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1968.

334. *Образцов, В.А.* Курс лекций по криминалистике / В.А. Образцов. – М. : Юристъ, 1996.

335. *Орлов, Ю.К.* Основы теории доказательств в уголовном процессе : научно-практическое пособие / Ю.К. Орлов. – М. : Проспект, 2000.

336. *Орлов, Ю.К.* Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве / Ю.К. Орлов. – М. : ИПК РФЦСЭ, 2005.

337. *Орлов, Ю.К.* Проблемы теории доказательств в уголовном процессе / Ю.К. Орлов. – М. : Юристъ, 2009.

338. Основы психофизиологии : учебник / отв. ред. Ю.И. Александров. – М. : ИНФРА-М, 1998.

339. *Очередин, В.Т.* Доказательства в уголовном процессе : сущность, источники, способы собирания / В.Т. Очередин. – М. : Юрлитинформ, 2009.

340. *Павлов, Т.* Информация, отражение, творчество / Т. Павлов. – М. : Прогресс, 1967.

341. *Панцхава, И. Д.* Диалектический материализм в свете современной науки / И.Д. Панцхава, Б.Я. Пахомов. – М. : Мысль, 1971.

342. *Перлов, И.Д.* Судебное следствие в советском уголовном процессе / И.Д. Перлов. – М. : Госюриздат, 1955.

343. *Перлов, И.Д.* Уголовное судопроизводство в СССР / И.Д. Перлов. – М. : Госюриздат, 1959.

344. *Петренко, В.М.* Предъявления для опознания / В.М. Петренко. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1975.

345. *Петуховский А.А.* Проблемы доказывания в уголовном процессе (совершенствование законодательства и правоприменительной практики) / А.А. Петуховский. – М. : Академия управления МВД России, 2009.

346. *Петуховский, А.А.* Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий (по УПК РФ 2001 г.) : учебное пособие / А.А. Петуховский, Н.Г. Шурухнов. – М. : ЮИ МВД России, 2002.

347. *Пинхасов, Б.И.* Использование документов в доказывании / Б.И. Пинхасов. – Ташкент : ФАН, 1977.

348. *Писарев, А.В.* Производство следственных действий, ограничивающих право граждан на личную неприкосновенность; учебное пособие / А.В. Писарев. – Омск : Омская академия МВД России, 2006.

349. *Познышев, С.В.* Элементарный учебник русского уголовного процесса / С.В. Познышев. – М. : Издательство Г.А. Лемана, 1913.

350. *Познышев, С.В.* Доказательства в уголовном процессе / С.В. Познышев. – М. : НКЮ СССР, 1929.

351. *Полевой, Н.С.* Криминалистическая кибернетика : учебное пособие / Н.С. Полевой. – М. : Московский университет, 1982.

352. *Полетаев, И.А.* Сигнал / И.А. Полетаев. – М. : Советское радио, 1958.

353. *Поляков, М.П.* Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности / М.П. Поляков. – Н. Новгород : Нижегородская правовая академия, 2001.

354. *Попов, В.И.* Осмотр места происшествия / В.И. Попов. – Алма-Ата : Казгосиздат, 1956.

355. *Попов, В.И.* Обыск / В.И. Попов. – Алма-Ата : Казахский госуниверситет, 1959.

356. *Поппер, К.Р.* Объективное знание. Эволюционный подход / К.Р. Поппер ; пер. с англ. Д.Г. Лахути ; отв. ред. В.Н. Садовский. – М. : Эдиториал УРСС, 2002.

357. *Порубов, Н.И.* Допрос в советском уголовном процессе / Н.И. Порубов. – Минск : Вышэйшая школа, 1968.

358. Правовое положение следователя и прокурора в досудебном производстве (в рамках судебно-контрольных производств) / отв. ред. А.В. Сухинин. – М. : Юрлитинформ, 2014.

359. Практика применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : практическое пособие / под ред. В.П. Верина. – М. : Юрайт-Издат, 2006.

360. Рассмотрение дел судом присяжных : научно-практическое пособие / отв. ред. В.М. Лебедев. – М. : Юрид. лит., 1998.

361. *Ратинов, А.Р.* Обыск и выемка / А.Р. Ратинов. – М. : Госиздат, 1961.

362. *Рахунов, Р.Д.* Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. – 2-е изд. – М. : Госюриздат, 1953.

363. *Рахунов, Р.Д.* Свидетельские показания в советском уголовном процессе / Р.Д. Рахунов. – М. : Госюриздат, 1955.

364. *Рахунов, Р.Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности / Р.Д. Рахунов. – М. : Госюриздат, 1961.

365. *Рахунов, Р.Д.* Признание обвиняемым своей вины / Р.Д. Рахунов. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1975.

366. *Решетникова, И.В.* Доказывание в гражданском процессе : учебно-практическое пособие для магистров / И.В. Решетникова. – 4-е изд. – М. : Юрайт, 2014.

367. *Рикер, П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикер ; пер. с фр. И.С. Вдовиной. – М : Академический проект, 2008.

368. *Розин, Н.Н.* Уголовное судопроизводство / Н.Н. Розин. – СПб. : Юридический книжный склад «Право», 1914.

369. *Россинский, С.Б.* Обыск в форме специальной операции : учебное пособие / С.Б. Россинский ; под ред. В.Н. Григорьева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2003.

370. *Россинский, С.Б.* Уголовный процесс : учебник / С.Б. Россинский . – М. : Эксмо, 2009.

371. *Рубинштейн, С.Л.* Бытие и сознание / С.Л. Рубинштейн. – М. : АН СССР, 1957.

372. *Руденко, А.В.* Содержательная логика доказывания / А.В. Руденко. – М. : Проспект, 2015.

373. Руководство для следователей / под ред. Н.А. Селиванова, В.А. Снеткова. – М. : ИНФРА-М, 1997.

374. *Рыжаков, А.П.* Уголовный процесс : учебник / А.П. Рыжаков. – 4-е изд. – М. : Экзамен, 2007.

375. *Рябцева, Е.В.* Судебное санкционирование в уголовном процессе России / Е.В. Рябцева. – М. : Юрлитинформ, 2010.

376. *Рябцева, Е.В.* Бинарная правовая природа неотложных следственных действий / Е.В. Рябцева, В.В. Хатулаева. – М. : Юрлитинформ, 2014.

377. *Самыгин, Л.Д.* Расследование преступлений как система деятельности / Л.Д. Самыгин. – М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1989.

378. *Сахнова, Т.В.* Курс гражданского процесса. Теоретические начала и основные институты / Т.В. Сахнова. – М. : Волтерс Клувер, 2008.

379. *Селиванов, Н.А.* Вещественные доказательства (криминалистическое и уголовно-процессуальное исследование) / Н.А. Селиванов. – М. : Юрид. лит., 1971.

380. *Селиванов, Н.А.* Советская криминалистика : система понятий / Н.А. Селиванов. – М. : Юрид. лит., 1982.

381. *Семенцов, В.А.* Следственные действия : учебное пособие / В.А. Семенцов. – Екатеринбург : УрГЮА, 2003.

382. *Семенцов, В.А.* Следственные действия в досудебном производстве (общие положения теории и практики) / В.А. Семенцов. – Екатеринбург : УрГЮА, 2006.

383. *Семенцов, В.А.* Избранные статьи по уголовному процессу / В.А. Семенцов. – Краснодар : Кубанский госуниверситет, 2013.

384. *Семенцов, В.А.* Направления судебной деятельности в досудебных стадиях уголовного судопроизводства / В.А. Семенцов, О.О. Аваков. – М. : Юрлитинформ, 2013.

385. *Семенцов, В.А.* Следственные действия и розыскные меры в стадии предварительного расследования / В.А. Семенцов, О.В. Гладышева, М.С. Репкин. – М. : Юрлитинформ, 2010.

386. *Семенцов, В.А.* Процессуальные полномочия следователя в досудебном производстве / В.А. Семенцов, М.А. Нагоева. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2010.

387. *Семенцов, В.А.* Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве / В.А. Семенцов, В.Ю. Сафонов. – Екатеринбург : УрГЮА, 2006.

388. *Сидорова, Н.В.* Показания свидетеля в российском уголовном процессе : учебное пособие / Н.В. Сидорова. – Тюмень : Тюменский госуниверситет, 2007.

389. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В.А. Образцова. – М. : Юристъ, 1999.

390. *Случевский, В.К.* Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский. – СПб. : Тип. М.М. Стасюлевича, 1910.

391. *Случевский, В.К.* Учебник русского уголовного процесса / В.К. Случевский ; под ред. В.А. Томсинова. – Ч. 2. – М. : Зерцало, 2008.

392. *Смирнов, А.В.* Состязательный процесс / А.В. Смирнов. – СПб. : Альфа, 2001.

393. *Смирнов, А.В.* Следственные действия в российском уголовном процессе: учебное пособие для студентов / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский. – СПб. : СПбГИЭУ, 2004.

394. *Смирнов, А.В.* Уголовный процесс : учебник / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под ред. А.В. Смирнова. – 3-е изд. – М. : КНОРУС, 2007.

395. *Смирнов, А.В.* Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / А.В. Смирнов, К.Б. Калиновский ; под ред. А.В. Смирнова. – М. : Проспект, 2009.

396. Советский уголовный процесс : учебник / под ред. С.В. Бородина. – М. : Академия МВД СССР, 1982.

397. Советский уголовный процесс : учебник / отв. ред. Д.С. Карев. – М. : Юрид. лит., 1975.

398. Советский уголовный процесс : учебник / под ред. Л.М. Карнеевой, П.А. Лупинской, И.В. Тыричева. – М. : Юрид. лит., 1980.

399. *Соглаев, В.Н.* Войсковые действия при проведении специальных операций : учебное пособие / В.Н. Соглаев. – Рязань : Рязанская ВШ МВД СССР, 1986.

400. *Соловьев, А.Б.* Следственные действия на первоначальном этапе расследования преступлений : методическое пособие / А.Б. Соловьев. – М. : НИИ проблем укрепления законности и правопорядка, 1996.

401. *Соловьев, А.Б.* Доказывание в досудебных стадиях уголовного процесса России : научно-практическое пособие / А.Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2002.

402. *Соловьев, А.Б.* Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания / А.Б. Соловьев. – М. : Юрлитинформ, 2006.

403. *Соя-Серко, Л.А.* Проверка показаний на месте / Л.А. Соя-Серко. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1966.

404. *Спасович, В.Д.* О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судоустройством и судопроизводством / В.Д. Спасович. – М. : ЛексЭст, 2001.

405. *Стемпковская, В.И.* О роли абстракций в познании / В.И. Стемпковская. – М. : АН СССР, 1959.

406. *Степанов, В.В.* Научные и правовые основы тактики предъявления для опознания при расследовании преступлений / В.В. Степанов, Ю.Н. Михайлова. – Саратов : СГАП, 2003.

407. *Строгович, М.С.* Уголовный процесс : краткий учебник / М.С. Строгович. – М. : НКЮ СССР, 1938.

408. *Строгович, М.С.* Уголовный процесс : учебник / М.С. Строгович. – М. : НКЮ СССР, 1940.

409. *Строгович, М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в советском уголовном процессе / М.С. Строгович. – М. : АН СССР, 1955.

410. *Строгович, М.С.* Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Т. 1. – М. : Наука, 1968.

411. *Строгович, М.С.* Курс советского уголовного процесса / М.С. Строгович. – Т. 2. – М. : Наука, 1970.

412. *Строгович, М.С.* Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности / М.С. Строгович, Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин ; отв. ред. В.М. Савицкий. – М. : Наука, 1979.

413. Судебная реформа : Юридический профессионализм и проблемы юридического образования. Дискуссии / под ред. Л.М. Карнозовой. – М. : Международный комитет содействия правовой реформе, 1995.

414. *Сутягин, К.И.* Основания и процессуальный порядок исключения недопустимых доказательств в ходе досудебного производства по уголовному делу / К.И. Сутягин. – М. : Юрлитинформ, 2008.

415. Тактика следственных действий : учебное пособие / под ред. В.И. Комиссарова. – Саратов : СГАП, 2000.

416. *Тальберг, Д.Г.* Русское уголовное судопроизводство / Д.Г. Тальберг. –Т. 2. – Киев : Товарищество «И.Н. Кушнарев и Ко» в Москве. Киевское отделение, 1891.

417. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть общая / отв. ред. Н.В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1966.

418. Теория доказательств в советском уголовном процессе. Часть особенная / отв. ред. Н.В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1967.

419. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н.В. Жогин. – М. : Юрид. лит., 1973.

420. Теория оперативно-розыскной деятельности : учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. – М. : ИНФРА-М, 2006.

421. *Терзиев, Н.В.* Некоторые вопросы следственного осмотра места происшествия / Н.В. Терзиев. – М. : ВЮЗИ, 1955.

422. *Тимошенко, П.Ю.* Теория и практика следов памяти (идеальных отображений) в расследовании преступлений / П.Ю. Тимошенко, М.В. Салтевский, Ю.В. Жариков ; отв. ред. Р.С. Белкин. – Киев : Украинская академия внутренних дел, 1991.

423. *Томин, В.Т.* Острые углы уголовного судопроизводства / В.Т. Томин. – М. : Юрид. лит., 1991.

424. *Торбин, Ю.Г.* Теория и практика освидетельствования / Ю.Г. Торбин. – СПб. : Питер, 2004.

425. *Торбин, Ю.Г.* Освидетельствование подозреваемого на предварительном следствии : учебное пособие / Ю.Г. Торбин, Е.В. Баранов ; под ред. Г.Г. Зуйкова. – Киев : Киевская ВШ МВД СССР имени Ф.Э. Дзержинского, 1981.

426. *Треушников, М.К.* Судебные доказательства / М.К. Треушников. – М. : Городец, 1997.

427. *Трусов, А.И.* Основы теории судебных доказательств / А.И. Трусов. – М. : Госюриздат, 1960.

428. *Тюхтин, В.С.* Отражение, системы, кибернетика. Теория отражения в свете кибернетики и системного подхода / В.С. Тюхтин. – М. : Наука, 1972.

429. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации : учебник / отв. ред. П.А. Лупинская, Л.А. Воскобитова. – 3-е изд. – М. : Норма, 2013.

430. Уголовно-процессуальное право. Судебное производство : курс лекций / под ред. В.А. Семенцова. – М. : Юрлитинформ, 2010.

431. Уголовный процесс : учебник / под ред. Б.А. Викторова. – М. : Юрид. лит., 1970.

432. Уголовный процесс : учебник для вузов / под общ. ред. А.С. Кобликова. – М. : Норма, 1998.

433. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.П. Божьева. – 3-е изд. – М. : Спарк, 2002.

434. Уголовный процесс : учебник / под ред. С.А. Колосовича, Е.А. Зайцевой. – 2-е изд. – М. : ИМЦ ГУК МВД России, 2003.

435. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов / под ред. К.Ф. Гуценко. – М. : Зерцало, 2005.

436. Уголовный процесс : учебник / под ред. А.П. Гуськовой, А.В. Ендольцевой. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007.

437. Уголовный процесс : учебник / под ред. В.С. Балакшина, Ю.В. Козубенко, А.Д. Прошлякова. – М. : Волтерс Клувер, 2011.

438. *Ульвачева, И.И.* Повторные следственные действия : уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты / И.И. Ульвачева. – Воронеж : Истоки, 2006.

439. *Ульянова, Л.Т.* Оценка доказательств судом первой инстанции / Л.Т. Ульянова. – М : Госюриздат, 1959.

440. *Ульянова, Л.Т.* Предмет доказывания и доказательства в уголовном процессе России / Л.Т. Ульянова. – М. : Городец, 2008.

441. *Фаткуллин, Ф.Н.* Общие проблемы процессуального доказывания / Ф.Н. Фаткуллин. – 2-е изд. – Казань : Казанский госуниверситет, 1976.

442. *Фельдштейн, Г.С.* Лекции по уголовному судопроизводству / Г.С. Фельдштейн. – М. : Типолитография В. Рихтер, 1915.

443. Философия : учебник для вузов / под общ. ред. В.В. Миронова. – М. : Норма, 2005.

444. Философский энциклопедический словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1983.

445. *Фойницкий, И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – 3-е изд. – Т.2 . – СПб. : Сенатская типография, 1910.

446. *Фойницкий, И.Я.* Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – Т. 2. – СПб. : Альфа, 1996.

447. *Фомин, М.А.* Обыск в современном уголовном процессе России : учебно-практическое пособие / М.А. Фомин. – М. : Юрлитинформ, 2006.

448. *Химичева, Г.П.* Досудебное производство по уголовным делам : концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности / Г.П. Химичева. – М. : Экзамен, 2003.

449. *Химичева, О.В.* Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / О.В. Химичева. – М. : ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2004.

450. *Хлынцов, М.Н.* Проверка показаний на месте / М.Н. Хлынцов ; под ред. Д.П. Рассейкина. – Саратов : Саратовский юридический институт имени Д.И. Курского, 1971.

451. *Хмыров, А.А.* Проблемы теории доказывания : учебное пособие / А.А. Хмыров. – Краснодар : Кубанский госуниверситет, 1996.

452. *Хмыров, А.А.* Косвенные доказательства в уголовных делах / А.А. Хмыров. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005.

453. *Хомская, Е.Д.* Нейропсихология : учебник для вузов / Е.Д. Хомская. – 4-е изд. – СПб. : Питер, 2013.

454. *Хэссет, Д.* Введение в психофизиологию / Д. Хэссет ; пер. с англ. И.И. Полетаевой ; под ред. Е.Н. Соколова. – М. : Мир, 1981.

455. *Цветков, П.П.* Предъявление для опознания в советском уголовном процессе / П.П. Цветков. – Л. : ЛГУ имени А.А. Жданова, 1962.

456. *Ципкин, А.Л.* Судебное разбирательство в советском уголовном процессе / А.Л. Ципкин. – Саратов : Саратовский университет, 1962.

457. *Чеджемов, Т.Б.* Судебное следствие / Т.Б. Чеджемов ; отв. ред. В.В. Шубин. – М. : Юрид. лит., 1979.

458. *Чельцов, М.А.* Уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М. : МЮ СССР, 1948.

459. *Чельцов, М.А.* Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М. : Госюриздат, 1951.

460. *Чельцов, М.А.* Советский уголовный процесс / М.А. Чельцов. – М. : Госюриздат, 1962.

461. *Чувилев, А.А.* Особенности преподавания курса уголовного процесса в вузах МВД СССР. Вопросы методики чтения проблемных лекций по особенной части : учебно-методический материал / А.А. Чувилев, Т.Н. Добровольская. – М. : МВШМ, 1986.

462. *Чудинов, Э.М.* Природа научной истины / Э.М. Чудинов. – М. : Либроком, 2010.

463. *Шаламов, М.П.* Осмотр места происшествия / М.П. Шаламов. – М. : ВЮЗИ, 1966.

464. *Шейфер, С.А.* Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе / С.А. Шейфер ; отв. ред. П.А. Лупинская. – М. : ВЮЗИ, 1972.

465. *Шейфер, С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер . – М. : Юрид. лит., 1981.

466. *Шейфер, С.А.* Следственные действия. Система и процессуальная форма / С.А. Шейфер. – М. : Юрлитинформ, 2001.

467. *Шейфер, С.А.* Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение / С.А. Шейфер. – М. : Юрлитинформ, 2004.

468. *Шейфер, С.А.* Доказательства и доказывание по уголовным делам : проблемы теории и правового регулирования / С.А. Шейфер. – М. : Норма, 2008.

469. *Шейфер, С.А.* Досудебное производство в России : этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти / С.А. Шейфер. – М. : Норма, 2013.

470. *Шейфер, С.А.* Собирание доказательств по уголовному делу : проблемы законодательства, теории и практики / С.А. Шейфер. – М. : Норма, 2015.

471. *Шепитько, В.Ю.* Криминалистика : курс лекций / В.Ю. Шепитько. – 3-е изд. – Харьков : Одиссей, 2009.

472. *Шептулин, А.П.* Диалектический метод познания / А.П. Шептулин. – М. : Политиздат, 1983.

473. *Шпилев, В.Н.* Содержание и формы уголовного судопроизводства / В.Н. Шпилев. – Минск : Белорусский госуниверситет имени В.И. Ленина, 1974.

474. *Шундиков, В.Д.* Принцип непосредственности при расследовании и рассмотрении уголовного дела / В.Д. Шундиков. – Саратов : Саратовский университет, 1974.

475. *Юрина, Л.Г.* Контроль и запись переговоров : учебное пособие / Л.Г. Юрина, В.М. Юрин. – М. : Приор, 2002.

476. *Элькинд, П.С.* Толкование и применение норм уголовно-процессуального права / П.С. Элькинд. – М. : Юрид. лит., 1967.

477. *Элькинд, П.С.* Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве / П.С. Элькинд. – Л. : ЛГУ имени А.А. Жданова, 1976.

478. *Эминов, В.Е.* Расследование и предупреждение авиационных происшествий / В.Е. Эминов, Э.К. Саулевич, М.С. Лодысев, В.Д. Кофман ; отв. ред. Н.В. Жогин. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1977.

479. *Якимович, Ю.К.* Судебное производство по УПК Российской Федерации / Ю.К. Якимович, Д.Т. Пан. – СПб. : Юридический центр-Пресс, 2005.

480. *Якимович, Ю.К.* Доказательства и доказывание в уголовном процессе России / Ю.К. Якимович. – Томск: Томский госуниверситет, 2015.

Статьи, тезисы, доклады

481. *Абрамочкин, В.В.* Использование результатов негласных ОРМ в уголовном судопроизводстве: позиция Конституционного Суда РФ / В.В. Абрамочкин // Уголовный процесс. – 2011. – № 1.

482. *Азаров, В.А.* Что мешает эффективному использованию результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании? / В.А. Азаров // Доказывание и принятие решений в современном уголовном судопроизводстве : материалы международной научно-практической конференции, посвященной памяти д-ра юрид. наук, проф. Полины Абрамовны Лупинской. – М. : Элит, 2011.

483. *Азаров, В.А.* Особенности использования следователем результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании должностных преступлений, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел / В.А. Азаров, В.В. Константинов // Российский следователь. – 2013. – № 11.

484. *Акимчев, А.А.* Проблемы реализации принципа неприкосновенности жилища в уголовном судопроизводстве / А.А. Акимчев // Проблемы теории и практики уголовного процесса: история и современность / под ред. В.А. Панюшкина. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2006.

485. *Александров, А.С.* Духless русского уголовно-процессуального права / А.С. Александров // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 1.

486. *Александрова, С.А.* Понятие и система судебных действий в уголовном судопроизводстве Российской Федерации / С.А. Александрова // Вестник Воронежского госуниверситета. – Серия «Право». – 2009. – № 2 (7).

487. *Аленин, А.П.* Виды и система следственных действий / А.П. Аленин // Правоведение. – 2004. – № 1.

488. *Арсеньев, В.Д.* Понятие документов и значение их как доказательств в советском уголовном процессе / В.Д. Арсеньев // Труды Иркутского госуниверситета им. А.А. Жданова. – Т. XIII. – Иркутск : Иркутский госуниверситет, 1955.

489. *Арсеньев, В.Д.* О соотношении гносеологических и юридических аспектов в судебном доказывании по уголовным делам / В.Д. Арсеньев // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе : тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1981.

490. *Арсеньев, В.Д.* К вопросу о предмете и объекте доказывания по уголовным делам / В.Д. Арсеньев // Проблемы доказательственной деятельности по уголовным делам : межвузовский сборник. – Красноярск : КТУ, 1987.

491. *Астафьев, Ю.В.* Методологические основы использования результатов оперативно-розыскной деятельности / Ю.В. Астафьев // Воронежские криминалистические чтения : сборник научных трудов / под ред. О.Я. Баева. – Выпуск 14. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2010.

492. *Астафьев, Ю.В.* Оперативно-розыскной и доказательственный аспект уголовно-процессуального познания / Ю.В. Астафьев // Уголовно-процессуальные и криминалистические средства обеспечения эффективности уголовного судопроизводства : материалы международной научно-практической конференции. – Иркутск : БГУЭП, 2014.

493. *Балакшин, В.С.* К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовным делам / В.С. Балакшин // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 1. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

494. *Багмет, А.М.* Процессуальное значение проведения следственного эксперимента по делам о преступлениях, совершенных медицинскими работниками / А.М. Багмет, Л.И. Черкасова // Российский следователь. – 2014. – № 10.

495. *Бакиров, А.А.* Понятие и признаки следственного действия / А.А. Бакиров // Проблемы уголовного судопроизводства в свете реализации федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2007–2011

годы» : материалы всероссийской научно-практической конференции «Совершенствование публичного управления в сфере реализации приоритетных национальных проектов». – Тюмень : Тюменский госуниверситет, 2008.

496. *Баранова, М.А.* Гарантирует ли ч. 5 ст. 165 УПК РФ конституционное право на неприкосновенность жилища? / М.А. Баранова // Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной. – Т. 2. – М. : МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2009.

497. *Бедняков, И.Л.* Некоторые вопросы осуществления судебного контроля за законностью производства следственного действия в случаях, не терпящих отлагательства / И.Л. Бедняков // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных статей / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара : Самарский госуниверситет, 2008.

498. *Бекетов, М.И.* Вещественные доказательства и «иные документы»: проблемы разграничения в УПК РФ / М.И. Бекетов // Уголовное право. – 2006. – № 3.

499. *Бердышев, А.Н.* Особенности осмотра места авиационного происшествия / А.Н. Бердышев // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 1. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

500. *Бозров, В.М.* Результатам оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе / В.М. Бозров // Российская юстиция. – 2004. – № 4.

501. *Бозров, В.М.* Результатам ОРД – статус доказательств / В.М. Бозров // Законность. – 2004. № 12.

502. *Бозров, В.М.* Контрольная функция суда / В.М. Бозров // Российская юстиция. – 2006. – № 11.

503. *Борисевич, Г.Я.* Документы как доказательства в российском уголовном процессе / Г.Я. Борисевич // СПС «КонсультантПлюс».

504. *Бородинов, В.В.* Судебный контроль как способ предупреждения беспредметного обыска / В.В Бородинов // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы международной научно-практической конференции. – М. : МГЮА, 2007.

505. *Боруленков, Ю.П.* О закономерностях юридического познания в процессуальной деятельности / Ю.П. Боруленков // Мировой судья. – 2014. – № 2.

506. *Боруленков, Ю.П.* К вопросу о понятии «вещественные доказательства» / Ю.П. Боруленков // СПС «КонсультантПлюс».

507. *Быков, В.М.* Фактические основания производства следственных действий по УПК РФ / В.М. Быков // Журнал российского права. – 2005. – № 6.

508. *Быков, В.М.* Правовые основания производства следственных действий по УПК РФ / В.М. Быков // Уголовное право. – 2007. – № 1.

509. *Быков, В.М.* Следователь как участник уголовного процесса со стороны обвинения / В.М. Быков // Законность. – 2012. – № 7.

510. *Быховский, И.Е.* Развитие процессуальной регламентации следственных действий / И.Е. Быховский // Советское государство и право. – 1972. – № 4.

511. *Бычков, В.В.* Система следственных действий в российском уголовно-процессуальном законодательстве / В.В. Бычков // СПС «КонсультантПлюс».

512. *Вазюлин, С.А.* Получение информации о соединениях между абонентами: специфика процедуры / С.А. Вазюлин, В.Ф. Васюков // Уголовный процесс. – 2014. – № 1.

513. *Васяев, А.А.* Исследование в ходе судебного следствия протоколов следственных действий и иных документов / А.А. Васяев // Адвокат. – 2010. – № 11.

514. *Васяев, А.А.* Процессуальный порядок производства освидетельствования в ходе судебного следствия / А.А. Васяев // СПС «КонсультантПлюс».

515. *Володина, Л.М.* Предмет познания и предмет доказывания по уголовному делу / Л.М. Володина // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 3 (4).

516. *Волосюк, П.В.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве / П.В. Волосюк // Юридическая наука. – 2013. – № 1.

517. *Волынская, О.В.* К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях / О.В. Волынская, В.С. Шишкин // СПС «КонсультантПлюс».

518. *Воронцова, С.В.* Роль результатов оперативно-розыскной деятельности в формировании доказательств по уголовному делу / С.В. Воронцова // Российский следователь. – 2010. – № 3.

519. *Воскобитова, Л.А.* Познавательная деятельность суда в уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова // Lex Russica (Научные труды МГЮА). – 2005. – № 1.

520. *Воскобитова, Л.А.* Некоторые особенности познания в уголовном судопроизводстве, противоречащие мифу об истине / Л.А. Воскобитова // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 4 (5).

521. *Воскобитова, Л.А.* Философские аспекты проблем познания в уголовном судопроизводстве / Л.А. Воскобитова // Философские науки. – 2013. – № 12.

522. *Выдря, М.М.* Осмотр судом места происшествия и вещественных доказательств / М.М. Выдря // Советская юстиция. – 1963. – № 14.

523. *Григорьев, В.Н.* О познавательной сущности следственных действий и роли профессора С.А. Шейфера в ее выявлении и исследовании / В.Н. Григорьев // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. – Вып. 5. – Самара : Самарский госуниверситет, 2010.

524. *Григорьева, Н.В.* Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств / Н.В. Григорьева // Российская юстиция. – 1995. – № 2.

525. *Громов, Н.А.* Оценка доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе / Н.А. Громов, В.В. Лисовенко, А.Н. Гущин // Следователь. – 2003. – № 3.

526. *Гуковская, Н.И.* Право суда на производство следственного эксперимента / Н.И. Гуковская // Советская юстиция. – 1958. – № 4.

527. *Гуськова, А.П.* Уголовно-процессуальные средства защиты прав и свобод человека и гражданина посредством реализации судебного контроля / А.П. Гуськова // Обеспечение прав и свобод человека и гражданина : сборник статей по итогам международной научно-практической конференции. – Ч. 4. – Тюмень : Тюменский госуниверситет, 2006.

528. *Долженко, Н.И.* Видеозапись следственного действия как источник доказательственной информации / Н.И. Долженко, С.А. Ожередова // Вестник криминалистики. – 2007. – № 4.

529. *Доля, Е.А.* Оперативная информация: происхождение и соотношение с доказательствами / Е.А. Доля // СПС «КонсультантПлюс».

530. *Доля, Е.А.* Результатам оперативно-розыскной деятельности нельзя придавать статус доказательств в уголовном процессе / Е.А. Доля // Российская юстиция. – 2007. – № 6.

531. *Доля, Е.А.* Источник доказательства в уголовном судопроизводстве / Е.А. Доля // Законность. – 2011. – № 12.

532. *Доля, Е.А.* Результаты оперативно-розыскной деятельности не могут стать содержанием доказательств в уголовном процессе / Е.А. Доля // Государство и право. – 2013. – № 5.

533. *Дорохов, В.Я.* Понятие доказательств в советском уголовном процессе / В.Я. Дорохов // Советское государство и право. – 1964. – № 9.

534. *Дорохов, В.Я.* Понятие источников доказательств / В.Я. Дорохов // Актуальные проблемы доказывания в советском уголовном процессе : тезисы выступлений на теоретическом семинаре, проведенном ВНИИ МВД СССР 27 марта 1981 г. – М. : ВНИИ МВД СССР, 1981.

535. *Драпкин, Л.Я.* Особенности информационного поиска в процессе расследования и тактика следствия / Л.Я. Драпкин // Проблемы повышения эффективности предварительного следствия. – Л. : ЛГУ имени А.А. Жданова, 1976.

536. *Дяблова, Ю.Л.* Место и роль судебной экспертизы в уголовном судопроизводстве / Ю.Л. Дяблова // Материалы международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». – М. : Проспект, 2007.

537. *Елинский, В.И.* Специфика организации и производства осмотра места авиационного происшествия / В.И. Елинский, П.Н. Коткин // Российский следователь. – 2009. – № 20.

538. *Елинский, В.И.* Особенности осмотра места происшествия при расследовании уголовных дел о транспортных происшествиях (крушений и аварий) на железнодорожном транспорте / В.И. Елинский, П.Н. Коткин // Российский следователь. – 2010. – № 14.

539. *Ерик, М.С.* Судебный контроль при производстве следственных действий / М.С. Ерик, С.В.Маслова // Уголовный процесс. – 2012. – № 10.

540. *Жакупов, Б.А.* Разграничение судебных и следственных действий / Б.А. Жакупов // Стратегии уголовного судопроизводства : материалы международной научной конференции, посвященной 160-летней годовщине со дня рождения И.Я. Фойницкого – URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?name=Pages&go=page&pid=269.

541. *Жданова, Я.В.* Несколько слов о единстве познания и доказывания в уголовном процессе / Я.В. Жданова // Ученые записки : сборник научных трудов юридического факультета Оренбургского государственного университета. – Вып. 2. – Т. 2. – Оренбург : Оренбургский госуниверситет, 2005.

542. *Жеребятьев, И.В.* Предмет судебного контроля на досудебных стадиях уголовного судопроизводства / И.В. Жеребятьев // Уголовный процесс. – 2005. – № 10.

543. *Жмурова, Е.С.* Понятие и признаки следственного действия / Е.С. Жмурова // Следователь. – 2003. – № 1.

544. *Зажицкий, В.И.* Об использовании в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2010. – № 7.

545. *Зажицкий, В.И.* Источники в доказательственном праве / В.И. Зажицкий // Государство и право. – 2013. – № 10.

546. *Зайцев, О.А.* Теоретические взгляды профессора С.А. Шейфера на концептуальные проблемы теории доказательств / О.А. Зайцев // Вестник Самарского госуниверситета. – 2014. – № 11/1 (122).

547. *Зайцев, П.П.* Электронный документ как источник доказательств / П.П. Зайцев // Российская юстиция. – 2001. – № 3.

548. *Закатова, О.В.* Протоколы судебного заседания: проблемы и пути их решения / О.В. Закатова // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 3.

549. *Закатова, О.В.* Особенности проверки протоколов следственных действий и судебного заседания / О.В. Закатова // Актуальные проблемы уголовной политики в Российской Федерации : материалы II Ежегодной Всероссийской научно-практической конференции. – Брянск : Брянский госуниверситет, 2011.

550. *Зашляпин, Л.А.* Судебные действия следственного характера как научная метафора / Л.А. Зашляпин // Бюллетень Международной ассоциации содействия правосудию. – 2011. – № 1 (5).

551. *Земскова, А.В.* Актуальные вопросы применения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации / А.В. Земскова // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения : материалы межведомственного круглого стола / под ред. О.А. Галустьяна, О.И. Цоколовой. – М. : МосУ МВД России, 2003.

552. *Зуев, С.В.* Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств / С.В. Зуев // Уголовное право. – 2007. – № 3.

553. *Кальницкий, В.В.* УПК РФ не обеспечивает процессуальную независимость суда / В.В. Кальницкий // Новый уголовно-процессуальный закон: теория и практика применения : материалы межведомственного круглого стола / под ред. О.А. Галустьяна, О.И. Цоколовой. – М. : ВНИИ МВД России, 2003.

554. *Кальницкий, В.В.* «Санкционирование» и проверка судом законности следственных действий в ходе досудебного производства не эффективны / В.В. Кальницкий // Уголовное право. – 2004. – № 1.

555. *Кальницкий, В.В.* Развитие уголовно-процессуальной формы вступает в противоречие с основами доказательственного права / В.В. Кальницкий // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 1. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

556. *Кальницкий, В.В.* Вопросы правовой регламентации следственных действий на современном этапе / В.В. Кальницкий // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2.

557. *Карагодин, В.Н.* Осмотр места происшествия, обыск или выемка? / В.Н. Карагодин // Российский юридический журнал. – 2012. – № 5.

558. *Князьков, А.С.* Признаки и система следственных действий / А.С. Князьков // Вестник Томского госуниверситета. – 2011. – № 352.

559. *Кореневский, Ю.В.* Установление противоречий в доказательствах / Ю.В. Кореневский // Советская юстиция. – 1992 . – № 4.

560. *Корчагин, А.Ю.* О тактике судебного осмотра / А.Ю. Корчагин // Российская юстиция. – 2006. – № 11.

561. *Костенко, Р.В.* Содержание и форма иных документов как доказательств в уголовном процессе / Р.В. Костенко // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 1. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

562. *Костюков, А.В.* Понятие «судебное действие» в уголовном судопроизводстве России / А.В. Костюков // Вестник Удмуртского университета. – 2014. – № 2–1.

563. *Кругликов, А.П.* Неотложные следственные действия / А.П. Кругликов // Уголовное право. – 2004. – № 3.

564. *Кудрявцева, А.В.* Исследование доказательств в суде апелляционной инстанции в свете теории следственных (судебных) действий познавательного характера / А.В. Кудрявцева // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2.

565. *Кузин, Е.Б.* К вопросу об открытости перечня судебных действий следственного характера / Е.Б. Кузин // Вестник Южно-Уральского госуниверситета. – 2011. – № 27 (244).

566. *Кузнецов, А.Н.* Истребование и представление предметов и документов как способы собирания доказательств в уголовном процесс / А.Н. Кузнецов // Российское правовое государство: итоги формирования и перспективы развития : материалы Всероссийской научно-практической конференции / под ред. Ю.Н. Старилова. – Ч. 5. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2004.

567. *Кузнецов, Н.П.* Право защитника собирать доказательства: сущность и пределы / Н.П. Кузнецов, С.Н. Дадонов // СПС «КонсультантПлюс».

568. *Кукарникова, Т.Э.* Документы и иные документы как источники судебных доказательств / Т.Э. Кукарникова // 50 лет в криминалистике. К 80-летию со дня рождения Р.С. Белкина : материалы Международной научной конференции. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2002.

569. *Куприянов, А.А.* Частных детективов «пропишут» в УПК / А.А. Куприянов // Уголовный процесс. – 2014. – № 11.

570. *Лазарева, В.А.* Состязательность и доказывание в уголовном процессе / В.А. Лазарева // Уголовное право. – 2007. – № 3.

571. *Лапин, Е.С.* Технология получения информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами при расследовании преступлений против интеллектуальной собственности / Е.С. Лапин // СПС «КонсультантПлюс».

572. *Ларин, Е.Г.* Профессор А.А. Чувилев о понятии и признаках следственного действия / Е.Г. Ларин // Актуальные проблемы уголовного процесса в трудах профессора А.А. Чувилева : сборник статей. – Омск : Омская академия МВД России, 2001.

573. *Леонова, О.В.* Использование данных, полученных в процессе частности детективной деятельности, в целях доказывания по уголовному делу / О.В. Леонова // Правовые формы и эффективность доказывания по уголовным делам

: межвузовский сборник научных статей. – Самара : Самарский госуниверситет, 1996.

574. *Литвинова, И.Ф.* Обеспечение неприкосновенности жилища при проведении обыска / И.Ф. Литвинова // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : МГЮА, 2007.

575. *Лупинская, П.А.* Доказательства и доказывание в новом уголовном процессе / П.А. Лупинская // Российская юстиция. – 2002. – № 7.

576. *Лупинская, П.А.* Высокое политическое значение уголовного судопроизводства / П.А. Лупинская // Lex Russica (Научные труды МГЮА). – 2008. – № 2.

577. *Лупинская, П.А.* Высокое политическое значение уголовного судопроизводства : выступление на международной научной конференции, «Стратегии уголовного судопроизводства», посвященной 160-летней годовщине со дня рождения профессора И.Я. Фойницкого / П.А. Лупинская // URL: http://www.iuaj.net/1_oldmasp/modules.php?go=page&name=Pages&pid=403.

578. *Мазунин, Я.М.* Использование результатов ОРД в доказывании нуждается в законодательной регламентации / Я.М. Мазунин // Инновационное образование и экономика. – 2010. – № 7. – Т. 1.

579. *Макарова, З.В.* Доказательства в уголовном судопроизводстве / З.В. Макарова // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 2. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

580. *Макарьин, А.А.* Проблемы производства освидетельствования при расследовании преступлений / А.А. Макарьин, С.А. Ялышев // Российский следователь. – 2013. – № 23.

581. *Манова, Н.С.* Еще раз о понятии следственного действия / Н.С. Манова // Право, законодательство, личность. – 2012. – № 1(14).

582. *Матвеев, М.М.* Контроль и запись телефонных и иных переговоров: понятие и содержание / М.М. Матвеев // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 2. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

583. *Матвиенко, И.В.* Основные проблемы производства следственных действий в жилище и пути их решения / И.В. Матвиенко // Проблемы современного состояния и пути развития органов предварительного следствия (к 150-летию образования следственного аппарата в России) : сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции. – Ч. 1. – М. : Академия управления МВД России, 2010.

584. *Михайловская, И.Б.* Соотношение судебных и следственных доказательств / И.Б. Михайловская // Государство и право. – 2006. – № 9.

585. *Насонов, С.А.* Криминалистическое наблюдение как метод собирания ориентирующей информации по уголовным делам / С.А. Насонов, В.А. Образцов, Т.Ю. Рзаев // Труды Московской государственной юридической академии. – М. : Юристъ. – 1997. – № 2.

586. *Наумов, А.М.* Следственный эксперимент в суде как средство разрешения сомнений / А.М. Наумов // Уголовный процесс. – 2013. – № 4 (100).

587. *Неупокоева, И.А.* Некоторые особенности осмотра места авиационного происшествия / И.А. Неупокоева // Законодательство и практика. – 2014. – № 2(33).

588. *Новиков, С.А.* Проверка показаний на месте: проблемы правового регулирования / С.А. Новиков // Российский следователь. – 2010. – № 2.

589. *Нуркаева, М.К.* Возникновение доказательств по УПК РФ / М.К. Нуркаева // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 2. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

590. *Ожередова, С.А.* Улика на пленке / С.А. Ожередова // СПС «КонсультантПлюс».

591. *Палий, В.М.* Проблемы уголовно-процессуальной адаптации результатов, полученных в ходе производства по административным правонарушениям / В.М. Палий // Уголовно-процессуальное доказывание и другие актуальные проблемы досудебного производства : сборник научных статей преподавателей, аспирантов (адъюнктов), соискателей и студентов / под ред. О.В. Гладышевой, В.А. Семенцова. – Краснодар, Кубанский госуниверситет, 2010.

592. *Пашин, С.А.* Доказательства в российском уголовном процессе / С.А. Пашин // Состязательное правосудие : труды научно-практических лабораторий. – Вып. 1. – Ч. 2. – М. : Международный комитет содействия правовой реформе, 1996.

593. *Петрухин, И.Л.* Судебная власть и расследование преступлений / И.Л. Петрухин // Государство и право. – 1993. – № 7.

594. *Петрухин, И.Л.* Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью / И.Л. Петрухин // Уголовное право. – 2007. – № 2.

595. *Писарев, Е.В.* Информационное содержание процесса доказывания / Е.В. Писарев // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. – Вып. 5. – Самара : Самарский госуниверситет, 2010.

596. *Погорецкий, Н.А.* Использование материалов оперативно-розыскной деятельности для получения доказательств в уголовном процессе / Н.А. Погорецкий // Эволюция уголовного судопроизводства на постсоветском пространстве : материалы Международной научно-практической конференции. – Кн. 2. – Киев : Университет «КРОК», 2006.

597. *Подольный, Н.А.* Аудиозапись исключит фальсификацию протокола судебного заседания / Н.А. Подольный // Российская юстиция. – 2002. – № 8.

598. *Полуянова, Е.В.* Производство следственных действий в стадии судебного разбирательства / Е.В. Полуянова // Российский следователь. – 2007. – № 4.

599. *Пржиленский, В.И.* Юриспруденция, философия и поиски объективной истины: проблемы институционализации одного философского понятия / В.И. Пржиленский // Lex Russica (Научные труды МГЮА имени О.Е. Кутафина). – 2013. – № 4.

600. *Резцов, А.В.* Информация о соединениях между абонентами сотовой связи при установлении обстоятельств совершенного преступления / А.В. Резцов // СПС «КонсультантПлюс».

601. *Россинский, С.Б.* Процессуальные комбинации: понятие и сущность / С.Б. Россинский // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 2. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

602. *Россинский, С.Б.* Задержание подозреваемого как процессуальная комбинация / С.Б. Россинский // Фундаментальные и прикладные проблемы управления расследованием преступлений : материалы межвузовской научно-практической конференции к 50-летнему юбилею кафедры управления органами расследования преступлений Академии управления МВД России. – Т. 1. – М. : Академия управления МВД России, 2005.

603. *Россинский, С.Б.* Уголовно-процессуальная форма: понятие и тенденции развития / С.Б. Россинский // Вестник Оренбургского госуниверситета. – 2006. – № 3.

604. *Россов, С.Л.* Информация и судебные доказательства / С.Л. Россов // Российский следователь. – 2004. – № 3.

605. *Сапожков, Н.Г.* О сущности следственного эксперимента и необходимости уточнения формулировки статьи 181 УПК РФ / Н.Г. Сапожков // СПС «КонсультантПлюс».

606. *Свиридов, М.К.* Соотношение функций разрешения уголовных дел и судебного контроля в деятельности суда / М.К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей / под ред. Ю.К. Якимовича. – Вып. 7. – Томск : Томский госуниверситет, 2001.

607. *Свиридов, М.К.* Природа судебного контроля за предварительным расследованием / М.К. Свиридов // Вестник Томского госуниверситета. – 2008. – № 311.

608. *Свиридов, М.К.* Установление судом истины в судебном разбирательстве / М.К. Свиридов // Вестник Томского госуниверситета. – Серия «Право». – 2012. – № 2 (8).

609. *Семенцов, В.А.* Истребование и представление как способы собирания доказательств при досудебном производстве по уголовному делу / В.А. Семенцов // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства : материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции / под ред. В.Я. Кикотя. – М. : МосУ МВД России, 2004.

610. *Семенцов, В.А.* Судебный контроль при производстве следственных действий / В.А. Семенцов // Российский судья. – 2005. – № 12.

611. *Семенцов, В.А.* Актуальные проблемы института следственных действий в досудебном производстве / В.А. Семенцов // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : МГЮА, 2007.

612. *Семенцов, В.А.* Процессуальный порядок закрепления и использования в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности / В.А. Семенцов // Уголовный процесс. – 2008. – № 5.

613. *Семенцов, В.А.* Формирование доказательств в структуре уголовно-процессуального доказывания / В.А. Семенцов // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара : Самарский госуниверситет, 2010.

614. *Семенцов, В.А.* Новое следственное действие – проверка показаний на полиграфе / В.А. Семенцов // Российский юридический журнал. – 2010. – № 5.

615. *Семенцов, В.А.* О соотношении следственных действий и иных процессуальных действий, предназначенных для собирания доказательств / В.А. Семенцов // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2.

616. *Семенцов, В.А.* Закрепление доказательств в уголовном судопроизводстве / В.А. Семенцов, О.В. Гладышева // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 2.

617. *Симак, А.И.* Производство освидетельствования в суде / А.И. Симак // Общество и право. – 2009. – № 2.

618. *Смирнов, А.В.* Что считать вещественным доказательством / А.В. Смирнов // Уголовный процесс. – 2011. – № 4.

619. *Смолькова, И.В.* Допрос оперативных сотрудников в суде и его доказательственное значение / И.В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сборник научных трудов. – Вып. 1 (4). – Иркутск: БГУЭП, 2013.

620. *Смолькова, И.В.* Контроль и запись телефонных переговоров как следственное действие / И.В. Смолькова // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения : сборник научных трудов. – Вып. 1 (5). – Иркутск: БГУЭП, 2014.

621. *Соколов, Ю.Н.* Информационные технологии как альтернативные средства фиксации при производстве следственных действий / Ю.Н. Соколов // Российская юстиция. – 2010. – № 6.

622. *Соловьев, А.Б.* Следственные действия как процессуальное средство получения и проверки доказательств / А.Б. Соловьев // Актуальные проблемы совершенствования производства следственных действий : сборник научных трудов. – Ташкент : Ташкентская ВШ МВД СССР, 1982.

623. *Соловьев, А.Б.* Обеспечение обоснованности проведения осмотра в жилище, обыска и выемки в жилище в исключительных случаях, не терпящих отлагательства / А.Б. Соловьев // Уголовное право. – 2004. – № 2.

624. *Соловьев, А.Б.* Обеспечение следователем законности и обоснованности производства осмотра жилища, обыска и выемки в жилище в порядке ч. 5

ст. 165 УПК РФ / А.Б. Соловьев // Конституционная защита граждан от преступных посягательств, реализуемая нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства : материалы Всероссийской межведомственной научно-практической конференции / под ред. В.Я. Кикотя. – М. : МосУ МВД России, 2004.

625. *Стельмах, В.Ю.* Правовая природа, участники и процессуальный порядок проверки показаний на месте / В.Ю. Стельмах // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2014. – № 3 (29).

626. *Стельмах, В.Ю.* Понятие и отличительные признаки следственных действий / В.Ю. Стельмах // СПС «КонсультантПлюс».

627. *Степанов, К.В.* Проблема существенности нарушений закона при осуществлении судебного контроля за досудебным производством / К.В. Степанов // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства и практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : МГЮА, 2007.

628. *Сычева, О.А.* О некоторых вопросах производства следственного эксперимента в судебном заседании / О.А. Сычева // Российский судья. – 2007. – № 9.

629. *Сычева, О.А.* Некоторые вопросы тактики осмотра документов в судебном заседании по уголовному делу / О.А. Сычева // Законодательство. – 2007. – № 9.

630. *Татьянина, Л.Г.* Освидетельствование как следственное действие / Л.Г. Татьянина // Российский следователь. – 2004. – № 1.

631. *Татьянина, Л.Г.* Судебное санкционирование как форма реализации судебной власти в уголовном судопроизводстве / Л.Г. Татьянина // Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции Российской Федерации / под ред. И.М. Мацкевича, Е.С. Шугриной. – Т. 2. – М. : МГЮА имени О.Е. Кутафина, 2009.

632. *Титов, П.С.* Понятие следственного действия и его признаки / П.С. Титов // Российский следователь. – 2013. – № 14.

633. *Ткачева, Н.В.* Пределы применения принуждения при производстве некоторых следственных действий / Н.В. Ткачева // Актуальные проблемы уголовного судопроизводства: вопросы теории, законодательства, практики применения (к 5-летию УПК РФ) : материалы Международной научно-практической конференции. – М. : МГЮА, 2007.

634. *Трухин, С.Н.* Надлежащие доказательства как основание для разрешения судом следственных действий, ограничивающих конституционные права граждан / С.Н. Трухин // Уголовное право. – 2012. – № 6.

635. *Туленков, Д.П.* Особенности познавательной деятельности в уголовном судопроизводстве / Д.П. Туленков // Российский следователь. – 2012. – № 20.

636. *Тумаков, С.И.* Проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовно-процессуальном доказывании / С.И. Тумаков // Пятьдесят лет кафедре уголовного процесса УрГЮА (СЮИ) : материалы Международной научно-практической конференции, г. Екатеринбург, 27–28 января 2005 г. – Ч. 2. – Екатеринбург : Уральский университет, 2005.

637. *Умаханов, С.Б.* Понятие иных документов как вида доказательств в уголовном судопроизводстве / С.Б. Умаханов // Российский следователь. – 2013. – № 3.

638. *Утарбаев, А.К.* Принцип неприкосновенности жилища, его содержание и гарантии / А.К. Утарбаев // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных статей / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара : Самарский госуниверситет, 2008.

639. *Фомин, М.А.* Протокол судебного заседания: «прошу данный вопрос и ответ на него отразить дословно» / М.А. Фомин // Российская юстиция. – 2003. – № 11.

640. *Фомин, М.А.* Результаты ОРД как доказательства: критерии допустимости / М.А. Фомин // Уголовный процесс. – 2011. – № 1.

641. *Францифоров, Ю.В.* Особенности классификации следственных действий / Ю.В. Францифоров // Российский следователь. – 2010. – № 24.

642. *Хайдаров, А.А.* К вопросу о понятии и классификации судебных действий, осуществляемых в ходе судебного следствия / А.А. Хайдаров // Черные дыры в российском законодательстве. – 2012. – № 5.

643. *Хайдаров, А.А.* Следственно-судебные действия: проблемы регламентации / А.А. Хайдаров // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 2.

644. *Чупахин, Р.В.* Осмотр места происшествия по делам о взяточничестве: теоретические и прикладные аспекты / Р.В. Чупахин // Российский следователь. – 2006. – № 3.

645. *Шамардин, А.А.* К вопросу об использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании / А.А. Шамардин // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. – Вып. 9. – Оренбург, 2008.

646. *Шейфер, С.А.* О возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в доказывании по уголовному делу / С.А. Шейфер // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : сборник научных статей / под ред. В.А. Лазаревой. – Самара : Самарский госуниверситет, 2005.

647. *Шейфер, С.А.* Место экспертизы в системе средств уголовно-процессуального познания / С.А. Шейфер // Материалы Международной научно-практической конференции «Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях». – М. : Проспект, 2007.

648. *Шейфер, С.А.* Формирование доказательств по уголовному делу – реальность доказательственной деятельности или научная фантазия? / С.А. Шейфер // Российская юстиция. – 2009. – № 4.

649. *Шейфер, С.А.* Трансформация правового регулирования и научных представлений о системе следственных действий / С.А. Шейфер // Вестник Самарского госуниверситета. – 2014. – № 11/1 (122).

650. *Шейфер, С.А.* Система следственных действий: каковы пути ее развития / С.А. Шейфер // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2015. – № 2.

651. *Шергин, Г.Н.* Использование результатов ОРД в уголовно-процессуальном судопроизводстве / Г.Н. Шергин // Российский следователь. – 2011. – № 11.

652. *Шурухнов, Н.Г.* Классификация следственных действий, предусмотренных Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации / Н.Г. Шурухнов // Актуальные проблемы современного уголовного процесса России : межвузовский сборник научных трудов / под ред. В.А. Лазаревой. –Вып. 5. – Самара : Самарский госуниверситет, 2010.

Диссертации, авторефераты диссертаций

653. *Агибалова, В.О.* Процессуальные и иные документы как источники доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук / В.О. Агибалова. – Краснодар : Краснодарский юридический институт МВД России, 2003.

654. *Агидамова, Г.З.* Следственные действия, проводимые по судебному решению и с санкции прокурора : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Г.З. Агидамова. – Челябинск : Южно-Уральский госуниверситет, 2004.

655. *Александрова, С.А.* Судебные действия, осуществляемые судом первой инстанции в уголовном судопроизводстве России: понятие, виды, процессуальные режим : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Александрова. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 2010.

656. *Ананенко, И.В.* Допустимость протоколов следственных действий: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Ананенко. – Краснодар : Краснодарская академия МВД России, 2005.

657. *Анищик, О.О.* Средства закрепления хода и результатов следственных действий и их доказательственное значение : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.О. Анищик. – Самара : Самарский госуниверситет, 2002.

658. *Ароцкер, Л.Е.* Криминалистические методы в судебном разбирательстве уголовных дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Л.Е. Ароцкер. – М. : Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1965.

659. *Арсеньев, В.Д.* Доказывание фактических обстоятельств дела в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.Д. Арсеньев – М. : МГУ им. М.В. Ломоносова, 1967.

660. *Бецуков, А.З.* Документы как источник доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере экономики: процессуальные и криминалистические аспекты (по материалам Северо-Кавказского региона) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.З. Бецуков. – Краснодар : КубГУ, 1999.

661. *Бозров, В.М.* Процессуальные, криминалистические и психологические аспекты судебного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.М. Бозров. – Свердловск : СЮИ, 1991.

662. *Бочинин, С.А.* Следственные действия как способы собирания доказательств в досудебном производстве : дис. ... канд. юрид. наук / С.А. Бочинин. – Хабаровск : Хабаровский пограничный институт ФСБ России, 2014.

663. *Василенко, В.П.* Исследование доказательств на предварительном следствии : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.П. Василенко. – М. : Академия МВД СССР, 1978.

664. *Васин, В.В.* Уголовно-процессуальное познание судом первой инстанции обстоятельств уголовного дела : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Васин. – Томск : Томский госуниверситет, 2006.

665. *Васяев, А.А.* Исследование доказательств в ходе судебного следствия в суде первой инстанции в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Васяев. – Саранск : Мордовский госуниверситет имени Н.П. Огарева, 2008.

666. *Веселова, Ю.А.* Протоколирование и дополнительные методы фиксации доказательств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид.

наук / Ю.А. Веселова. – СПб. : Санкт-Петербургский институт Генеральной прокуратуры РФ, 2005.

667. *Волкодаев, Н.Ф.* Судебное следствие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Ф. Волкодаев. – Саратов : СЮИ имени Д.И. Курского, 1968.

668. *Воскобитова, Л.А.* Механизм реализации судебной власти посредством уголовного судопроизводства : дис. ... д-ра юрид. наук / Л.А. Воскобитова. – М. : МГЮА, 2004.

669. *Воронина, Л.В.* Протоколы и иные документы как источники доказательств в советском уголовном процессе (по материалам Казахской ССР) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.В. Воронина. – Л. : ЛГУ имени А.А. Жданова, 1987.

670. *Герасимов, И.Ф.* Теоретические проблемы раскрытия преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.Ф. Герасимов. – М. : Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности, 1979.

671. *Глобенко, О.А.* Показания обвиняемого в современном российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Глобенко. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2007.

672. *Голубятников, С.П.* Учетные документы как доказательства при расследовании хищений государственного и общественного имущества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.П. Голубятников. – М. : ВНИИ Прокуратуры СССР, 1965.

673. *Гочияев, М.К.* Судебное следствие как объективная основа законного и основанного приговора : дис. ... канд. юрид. наук / М.К. Гочияев. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2006.

674. *Гришина, Е.Б.* Показания в системе видов доказательств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Б. Гришина. – Орел : Орловский юридический институт МВД РФ, 2010.

675. *Гулкевич, З.Т.* Теоретические вопросы и практика документирования следственных действий (процессуальное и криминалистическое исследование)

: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / З.Т. Гулкевич. – Киев : Киевский госуниверситет имени Т.Г. Шевченко, 1985.

676. *Гусаков, А.Н.* Следственные действия и тактические приемы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Гусаков. – М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1973.

677. *Домбровский, Р.Г.* Познание и доказывание в расследовании преступлений : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р.Г. Домбровский. – Киев : Киевский госуниверситет имени Т.Г. Шевченко, 1990.

678. *Доступов, Г.Г.* Информационно-доказательственный процесс и психологически основы деятельности следователя : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Г.Г. Доступов. – СПб. : СПбГУ, 1992.

679. *Зеликсон, Э.С.* Доказывание как деятельность субъектов уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Э.С. Зеликсон. – Алма-Ата : Казахский госуниверситет имени С.М. Кирова, 1973.

680. *Зинец, Р.А.* Судебный контроль в стадии предварительного расследования: процессуальные и организационные аспекты : дис. ... канд. юрид. наук / Р.А. Зинец. – Волгоград : Волгоградская академия МВД России, 2005.

681. *Игнатьев, Д.Б.* Документы как доказательства по делам о налоговых преступлениях : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.Б. Игнатьев.– Краснодар : Кубанский госуниверситет, 2001.

682. *Камышин, В.А.* Иные документы как «свободное» доказательство в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Камышин. – Ижевск : Удмуртский госуниверситет, 1998.

683. *Карабанова, Т.Н.* Судебное следствие в уголовном процессе Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Т.Н. Карабанова. – М. : РУДН, 2008.

684. *Ковтун, Н.Н.* Судебный контроль в уголовном судопроизводстве России: понятие, сущность, формы : дис. ... д-ра юрид. наук / Н.Н. Ковтун. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2002.

685. *Колесов, О.М.* Письменные доказательства в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.М. Колесов. – Н. Новгород : Нижегородский госуниверситет имени Н.И. Лобачевского, 2006.

686. *Комиссаренко, Е.С.* Следственные действия в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / Е.С. Комиссаренко. – Саратов : СЮИ МВД России, 2005.

687. *Копьева, А.Н.* Документы как доказательства в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Н. Копьева. – М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1969.

688. *Костенко, Р.В.* Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Р.В. Костенко. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2006.

689. *Кузнецов, Н.П.* Доказывание и его особенности на стадиях уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н.П. Кузнецов. – Воронеж : Воронежский госуниверситет, 1998.

690. *Кудин, Ф.М.* Производные доказательств и их источники в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ф.М. Кудин. – Свердловск : СЮИ, 1967.

691. *Кудрявцева, А.В.* Судебная экспертиза как институт уголовно-процессуального права : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Кудрявцева. – СПб. : СПбУ МВД России, 2001.

692. *Кузин, Е.Б.* Совершенствование системы судебных действий следственного характера в целях обеспечения правосудия : дис. ... канд. юрид. наук / Е.Б. Кузин. – Челябинск : Южно-Уральский госуниверситет, 2011.

693. *Левеев, Ю.Е.* Правовые и нравственно-этические аспекты доказывания в досудебном производстве уголовного процесса России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Е. Левеев. – М. : Российская таможенная академия, 2012.

694. *Лихачева, Е.Ю.* Правообеспечительная роль правосудия в досудебном производстве по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е.Ю. Лихачева. – Саратов : СГАП, 2005.

695. *Маркелов, А.Г.* Иные документы как доказательства в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Г. Маркелов. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2004 г.

696. *Маркс, Н.А.* Освидетельствование при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Маркс. – Свердловск : СЮИ, 1980.

697. *Миленин, Ю.Н.* Аудио- и видеодокументы как доказательства в уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Ю.Н. Миленин. – Орел : Орловский юридический институт МВД России, 2009.

698. *Орлов, А.В.* Конституционные нормы, обеспечивающие обвиняемому право на защиту в российском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Орлов. – Саратов : СЮИ МВД России, 2004.

699. *Плашевская, А.А.* Собирание судом доказательств при рассмотрении дела по первой инстанции в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Плашевская. – Томск : Томский госуниверситет, 2006.

700. *Победкин, А.В.* Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук / А.В. Победкин. – М. : МосУ МВД России, 2005.

701. *Попов, В.Ф.* Судебное следствие: проблемы оптимизации : дис. … канд. юрид. наук / В.Ф. Попов. – Н. Новгород : Нижегородский ЮИ МВД, 1998.

702. *Попова, Н.А.* Вещественные доказательства: собирание, представление и использование их в доказывании : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Попова. – Саратов : СЮИ МВД РФ, 2007.

703. *Романов, В.И.* Процессуальные, тактические и этические вопросы применения научно-технических средств при расследовании преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.И. Романов. – Казань : Казанский госуниверситет имени В.И. Ульянова-Ленина, 1997.

704. *Россинский, С.Б.* Производство обыска в форме специальной операции : дис. ... канд. юрид. наук / С.Б. Россинский. – М. : ЮИ МВД РФ, 2002.

705. *Рябкова, О.В.* Судебный контроль на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Рябкова. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2003.

706. *Сабиров, Х.А.* Протоколы следственных и судебных действий как вид доказательств в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Х.А. Сабиров. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет, 2000.

707. *Савенко, О.В.* Протоколы следственных действий и судебного заседания как доказательства по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук / О.В. Савенко. – Брянск : Брянский госуниверситет имени академика И.Г. Петровского, 2014.

708. *Селедкина, Н.А.* Судебное следствие в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Селедкина. – Екатеринбург : УрГЮА, 2005.

709. *Семенов, В.В.* Процессуальные и криминалистические проблемы использования невербальной информации на досудебных стадиях уголовного судопроизводства : дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Семенов. – Саратов : СЮИ МВД России, 2003.

710. *Семенцов, В.А.* Видео- и звукозапись в доказательственной деятельности следователя : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Семенцов. – Екатеринбург, УрГЮА, 1994.

711. *Семилетов, С.И.* Документы и документооборот как объекты правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.И. Семилетов. – М. : ИГП РАН, 2003.

712. *Серебров, Д.О.* Судебный контроль за законностью и обоснованностью производства следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы личности : дис. ... канд. юрид. наук / Д.О. Серебров. – Н. Новгород : Нижегородская академия МВД России, 2004.

713. *Симак, А.И.* Криминалистическое обеспечение судебного следствия по уголовным делам : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.И. Симак. – Ростов н/Д : Ростовский юридический институт МВД России, 2013.

714. *Соколов, А.Ф.* Протоколы следственных действий как доказательства в советском уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.Ф. Соколов. – Саратов : СЮИ имени Д.И. Курского, 1982.

715. *Солодилов, А.В.* Судебный контроль за проведением следственных действий и решениями прокурора и органов расследования, ограничивающими конституционные права и свободы граждан в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук / А.В. Солодилов. – Томск : Томский госуниверситет, 1999.

716. *Стельмах, В.Ю.* Получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами как следственное действие : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Ю. Стельмах. – Екатеринбург : Уральский юридический институт МВД России, 2013.

717. *Сысков, В.Л.* Доказательственная деятельность суда первой инстанции по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук / В.Л. Сысков. – Челябинск : ЮУрГУ, 2006.

718. *Сычева, О.А.* Тактика судебного следствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.А. Сычева. – Саратов : СГАП, 2009.

719. *Татаров, Л.А.* Методические и методологические проблемы доказывания обстоятельств преступления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Л.А. Татаров. – Ростов н/Д : Ростовский юридический институт МВД России, 2007.

720. *Финогенов, Н.А.* Фиксация вербальной информации: процессуальный и криминалистический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.А. Финогенов. – Саратов : СГАП, 2010.

721. *Фоков, А.П.* Проблемы судебного контроля за исполнением законов на стадии предварительного расследования (сравнительный анализ российского и французского законодательств) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.П. Фоков. – М. : НИИ Генпрокуратуры России, 2000.

722. *Хижняк, Д.С.* Процессуальные и криминалистические проблемы развития тактики следственных действий (теоретический аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Д.С. Хижняк. – Саратов : СГАП, 2003.

723. *Царёва, Н.П.* Иные документы, допускаемые в качестве доказательств по УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук / Н.П. Царёва. – Саратов : СЮИ МВД России, 2003.

724. *Цомая, С.Д.* Правовое регулирование и доказательственное значение применения научно-технических средств в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / С.Д. Цомая. – М. : Академия управления МВД России, 2007.

725. *Чаднова, И.В.* Проверка и уточнение показаний на месте : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Чаднова. – Томск : Томский госуниверситет, 2003.

726. *Чепурная, И.В.* Судебный контроль в досудебном уголовном производстве : дис. ... канд. юрид. наук / И.В. Чепурная. – М. : Российская таможенная академия, 2005.

727. *Черкасова, Н.Ю.* Исследование доказательств в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук / Н.Ю. Черкасова. – Самара : Самарский госуниверситет, 1993.

728. *Чистякова, О.П.* Проблема активности суда в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / О.П. Чистякова. – М. : МГЮА, 1997.

729. *Чувилев, А.А.* Использование следователем оперативно-розыскной информации в стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.А. Чувилев. – М. : Академия МВД СССР, 1986.

730. *Шабалин, В.Е.* Документальная фиксация доказательств (криминалистический и процессуальный аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.Е. Шабалин. – М. : МГУ имени М.В. Ломоносова, 1975.

731. *Шадрин, В.С.* Обеспечение прав личности при расследовании преступлений : дис. ... д-ра юрид. наук / В.С. Шадрин. – Волгоград : Волгоградский юридический институт МВД России, 1997.

732. *Шептунова, Х.П.* Право личности на неприкосновенность жилища в уголовном судопроизводстве : отечественный опыт и международные стандарты : дис. ... канд. юрид. наук / Х.П. Шептунова. – Оренбург : Оренбургский госуниверситет, 2008.

733. *Шишкин, В.С.* Документы в доказывании при производстве по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук / В.С. Шишкин. – М. : МосУ МВД России, 2012.

734. *Яблоков, В.А.* Реализация судебной власти на досудебных стадиях уголовного процесса России : дис. ... канд. юрид. наук / В.А. Яблоков. – Самара : Самарский госуниверситет, 2001.

Электронные ресурсы

735. Официальный сайт Конституционного Суда РФ – URL: http://www.ksrf.ru/.

736. Официальный сайт Верховного Суда РФ – URL: http://www.vsrf.ru/.

737. Официальный сайт Московского городского суда – URL: http://www.mos-gorsud.ru/.

738. Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ – URL: http://genproc.gov.ru/.

739. Официальный сайт Следственного комитета РФ – URL: http://www.sledcom.ru/.

740. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ – URL: http://www.cdep.ru/.

741. Государственная автоматизированная система РФ «Правосудие» – URL: http://www.sudrf.ru/.

742. Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

743. Справочно-правовая система «Право.ru» – URL: http://docs.pravo.ru/

744. Электронная психологическая энциклопедия – URL: http://mirslovarei.com/content_psy/percept-27454.html#ixzz2aRt2blRy.

745. Официальный сайт Института философии РАН – URL: http://iph.ras.ru/.